

Венгеро-российский культурно-просветительский фонд
«Dialogorum»

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА: ПРОСТРАНСТВО ИГРЫ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Венгеро-российский культурно-просветительский фонд
«Dialogorum»

**Политика и культура:
пространство игры**

Сборник научных статей

Будапешт — Киров
2020

УДК 304.42(076)
ББК 65/67
П50

Рецензенты: *А. В. Костина* — доктор культурологии, доктор философских наук, профессор (Москва);
Г. С. Мельник — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия:

Руководитель проекта — *Н. Зария* (Венгрия);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор (Россия) — ответственный редактор;

Л. Д. Лесничкова, доктор филологии, доцент (Болгария);

В. А. Сидоров, доктор философских наук, профессор (Россия);

Ф. Ф. Яхин, кандидат юридических наук (Россия)

П50 Политика и культура: пространство игры : сборник научных статей. — Будапешт : Изд-во Selmeczi Bt. ; Киров : ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2020. — 243 с.

ISBN 978-5-6044635-1-2

Материалы сборника охватывают различные стороны, связанные с игровым пространством политической культуры, которое авторы — ученые, политики, представители профильных научных и общественных организаций — представляют в многообразии аспектов: и как культурную парадигму национально-исторических форм политических процессов, и как совокупность игровых, медийных и языковых стратегий в коммуникативной сфере современной политики.

Издание адресовано специалистам-гуманитариям, преподавателям и студентам вузов, работникам профильных учреждений и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами взаимодействия политики и культуры.

Ответственность за точность цитирования и соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых статей.

УДК 304.42(076)
ББК 65/67

ISBN 978-5-6044635-1-2

© Культурно-просветительский фонд «Dialogum», 2020

© Изд-во «Selmeczi Bt.» (SBT), Венгрия, 2020

© ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», Россия, 2020

© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....5

Раздел I. Культурная парадигма политических процессов:

национально-исторические типы и современность

<i>Баранов Н. А.</i> Политико-культурные аспекты цифровизации: выбор между безопасностью и свободой.....	6
<i>Савельева Е. Н., Буденкова В. Е.</i> Сетевая политическая активность как форма просьюмерской деятельности.....	15
<i>Бойко С. И.</i> Политические бифуркации в современных процессах глобализации.....	22
<i>Прокофьева Д. А.</i> Роль кураторских цифровых проектов в международных отношениях.....	28
<i>Baidashvili B.</i> Genealogy of morality as Friedrich Nietzsche's political tract	37
<i>Garayeva G. A.</i> Transformation of Utopia	41
<i>Ризванов Т. Х.</i> Сравнительный анализ культурной дипломатии ЕС и США.....	45
<i>Пожаров А. И.</i> Между политикой открытых дверей и меморандумом Брейвика: отражение социокультурной рефлексии на современную миграционную проблематику в сериале «Beforeigners»	49
<i>Дудинская Д. И.-Т.</i> Культура календаря: механизмы власти и пространство текста.....	55
<i>Пуховский Е. Н.</i> Нюрнбергский процесс и его роль в формировании основ международного права.....	63
<i>Tkheldize T.</i> The change and reinforcement of Stalin's cult in post-Soviet Georgia	69
<i>Лебедев А. А.</i> Социальные, философские и лингвистические корни гиперполиткорректности.....	73
<i>Надгорная А. А.</i> Технология кейсов в обучении РКИ работников музейно-педагогической сферы.....	82
<i>Полещук Ю. А.</i> Психологическая культура будущих специалистов сферы управления.....	86
<i>Ходинова О. С.</i> Роль межкультурного диалога в решении миграционных проблем ЕС.....	92
<i>Шмачкова А. Н.</i> Влияние российских СМИ на процесс интеграции мигрантов.....	98
<i>Шевченко А. П.</i> Образ мигрантов в СМИ в контексте президентских выборов в США.....	102
<i>Тимохина А. В., Лаптев В. Б., Тимохина Л. И.</i> Детское пространство добра.....	107

Раздел II. Игровые, медийные и языковые стратегии в коммуникативном пространстве современной политики

<i>Сидоров В. А.</i> Политические игры: социокультурные основания и медийные средства	117
<i>Салтанович И. П.</i> Игровой континуум: модификация социума	125
<i>Курганова Е. Б.</i> Геймификация в современных политических процессах.....	133
<i>Яхин Ф. Ф.</i> Понимание феномена игры в исламской парадигме: культурно-психологический аспект	139

<i>Федоров В. Е.</i> Технологии игры в политических процессах как способ понимания, манипулирования и коммуникации.....	147
<i>Белюсова В. В.</i> Политический инфотеймент: взаимодействие массмедиального и политического дискурсов.....	156
<i>Щербаков А. В.</i> Экспрессия vs стандарт: принципы организации текстов политического дискурса.....	162
<i>Коптелова И. Е.</i> Конвенциональные темы в ритуализованном политическом дискурсе..	167
<i>Боженкова Н. А., Е Юй</i> Концептуальная область 'Растения' как константа современной русскоязычной политической логосферы.....	173
<i>Макаров П. Н.</i> Роль СМИ в украинском конфликте.....	181
<i>Чернышева Е. Н.</i> Легитимные и нелегитимные политические дискурсивные практики как источники коммуникативных рисков.....	184
<i>Болдырева Д. И.</i> Политико-культурный анализ исторической ситуации в странах социалистического лагеря второй половины двадцатого века на основе сравнения китайского и советского кинематографов.....	190
<i>Каличкина Т. И.</i> «Поликодовая» ирония как признак современного медиаполитического дискурса	194
<i>Лесничкова Л. Д.</i> Динамические процессы в общественно-политической лексике современного венгерского и болгарского языков.....	201
<i>Мордвинкова А. Е.</i> Идеологический дискурс в культурном диалоге русского и английского языков.....	210
<i>Новичихина М. Е.</i> Функционирование коммерческого названия: политический аспект	213
<i>Соловьева И. В.</i> Игра в солдатики: мотив игры в изображении армейской службы в творчестве постсоветских авторов (Д. Горчев «Жизнь без Карло», М. Елизаров «Госпиталь»).....	220
<i>Матафонова Ю. А., Шульд Д. В.</i> Поиск идентичности: региональное политическое пространство и современный танец.....	226
<i>Боровая А. Ю.</i> Символы и коды конспирологического квест-нарратива	232
<i>Осипова Н. О., Голенок М. П.</i> Политический симулятор как современный тренд цифровой культуры.....	236

От редколлегии

...Формирование государства
идет вместе с формированием
поля власти, понимаемого
как пространство игры...
П. Бурдьё

Сборник «Политика и культура: пространство игры» является продолжением научного издательского проекта «Политика и культура» (первая книга — «Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире», 2019).

Представители разных сфер гуманитарного знания — историки, политологи, психологи, филологи, социологи, искусствоведы, специалисты в сфере политтехнологий — размышляют на страницах сборника о роли игровой концепции культуры в методологии социальных и политических исследований, о функциях и трансформациях игровых стратегий в современных политических процессах. Вполне закономерно, что содержание сборника не ограничивается заданной тематикой, а выходит на более широкий спектр проблем, связанных с национально-историческими типами культуры, с медийным, языковым и художественным пространством сегодняшней политической жизни.

Сборник объединил под одной обложкой как известных ученых, так и тех, кто только начинает свой путь в науку и представляет здесь актуальные исследования, отличающиеся новизной тематики и поиском новых методологических решений.

Раздел I. Культурная парадигма политических процессов: национально-исторические типы и современность

Николай Алексеевич Баранов,

доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений,
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Санкт-Петербург, nicbar@mail.ru

УДК 32.019.5

Политико-культурные аспекты цифровизации: выбор между безопасностью и свободой

Аннотация. В статье анализируется дихотомия выбора современного человека в условиях, с одной стороны, широких возможностей, предоставляемых информационными технологиями, с другой стороны, угроз, связанных с вторжением в частную жизнь и совершением преступлений. Технология цифровизации позволяет повысить качество государственного управления, установить более эффективный контроль за органами власти со стороны общества, а также расширяет возможности по контролю за гражданами и манипулированием массовым сознанием. Реакция общества на выбор приоритетов между правами и свободами и безопасностью зависит от политико-культурного восприятия политической реальности, сформировавшейся при непосредственном участии властных структур и разделяемой большинством населения. На выбор влияют ментальные особенности общества, политическая активность социума, устойчивость традиционных идеологических установок, подкрепленных официальными дискурсами. В результате выбор направления информационного развития общества происходит в сочетании максимального использования возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями, с пользой для человека и безопасного информационного пространства, которое создается, в решающей степени, усилиями государства.

Ключевые слова: информационное общество, политико-культурный подход, цифровизация, цифровые права, цифровой паноптикум.

Nikolay Baranov

Doctor of Sciences in Politics, Professor, Department of international relations,
The North-West Institute of Management of the Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Russia, Saint-Petersburg

Political and Cultural Aspects of Digitalization: Choosing Between Security and Freedom

Abstract. The article analyzes the dichotomy of the choice of a modern person in the context, on the one hand, of the wide opportunities provided by information technology, and on the other hand, of the threats associated with invading privacy and committing crimes. Digitalization technology allows improving the quality of public administration, establishing more effective control of public authorities by the society, and enhances the ability to control citizens and manipulate the mass consciousness. The reaction of society to the choice of priorities between rights and freedoms and security depends on the political and cultural perception of political reality, which was formed with the direct participation of power structures and shared by most of the population. The choice is influenced by the mental characteristics of society, the political activity of society, the stability of traditional ideological attitudes, supported by official discourses. As a result, the choice of the di-

rection of the information development of society takes place in combination with the maximum use of the opportunities provided by digital technologies, with the benefit for the person and the safe information space that is created, to a decisive extent, by the efforts of the state.

Keywords: information society, political and cultural approach, digitalization, digital rights, digital panopticon.

Современные технологии расширяют возможности для развития человека: повышается динамика жизни, создаются цифровые платформы в образовательных, научных, а также политических целях, возникают новые возможности для контроля за органами власти, совершенствуются коммуникативные практики. В то же время возникают новые опасности, которым подвержен человек. Как справедливо отмечает А. А. Косоруков, «цифровые миры правительства и граждан все еще остаются обособленными друг от друга: государство может отставать от актуальных тенденций в сфере развития цифровых технологий, а общество может недооценивать вызовы и угрозы цифровому суверенитету государства» [1, с. 142—143].

Первой технологией, которая проникла в жизнь граждан быстрее, чем в государственные структуры, оказалась сеть Интернет. Общественная активность стала сопровождать различные технологические новшества, например движение за открытые данные, возникшее в середине 2000-х гг., в рамках которого были выработаны принципы открытых данных, лежащих в основе модели цифрового управления: доступность, полнота, первичный характер, высокая оперативность, машиночитаемый формат, недискриминационный характер, незапатентованный формат, а также распространение данных на основе лицензии [2]. Такие движения стимулируют властные структуры к созданию атмосферы информационной открытости и прозрачности принимаемых решений и способствуют демократизации политического процесса.

В 2014 г. в Эстонии была запущена система электронного гражданства, которая поддерживает соединение между правительством и распределенным хранением данных на многочисленных серверах. На сайте «E-Estonia» констатируется, что в Эстонии создано «самое передовое цифровое общество в мире» [3] с эффективной, безопасной и прозрачной экосистемой, помогающей гражданам и государству решать возникающие проблемы.

Роль граждан в производстве государственных услуг возрастает: они теперь рассматриваются не только как получатели, но и сопроизводители этих благ, что подразумевает более высокую ответственность в сфере производства и оказания государственных услуг. Резко возросло число мобильных приложений, позволяющих гражданам удовлетворять свои потребности в системе здравоохранения, образования, предоставления социальных услуг.

Составной частью цифрового управления и взаимодействия стала технология «больших данных», которые определяются как «наборы данных, размер которых превышает возможности стандартных программных средств по их сбору, хранению, управлению и анализу» [4].

Технология «больших данных», ставшая возможной благодаря появлению новых технических и программных элементов распределенных систем обработки данных, широко используется правительственными органами, экспертными сообществами и мозговыми центрами, образовательными структурами, гражданским обществом, бизнесом. Однако они несут в себе опасность злоупотребления возможностями по контролю за гражданами, вмешательства в частную жизнь, использования персональных данных в преступных целях. Так, широкую известность получила история с частной английской компанией Cambridge Analytica, которая использовала технологию глубин-

ного анализа данных для разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных кампаний в Интернете на выборах в США (использовались данные социальных сетей), а также при проведении референдума о выходе Великобритании из Евросоюза.

Можно констатировать, что, с одной стороны, «современные технологии, выстроенные в “цифре”, позволяют быстро реагировать на повседневные проблемы жителей, отвечать на их инициативы, на их обращения, реагировать соответствующим образом, а значит, эффективнее и быстрее решать проблемы, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни» [5]. С другой стороны, возникает этический аспект использования больших данных. Государство и крупные корпорации получают доступ к персональным данным, делая это без явного согласия граждан или в обход законов. Более того, применяемые технологии анализа больших данных в сфере безопасности могут допускать ошибки, например в процессе идентификации преступников или террористов, что приводит к дополнительным проверкам простых граждан или применению насилия к ним со стороны правоохранительных органов [1, с. 153].

Угрозы, исходящие из киберпространства, затрагивают интересы бизнеса и каждого отдельного человека, использующего современные технологии. В России, как и во многих странах мира, новые технологии часто воспринимаются через призму порождаемых ими новых угроз и вызовов, а не создаваемых ими новых возможностей. Однако только от людей зависит, с какими целями будут применяться информационные технологии — во благо или во зло. Как справедливо отмечает Г. Л. Акопов, «в России сформировались своеобразные сетевые общественно-политические дискурсы, предопределяющие новые конфигурации обратной связи институтов гражданского общества с политической элитой страны. Интернет-коммуникации обеспечивают реальный режим диалога народа и власти и могут преодолеть отчуждение их друг от друга, способствуют восстановлению утраченного ими доверия друг к другу, вводя радикально другой паттерн равного — горизонтального и интерактивного — отношения между ними» [6, с. 132].

Экспансия проблематики безопасности предполагает повышенный интерес экспертного сообщества к вопросам ограничения прав и свобод человека, демократических институтов и процедур. Цифровизация наряду с возможностями для расширения демократических практик несет с собой опасность уязвимости программного и аппаратного обеспечения, увеличение конфликтного потенциала киберпространства, невозможность надлежащим образом обеспечить защиту цифровых прав и цифрового суверенитета государства и граждан. В ряде стран активно действуют движения в защиту «цифровых прав», а доступ к сети Интернет признан одним из базовых прав человека и закреплён в международном праве. Так, Генеральная Ассамблея ООН «признает глобальный и открытый характер Интернета и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в качестве одной из движущих сил ускорения прогресса на пути развития в его различных формах» [7]. Вместе с тем этим же документом подтверждается право на неприкосновенность личной жизни.

Опасность вторжения государства и общества в частную жизнь человека в условиях цифровизации не уменьшается, а, напротив, возрастает. Всевластие органов безопасности и связанные с этим ограничения прав и свобод человека, как это убедительно показал опыт профессиональной деятельности американского программиста Эдварда Сноудена, является проблемой не только авторитарных обществ, но и демократических государств. Убедительная гражданская экспертиза, свидетельствующая об опасности для общества тотального контроля со стороны государственных струк-

тур, может стать действенным механизмом на пути расширения секьюритизации в политической практике. Поэтому современные формы демократии, апеллирующие к мнению народа — делиберативная, согласительная, мониторинговая, характерные, прежде всего, для западной культуры, представляются перспективными в вопросах ограничения запретительных мер в ответ на возможные угрозы, которые в том числе связаны с информационной сферой.

Генеральный секретарь ООН Антонио Гуттериш, выступая в начале 2020 г. с обращением к Генеральной Ассамблее, выделил четыре угрозы, нависшие над человечеством: геополитическая напряженность, климатический кризис, глобальное недоверие и «темная сторона цифрового мира, которая заключается в том, что, несмотря на огромные преимущества, новые технологии используются для совершения преступлений, разжигания ненависти, поддельной информации, угнетения и эксплуатации людей и вторжения в частную жизнь» [8].

Выступая в Давосе на Всемирном экономическом форуме в январе 2020 г., израильский футуролог Юваль Ной Харари назвал три главные угрозы человечеству в XXI в.: ядерная война, экологический кризис и разрушительная сила технологий, особенно выделив последнюю проблему, как еще неизведанную. Технологии, по его мнению, несут массу рисков, среди которых он считает важнейшими появление большего количества «бесполезных» людей ввиду уничтожения многих специальностей; неравенство между странами, связанное с доступом к технологии искусственного интеллекта; цифровую диктатуру, осуществляющую контроль за гражданами; переход власти от людей к алгоритмам, вырабатываемым технологическими гигантами (Facebook, Google, Netflix, Amazon, Alibaba); уничтожение человечности, под которым подразумеваются технологии, разрушающие не только экономику, политику и жизненную философию, но и наше биологическое устройство [9]. Об этой же проблеме пишет Ф. Лукьянов — об утрате «контроля над информационными технологическими гигантами, которые способны вмешиваться в жизнь людей и диктовать им, как себя вести» [10].

В Докладе, подготовленном к началу работы Давосского экономического форума в 2019 г., акцентируется внимание на технологической неустойчивости (technological instabilities) и вводится понятие «Цифровой паноптикум» («Digital Panopticon»), под которым понимаются новые формы социального контроля: «Распознавание лиц, анализ походки, цифровые приложения, аффективные вычисления, микрочипирование, цифровое чтение по губам, датчики, считывающие отпечатки пальцев, — благодаря распространению этих технологий, мы движемся в мир, в котором все данные о нас собраны, хранятся и подвергаются проверке через алгоритмы искусственного интеллекта» [11]. Искусственный интеллект (ИИ) уже рассматривается в качестве новой реальности электронного правосудия [12], что может привести в дальнейшем к цифровой диктатуре ИИ.

Отечественные политологи тоже анализируют проблемы, связанные с цифровизацией. Так, Д. Тренин пишет о новейшем инструменте, который освоили современные государства: «...цифровые технологии, обеспечивающие невиданный прежде уровень контроля над обществами». По его мнению, «противоположение демократии и авторитаризма все больше уходит на второй план, заменяется различиями в качестве и эффективности управления. Права граждан балансируются их обязанностями, выполнение которых обеспечивается системой всеохватного контроля. Наиболее успешные страны — те, где выше уровень общественной солидарности и взаимной ответственности правящих элит и обществ» [13].

Опасности, на которые акцентируют внимание ученые, эксперты и политики, уже реализуются в нашей жизни. В общественно-политической практике появился термин «цифровой тоталитаризм», под которым понимается тотальный цифровой контроль с помощью видеокамер, гаджетов, цифровых приложений, программ искусственного интеллекта за поведением и действиями человека для дальнейшего выстраивания его рейтинга в обществе.

Наиболее известная практика цифрового тоталитаризма — это система социального кредита в Китае, которая была введена в действие Госсоветом КНР в 2014 г. Под «социальным кредитом» понимается «система оценки отдельных лиц или категорий граждан, а также юридических лиц и организаций по установленным государственным органом нормам и правилам, которые формируют определённые параметры, собираемые через инструменты массового наблюдения и технологии “больших данных”» [14, с. 88].

Проект полномасштабно заработал в 2014 г. после публикации «Программы создания системы социального кредита (2014—2020)», согласно которой к 2020 г. все компании и каждый житель материкового Китая будут отслеживаться и оцениваться этой системой в режиме реального времени. Главная задача Программы: «...оправдавшие доверие пользуются всеми благами, а утратившие доверие не смогут сделать ни шагу» [15]. Китайская система социального кредита (SCS — Social Credit Score) — это социальная концепция, в основе которой лежит разграничение в отношении возможности получения спектра социальных и экономических услуг в зависимости от специального «рейтинга» гражданина. Рейтинг определяется баллами, которые могут как начисляться, так и вычитаться в зависимости от поступков гражданина, его социального статуса, круга общения и различных других факторов. О китайской SCS в российской научной периодике имеется немало публикаций [16; 17; 18], что свидетельствует об интересе со стороны научного сообщества к новым цифровым практикам, распространённым в мире.

Аналоги системы социального кредита применяются и в других странах, например в США, Германии, Великобритании, Франции. В США данная система присваивает каждому резиденту индивидуальный номер социальной защиты (SSN — social security number), с которым соотносятся личные данные, а также некоторые другие сведения, в том числе о платёжеспособности гражданина.

Европейская система сбора и обработки личной информации ориентирована на формирование кредитного рейтинга гражданина или организации. Обычно регулятором данного рейтинга служит связка экономического блока правительства с Европейским центральным банком. Исключением является Германия, где сбором и обработкой кредитной информации занимаются частные агентства.

Цифровизация общества может быть представлена как культурная адаптация к ключевым технологическим достижениям, реализуемым через цифровизацию государственного аппарата, его управленческой деятельности, выстраиванию взаимосвязи с гражданами, получение от них необходимого импульса для эволюции форм и способов государственного управления. Использование новых возможностей, предоставляемых цифровизацией, является одной из важнейших задач развития современных государств, в том числе России.

Вектор развития для страны является определяющей категорией для ее характеристики в качестве современной или архаичной. В России в последние годы многое делается для того, чтобы в стране были созданы условия для инновационного развития. В декабре 2018 г. утверждена национальная программа «Цифровая экономика

Российской Федерации», включающая в себя шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление». 10 октября 2019 г. утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [19], в которой определены меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, в том числе в области научно-технологического развития.

Однако внутренняя потребность общества в модернизации и демонстративные действия властных структур в том же направлении расходятся с политическими процессами, которые являются определяющими при создании пространства для внедрения инноваций во все сферы жизни. В данном контексте актуальными становятся политико-культурные особенности российского общества и сложившиеся политические практики, которые некоторыми российскими исследователями квалифицируются как архаичные.

Так, характеризуя модернизационные преобразования в современной России, В. С. Мартьянов пишет о том, что «попытки органической модернизации социума снизу наталкиваются на контртенденцию архаизации властного аппарата государства» [20, с. 184]. В. Л. Иноземцев называет Россию «несовременной страной», движущейся не в том направлении, которое избрали успешные страны, а в противоположном — «по полосе встречного движения» [21, с. 24]. Но в то же время он отмечает, что «Россия и сейчас остается внутренне свободным и индивидуализированным обществом, будучи в этом отношении исключительно похожей на западные социумы; проблема заключается в той политической системе, которая вряд ли могла не сложиться в стране, имеющей такую сложную историю и пережившую такие потрясения, которые выпали на ее долю» [21, с. 113]. Нужно отметить, что люди ценят индивидуальную свободу, а не политическую, которой в истории России никогда не было.

К их мнению присоединяется А. В. Глухова, которая пишет: «Полное отсутствие “образа будущего”, превратившегося в проект вечной консервации “настоящего” и реставрации “прошлого”, обрекает власть лишь на два плохих сценария развития событий: либо к полноценному жесткому авторитаризму и репрессиям, либо к медленному саморазрушению под натиском социальных потрясений и обостренного запроса на перемены» [22, с. 74—75].

Основания для столь пессимистичного восприятия современной российской реальности лежат, с точки зрения И. Б. Фан, в бессознательном слое ментальности — понимании гражданина как любого жителя, принадлежащего государству, которое мотивирует стереотипное поведение людей. Эти духовные стереотипы, лежащие в основе русской культуры, формируют индивида, для которого реализация конституционных прав не является для него приоритетом [23, с. 64—65].

Причина столь индифферентного отношения к политической сфере кроется в действиях самой власти, которая на протяжении длительного времени подавляла любые формы самоорганизации и самоуправления, возникавшие в обществе. И в XXI в. Россия вновь столкнулась с прежними властными интенциями: построение вертикали власти, недоверие гражданским структурам, замена выборов на различные симулякры, имитация многопартийности. Возникают новые технологии информационного управления массовым сознанием, воспроизводящие укорененные стереотипы. Официальный дискурс, многократно повторенный через средства массовой информации, превращается в стереотипное мышление людей и становится их по-

вседневной практикой, а средства коммуникации предлагают легитимизацию социальных процессов, используя как традиционные, так и новейшие способы манипуляции сознанием [24, с. 26].

В качестве приоритета в массовое сознание привносится мысль о необходимости поддержания в обществе порядка и стабильности как необходимого условия эффективного развития России. Происходит замена потребности политического участия, направленного на формирование подотчетной и подконтрольной власти, на лояльность существующему порядку и государственный патриотизм. Существующие в ментальности некоторых россиян либеральные ценности и установки трансформируются под воздействием устойчивых традиционных идеологических установок, активно распространяемых официальными средствами массовой коммуникации. И. Б. Фан в качестве таковых отмечает традиционализм, характеризующий патриархальным образом государственной власти, с его этактистской и эгалитаристской установками и уравнительной психологией, который соседствует с консерватизмом государственно-социалистического типа с его ориентацией на коллективистские ценности, государственный патернализм, культ персонифицированного государства, с готовностью обменять экономическую и иную свободу на порядок и материальные блага, устанавливаемые и распределяемые централизованной вершиной иерархической вертикали [23, с. 211].

В результате возникает конфликт между потребностью в социально-политическом обновлении в цифровую эпоху и традиционными ментальными образами власти и политического порядка, сформированными с применением новых информационных технологий. Эволюция потребностей будет зависеть в значительной мере от степени убедительности власти и вероятной трансформацией политического поведения граждан, основанной на проникновении цифровых технологий в экономическую, социально-политическую и частную жизнь.

Следует отметить, что в условиях высокой активности государства в информационном пространстве перемены в стране происходят и эти перемены связаны с социокультурным восприятием реальности основной массы населения страны. Несмотря на то, что политическая социализация молодежи, осуществляемая государством и направленная на патриотическое воспитание молодого поколения в русле великодержавного понимания патриотизма, частично приносит свои плоды, тем не менее молодежь все меньше ориентируется на традиционные ценности и поддерживает те, которые адекватно отвечают потребностям эффективного развития. Политическая власть вынуждена прислушиваться к этому мнению и вносить коррективы в культурно-ценностные ориентиры.

В политико-культурный контекст вплетаются потребности общества в создании безопасной цифровой среды, в которой заинтересованы и граждане, и государство. Поиск баланса между полномочиями специализированных органов по обеспечению безопасности личности, общества и государства и недопустимостью их вторжения в частную сферу является актуальным для современных стран независимо от культурных традиций. Именно в сочетании максимального использования возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями, с пользой для человека и безопасного информационного пространства, которое создается, в решающей степени, усилиями государства, видится эффективное развитие информационного общества в XXI в.

Таким образом, у современного человека возникает дихотомия выбора между безопасностью и свободой, причем каждая из этих составляющих является одинаково важной для человека. Приоритет же будет определяться гражданами, исходя из их

представлений о предполагаемом желаемом завтра, наложенном на политико-культурные особенности восприятия существующих проблем.

Список использованной литературы

1. Косоруков А. А. Модель цифрового управления: открытые и большие данные // Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: сб. статей / под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой. М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2019. С. 142—159.
2. Open Government Data Principles. URL: https://public.resource.org/8_principles.html (дата обращения: 27.04.2020).
3. E-Estonia. URL: <https://e-estonia.com> (дата обращения: 27.04.2020).
4. Big data: The next frontier for innovation, competition and productivity. McKinsey Global Institute. June 2011. Report. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation> (дата обращения: 27.04.2020).
5. Заседание Совета по развитию местного самоуправления. 30 января 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62701> (дата обращения: 28.04.2020).
6. Акопов Г. Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций : монография. М. : КНОРУС, 2013. 240 с.
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век». URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/68/167> (дата обращения: 28.04.2020).
8. Guterres Antonio. Remarks to the General Assembly on the Secretary-General's priorities for 2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (дата обращения: 28.04.2020).
9. Футуролог Харари назвал три главные угрозы человечеству в 21 веке. URL: <https://www.rbc.ru/trends/futurology/5e2ef4499a79474925acdf08> (дата обращения: 28.04.2020).
10. Свобода — это рабство. Федор Лукьянов — об итогах Всемирного экономического форума в Давосе // Коммерсантъ. 24.01.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4228069> (дата обращения: 03.02.2020).
11. The Global Risks Report 2019. 14th Edition. Geneva: World Economic Forum, 2019. 107 p. P. 70. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 28.04.2020).
12. Numa A. Artificial intelligence as the new reality of e-justice. URL: <https://e-estonia.com/artificial-intelligence-as-the-new-reality-of-e-justice/> (дата обращения: 27.04.2020).
13. Тренин Д. Вирус и миропорядок // Коммерсантъ. 2020. 29 марта. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4307968?utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru (дата обращения: 27.04.2020).
14. Разумов Е. А. Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. Т. 24. № 3. С. 86—97.

15. Уведомление Госсовета КНР о Программе создания системы социального кредита (2014—2020 гг.). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 28.04.2020).
16. Ларина Е., Овчинский В. Китайская система социального кредита: традиции и технологии. URL: http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_traditsii_i_tehnologii;
17. Авсеенко И. Социальный кредит сформирует неравенство равных // Информационно-аналитическое агентство «Восток России». URL: <https://www.eastrussia.ru/material/sotsialnyy-kredit-sformiruet-neravenstvo-ravnykh/> (дата обращения: 28.04.2020).
18. Галиуллина С. Д., Бреслер М. Г., Сулейманов А. Р., Рабогошвили А. А., Байрамгулова Н. Н. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2018. № 4(26). С. 114—121.
19. Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/АН4х6HgKWANwVtМОfPDhcbRрvd1НССsv.pdf> (дата обращения: 28.04.2020).
20. Мартьянов В. С. Антимодерный консенсус и перспективы перезапуска российского модерна // Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартьянова, Л. Г. Фишмана. М. : Полит. энциклопедия, 2016. С. 176—187.
21. Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М. : Альпина Паблицер, 2018. 406 с.
22. Глухова А. В. Новый авторитаризм в XXI веке: мировые тенденции // Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития : сб. статей / под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой. М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2019. С. 74—75.
23. Фан И. Б. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург : Урал. ин-т управления — филиал РАНХиГС, 2018. 332 с.
24. Бахтуридзе Э. Э. Формирование общественного мнения в условиях развивающегося информационного общества // Научно-информационный журнал «Армия и общество». 2013. № 5(37). С. 23—29.

Елена Николаевна Савельева,

кандидат философских наук, доцент, Институт искусств и культуры,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск, e-mail: limi77@inbox.ru

Валерия Евгеньевна Буденкова,

кандидат философских наук, доцент, Институт искусств и культуры,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, г. Томск, e-mail: soler@front.ru

УДК 304+32.019.5+366.636

Сетевая политическая активность как форма просьюмерской деятельности

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект № 19-18-00237).*

Аннотация. В статье рассматривается феномен политического просьюмеризма, представляющий собой новую форму политической активности в интернет-пространстве. На основе изучения контента российских сайтов, блогов, соцсетей выявляются особенности производства и потребления политического «продукта» в Сети. Авторская типология производственной парадигмы просьюмеризма применяется для анализа политической блогосферы. Показано, что деятельность политико-ориентированных интернет-платформ соответствует конституирующим принципам просьюмерских практик.

Ключевые слова: цифровая среда, культура потребления, производство, потребление, политический продукт, политическая идентичность, блог, контент.

Elena Savelieva

Candidate of Sciences in Philosophy, Institute of Arts and Culture, National Research
Tomsk State University, Russia, Tomsk, limi77@inbox.ru

Valeriya Budenkova

Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Institute of Arts and Culture
National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk, soler@front.ru

Network political activities as a form of prosumerism

*The study was performed by a grant of Russian Scientific Foundation
(project № 19-18-00237).*

Abstract. The article considers the phenomenon of political prosumerism, which is a new form of political activity in the online space. Based on the study of the Russian sites, blogs, social networks content the specifics of a political “product” production and consumption on the network are revealed. The author's typology of the production paradigm of prosumerism is used to analyze the political blogosphere. It is shown that the activity of politically-oriented Internet platforms corresponds to the constitutive principles of prosumerists practices.

Keywords: digital environment, consumption culture, production, consumption, political product, political identity, blog, content.

Проблематику данного исследования задают два тренда современности — цифровизация и просьюмеризм. Каждый из них влияет на экономику, политику, социальную жизнь, формируя новую социокультурную реальность. В этой новой реаль-

ности меняется роль субъекта, выступающего одновременно в роли производителя и потребителя — просьюмера. Просьюмерская деятельность, изначально представлявшая собой вид трудовой активности, направленной на удовлетворение собственных потребностей производителя, в условиях общества потребления превратилась в альтернативу массовому производству. Распространение цифровых технологий и Интернета вывело просьюмерство далеко за пределы создания/улучшения вещей и услуг в сферу производства нематериальных благ и информационных продуктов, а также формирования социальных связей и отношений.

В данном контексте особого внимания заслуживает стремительно распространяющийся в цифровой среде феномен политического просьюмеризма как особой формы политической активности в Сети. В качестве субъектов-просьюмеров здесь выступают непрофессиональные журналисты, самодеятельные авторы политического контента, новостных блогов и прочих информационных продуктов интернет-пространства. В условиях цифровой культуры и сетевизации значительно расширяются формы политического участия и политического потребления: образуются «свободные сообщества, которые концентрируются на специфических темах или проблемах» [1, с. 72]; граждане вовлекаются в политические процессы совместного обсуждения и принятия решений по социально значимым проблемам, в том числе нарастает протестная активность [2, с. 27]. Несмотря на ряд исследований, раскрывающих принципы политической активности в Сети (Н. В. Плотичкина, О. Г. Щенина, С. В. Бондаренко, С. А. Новикова и др.), природа политического просьюмеризма и его специфические особенности изучены слабо. Цель статьи — на основе авторской типологии производственной парадигмы просьюмеризма выявить базовые принципы политического просьюмеризма, определяющие его специфику как формы политической активности в Сети. В качестве исследуемых материалов использовались российские контенты, как политически ориентированные, так и политически индифферентные («вДудь», «Навальный LIVE», «Максим Шевченко», «Телеканал Сталинград», «Агитация и пропаганда» авторский блог Константина Сёмина, kamikadzedead, Данила Поперечный «БЕЗ ДУШИ» и др.). Базовыми методами исследования являлись контент-анализ, дискурс-анализ, мониторинг блогов, структурный и содержательный анализ контента (перечень приведен после списка использованной литературы).

В качестве ключевого понятия используется термин «политический просьюмеризм», рассматриваемый как новые формы взаимодействующих в пространстве Интернета «политических практик в сообществах производителей-потребителей» (Н. В. Плотичкина). Под «политическим консьюмеризмом» понимаются формы политической активности в Сети, которые выстроены на сугубо прагматичном, потребительском отношении к политике, соотносимом с формами и методами ведения бизнеса, превращающими политическую сферу в рыночно-ориентированную (market-oriented) [3, с. 103]. Также в рамках нашего исследования концептуальную роль играет понятие «политическая идентичность» как совокупность идентификационных маркеров, определяющих «кто я/мы?» в политическом пространстве, обозначающих Другого, а также основные ценности и символы некой политической общности [4, с. 69]. В таком случае процесс идентификации предполагает самоопределение «пользователя по отношению к тем или иным социально значимым ценностям... в общем с другими индивидами пространстве социальных взаимодействий» [5, с. 78]. При этом разделяется индивидуальная политическая идентичность

(самоидентичность) пользователей и групповая политическая идентичность участников виртуальных сетевых сообществ.

Итак, мы попытаемся указать на отдельные признаки принадлежности новых форм политической активности среды Интернет к практикам просьюмеризма. Для этого проведем анализ блогосферы на соответствие принципам (производственной парадигмы) просьюмерской деятельности, в числе которых: 1) устранение границ между производством и потреблением; 2) добровольный и неоплачиваемый труд; 3) неструктурированная и децентрализованная организация производственного процесса; 4) доступ к собственным (либо предоставленным) средствам производства — «средствам просьюмеризма»; 5) особая специфика продукта просьюмерской деятельности; 6) преобразовательная активность [6, с. 287].

Анализ российских политико-ориентированных блогов («Максим Шевченко», «Агитация и пропаганда», «Злоба Дня», «Сталинград», «Красная линия», «Навальный LIVE» и др.), а также блогов, не нацеленных на обсуждение политической реальности, но эпизодически к ней обращающихся («вДудь», kamikadzedead, Данила Поперечный «БЕЗ ДУШИ», «СталинГулаг» и др.) позволяет сделать следующие выводы.

1. Устранение границ между производством и потреблением в случае политического просьюмеризма становится наиболее очевидным при сравнении с политическим консьюмеризмом. В обществе потребления политическая сфера организуется по рыночным принципам, поэтому производители политического продукта (они же создатели политической реальности) стремятся «завоевать рынок», занять на рынке политических товаров и услуг привилегированное положение, обойти конкурентов и т. д. Задача политпроизводителей — привлечь аудиторию на свою сторону в условиях жесткой конкурентной борьбы, вследствие чего потребителю предлагается готовый «продукт», а его роль сводится к выбору наиболее привлекательного, причем не столько с идейно-политической/идеологической точки зрения, сколько под влиянием ситуации, общественного мнения, комментариев в Сети и т. д. Показательным примером консьюмеристской модели политической активности могут служить различного уровня выборы и поведение кандидатов и их команд.

В отличие от политического консьюмеризма с его разделением производства и потребления, политпросьюмеризм осуществляется в акте «политического производства-потребления» (Н. В. Плотичкина) посредством участия граждан в политике и их влияния на политический процесс. Место «гражданина-потребителя», любыми своими действиями в итоге поддерживающего существующую систему и ориентированного, прежде всего, на улучшение собственного положения, занимает активный субъект — просьюмер. Он выражает свою политическую идентичность посредством интеллектуального продукта (особого рода информации и знаний), создавая «альтернативные политические пространства» (Н. В. Плотичкина) и формируя альтернативный политический дискурс. При этом члены сетевых сообществ (гражданской журналистики, политико-ориентированных блогов, веб-сайтов) взаимодействуют и меняются ролями создателей и потребителей контента в процессе совместного обсуждения, оценивания и критики политических идей. Тем самым соблюдается принцип одновременного акта производства и потребления, обуславливающий «новый онтологический статус пользователей как просьюмеров» [7].

2. Просьюмерский тип производства предусматривает добровольный и неоплачиваемый труд любителей в свободное время. Но если добровольный характер труда, приносящего личное удовлетворение (маркирующий, по мнению Филиппа Котлера,

просьюмерскую деятельность) [8], не вызывает сомнений, то относительно вознаграждения вопрос не столь однозначен. Во-первых, возникает проблема эксплуатации бесплатного труда просьюмера со стороны компаний, которым принадлежат основные средства производства и соответственно — прибыль. Неслучайно специфика экономики просьюмеризма цифровой эпохи раскрывается с использованием понятий «просьюмерский капитализм» (G. Ritzer, N. Jurgenson), «управление просьюмером» (D. Dusi), «коммуникативный капитализм» (Дж. Дин). Во-вторых, все больше примеров, подтверждающих смещение интереса с бесплатного просьюмерского труда к стремлению зарабатывать. Конечно, «блоггинг можно интерпретировать в контексте экономики внимания, вознаграждения блоггеров — это просмотры, ссылки и комментарии» [1, с. 69]. Однако сегодня большинство просьюмеров, полагает Н. В. Плотичкина, получают эмоциональное и материальное удовлетворение, рекламируя бренды в Интернете.

Далее нередко подчеркивается любительский характер просьюмерской деятельности: требование минимальных навыков [8]; присвоение и выполнение гражданами не свойственных им функций; попытки взять на себя различные виды полномочий [9]. Данная характеристика применима к политическому просьюмеризму, поскольку зачастую это деятельность блоггеров-непрофессионалов в сфере медиа, создающих информационный продукт и самостоятельно доносящих информацию до массовой аудитории. Их участие определяется не столько компетентностью в области политики, сколько индивидуальными интересами, политическими предпочтениями, критическим настроением по отношению к профессиональным политикам и их идеям. Ситуацию не меняет факт того, что к подобной практике часто приобщаются фигуры, имеющие политическую биографию и профессиональную квалификацию. Это объясняется тем, что «такие формы просьюмеризма, как гражданская журналистика и гражданская наука, могут означать переход граждан от хобби к профессиональной деятельности» [1, с. 70].

3. Для новых форм политической активности, как отмечают теоретики, характерна децентрализация, «отсутствие стабильной организации» (С. Н. Пшизова). Такой принцип деятельности соответствует просьюмерскому типу, отказывающемуся «от рыночной и управленческой иерархии» (D. Dusi). Более того, поскольку основная активность политических просьюмеров представлена в Интернете, формат ее функционирования — динамическая сетевая структура. Неиерархичность организации определяет характер связей и коммуникаций внутри сетевых сообществ и между ними.

4. Производители политически ориентированного контента имеют собственные средства производства («средства просьюмеризма»), к которым относятся профессиональная техника, разнообразные ресурсы, предоставляемые интернет-платформами и приложениями, площадки взаимодействия (чат, сайт, электронная рассылка и т. д.) [5, с. 80]. Доступность значительной части этих ресурсов широкому кругу пользователей создает иллюзию, что «в цифровой сфере средства производства находятся в массовых руках» (Н. В. Плотичкина). Однако следует учесть, что контент блоггеров располагается на площадках, принадлежащих корпорациям. В этом случае, с одной стороны, реализуется общий принцип просьюмеризма — предоставление потребителям соответствующих средств и материалов с потерей контроля над продукцией [10]. С другой стороны, возникает проблема взаимоотношения с институциями, обеспечивающими просьюмера средствами производства. Механизм выстраивания этих отношений — предмет специального исследования, но уже сейчас можно предположить появление новых (латентных) форм власти и эксплуатации.

5. Специфика продукта социально и политически ориентированных блогов обнаруживается при анализе содержательной (смысловое наполнение) и формальной (визуальный аспект) составляющих их деятельности. Здесь тоже отчетливо проявляется принципиальная разница между политическим консьюмеризмом и просьюмеризмом.

В целом потребитель получает в качестве продукта информацию и знания, интерпретацию и анализ политических событий: новости, прогнозы, проекты, призывы, политические акции и проч. Это особый «капитал опыта» (Н. Бариле) индивида, предлагающего собственную версию или конструкцию социально-политической реальности. В основании данной конструкции — ценностно-смысловая система актора, выражающего свою политическую идентичность. В зависимости от транслируемых установок формируется группа совместного оценивания социально-политической реальности. При этом содержание контента так или иначе получает репрезентативное оформление посредством визуального ряда и дискурсивных особенностей текста.

На наш взгляд, политический продукт по типу производства маркируют следующие положения. Во-первых, политический продукт просьюмеризма имеет определенную идеологическую базу либо строится на системе политических представлений, выступающих концептуальным каркасом содержания блога (даже если его «партийная» принадлежность четко не определена). Политический продукт консьюмеризма, при своей критической направленности, такой концептуальной идеологической базы не имеет. Критический пафос политического консьюмеризма ситуативен и часто связан с желанием привлечь внимание к автору контента, а не к проблеме.

Во-вторых, политический продукт просьюмеризма, имеющий определенную идеологическую базу, маркирует ее посредством приемов выразительности. Характер художественного решения на разных уровнях аудиовизуального комплекса (цвет, композиция в кадре, предметный набор, эмблематика, символика и проч.) хотя бы минимально отсылает к базовой идеологии, в контексте которой интерпретируется и оценивается социополитическая реальность. Политический продукт консьюмеризма не отличается подобная характеристика. Ни дискурс блогера, ни система визуального оформления студий никак не связаны со смыслами, идейным содержанием предлагаемого контента.

В-третьих, политический продукт просьюмеризма потенциально нацелен на потребителей, рекрутируемых для дальнейшего включения в производственный процесс: обмена информацией, участия в дискуссиях, создания собственного контента, проведения совместных акций, проектов; вступления в партию; перекрестного участия в студийных дискуссиях и проч. Тем самым запускается процесс просьюмерского воспроизводства, для которого характерен обмен ролями — «производитель-потребитель». Солидарность акторов с данной интерпретацией социокультурной реальности, принявших именно «это видение мира, вдруг ставшее объективным» (Ги Дебор) — может перейти (но не обязательно) в активную форму политического участия (от комментариев до политических акций оффлайн), в то время как продукт политического консьюмеризма только потребляется.

6. О преобразовательной роли политического просьюмеризма можно говорить в контексте качественных изменений установок, стереотипов и моделей взаимоотношений между политическими институтами и индивидами (С. А. Новикова); позитивных последствий критики со стороны сетевых сообществ официальной политической идентичности акторов, функционирующих в киберпространстве (С. В. Бондаренко);

превращения блогосферы в арену для политических дебатов и среду для формирования общественного мнения [11, с. 37] и т. д.

Мы, в свою очередь, намерены указать на значение политического просьюмеризма в формировании политической идентичности субъектов (групповой и персональной) и наряду с этим проблематизировать его эффективность в этой роли. С одной стороны, в результате активности в Сети образуются сообщества производителей и потребителей политического продукта, границы которых определяются ценностно-смысловыми установками «положительной референтной группы», позволяющими отличить Своих от Чужих (придерживающихся иных политических взглядов). Субъект-просьюмер, производящий политический информационный продукт, репрезентирует свою гражданскую позицию по отношению к социально-политическим событиям и в процессе коммуникации конструирует политическую идентичность тех, кто ощущает «принадлежность к определенному виртуальному сетевому сообществу той или иной политической направленности» (С. В. Бондаренко).

Однако эти сообщества квазиустойчивы, поскольку киберпространство цифровой среды проблематизирует идентичность как таковую и политическую в частности. Солидарность на базе «приверженности групповым социальным ценностям, доверии и общем идеологическом дискурсе» [5, с. 79] вовсе не становится надежным условием формирования устойчивой политической идентичности. Ее характеризует многоуровневость, переплетение идеологических установок, приводящих к расхождениям даже в границах группы Своих. К тому же в условиях множественности культурных онтологий, разнообразия интерпретаций социополитической реальности, «накладывающихся друг на друга мегатрендов» (А. Е. Коньков) и конкурирующих опций происходит «гибридизация социального и личного, политического и внеполитического» [12, с. 121].

Обратим внимание также на то, что сами принципы организации общества культуры потребления порождают «дефицитарность социального субъекта политической жизни и политических преобразований» [13, с. 65]. Нечувствительность к проблемам общества, страны и мира, аполитичность, центрированность на личном А. Н. Ильин рассматривает в ряду социальных метаугроз, характерных для эпохи потребления [13, с. 99]. В условиях господства «необщественного человека» (А. Н. Ильин) политические идентичности отторгаются на периферию потребительского интереса, происходит вытеснение общественного из реальности. Поскольку политический продукт производится в системе общества постматериального символизма «фиктивных товаров и фиктивных потребностей» (А. Н. Ильин), постольку сомнительна его роль как механизма конструирования политической идентичности. Происходит, как отмечает А. В. Овруцкий, символическое ассимилирование любых протестных проявлений. Социальную активность заменяет потребление само по себе. «Этическое потребление предстает не только как особый способ приобретения и расходования ресурсов, но главным образом как современный способ реализации своих политических прав, отстаивания своих интересов и т. д.» [14, с. 131]

Учитывая вышесказанное, можем ли мы возлагать надежды на политический просьюмеризм и его результаты как фактор, способный изменить конфигурацию политических сил и политическую реальность? Большие надежды — определенно нет. Его влияние проявляется в том, насколько процесс производства-потребления контента позволяет конструировать «сетевого политического человека» (О. Г. Щенина), не только пользующегося политическим продуктом, но и потенциально готового к действиям. В заключение добавим, что дальнейшие исследования намеченных проблемных зон позволят глубже понять сущность политического просьюмеризма.

Список использованной литературы

1. Плотицкина Н. В. Просьюмеризм как политическая практика // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2013. № 3. С. 66—79.
2. Щенина О. Г. «Человек сетевой» в политических сообществах // Социально-политические исследования. 2019. № 4(5). С. 24—35.
3. Пшизова С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2009. № 1. С. 100—117.
4. Новикова С. А. Политическая идентичность сетевых факторов интернет-пространства: методологические аспекты // PolitBook. 2013. № 2. С. 68—75.
5. Бондаренко С. В. Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. № 3. С. 76—92.
6. Савельева Е. Н. Переосмысляя Маркса: к онтологии просьюмеризма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 287—289.
7. Dusi D. The Perks and Downsides of Being a Digital Prosumer: Optimistic and Pessimistic Approaches to Digital Prosumption // International Journal of Social Science and Humanity. 2016. Vol. 6, № 5. P. 375—381.
8. Kotler Ph. The Prosumer Movement: A New Challenge for Marketers // Advances in Consumer Research. 1986. Vol. 13. P. 510—513.
9. Flumian M. Citizens as Prosumers: The Next Frontier of Service Innovation. Ottawa : Institute On Governance, 2009. 19 p.
10. Pourbaix de P. Prosumer of the XXI century — new challenges to commerce and marketing // Oeconomia. 2016. № 15(1). P. 89—97.
11. Акопов Г. Л. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор общественного развития : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2013. 53 с.
12. Коньков А. Е. Политический дискурс в условиях расширения цифрового пространства // Россия: тенденции и перспективы развития : сб. трудов конференции. М. : Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 119—121.
13. Ильин А. Н. Культура общества массового потребления: критическое осмысление. Омск : ОмГПУ, 2014. 208 с.
14. Овруцкий А. В. Феноменология общества потребления // Общество. Среда. Развитие. СПб. : Астерион, 2011. № 1(18). С. 127—131.

Интернет-источники

- Телеканал Сталинград. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dXiCSTAG7EQ&feature=youtu.be>
- Навальный LIVE. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0LEWsnV6Pm8>
- Максим Шевченко. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dCsq-uxcPCc>
- Kamikadzedead. URL: https://www.youtube.com/watch?v=82Rw_LuVoNo
- Агитация и пропаганда. Константин Семин. URL: https://www.youtube.com/channel/UC2qoLqo8RuV4P_88yhHCZlg
- Данила Поперечный. URL: <https://www.youtube.com/user/Spoontamer>
- вДудь. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zckJ7FHDLm>
- СталинГулаг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tQbRBjJfQnj4>

Сергей Иванович Бойко,

кандидат политических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, г. Москва, bsi1952@yandex.ru

УДК 328

Политические бифуркации в современных процессах глобализации

Аннотация. Эрвин Ласло предложил теорию бифуркаций вместо теорий социальных революций. Принятие государственных решений, соответствующих общественному мнению, адекватных ситуации, направленных на преодоление хаоса революций, позволяет пройти с минимальными издержками очередную точку политической бифуркации. На примере Союзного государства Беларуси и России показано преодоление информационного глобального влияния. В результате прохождения точки политической бифуркации сотрудничество двух государств не пошло по вектору, не отвечающему национальным интересам.

Ключевые слова: политическая бифуркация, государственные решения, Союзное государство Беларуси и России, политическая глобализация.

Sergey Boyko

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow, bsi1952@yandex.ru

Political bifurcations in contemporary processes of globalization

Abstract. Erwin Laszlo proposed the theory of bifurcations instead of theories of social revolutions. The adoption of government decisions appropriate to public opinion, adequate to the situation, aimed at overcoming the chaos of revolutions, allows passing the next point of political bifurcation with minimal costs. The example of the Union State of Belarus and Russia shows the overcoming of global informational influence. As a result of passing the point of political bifurcation, the cooperation of the two States did not follow a vector that did not meet national interests.

Keywords: political bifurcation, government decisions, Union State of Belarus and Russia, political globalization.

Целью демократического политического режима является обеспечение устойчивого, равновесного состояния государственного управления и динамичное экономическое развитие государства и общества, всех социальных структур. Для реализации указанной цели необходимо социальное и политическое проектирование, основанное на системном анализе и прогнозировании вероятных вариантов социальных революций, представляющих собой резкий, кардинальный слом действующего политического режима. Политическая история XX в. и первых двух десятилетий XXI в. показала, что эволюционные процессы модернизаций сменяются социальными революциями, когда и если поддержка большинством граждан действующего политического режима сменяется отказом граждан признавать государственную власть отвечающей запросам подавляющего и активного большинства социума. Тогда и исчезает политическая легитимность государственной власти.

Эрвин Ласло, выдающийся философ, социальный и политический мыслитель, разработал теорию политических бифуркаций. В 1993 г. он основал международный Будапештский клуб, центр междисциплинарных научных исследований проблем эволюции и объединения интеллектуальных и культурных ресурсов человечества в глобальном масштабе для практического разрешения вызовов, стоящих перед

современной цивилизацией. Фундаментальный труд с обоснованием метода анализа бифуркаций и прогнозирования процессов эволюции политической системы был представлен научной общественности в 1991 г. [1]

Метод анализа бифуркаций базируется на анализе и доказательстве сходства и единства фундаментальных закономерностей эволюции мира природы с социальными и политическими сферами жизнедеятельности человека. В России сначала в 1993 г. журнал «Полис: политические исследования» издал под многозначительным названием перевод на русский язык одной из глав монографии [2], а в 1995 г. работа была полностью опубликована на русском языке [3].

Правомерность применения в гуманитарных науках, прежде всего в политологии, термина «бифуркация» основано, как можно предположить, на том, что в политическом менеджменте при принятии решений в условиях турбулентных социальных процессов возникает так называемая «точка невозврата», то есть когда последствия исполнения принятого решения исключают возврат к исходному состоянию государства и социума. Как в физической географии, когда смысл термина «бифуркация» (bifurcation) означает раздвоение, например, русла реки, река не может вернуться к истоку, и это коррелирует со сложными динамическими процессами, постоянно возникающими в политических системах. Адекватность использования термина «бифуркация» Э. Ласло объясняет так: «Из всех терминов, образующих *lingua franca* теории хаоса и общей теории динамических систем, “бифуркацию” можно считать наиболее важным термином, во-первых, потому, что он адекватно описывает единственный в своем роде опыт, приобретаемый вольно или невольно почти всеми, кто живет в современном мире, и, во-вторых, потому, что он точно описывает единичное событие, которое самым решающим образом сказывается на формировании будущего современных обществ» [3, с. 11—12]. Примерами таких событий, основанных на разной культуре населения, в том числе культуре политической, а также на способности принимать адекватные решения высших органов государственной власти, могут служить диаметрально противоположные результаты событий в Китае, в Пекине на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. и на Украине, в Киеве на площади Независимости (Евромайдан) в конце 2013 — начале 2014 г.

В Китае тогда протестные настроения приняли массовый характер, появились требования не только экономических, но и политических реформ, либерализации партийной и политической систем. Как и в большинстве таких протестных настроений по всему миру, наиболее активной частью была молодежь, студенчество. Интересно, что восставшая молодежь заняла площадь накануне официального визита генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, проводившего в Советском Союзе политику перестройки, как тогда часто говорилось, строительства «социализма с человеческим лицом». Для китайских студентов М. С. Горбачев был примером и кумиром, протестующие с использованием средств массовой информации приглашали его для выступления на площадь. М. С. Горбачев благоразумно уклонился, поскольку справедливо опасался испортить межгосударственные отношения. Сразу после отъезда советской делегации в некоторых районах Пекина было введено военное положение. Армия и полиция очистили площадь Тяньаньмэнь от студентов. Больше двухсот человек погибли. Социально-политическая стабильность государства была восстановлена. Достаточно подробно события, связанные с попыткой вовлечь в острый внутриполитический конфликт руководителя советского государства, описаны политическим журналистом Л. М. Млечиным в документальной биографии Е. М. Прима-

кова, выдающегося ученого, государственного советского и российского деятеля [4, с. 114—116].

В Киеве протестные настроения возникли в связи с отказом президента В. Ф. Януковича временно, до уточнения правил и устранения сомнений по поводу экономического и политического сотрудничества, подписать соглашение «Восточное партнерство» как потенциальный шаг к вхождению в Европейский союз. Жесткая политическая конфронтация с конца ноября 2013 г. и до конца февраля 2014 г. при активном участии внешних сил привела к бегству из страны В. Ф. Януковича и, практически, к революционной смене кадрового состава государственного управления, к территориальным изменениям, связанным с событиями в Крыму и Донбассе. Принимаемые в течение затянувшегося противостояния государственные решения привели к ухудшению экономической ситуации, политической дестабилизации; в этом контексте будущее постсоветского украинского проекта государственности достаточно туманно.

Проанализированные примеры политических бифуркаций демонстрируют правомерность теории Эрвина Ласло о том, что в реальной политике, как и в природе, имеются точки бифуркаций, когда векторы возможных направлений эволюции государства расходятся уже безвозвратно. Китай — вполне экономически успешное и политически устойчивое государство, которое даже в современных условиях пандемии коронавируса демонстрирует социальный оптимизм и поддержку действий государственного управления. О политической стабильности и социально-экономических перспективах украинского государства в настоящее время сложно доказательно сказать что-либо определенное.

Фактически Э. Ласло научно обосновал и предложил заменить теорию неизбежности социальных революций теорией бифуркаций. Предвидение политических бифуркаций и анализ причин их проявления позволяют поддерживать эволюционную динамику социально-политических систем, государств и устойчивые параметры функционирования гражданского общества. Для государственного управления это актуально при проектировании социальных коммуникаций, обеспечивающих в открытом и конкурентном информационном пространстве эффективное взаимодействие гражданского общества и государства. Стабильные, благожелательные, а не конфронтационные каналы социальных коммуникаций — естественная цель любого государственного управления, рассчитывающего на долголетие политического режима в условиях глобальных демократических процессов и глобальных бесцензурных технических возможностей системных социальных коммуникаций. Глобальные социальные коммуникации используются как инструмент влияния на все типы сложных систем (личность, общество, государство, среда обитания), при этом воздействие может быть как внутренним, так и внешним, может создавать амбивалентные и бифуркационные настроения у высших руководителей государства. Интенсивность влияния способна привести к критическим параметрам напряжения объекта, когда сложная система (объект) теряет устойчивость в окружающей среде (например, политическая партия в социуме) и выводится из состояния, в котором она могла бы «с комфортом пребывать практически до скончания века» [3, с. 12].

Вместе с тем динамическое состояние всех современных политических систем является в современном мире естественным. Поэтому трудно не согласиться с Э. Ласло, утверждающим: «...социальные, экономические, политические системы, в которых мы живем, сложны и нестабильны; рано или поздно их эволюционные пути должны претерпеть бифуркацию, что наш мир ничуть не в меньшей степени, чем мир

природы, подвержен фазовым переходам» [3, с. 15]. Существует принципиальное отличие политических бифуркаций от бифуркаций в природе — это элемент сознательного влияния на события, и в первую очередь на каналы коммуникаций в социуме. Прежде всего, необходимо выявлять и учитывать влияние лидеров общественного мнения. Э. Ласло говорит о роли личностей, политиков, государственных руководителей: «Бифуркация в обществе не обязательно обусловлена игрой случая. Ведь в конце концов деятели, создающие в обществе критические ситуации, — мыслящие существа, люди. Если они смогут понять природу процесса, в котором им отведена важная роль, то перед ними откроется возможность управлять этим процессом. Они смогут “изнутри” смещать в нужную сторону взаимодействие флуктуации, которое в остальном случайно. Они смогут создавать новые образцы жизни, вырабатывать альтернативные варианты поведения, вводить целесообразные инновации, создавать эффективные, учитывающие потребности окружающей среды социальные и политические движения. Когда устоявшиеся убеждения и практика оказываются нефункциональными и устаревают, становится актуальным поиск более функциональных и эффективных идей. Реплицированные и распространенные по быстродействующим коммуникационным сетям нашего века» [3, с. 16]. В условиях противоречивых процессов глобализации, когда очевиден кризис теории однополярного мироустройства, можно предположить, что частота политических бифуркаций во всех государствах мира будет возрастать.

Следует поэтому особое внимание обратить на выделенные Э. Ласло при классификации типов бифуркаций «С-бифуркации», возникающие в политических конфликтах, в ситуациях нестабильности. Проблемы регионального или местного, локального экономико-социального порядка под влиянием учащающихся кризисов, порождают «Е-бифуркации» [3, с. 16].

Анализ социально-экономических бифуркаций, возникающих в процессах оппонирования и критики действий органов государственной власти, показывает, что главная задача — либо прямой приход оппозиции к государственному управлению, либо усиление влияния на институты государственного управления.

Подтверждением правомерности теории бифуркаций Эрвина Ласло, является Союзное государство Беларуси и России, юридически оформившееся в 1999 г. Интеграционные процессы в этом межгосударственном объединении идут эволюционно, постепенно, циклично, однако постоянно учитывается общественное мнение в обоих государствах. Выросли и активно социализируются в условиях глобализации под влиянием транспарентных информационных потоков новые поколения граждан, не живших в едином советском государстве, сформировались иные культурные и политические ценности как в России, так и в Беларуси. Вопросов не возникало до тех пор, пока развивалось экономическое и культурное сотрудничество, принимались взаимовыгодные законы в социальной сфере (например, в образовании, в трудовых отношениях, пенсионном обеспечении, регулировании миграции и т. д.). Но когда высшие органы государственного управления, начиная примерно с 2018 г., интенсифицировали переговоры об интеграционных процессах в Союзном государстве, в транспарентном информационном поле и в общественном сознании появились трактовки, обоснования и домыслы по поводу соединения Беларуси и России в одно государство. Естественно, на условиях авторитарной России. Активизировались оппозиция и критически настроенные исследователи и политтехнологи. Вариаций будущих действий высших органов власти, способных привести ситуацию к социально-политическому хаосу, было более чем достаточно. Накал политических страстей не-

сколько спал после принятия в России поправок к Конституции РФ (хотя национальный референдум по изменениям в конституцию из-за пандемии коронавируса в настоящее время отложен). Подозрения оппозиции, что президент России В. В. Путин, проектируя единое государство, хочет продлить свое пребывание у власти, не получили подтверждения. Государственная власть в обоих государствах неоднократно заявляла, что с учетом преобладающего общественного мнения вопрос политического объединения (контуры которого были намечены в соглашении о создании Союзного государства двадцать лет назад) решено было вообще не обсуждать. Тем не менее информационное поле противоборства национальных и глобальных интересов продолжало бурлить вплоть до последнего времени, когда турбулентность глобальных процессов возросла, а информационная целеустремленность и давление их сторонников пошли на спад.

Опросы общественного мнения в России и Беларуси подтверждают изменение отношений граждан к Союзному государству Беларуси и России. В 2019 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные исследования, посвященного теме отношений России и Беларуси. Отношения России и Беларуси оцениваются скорее позитивно или нейтрально: 30% респондентов называют их нормальными и спокойными, еще 22% — дружественными, 15% — добрососедскими. Об охлаждении отношений между странами и росте напряженности говорят 25% граждан России. Каждый второй (51%) опрошенный считает, что отношения между Россией и Беларусью остаются прежними на протяжении последних лет. Об ухудшении отношений сказали 22% участников опроса, об улучшении — 14%. О Союзном государстве Беларуси и России знают 49% граждан России. При этом фокусированный интерес к нему низкий: 48% россиян считают, что объединять государства скорее не следует, а нужны просто хорошие добрососедские отношения с Беларусью. Поддержку идеи объединения двух государств на равноправной основе или вхождения Беларуси в состав России на правах субъекта РФ выразили только 18% в Беларуси и 17% в России [5].

Опросы общественного мнения, проведенные белорусскими исследователями, дают такой же результат: количество белорусов, выступающих за интеграцию с Россией, за 2019 г. уменьшилось на 9%, по данным опроса Белорусской аналитической мастерской. На вопрос «В каком союзе государств было бы лучше жить народу Беларуси — в Евросоюзе или в союзе с Россией?» 54,5% респондентов ответили «за союз с Россией», а 25% выбрали Евросоюз. Чуть более 20% ответили, что не определились. При этом годом ранее за сближение с Россией выступало более 63%, а ЕС — около 29%. За то, чтобы Россия и Беларусь оставались независимыми, но дружественными странами — с открытой границей, без виз и таможни, высказывались 75,6%, и только 15,6% хотят объединения в одно Союзное государство. Всего лишь 1,4% респондентов выступили за вступление Республики Беларусь в состав Российской Федерации [6].

Согласно теории политических бифуркаций Эрвина Ласло, в случае принятия решения о политической интеграции Беларуси и России возникала бы реальная угроза хаоса и социальных революций. Но переговоры о путях дальнейшей интеграции в рамках Союзного государства были преимущественно сконцентрированы только на проблемах экономических, финансовых и социальных. Официально по взаимному согласию высших руководителей государств политические вопросы не стояли в повестке дня двусторонних переговоров. Никаких проектов политических документов об объединении в единое государство не существует.

Очередная точка политической бифуркации в эволюции Союзного государства Беларуси и России пройдена. Возможность задействовать фактор амбивалентности в отношениях граждан к этому межгосударственному союзу для внешнеполитического нелегитимного влияния утрачена на обозримую политическую перспективу. Кроме того, все очевиднее становится сомнительность эффективности самой концепции глобального миропорядка по моделям Запада. Стабильные, благожелательные, не конфронтационные каналы социальных коммуникаций — естественная цель государственного управления, рассчитывающего на стабильность политического режима в условиях разновекторных глобальных процессов.

Э. Ласло аргументировал зарождение новых взглядов на проектирование будущего мироустройства. Политика иерархическая, основанная на силовом давлении (экономическом, военном, информационном, культурном, психологическом), постепенно уходит в прошлое. В век бифуркаций такая политика может быть заменена политикой, основанной на гармонизации интересов, на равноправном взаимодействии с учетом возможностей и настроений гражданского общества в каждом национальном и суверенном государстве [3, с. 88—89].

Э. Ласло утверждал, что децентрализация сверхбольших наций-государств посредством передачи суверенитета вниз, в регионы, расширение роли гражданского общества — такова главная цель эволюционной стратегии модернизации государственного управления. Однако непонятно, кто и как будет определять величину государства, реальность суверенитета в играх глобализации. Демократичен, и в какой степени, политический режим, если в государстве нет внутренних политических бифуркаций. В обозримом будущем нации-государства сохранятся. Никто не отменит межгосударственную конкуренцию за ресурсы планеты. Поэтому значение государственных структур управления будет возрастать. В настоящее время ситуация с пандемией коронавируса доказывает возрастание роли государства в обеспечении социальной безопасности. Тенденция к созданию формальных демократических структур сама проходит период политической бифуркации в крупных государствах мира в сторону повышения роли государства в современных процессах экономической, социальной, политической глобализации.

Список использованной литературы

1. Laszlo E. The Age of Bifurcation: The Key to Understanding the Changing World. (Gordon & Breach, New York and London, 1991). P. 126.
2. Ласло Э. Рождение слова — науки — эпохи // Полис: политические исследования. 1993. № 2(14). С. 25—30.
3. Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь: междунар. филос. журнал. 1995. № 7. С. 3—129.
4. Млечин Л. М. Примаков. 2-е изд. М. : Мол. гвардия, 2017. 527 с.
5. Россия и Белоруссия: новый формат интеграции? Россия и Белоруссия: новый формат интеграции? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9634> (дата обращения: 11.04.2020).
6. В Беларуси сократилось число сторонников интеграции с Россией. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/10/02/v-belorussii-sokratilos-chislo-storonnikov-integracii-s-rossiey> (дата обращения: 20.04.2020).

Диана Александровна Прокофьева,

бакалавр, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
Россия, г. Калининград, dianayork@mail.ru

УДК 327; 7.036.1; 004.89

Роль кураторских цифровых проектов в международных отношениях

Аннотация. Стратегия «мягкой силы», которая преимущественно используется субъектами мировой политики и влияет напрямую или косвенно на деловые связи, является определяющей на современном этапе международных отношений. Цифровые каналы коммуникации дают новые возможности для осуществления различных политических программ, направленных на популяризацию образа конкретной страны на мировой арене. Современную культурную дипломатию невозможно представить без digital-проектов, которые не только вносят разнообразие в формы предоставления информации, но и во много раз увеличивают охват аудитории в сравнении с offline проектами, проводимыми на материальных площадках. В данном контексте целесообразно говорить о новаторских кураторских практиках и проектах, реализуемых в цифровом пространстве. В настоящей научной работе исследуется феномен кураторства в эпоху рекомендательных систем, а также предлагается возможный для реализации в рамках политики «мягкой силы» кураторский проект в социальной сети Instagram.

Ключевые слова: «мягкая сила», кураторство, передвижники, цифровой проект, Web 3.0, Instagram, теория поколений X,Y,Z.

Diana Prokofeva

Bachelor of the Social and Cultural activity of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad, dianayork@mail.ru

The role of curatorial digital projects in international relations

Abstract. The strategy of “soft power”, which is mainly used by subjects of world politics and affects business relations, is determining at the present stage of international relations. Digital communication channels provide new opportunities for implementing various political programs aimed at popularizing the image of a particular country on the world stage. It is impossible to imagine modern cultural diplomacy without digital projects, which as diversify the presentation of information, as increase the reach of the audience many times than offline projects. In this context, it is advisable talking about innovative curatorial practices and projects implemented in the digital space. In this scientific work is explored the phenomenon of curatorship in the era of recommendation systems, and also suggested a curatorial project on the Instagram, which is possible for the implementation of the soft power policy.

Keywords: «soft power», curatorship, the Wanderers, digital project, Web 3.0, Instagram, Fourth Turning theory.

Социальные сети как инструмент «мягкой силы»

В контексте международных отношений концепция «мягкой силы» (от англ. softpower) играет ключевую роль. Американский политолог, профессор Гарвардского университета Джозеф Най впервые рассматривает термин «мягкая сила» в книге «Обреченные быть лидером: меняющаяся природа американской власти» [1], в дальнейшем модернизируя данное понятие, которое базируется на принципах построения внешней политики посредством продвижения идеологии страны ненасильственным путем. По мере развития общества наблюдается расширение инструментария данного

феномена. Так, например, согласно международному индексу мягкой силы за 2020 г., составленным международной рейтинговой компанией Brand Finance [2], на сегодняшний день политика «мягкой силы» реализуется за счет следующих комплексных моделей: бизнес и торговля; управление; международные отношения; культура и наследие; медиакоммуникации; образование и наука; люди и ценности. Очевидно, что появление некоторых из перечисленных блоков обусловлено стремительным развитием передовых технологий, которые в свою очередь предоставили новые возможности реализации стратегий «мягкой силы». В данном контексте мы говорим об актуальных на сегодняшний день этапах коммуникационного развития сети Интернет: Web 2.0 и Web 3.0, для которых характерна интерактивная многосторонняя коммуникация пользователей. Понимание специфики работы данных концепций развития интернет-технологий особенно актуально в настоящее время, когда 59% мирового населения (данные на апрель 2020 г. с официального сайта немецкого онлайн-портала статистики Statista) [3] являются активными пользователями сети Интернет. Объединяющими понятиями для данных концепций является контент веб-сайта (от англ. content — содержание) и аудитория, т. е. пользователи Сети. Особенностью Web 2.0 коммуникации является блогосфера, то есть сетевое пространство, в котором функционируют блоги — сетевые страницы, где авторы размещают свои тексты, фотографии, видео- и аудиофайлы. Отличительной особенностью блога, а следовательно, и этапа коммуникационного развития Web 2.0, считается наличие в блоге инструментов общения с пользователями. Web 3.0 — это рекомендательная система, предоставляющая возможность пользователям не искать интересный им материал вручную, а выбирать контент из материалов, предложенных Сетью. Так, основываясь на предпочтениях других людей с похожими интересами, анализируя их подписки, посты, комментарии и лайки, Сеть способна предложить наиболее подходящий материал для каждого пользователя. Таким образом, на этапе Web 3.0 создаваемый контент намного проще доходит до целевой аудитории, а современная реклама, основывающаяся на системе рекомендаций и предпочтениях аудитории, позволяет распространять информацию о контенте намного эффективнее. Настоящая информация объясняет причину выделения [4] Джозефом Наем новейшего инструмента «мягкой силы» XXI в. — информационного воздействия. Концепции Web 2.0 и 3.0 являются перспективными способами ведения политики «мягкой силы» и активно используются многими странами.

В современном мире глобализации культура играет существенную роль в формировании имиджа стран. В связи с этим культурная дипломатия становится всё более актуальной на международной арене, так как ее характер имеет гуманную направленность. Мягкая сила, построенная на популяризации культуры за рубежом, создает благоприятный образ страны и повышает ее конкурентоспособность. Выше в статье мы не случайно подвергли анализу особенности современной эпохи Web 3.0 — ведь в настоящее время Интернет является самым динамично развивающимся информационным средством в истории человечества, поэтому логично предположить, что создание цифровых культурных проектов может стать одним из перспективных способов ведения политики «мягкой силы», так как именно благодаря социальным сетям в эпоху Web 3.0 (где диалог со зрителем интерактивен и получение обратной связи мгновенно) существует множество возможностей для успешной популяризаторской деятельности российского искусства за рубежом.

Важность кураторских цифровых проектов в эпоху информационного изобилия

Наблюдаемая в XXI в. тенденция стирания границ между миром онлайн и офлайн стала причиной трансформации различных секторов экономики. Мировые события конца 2019 — начала 2020 г., связанные с пандемией COVID-19 (когда страны закрывали границы, вводя режим изоляции и в некоторых случаях и чрезвычайное положение), в высшей степени доказали актуальность фразы, приписываемой Биллу Гейтсу: «Если Вашего бизнеса нет в Интернете, то Вас нет в бизнесе». Действительно, в настоящее время достаточно сложно представить успешно функционирующее предприятие без параллельного ведения его социальных страниц в сети Интернет. Наблюдается данный феномен во многих отраслях экономики, принадлежащих как к сфере материального производства, так и нематериального. Если говорить об искусстве, то в настоящее время медиахудожник выходит сразу на глобальную аудиторию, минуя локальную известность, не имея которой несколько десятилетий назад невозможно было рассчитывать на известность мировую. Искусствовед, профессор медиаведения Государственной высшей школы дизайна в Карлсруэ Борис Гройс в книге «В потоке» пишет: «Интернет позволяет автору сделать свое искусство доступным в любой точке мира и в то же время создать личный архив этого искусства» [5, с. 193]. В связи с этим в настоящее время все больше людей, чьей профессиональной деятельностью является создание контента, уходят в интернет-пространство, создавая там сайты, блоги, аккаунты в социальных сетях. Контента становится всё больше, но можно ли назвать это явление положительным?

Майкл Баскар в работе «Принцип кураторства. Роль выбора в эпоху переизбытка» пишет: «...слово “просьюмер” — то есть потребитель, который благодаря Интернету стал производителем, — выражает мысль, возможно, банальную, но верную. Видео, фотографии, поведенческие данные — да что угодно, — всего этого у нас теперь в изобилии» [6, с. 48]. В связи с этим автор начинает рассматривать феномен кураторства и его актуальность: лишь тщательный отбор во всех сферах жизни способен оградить человека от пресыщения и выявить действительно необходимое. «Вопрос сегодня не в том, как производить и передавать новые данные — а как выделить важное. Нам не нужна все время новая информация. Куда ценнее сегодня вместо этого лучше ее отбирать» [6, с. 16].

Кураторство в эпоху рекомендательных систем Web 3.0 сосредоточено на грамотном построении главной идеи проекта в Интернете за счет создания актуального в обществе контента. Обратимся к некоторым главным составляющим любого кураторского подхода, выделенным Майклом Баскаром:

- выискивание качества;
- сокращение и уточнение;
- упрощение;
- объяснение и рассказывание;
- сохранение и забота.

Данные элементы расширяют понятие творчества. Современный куратор смотрит на искусство под другим углом, анализируя то, что уже есть, и комбинируя это таким образом, чтобы получившийся контент вызвал максимальный отклик в обществе и, как результат, распространялся самостоятельно дальше благодаря системе рекомендаций в эпоху алгоритмов.

Так, например, огромными возможностями эффективной демонстрации продукта аудиовизуального творчества можно считать социальную сеть Instagram, так как

эта площадка позволяет получить мгновенную обратную связь публики, благодаря совокупности интерактивных элементов, находящихся на данной платформе.

Возможности социальной сети Instagram как канала распространения культурной информации в медиапространстве

Согласно данным статистики на апрель 2020 г. [7] по числу активных пользователей во всем мире наиболее популярными социальными сетями являются: Facebook (1-е место, 2,5 млрд активных пользователей ежемесячно <далее — а.п.е.>), YouTube (2-е место, 2 млрд а.п.е.), Instagram (4-е место, 1 млрд а.п.е.). Такие интерактивные элементы площадки, как формат сторис (от англ. — stories) — публикации-рассказы, исчезающие через 24 часа; возможность проведения в них опросов и голосований; виртуальные маски, создать которые может любой пользователь; геотеги; хештеги; возможность комментирования; аудио/видеоподкастинг (от англ. podcasting, от iPod и англ. broadcasting — широковещение); шеринг (от англ. share — делиться); direct — функционал для обмена личными сообщениями между пользователями и многие другие функции, позволяют создать успешные кураторские проекты в рамках построения политики «мягкой силы». Благодаря знанию принципов работы рекомендательной системы данной платформы, появилась уникальная возможность продвижения русского искусства за рубеж иностранным гражданам более эффективным и увлекательным для пользователей способом. Далее автор настоящей научной статьи предлагает рассмотреть возможный для реализации кураторский проект о художниках Товарищества передвижных художественных выставок посредством адаптации материала о данном художественном объединении для современной публики в рамках сети Instagram с применением интерактивных элементов данной платформы.

Культурно-просветительский инстаграм-проект о художниках Товарищества передвижных художественных выставок

Предлагаемая концепция — это визуальный проект, реализуемый в социальной сети Instagram, о деятельности и истории становления и достижения коммерческого успеха Товариществом передвижных художественных выставок, транслирующий мысли, идеи, работы и межличностные взаимоотношения его участников и некоторых современников, который ведется на английском и русском языках. Проект представляет собой связь нескольких аккаунтов в социальной сети Instagram, а именно: И. Н. Крамского, И. Е. Репина, Г. Г. Мясоедова, А. К. Саврасова, И. И. Шишкина, Н. Н. Ге, В. Д. Поленова, В. Г. Перова, В. М. Васнецова, В. И. Сурикова, А. И. Куинджи, И. И. Левитана, Владимира и Константина Маковских, В. А. Серова, К. В. Лемоха, П. М. Третьякова, В. В. Стасова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. По мере изучения материала также возможно добавление в проект других исторических личностей.

«Традиционное искусство создавало объекты искусства. Современное искусство создает информацию о событиях искусства» [5, с. 9]. Почему в современном мире музеи не способны должным образом рассказать об истории, искусстве прошлых лет? Борис Гройс в своей книге «В потоке» говорит, что музейный объект лишается «ауры оригинальности», так как является извлеченным из материального потока». В связи с этим необходимо создание новых способов распространения информации о художественных событиях, и наиболее эффективным способом может служить Интернет. «Пока Интернет существует, он позволяет нам возвращаться к информации — как раньше архивы и музеи позволяли нам возвращаться к тем же самым объектам. Это означает, что Интернет обеспечивает нам более легкий доступ к доку-

ментации прошлых событий искусства, чем любой другой архив. Иначе говоря, Интернет — это не поток, а обращение его вспять. И поскольку с точки зрения потока все времена равны, такое возобновление может быть реализовано в любой момент» [5, с. 9]. Автор настоящей научной работы задается вопросом, как познакомить пользователей Глобальной сети не только с современным искусством России, но и, например, с искусством XIX в. так, чтобы вызвать у пользователей интерес и увлеченность, тем самым создать устойчивую практику применения форм межкультурной коммуникации. Мы приходим к выводу, что для этого нужно апеллировать к основным изменениям, происходящим в современной культуре, которые возникли за последние десять лет и были связаны с формированием новой культурной реальности «метамодернизма» [8], основным принципом которой является появление в обществе процессов «новой искренности» — глобальной тенденции обсуждения людьми социальных, экологических, политических проблем. Термин «метамодернизм» был предложен голландским философом Робинот ван ден Аккером и норвежским теоретиком медиа Тимотеусом Вермюленом в эссе «Заметки о метамодернизме» (Notes on Metamodernism), опубликованном в 2010 г. Метамодернизм возникает на почве переосмысления доминировавших в культуре второй половины XX в. и начала XXI в. идей постмодернизма: иронии, деконструкции, относительности и условности эстетических ценностей. Теперь в общественных настроениях, культуре приоритетным становится «процесс возрождения искренности, надежды, романтизма, влечения и возврата к общим концепциям и универсальным истинам» [9, с. 22].

Современный художник при помощи медиасредств выражает в своих работах политические взгляды и высказывает гражданскую позицию, апеллируя к образам прошлого. Можно предположить, что на сегодняшний день начать ознакомление публики с русским искусством можно с такого направления художественной жизни России, как передвижничество (1863—1923 г.), так как его основные идеи актуальны в наши дни, а следовательно, программы, которые будут направлены на популяризацию за рубежом картин художников-передвижников посредством социальных сетей, станут одним из эффективных способов построения межкультурного диалога как основной задачи культурной дипломатии. Возможный для реализации проект, направленный на ознакомление пользователей Сети с художниками-передвижниками и их творчеством через сеть Instagram, по своей форме и характеру замысла может соответствовать формату storytelling (от англ. — рассказывание историй) с его интерактивной составляющей. Для того, чтобы предоставить зрителям возможность погрузиться в творческую среду художников, можно создать не единый аккаунт о Товариществе передвижных художественных выставок, а несколько, то есть для каждого представителя свой. А благодаря интерактивным элементам сети Instagram вовлеченность зрителей будет намного больше. В первую очередь Instagram-проект стоит создать с целью ознакомления публики с русскими художниками-передвижниками посредством их взглядов на мир. Сюжетный ход и сценарий публикаций можно создавать на основе дневников и воспоминаний представителей данного творческого объединения.

Основные идеи передвижничества можно адаптировать к актуальным и обсуждаемым вопросам нашего времени. Например, сейчас в мире горячо обсуждаются экологические проблемы — нельзя быть равнодушным к природе, так как такое поведение приводит к масштабным катастрофам. Затрагивать эти темы можно в аккаунтах художников-пейзажистов, например Левитана.

Основным принципом передвижников является правдивое отображение действительности, критика негативных социальных явлений — несправедливости, нищеты

и т. д. И так как многие из этих проблем до сих пор актуальны в обществе, на них также можно сослаться в публикациях, где представлены картины с аналогичным сюжетом.

В проекте будут использоваться воспоминания и переписка как самих художников-передвижников, так и их современников. Так, активную переписку вел И. Н. Крамской, сохранились воспоминания И. Е. Репина, В. Д. Поленова о деятельности Товарищества, многолетняя дружба связывала И. И. Левитана и А. П. Чехова. Приведем цитату из письма Левитана Чехову (Ялта, 24 марта 1886 г.): «Дорогой Антон Павлович, черт возьми, как хорошо здесь! Представьте себе теперь яркую зелень, голубое небо, да еще какое небо! Вчера вечером я взобрался на скалу и с вершины взглянул на море, и знаете ли что, — я заплакал, и заплакал навзрыд; вот где вечная красота и вот где человек чувствует свое полнейшее ничтожество! Да что значат слова, — это надо самому видеть, чтоб понять! Чувствую себя превосходно, как давно не чувствовал, и работается хорошо (уже написал семь этюдов и очень милых), и если так будет работаться, то я привезу целую выставку» [10].

Теория поколений X, Y, Z; мини-опрос о роли Товарищества передвижных художественных выставок в современной культуре

Американские социологи Уильям Штраус и Нил Хоув разработали теорию, согласно которой каждые 20—25 лет появляется новое поколение, каждое из которых имеет отличное друг от друга мировоззрение, в соответствии с которым меняют мир, привнося в него новые технологии и идеи, переосмысливая опыт и достижения предыдущих.

Поколение X (1961—1981 г. р.) отличается сформировавшейся в детстве самостоятельностью, обусловленной тем, что их родители выдвигали стабильность и обеспеченность на первый план, соответственно большую часть времени проводя на работе. Это стало причиной убежденности в том, что во всем стоит полагаться исключительно на собственные силы и отдавать предпочтение деятельности, приносящей практический результат. В сфере карьеры и личностного роста представители поколения X склонны подниматься с низшей ступени до высших должностей в одном и том же учреждении.

Поколение Y (1981—1996 г. р.) вступило во взрослый возраст уже в XXI в., вследствие чего и происходит их второе наименование — миллениалы. По сравнению с предыдущими это самое либеральное поколение, оно отличается индивидуализмом и скептицизмом. Это энергичные и мобильные люди, мир вокруг которых меняется крайне стремительно. Именно это поколение изменило процесс коммуникации, придумав социальные сети, которые сделали информацию общедоступным ресурсом и размыли границы между частной жизнью и публичным пространством.

Поколение Z (от 1997 г. р.) родилось в эпоху нового тысячелетия, когда цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни. Рожденные в эпоху Web 2.0 живут в пространстве, где виртуальная жизнь граничит с реальной; они активные пользователи Интернета и социальных сетей. Большой ценностью для них является построение личного бренда с помощью Интернета. Они предпочитают не следовать слепо модным трендам, понимая, что качество служит дольше, именно поэтому они стремятся к усовершенствованию системы мира вокруг себя.

Для выявления общего уровня осведомленности общества о Товариществе передвижных художественных выставок и выяснения для каждого из трех поколений X, Y, Z наиболее интересных аспектов деятельности данного художественного объединения был разработан опросник в игровой форме. Было опрошено 59 респондентов.

К какому поколению Вы относитесь?
59 ответов

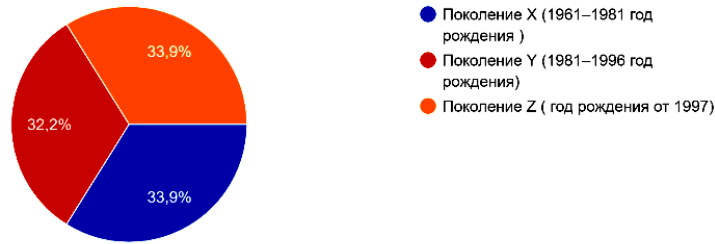

Рис. 1. Количество представителей X, Y, Z среди опрошенных, %

Стоит отметить, что участие в опросе принимали люди разных интересов, как увлеченные искусством, так и представители технических профессий, программисты и др. Также необходимо отметить, что в опросе приняло практически равное количество (см. рис. 1) представителей поколений X, Y, Z (10, 19 и 20 человек соответственно). Анализируя полученные данные, можно сделать вывод, что в целом люди знакомы с творчеством художников-передвижников. Это подтверждается вопросом № 2 (рис. 2), где 62,7% опрошенных дали верный вариант ответа, анализируя перечисленных в вопросе представителей передвижничества.

59 ответов

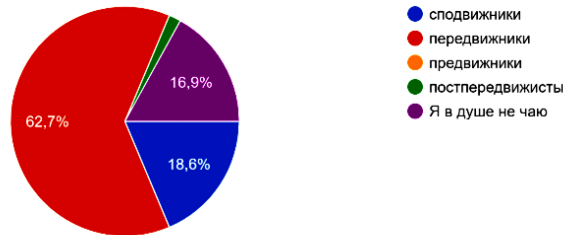

Рис. 2. Количество респондентов, знакомых с термином «художники-передвижники», %

Вопросы № 3, 4 (рис. 3, 4) также показали, что опрашиваемые знакомы с картинами самых известных живописцев данного объединения — Шишкина и Репина: в вопросе № 3 91,5% опрошенных правильно выбрали название картины Шишкина «Утро в сосновом лесу», а в вопросе № 4, где необходимо было определить автора картины «Бурлаки на Волге», 44 респондента дали правильный ответ.

59 ответов

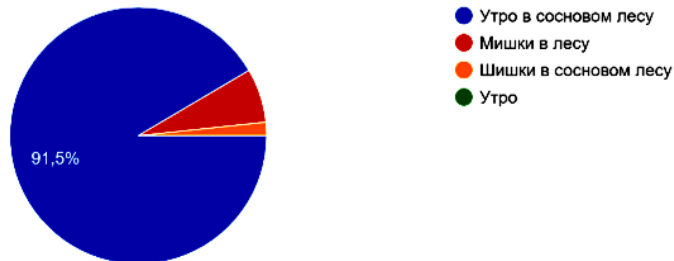

Рис. 3. Ответы респондентов к вопросу об авторе представленной в опросе картины И. И. Шишкина, %

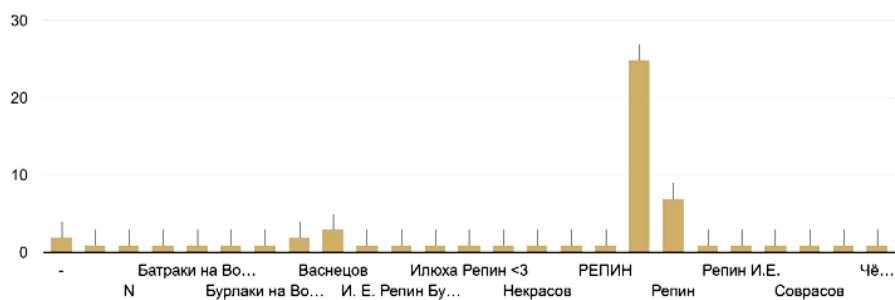

Рис. 4. Ответы респондентов к вопросу об авторе картины «Бурлаки на Волге», чел.

Вопрос № 5 (рис. 5) показал, что 40 человек (67,8%) знают, что члены Товарищества передвижных художественных выставок были представителями реализма.

59 ответов

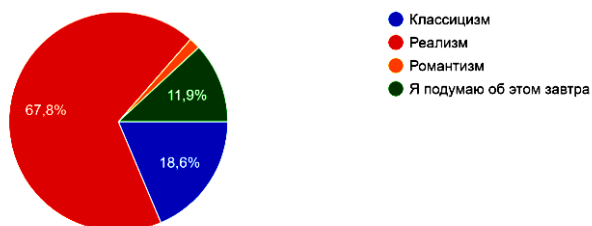

Рис. 5. Ответы респондентов, знающих направление в искусстве, к которому относятся ранее указанные картины, %

54,2% опрошенных смогли указать десятилетие проведения первой выставки Товарищества (рис. 6).

59 ответов

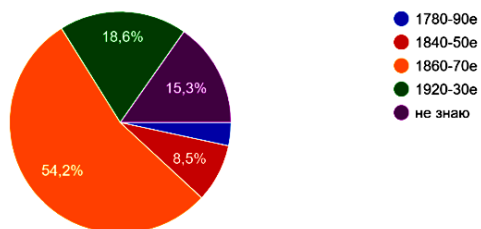

Рис. 6. Ответы респондентов к вопросу о десятилетии, когда впервые была организована выставка

Товарищества передвижных художественных выставок, %

Вопрос № 7 (рис. 7) показал, что 30,5% опрошенных знают о том, что творчество передвижников социально ориентировано.

59 ответов

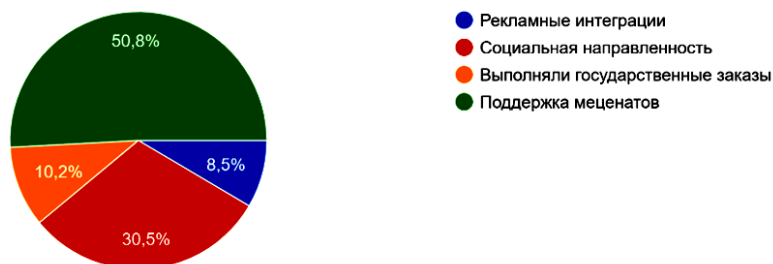

Рис. 7. Ответы респондентов на вопрос, почему выставки Товарищества передвижных художественных выставок были коммерчески успешными, %

Наиболее важным является последний вопрос (см. рис. 8), где спрашивалось: «Если бы был создан проект о Товариществе передвижных художественных выставок, то какой аспект их деятельности Вам был бы наиболее интересен?»

Рис. 8. Ответы респондентов к вопросу об интересных для них аспектах деятельности Товарищества передвижных художественных выставок, чел.

Анализируя ответы на данный вопрос каждого отдельного респондента и сопоставляя их с первым вопросом, где респонденту необходимо было отметить поколение, к которому он относится по возрасту, выявлены следующие результаты: поколение X отдает предпочтение (11 ответов) истории коммерческого успеха объединения и актуальности практического применения в настоящее время. 8 ответов получил вариант ответа «влияние на русскую живопись» и по 7 ответов — «мировоззрение живописцев» и «связь с другими деятелями эпохи». Для поколения Y наибольший интерес вызывают мировоззрение живописцев и их влияние на русскую живопись (по 7 ответов на аспект), а история коммерческого успеха и связь с другими деятелями эпохи опрашиваемых интересуют меньше (3 и 2 ответа соответственно). Поколение Z выделяет пункт «мировоззрение живописцев» (10 ответов) и «влияние на русскую живопись» (8 ответов). Менее интересными для них являются коммерческий успех (5 ответов) и связь с другими деятелями эпохи (6 ответов). По результатам опроса не интересуются темой Товарищества передвижных художественных выставок 2 человека поколения X и 3 — поколения Z. Таким образом, результаты проведенного опроса демонстрируют следующую ситуацию: три поколения имеют общие представления о художниках-передвижниках, а наиболее интересные темы для ознакомления в планируемом для реализации проекте были бы: история коммерческого успеха и актуальность практического применения в настоящее время; мировоззрение живописцев; влияние передвижников на русскую живопись.

Заключение

Артур Кёстлер писал: «Творчество возникает из синтеза существующих идей, в результате смены оптики, когда на привычные вещи начинают смотреть по-новому» [6, с. 69]. Кураторский проект подразумевает переосмысление и адаптацию информации к запросам и интересам разных целевых аудиторий, и именно поэтому цифровые проекты как никогда актуальны в современную эпоху алгоритмов и информационного перенасыщения.

Возможности интернет-технологий безграничны. В связи с тем, что в современном мире сетевая коммуникация, помимо своих основных функций, является также средой художественной деятельности, межкультурный диалог можно наладить посредством социальных сетей, которые стали основным средством формирования имиджа как отдельных лиц, так и государства в целом.

Список использованной литературы

1. Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990.
2. Global soft power index by Brand Finance. The world's most comprehensive research study on perceptions of soft power. URL: <https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/>
3. Global digital population as of April 2020 // Statista — немецкий онлайн-портал статистики. URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/> (дата обращения: 30.05.2020).
4. Nye Jr. The Powers to Lead. N. Y. : Oxford University Press, 2008. С. 265.
5. Гройс Б. В потоке / пер. А. Фоменко. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018.
6. Баскар М. Принцип кураторства. Роль выбора в эпоху переизбытка. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017.
7. Most famous social network sites worldwide as of April 2019, ranked by number of active users // Statista — немецкий онлайн-портал статистики. URL: <https://www.statista.com/statistics/272014/global-social-networks-ranked-by-number-of-users/> (дата обращения: 30.05.2020).
8. Ван Ден Аккер Р., Вермюлен Т. Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М. : Панглосс, 2019.
9. Тёрнер Л. Метамодернизм: краткое введение // Metamodern-журнал о метамодернизме. URL: <http://metamodernizm.ru/briefintroduction/> (дата обращения: 18.05.2020).
10. Письма 1880-х // Isaaclevitan.ru — сайт о художнике Исааке Левитане. URL: <http://isaaclevitan.ru/?page=d778e95e-deef-41e5-b374-2fb91c0032b0&item=c1abe616-4d0b-4c48-858f217a5fae3541&type=page> (дата обращения: 17.05.2020).

Bakar Baidashvili

Master degree philosophy science, Ilia state university, Georgia, Tbilisi,
Bakar.baidashvili.1@iliauni.edu.ge

УДК 17.031

Genealogy of morality as Friedrich Nietzsche's political tract

Abstract. The relevance of the research about Friedrich Nietzsche's Genealogy of Morals is a vital issue. It covers such topics as understanding good and bad, good and evil, as well as Nietzsche's performances ascetic ideals after Nietzsche Genealogy of Morals reviews French philosopher Michel Foucault, which is trying to get a different perspective from Genealogy analyses. The research of moral genealogy includes necessity analyzing Friedrich Nietzsche's other works and ideas such as Overman, end of metaphysics, eternal recurrence, etc. This topic is in connection with contemporary political issues—for example, human morals being an ethical obligation towards state establishment.

Nietzsche is trying to use ascetic ideals to explain the problem of metaphysics thinking in humans' life. The subject of Overman shows what human being must separate. For example, we can see in Nietzsche's ideas how modern liberal values build on Christian morality, which is created by speculation of metaphysics and has no connection with human reality. Analyzing that issue will show the importance of Nietzsche's philosophy in modern political movements.

Keywords: problem of metaphysics, Friedrich Nietzsche, Genealogy of Morals, , The subject of Overman.

Бакар Байдашвили,

магистр философии, Государственный университет Ильи, Грузия, Тбилиси
Bakar.baidashvili.1@iliauni.edu.ge

«К генеалогии морали» Ф. Ницше как политический трактат

Аннотация. Актуальность исследования генеалогии морали Фридриха Ницше не вызывает сомнений. Она охватывает такую тему, как понимание добра и зла, а также представляет концепцию Ницше об аскетических идеалах в полемике с генеалогией морали французского философа Мишеля Фуко. Исследование моральной генеалогии включает в себя необходимость анализа идей Фредерика Ницше, таких как «сверхчеловек», «конец метафизики», «вечное возвращение» и др. Эта тема связана с современными политическими проблемами — например, человеческая мораль является этическим обязательством по отношению к государственному учреждению.

Ницше пытается использовать концепцию идеала аскетизма для объяснения проблемы метафизического мышления в человеческой жизни. И в этом контексте можно видеть в идеях Ницше связь современных либеральных ценностей с христианской моралью; эта связь создается спекуляцией метафизики и не имеет никакой связи с человеческой реальностью. Анализ этого вопроса показывает значение философии Ницше в создании современных политических доктрин.

Ключевые слова: проблемы метафизики, Ф. Ницше, генеалогия морали, концепция сверхчеловека.

According to Friedrich Nietzsche, understanding of good and evil in the moral context was due to the groups of people who distinguished themselves from any plebeian. As a result, their moral law was proportionate to prudence rather than a temporary benefit. Nietzsche also speaks of philosophers whose reasoning about the genealogy of morality is devoid of historical context and is limited only to metaphysical speculation. For example; They say that man is obliged to overcome selfish needs for the sake of his safety and the security of society because part of the human soul is the love of neighbour. Christian culture has emerged from the necessity of forced and illusory "goodness," his followers are ready to punish the masters with great joy; As a result, Nietzsche treats Christian morality as the ideology of slaves, which avoids the historicity of morality and profiles the historian with the speculation of metaphysical thinking. According to Nietzsche, a new world is the revenge of the humble and the weak, on the noble nature of man, who is the master of himself in the world and does not mind wrestling with challenges (1). The act directed against him is a punishment imposed by human incapacity and bogey, which formed in the society in the form of normative morality heads towards the prevention of actions that are incomprehensible to the majority. For example, the sword of justice against "crime" is often not aimed at establishing truth but at restoring it, so the fight is at any situation, recorded as a crime, and then its punishment is determined: "People retaliate because they think it's fair. Therefore, for the first time, find a reason, a basis, namely, justice. That is to say. He is at peace with himself and, therefore, retaliates calmly and effectively because he convinced himself, acting honestly and fairly. And I do not see justice here, nor do I see morality, but if I retaliate, I will do so only with a bogey. The bogeyman, of course, would overcome everything, dispel all my doubts, and, therefore, lead the primary cause to complete success, precisely because it is not the cause" [1].

Dostoevsky's underground recordings convey the fable of Nietzsche's position, the analysis of which synchronously positions Foucault's view of punishment as a means of revenge that allowed man to move from the role of victim to the position of master. Conflict, for example, is the result of a struggle to redistribute economic well-being, in which the strong oppress the weak. As a result, we find ourselves in a situation where the role of master and slave is played by people whose actions are due to the above factors. It is noteworthy that when Foucault treats people as units, he points out that the confrontation between individuals and the redistribution of their roles produce only differentiated values. If we consider class struggle in battle, then we will face the struggle for freedom. Everything is clear in Dostoevsky's work, particularly in crime and punishment we see the confrontation of time where the past and the future are involved in the battle, brilliant example of which is Raskolnikov's character, who is the bridge between the past and the future and a representative of both. We see that for Dostoevsky, the future is dead because the values of the past that Western culture gave birth to are locked in itself and resemble the mother who rules Raskolnikov, and their confrontation is directly due to economic prosperity and even more so because of living space. For Dostoevsky, the whole past is the values from which Raskolnikov grew up. His moral leverage is a past story that upsets the young man and puts him in terror. As a result, Raskolnikov sees a way out of the past. Ignoring history, existing, in this case, Christian history, and not Europe itself, in which Christianity grew.

As a result of the phenomenon of good and evil from a Nietzschean perspective, we can understand it as useful and useless. People coexistence in a society presented as buyer and seller is a relationship between master and slave. Nietzsche points out that in the case of non-payment of debt, the violence that applied to the subject was seemingly harmless, forcing the debtor to use the law to inflict such damage as the cost incurred by him.

Criticism of Nietzsche goes direct at the principle of horde life, which is focused only on the benefit that will do everything for self-preservation. Carl Jaspers notes that for Nietzsche, the victory of Christian morality is equally with the revolt of the mob, which has destroyed everything human, earthly, and at the same time, labour relations as part of the parasitic system. To better illustrate the issue, we need to consider the principle of modern democracy from a Nietzschean perspective.

As we have seen, the ideology of equal existence for Nietzsche grew out of the morality of Christians, resulting in a model of democracy in which Nietzsche sees resistance as the basis for his choice. As a result, we can assume that the problem for Nietzsche is not democracy itself, which gives each person the right to free speech and determination, but its origin. In such a case, we have the rule of the horde, which is headed by a metaphysical ruler, the variety of which is revealed by the desires and passions of his subjects. And Urdu, through democracy, has managed to create a universal system of governance that does not have its power, demanding ideals and moral categories.

"Democracy has the capacity, without employing any kind of violence but simply by applying continual constitutional pressure, to render the offices of king and emperor hollow: until all that remains is nought, though nought perhaps, if that is what one wants, possessing the significance of every nought that, in itself nothing, if placed in the right position it multiplies the effect of a number by ten" [2, p. 379].

For Nietzsche, democratic values have a zero value, implying that any political ideology or social vocation will gather terrible power and unify the political or social demands of a single unit of growth. As a result, we see that democracy is the revenge of the disobedient masses, which ultimately leads to the defeat of both opposing sides: "That

which now calls itself democracy differs from older forms of government solely in that it drives with new horses: the streets are still the same old streets, and the wheels are likewise the same old wheels" [2, p. 385].

For Nietzsche, the governance of a democratic system is not the recognition of the interests of the majority, but of every citizen who belongs to any ethnic group. In my view, Nietzsche saw the inadequacy of democracy in inequality of individuals, since the minority might have been in the state would be forced to obey the decision of the majority. In this case, as I have already mentioned, in the form of Western culture, we have a model of majority rule that originates from Christian morality. Any decision of which will be inspired by Platonic and Christian aesthetics.

As I mentioned, at first glance, Nietzsche is opposed to democratic ideology, in which case people choose this or that position as a result of individual decision-making. With this judgment, it may contradict Nietzsche's possible Sophistic worldview, according to which no higher instance would be an unquestionable truth.

Take Dostoevsky's *Karamazov*, for example, to better see the micro model of the ancient world from a modern Christian perspective. In this case, it will be interesting for us to analyze the origins of the Karamazov brothers. As we know, Fyodor Karamazov had two wives. The first Adelaide Ivanovna, a woman of aristocratic descent, had a romanticized worldview, perhaps fascinated by the adventures of the past, agreed to marry Fyodor, equated herself with Medea, and did not fear a risky move in protest against society.

Whatever it is, we see the character of a strong aristocratic woman who was not equal to Fyodor Karamazov. As we learn from the beggar, he was often even physically abused. It was from Adelaide Ivanovna that Fyodor Karamazov gave birth to his first son, Dimitri. The latter can be considered a symbol of ancient Greek culture and his noble character and generosity. The second wife was Sophia, a weak, God-fearing, and a doomed slave who, as Father Karamazov said, was married only to a sentimental girl and had two children, Ivan and Alyosha, who fit well with the Christian worldview. That they are kind and erotic controversy is a perfect example of where life formed. However, we must remember that Dostoevsky does not try to deny metaphysics, his world is an orthodoxy devoid of idealistic normative ethics, where the notions of supremacy and hypocrisy no longer exist. Our reasoning based on the fact that there is no place for Dimitri's character in this world; his noble manners and attitude are ridiculous and incomprehensible. This genuinely human embodiment of generosity is the last echo of the old world, of which Dimitri himself is well aware, and realizes that the feeling that drives him is incomprehensible to the new world. Therefore his Dionysian spirit leaves the stage.

The result is a tired nature of Ivan's profound erudition, which has nothing to do with education, and a new Socratesian man in the form of Alyosha, who tries to develop himself by observing and analyzing existing events. Normative ethics bound Alyosha, but the only thing Alyosha himself has is that he remains a means of development that Dostoevsky thinks should liberate the future. It is noteworthy that in the face of this controversy between old and new metaphysics, Dostoevsky leaves the future to one of the little heroes of the work, whose character carries socialist ideals. Nietzsche's relation to the analysis of Dostoevsky's work and the existing controversy is immediately apparent. Nietzsche's whole endeavour is to liberate himself from the system of the dispute between Ivan and Alyosha, whose captivity is Dimitri. It is in Dimitri's character that we can see the whole Nietzschean spirit.

The similarity between Nietzsche and Dostoevsky is that Dimitri is in love, as a result of which all his actions, which has persecuted in Dostoevsky's world, are permissible with Nietzsche because for Nietzsche only love allows him to commit acts that are free from understanding good and evil. Dimitri's character does not recognize the principles of normative ethics, insofar as his world is deeply ingrained in inner nobility without any asceticism, as we see his mind is earthly, loving life and avoiding non-existent ideals.

Foucault offers one of the solutions to the current problem in his small but essential work, *Nietzsche, Genealogy, History* [3], a genealogy from a historical perspective where genealogy requires a rethinking of historiography, which is chronologically rather than hierarchical.

According to Foucault, any historian who considers the existence of the past except for the past misleads the present because history must know everything, he has no choice and no right to organize a chain of events hierarchically, it must be represented as a whole, and nothing must be overlooked. Foucault recons, the historian's distant ancestor is Socrates, who laid the foundation for historical memory, which could rationally reveal every secret, and his actions were based on the idea of universality and laid the foundation for metaphysical thinking. On the other hand, he avoids everything that exists and is fed by ascetic ideals. It is necessary to free a person from such a model of memory, which simultaneously recognizes metaphysical and anthropological. We need to pack this line of historical time, where the main character is a parody man, a kind of clown who has lost his self. Still, at the same time, man must not forget that he is only an actor in the carnival of history, in which, from time to time, he wears the masks of Christ, Caesar, or Dionysus. Everything has to be repeated here. All under one cover, people will unite, it will be a kind of parody where people will discuss and confront each other from time to time, any dormant character will rise again from the ashes and acquire the reality.

List of used literature

1. Nietzsche, Friedrich Wilhelm, *On the Genealogy of Morality*, Keith Ansell-Pearson, Carol Diethe, Cambridge University Press, 2006. URL: <https://book.cc/ireader/785515>

2. Nietzsche: *Beyond Good and Evil: Prelude to a Philosophy of the Future*, Cambridge University Press; 1 edition, 2001.

3. Ницше и современная западная мысль: Мишель Фуко, Ницше, генеалогия, история. СПб. ; М. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге : Летний сад, 2003.

Gunel Aliniyaz Garayeva

Ph.D student, Baki State University, head teacher, Azerbaijan University of Languages,
Baki, Azerbaijan, gunel.q@outlook.com

УДК 141.81

Transformation of Utopia

Abstract. There is also the spread of culture as a function of succession and even a return to the new style. History of thought is also important because it played a special role in determining the cultural orientation of peoples. Of course, Utopian views also have no concrete homeland. Exchange of cultures between the peoples with one another from different geographical conditions makes cultures richer. Of course, all these religious views were transmitted to future

generations within the context of cultural heritage. However, people were inclined to express their views on the creation of more utopian imaginary societies. It is no coincidence that the utopian dream of a "paradise" runs through the heart of almost all views.

Keywords: Utopia, dystopia, inheritance, opportunism.

Гюнель Гараева,

аспирант, Бакинский государственный университет; старший преподаватель, Азербайджанский университет языков, Азербайджан, г. Баку, gunel.q@outlook.com

Трансформация утопии

Аннотация. Распространение культуры осуществляется как функция преемственности и даже возврата к новому стилю. История мысли также важна, потому что она сыграла особую роль в определении культурной ориентации народов. Конечно, утопические взгляды также не имеют конкретной родины. Обмен культур между народами друг с другом в разных географических условиях делает культуры богаче. Конечно, все эти религиозные взгляды передавались будущим поколениям в контексте культурного наследия. Однако люди были склонны выражать свои взгляды на создание утопических воображаемых обществ. Не случайно утопическая мечта о «рае» пронизывает практически все взгляды, связанные с теориями развития культуры.

Ключевые слова: утопия, дистопия, наследование, оппортунизм.

There are, of course, many historical examples of Utopian transformation:

— While the religious beliefs created by the Sumerians had enslaved the mind, the same religious myths had already created philosophy in the new geography when it reached Ellada.

— If the Jews owed their religious views of Sumer and Egypt, they unknowingly became the source of new ideas to Islam [6, p. 152].

Occasionally, culture does not return in good faith to the region where it was created and spread in a different way [3, p. 48]. Here are some examples

— For example, the German people, who had taken over nationalism and chauvinism by Napoleon's marches from the French people, later became the subject of the French people's history.

— The wars against catholicism that once plagued German were not limited to Lutheranism and became a threat to the Germans in the future .

Although utopia about the state began to emerge under the influence of liberalism since the 17th century, these utopias are generally known in historical practice for their changing to dystopia. In particular, the rules for the English school world meeting should be based on realistic pillars inside the liberal country. However, this view has objectively led the external threat factor to the difficulty of internalizing liberalism. Utopian ideas about the state have also become dystopian in states that have the development lines as fascism, racism, nationalism, imperialism and militarism. In this sense, communism was not an invasion.

Thus, the Germans, realizing that they had a community against the external threat and that they had the same external enemy, brought the nazism to power through elections . Immediately after Adolf Hitler's coming to power, etatism became so centralized that the Germans themselves began to crush under the dictatorship. Hitler said: One nation, one state, one leader (Ein Volk, Ein Reich, Ein Fuhrer). These words were a simple expression of centralizing. Strict centralization from one nation to another did not correspond to the German's romantic aspirations for nazism. The Germans did not think

about millions of Jews who died for Germany and lost their bodies when the Germans united firmly against foreign enemies. It was one of the unfair aspects of nationalism. The number of Jews killed for Germany during World War I is many times higher than all the Jews who died in 1948 for the Israeli state.

Another superetatism was the power of fascism in Italy. Thus, Benito Mussolini, who was at the forefront of this regime, was trying to bring the Italians around an ideology that was to restore the Roman Empire. At first glance, the romanticism and utopian dreams soon became dystopia, with the harsh regime and the enemy being shot down.

The Soviet peoples, for the most part, have already created a superethatism in order to destroy their local class enemies as one class (Karl Marx), where many workers, even party workers (the Leningrad case) have been killed.

These false or disappointing utopias appear in the Ataturk dictatorship during the Japanese independence war, when the Japanese believed in their emperor and eventually became disillusioned .

The transformation of utopia in the territory of Iran shows itself in many different ways. Thus, the worship of Ahura-Mazda (Hormuz) in the Early Avesta texts, the titles addressed to him, and his belief in salvation were later addressed to Zoroaster, Manini, and Mazdak. After the spread of Islam, Ali image of the same titles redirected [1, p. 328].

Speaking of the transformation of Utopia, of course, one cannot speak of the global labor movement and its history, roots, and dynamics of development. After all, the most recent and successful ideas of social life, welfare society are connected with the history of the left movement. Thus, the dynamics of the development of socialism, of course, start with the emergence of industry, which is associated with both the growth of the spread and the development of the movement of workers with a higher awareness of the new experience in new territories .

In France and England, the bourgeoisie seized political power. Since that time , both the practical and theoretical class struggle have become increasingly open and frightening forms. At the same time, the death of the scientific bourgeois political economy has come. From this point on, the issue was no longer about whether a particular theorem was correct or not, but whether the theorem was profitable or harmful, relevant or not, and whether it was in accordance with police considerations. Instead of endless research, the wars of betrayal planners take place, unbiased scientific searches are replaced by flattering appeals. However, the ambitious publishers, led by the Cobden and Bright Fighting Society against the grain laws, have been historically significant, though not scientifically, because of the controversy over the aristocracy of land ownership. However, from the time of Sir Robert Pilin, the freelancer legislation also hit this last dent of the vulgar political economy [2, p. 64].

German workers have two important advantages over the rest of Europe. The first is that they belong to the most engaged people in Europe, and hold the theoretical notion that the so-called "scientific" classes of Germany are almost completely lost. German scientific socialism, the only scientific socialism in existence to date, could never have been created without the pre-German philosophy, especially Hegel's philosophy. Unless workers had theoretical thinking, this scientific socialism would never work for their warmth and blood as we have seen them now. The fact that this advantage is so great, on the one hand, that despite the excellent organization of individual professions, is a neglect of every theory, despite the fact that it is one of the main reasons for the slow progress of the English labor movement, on the other hand shows in its original form the confusion and stigma between the French and the Belgians, and the cartoons provided by Bakunin between the Spaniards and the Italians.

The second advantage is that the Germans took part in the labor movement latest all of them. Indeed, German theoretical socialism is a genius in the shoulders of Sen-Simon, Furry, and Owen, who, despite all the myths and utopias of their theories, are the greatest personalities of all time and are now scientifically proving our authenticity will not forget that three thinkers are on the shoulders - so should never forget that the German labor movement developed on the shoulders of the English and French movements, and could only use their priced experience to their advantage, which would in most cases fail. He was able to recover from his mistakes now [4, p. 114]. Where would we be if the English tragedy and the French workers were not an example of the political struggle, especially the strong impetus given by the Communist Party of Paris?

German workers should be justified: they have used the benefits of their position with a rare skill. For the first time since the existence of the labor movement, the struggle has been systematically in all three directions of its own, coordinated: theoretical, political, and economic (resistance to capitalists). The strength and invincibility of the German movement is also in this attack, as they say, a concentrated attack. On the one hand, German workers are now leading the proletarian struggle as a result of this favorable situation of German workers, and on the other hand, because of the island features of the English movement and the violent suppression of the French movement [2, p. 46]. Thus, the German capitalist method was only grown after the emergence of the antagonistic nature of this production method during the thunderous battles of historical struggle in England and France, and the German proletariat had a much clearer theoretical classical knowledge than the German bourgeoisie. Thus, the conditions under which the bourgeois political economy could be conceived as a science were no longer available, and it was no longer possible. Thus, the historical development of the German society does not allow the original development of the bourgeois political economy, but does not eliminate the possibility of its criticism. Since such criticism generally represents a particular class, it can only represent a class whose historical function is to create a revolution in capitalist production and to destroy the classes, that is, the proletariat. Thus, the historical importance of the German work by its activity was to spread the communist utopia to a wider continent and to give a serious impetus to the occurrence of historical events. In this sense, the German occupation is of historical importance from the point of view of the communist utopia being firmly in the minds of the workers. After the German occupation, all workers in large areas as far as China fell under communism. However, as communism shifted, it led to various revisions in its content and even actions that were incompatible with communist utopia.

List of used literature

1. Aurelius Augustin. On the Holy Trinity // Ante-Nicene Fathers. The Writings of the Fathers Down to AD 325. Vol. III. T&T Clark, Edinburgh; WM. B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan, 1885.
2. Briga S. S. Phenomenon Utopia and Dystopias as a Part of the Society // The Moscow State University. Series: Philosophical Sciences, 2009. No. 4. P. 46—50.
3. Agaoglu Ahmed bey. Selected works. Baku, 2007. 450 p.
4. Engels Friedrich. Cognitive Socialism from Utopian Socialism. Conversion: Yavuz Sabuncu. Istanbul : Publications of Knowledge and Socialism. 103 p.
5. Athenagoras. By Athenagoras the Athenian: Philosopher and Christian // Ante-Nicene Fathers. The Writings of the Fathers Down to AD 325. Vol. II. T&T Clark, Edinburgh; WM. B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan, 1994.
6. Engels F. Cognitive Socialism from Utopian Socialism. Conversion: Yavuz Sabuncu. Istanbul : Publications of Knowledge and Socialism. 103 p.

7. Aurelius Augustin. Anti- Pelagian Writings // Ante-Nicene Fathers. The Writings of the Fathers Down to AD 325. Vol. V. T&T Clark, Edinburgh; WM. B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan, 1885. 616 p.

Тахир Ханифович Ризванов,

бакалавр международных отношений, Марийский государственный университет,
Россия, г. Йошкар-Ола, tax.rizvanov@yandex.ru

УДК 327

Сравнительный анализ культурной дипломатии ЕС и США

Аннотация. В данной статье предпринята попытка рассмотреть происходящие эволюционные изменения в концептах: «мягкая сила», публичная дипломатия, культурная дипломатия США и ЕС. В современной геополитической ситуации существует тенденция отделения культурной дипломатии от публичной, в результате чего первая становится самостоятельным инструментом «мягкой силы». При этом стратегия формирования внешнеполитического образа как отдельного государства, так и международной организации приобретает схожие черты.

Ключевые слова: культурная дипломатия, мягкая сила, глобализация, публичная дипломатия, идеологическая пропаганда, формирование внешнеполитического образа.

Takhir Khanifovich Rizvaniv

Bachelor of International Relations, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola,
tax.rizvanov@yandex.ru

Comparative analysis of EU and US cultural diplomacy

Abstract. This article attempts to examine the ongoing evolutionary changes in the concepts of "soft power", public diplomacy, and cultural diplomacy of the United States and the EU. In the current geopolitical situation, there is a tendency to separate cultural diplomacy from public diplomacy, as a result of which the former becomes an independent tool of "soft power". At the same time, the strategy of forming the foreign policy image of both an individual state and an international organization acquires similar features.

Keywords: cultural diplomacy, soft power, globalization, public diplomacy, ideological propaganda, the formation of a foreign policy image.

С началом глобализации культуры и средств массовой коммуникации роль и значение международных культурных отношений на мировой арене начинают укрепляться и развиваться. Учитывая процесс глобализации культурного мира, в том числе средств массовой коммуникации, нельзя обойти стороной решение сложных вопросов в сфере международных отношений, которые в большинстве своём приобретают статус всемирных. Таким образом, исследование этого феномена в контексте всемирной интеграции позволит точнее прогнозировать, анализировать и предлагать векторы решения проблем в современной европейской и американской дипломатии, грамотно модернизируя сферу международных отношений и подстраивая её под решение актуальных вопросов [1].

В данной статье предпринята попытка раскрыть и сравнить суть произошедших изменений в концепте «soft power», а также в близких к данной теме аспектах, по-

священных публичной дипломатии и культурной дипломатии Европейского союза и Соединённых Штатов Америки. Для сходства и различий в дипломатических подходах ЕС и США автор статьи поднимает следующие вопросы:

– С чем связано увеличение интереса к исследованию и применению алгоритмов решения актуальных проблем в культурной дипломатии в ЕС и США?

– Какие инструменты и механизмы реализации культурной дипломатии США и ЕС наиболее конструктивны и результативны в современных международных отношениях?

Состав Европейского союза никоим образом не похож на состав традиционных федеративных систем, и он не похож ни на одно конституционное образование, поскольку данное образование уникально в своем наднациональном устройстве. Благодаря своему разнообразию, включающему представителей большого количества национальностей, Европейский союз создает особую активную среду для развития культурной дипломатии, не имеющей аналогов на таком уровне. Нигде больше в мире нельзя найти столько различных этнических идентичностей, собранных под крышей одного политического образования [2]. Цели Европейского объединения становятся более заметными и каким-то образом становятся более упорядоченными в европейской внешней политике, в том числе и на национальном уровне. Стоит также отметить и консолидацию демократии, которая развивается именно благодаря работе ЕС и направляет многие страны на путь равномерного развития для достижения общих международных целей. Тем не менее Юрген Хабермас утверждает, что европейцы никогда не сохранятся в процессе интеграции, основанной исключительно на экономических основаниях и что, с другой стороны, культурное объединение невозможно. Он считает, что европейские нации и национальные государства слишком стремятся сохранить свою национальную культуру и идентичность и поэтому любая форма плавильного котла немислима. Именно это и является одной из проблем в сфере культурной дипломатии, актуальной и по сей день: как достичь экономического и политического единства в нужных областях, но сохранить разнообразие культурных норм и ценностей разных стран [3].

Чем более интегрированными в сфере политики становятся европейские страны, тем больше возникает полемики по поводу того, что Европа становится плавильным котлом культур. Культурная дипломатия сама по себе играет в данном вопросе важнейшую роль, выступая в качестве инструмента для придания большей легитимности интеграции, приводя общественное сознание к пониманию того, что политически более связанный союз не равен «культурной дезидентификации» государства-члена Евросоюза, и в данном случае «культурная дипломатия может помочь преодолеть кризис идентичности (культурной, национальной и т. д.), сохранив культурные рамки страны настолько, насколько захочет её руководство и жители» [4].

Механизмами и инструментами, с помощью которых можно полностью обеспечить реализацию культурной дипломатии ЕС, следует считать не только медиаиндустрию, например кино, телевидение, концерты и выставки, но и креативную индустрию — моду, дизайн, реставрационные работы, привлечение туристического потока с целью культурного туризма, сохранение уникального этнического кода с помощью программ поддержки традиционной культуры, норм и ценностей, консолидацию локальных идентичностей для продвижения межкультурного диалога. Одним из наиболее крупных достижений в культурной дипломатии ЕС можно считать создание платформы культурной дипломатии для поддержки институтов Европейского союза в реализации новой Стратегии ЕС по международным отношениям, созданной Служ-

бой внешнеполитических инструментов Европейской комиссии в марте 2016 г. Это образование, включённое в активную деятельность культурной дипломатии, также вытекает из подготовительной акции под названием «Культура во внешних отношениях ЕС», состоявшейся в период 2013—2014 гг., подготовительные меры к которому были рекомендованы Европейским парламентом в 2012 г. после принятия в 2011 г. важного документа — резолюции о культурных аспектах внешней деятельности ЕС. Они были осуществлены Управлением общего образования и культуры Европейской комиссии [5].

В США понимание важности использования алгоритмов культурной дипломатии пришло лишь после завершения действий Второй мировой войны. Нельзя не обратить внимания на то, что в политических кругах Америки пришло понимание того, что культурный фактор можно успешно применять как вполне действенный инструмент в сфере воздействия на идеологическом уровне. До перестройки в СССР действовала разветвлённая система распространения идей во внешней политике. Особенно хорошо это влияние можно было проследить в странах социалистического лагеря — Чехословацкой Социалистической Республике, Республике Румыния, Социалистической Федеративной Республике Югославия, Республике Куба и многих других стран мира. Концепция стран, придерживающихся социалистической ориентации, строилась на заключении долговременных договоров в различных сферах, постоянной поддержке, развитии и взаимопомощи. Именно в тот временной промежуток СССР лидировал в распространении и создании новых механизмов идеологической пропаганды больше, чем любое другое государство. Для этого Советский союз подключал грамотных специалистов и созданные инструменты влияния, действующие в сфере международных отношений. Именно СССР был лидером в продвижении так называемой «мягкой силы». Именно в различных способах продвижения идеологии СССР и США зачастую сталкивались в разных сферах влияния, борясь за первенство. Политики, экономисты, дипломаты, работавшие в этот период, разрабатывали не только теоретические аспекты, но и с большой верой относились к целесообразности использования идеологии той страны, на которую они работали. Советская и американская системы идеологического влияния существенно отличались не только механизмами продвижения тех или иных идей, но и задачами и целями. Например, учёные из Америки стремились обеспечить доступ к всемирной демократии и уничтожить радикальные идеологические течения. В этом состояла их цель. Исходя из опыта и истории международных отношений прошлых лет, можно сказать, что идеологические механизмы оставались и остаются важной частью политики Соединённых Штатов, причем не только чистой политики, но и её культурных аспектов. Теперь США могут активно влиять на политическую, экономическую и культурную картину мира, не создавая сенсаций в сфере международных отношений, а лишь продвигая свою культуру в массы. Отметим тот факт, что данная идеология, имеющая место быть раньше во времена «великого противостояния» и способная организовать серьёзную идеологическую атаку или контратаку, дала мощнейший импульс к развитию новых сфер международных отношений, а именно — к укреплению внешнего культурного фактора, подразумевающего собой исключительно государственный подход к грамотной организации и реализации внешней политики в сфере культурных взаимоотношений [6, с. 203—205].

В 90-е гг. XX в. на передовую выходит «мягкая сила» США, а идеологическая позиция СССР незадолго до развала, а тем более после, сходит на нет. К Соединённым Штатам устремляются взгляды стран, ранее входящих в социалистический

лагерь. Туда устремляются финансовые и человеческие ресурсы. США становятся государством-моноцентристом. Говоря о ресурсах «мягкой силы» Соединённых Штатов в последнее десятилетие XX в., надо отметить использование как официальных инструментов политического воздействия, так и неофициальных. К официальным можно отнести работу различных государственных структур в социокультурной сфере, фонды и организации, объединяющие филантропов. Но самым интересным направлением в изучении инструментария воздействия «мягкой силы» представляется медиакультура США, невероятно популярная как минимум два последних десятилетия [см. 7]. Известный кинематограф, музыкальная культура, работа средств массовой информации невероятно органично вплелись в процесс глобализации и стали воздействовать на всё мировое сообщество. С каждым годом превалирование американской модели культуры понемногу «выживало» сферы влияния и интереса других культур, и к концу первого десятилетия XXI в. именно эта модель стала доминирующей. В чём заключается феномен американской культуры и удивительного уровня интеграции в культуры других стран? — вот вопрос, которым озадачены многие учёные. Несомненно, именно массовость американской культуры, рассчитанной на широкие слои общества, обусловила её такое стремительное распространение за границы США [8]. Но не закончилось всё восхищением поп-идолов Соединённых Штатов. Тиражируемая идея о том, что Америка — страна будущего, способствовала перениманию другими государствами экономической и политической систем США.

Подобным путём, только более мягким и ненавязчивым, пошла и Россия после развала СССР, стараясь сделать социокультурный обмен с другими странами доступнее и развивая демократию. Но до масштабов США Российской Федерации, по мнению многих исследователей, было весьма далеко [9].

Подводя итоги анализа сферы международных отношений, можно отметить следующее. Культурная дипломатия США остаётся невероятно интересным полем для исследования социологов, политологов, экономистов и других специалистов различных областей. Кроме того, нельзя не отметить и разницу в культурной дипломатии Европейского союза и Соединённых Штатов Америки. США активно интегрируют культурное влияние и культурную дипломатию в различные международные процессы, распространяя своё влияние. Евросоюз в то же время больше ориентирован на себя, на свою внутреннюю деятельность, решая задачи и проблемы входящих в ЕС стран.

Таким образом, культурная дипломатия США служит осуществлению собственных целей, претворению определённых идей в жизнь и направлена на экспорт американских культурных ценностей во внешний мир. В то же время для противопоставления системе культурной дипломатии США культурная дипломатия ЕС формирует общий внешнеполитический образ Союза, а также служит инструментом преодоления кризиса идентичности. Другими словами, можно утверждать, что культурная дипломатия ЕС направлена в первую очередь на представителей стран Союза. Говоря об Америке и немного интегрировав психологию в политику, мы можем утверждать, что до сих пор это государство является экстравертом, а Евросоюз — интровертом. Но именно их деятельность является главенствующей на современной политико-экономической платформе и остаётся одной из самых актуальных для изучения специалистами по международным отношениям.

Список использованной литературы

1. Una nuova strategia volta a porre la cultura al centro delle relazioni internazionali dell'UE // European Commission. Press Releases Database. Press Release Details. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-2074_it.htm

2. Шамугия И. Ш. Понятие «публичная дипломатия» в теории международных отношений // IX Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» — 2017. URL: <http://www.scienceforum.ru/2017/2706/32077>
3. Подберезкин А. И. Основные понятия политики «новой публичной дипломатии» // Центр военно-политических исследований. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=analitika/osnovnye-pony..>
4. Glassman J. K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement // US Department of State. Archive. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm>
5. Cultural DIPLOMACY & Soft Power // Rebel Alliance Empowering. URL: <http://www.rebelalliance.eu/cultural-diplomacy.html>
6. Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М. : Междунар. отношения, 2012.
7. Nye J. (Jr.) Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990.
8. Nous sommes tous Américains // Monde. URL: <http://www.lemonde.fr/idees/article/2011/09/09/nous-s..>
9. Филимонов Г. Ю. К вопросу об истории внешней культурной политики США // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2011. № 4. С. 89—97. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to..2001—2009.state.gov

Алексей Игоревич Пожаров,

кандидат культурологии, доцент, Институт кино и телевидения (ГИТР),
Россия, г. Москва, soundman.alex@gmail.com

УДК 070(93)

Между политикой открытых дверей и меморандумом Брейвика: отражение социокультурной рефлексии на современную миграционную проблематику в сериале «Beforeigners»

Аннотация. В статье на основе анализа сериала «Beforeigners» рассматриваются вопросы межкультурного взаимодействия в современной европейской культуре, существующей в условиях господства идей толерантности. Рассматриваются особенности феномена миграции и вызовов, которые она бросает современному обществу.

Ключевые слова: миграционная политика, толерантность, культурология, семиотика.

Alexey Pozharov

Candidate of sciences in Cultural Studies, Associate Professor,
Institute of Cinema and Television (GITR), Russia, Moscow, soundman.alex@gmail.com

Between the open door policy and The BreivikMemorandum: reflection of social and cultural reflection on modern migration issues in the TV series “Beforeigners”

Abstract. Based on the review of the TV series "Beforeigners", the article examines the issues of intercultural interaction in modern European culture, which exists under the domination of

the ideas of tolerance. The author analyzes the features of the migration phenomenon and the challenges it poses to modern society.

Keywords: Migration policy, tolerance, cultural studies, semiotics.

Одной из наиболее острых проблем, стоящих перед современным обществом, стала проблема нового «великого переселения народов», мощной волны миграционных потоков, поставившей перед современной Европой целый ряд политических, социальных и культурных вопросов. Любопытная попытка отразить особенности взаимного сосуществования представителей различных, с трудом уживающихся друг с другом культур стал сериал *Beforeigners* (2019, Норвегия, режиссер Йенс Лиен, сценаристы Анна Бьёрнстад и Эйлиф Скодвин).

События сериала базируются на популярном фантастическом сюжете: по всему миру из морских пучин начинают массово всплывать люди, но это не жертвы катастрофы, а «хрононавты», путешественники во времени, жители этой же местности, жившие в прошлом — в каменном веке, в эпоху завоеваний викингов и в XIX столетии. Описание путешествий героев во времени — широко известный прием в мировой литературе, где первым произведением такого рода считается роман Святоплука Чеха «Путешествие пана Броучека в XV столетие» (1888), а классическим воплощением, на которое ориентируются все последующие авторы, — роман Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889). Путешествия могут предприниматься во все стороны временной шкалы: герой может быть современником, отправляющимся как в прошлое — реальное или фэнтезийное, — так и в будущее (Г. Уэллс, *Машина времени*, 1895). Не остался в стороне от этого сюжета и кинематограф, представивший его многочисленные воплощения — от хрестоматийной трилогии «Назад в будущее» (1985—1990, США, реж. Р. Земекис) до «Облачного атласа» сестер Вачовски (2012, США) по роману Д. Митчелла.

Если в результате целенаправленных или случайных действий героя происходит изменение течения исторических событий, то этот сюжет выделяется в отдельный над-тропхроноопер. Широкое распространение этого сюжетного хода связывается с компенсаторной потребностью конструирования «хорошего прошлого» [1, с. 267], что в настоящее время является глобальным трендом [2, с. 248]. Но, в отличие от практически всех культурных артефактов, эксплуатирующих тему путешествий во времени, в сериале «*Beforeigners*» протагонистами являются не только и не столько хрононавты, в центре повествования — тема противостояния и взаимопроникновения культур в условиях их вынужденного сосуществования. Этот сюжетный ход, проецирующий актуальные расовые, культурные и религиозные конфликты на фэнтезийную плоскость, с одной стороны, позволяет раскрыть реально существующие проблемы, абстрагируясь от тоталитарного цензурирования господствующей идеологии толерантности, а с другой — позволяет рассмотреть вопросы, касающиеся самоидентификации современного человека.

Первая проблема, высвечивающаяся в сериале, — внезапность появления мигрантов и априорно задаваемая необходимость решения связанных с ней проблем. Пришельцы из прошлого буквально сваливаются на голову правительствам всего мира как данность, и эту задачу приходится решать. Проблема существует, мир изменился по не зависящим от человечества условиям, и люди начинают приспособляться к новой реальности. Такая завязка прекрасно передает фактическую табуированность обсуждения причин возникновения новой волны массовой миграции в современном медийном пространстве. Отметим, что исследование послевоенной картины европейских миграционных процессов в целом дает достаточно

ясную картину широкомасштабной государственной политики привлечения иностранной рабочей силы в западноевропейские страны. Например, Франция, определяя иммиграцию как средство для частичного ослабления напряжения на рынке труда и для сопротивления социальному давлению, в 1963 г. выдвинула ее как дополнительную цель иммиграционной политики западноевропейских государств [3, с. 65]. В это время практика привлечения иностранных рабочих была прозрачной и пользовалась поддержкой самых разных политических сил. Проводимая политика экономического угнетения гастарбайтеров, «экспорта безработицы», предусматривающая увольнение в момент кризиса в первую очередь рабочих-мигрантов с сохранением рабочих мест для коренного населения, вызывала и широкую общественную поддержку. Однако из-за нефтяного кризиса 1973—1974 гг., который повлек за собой сокращение рабочих мест, произошел пересмотр либеральной иммиграционной политики, и были введены первые законодательные инициативы, направленные на урегулирование и снижение притока трудовых мигрантов. В эти же годы Европа сталкивается с переходом «контактной иммиграции» в «иммиграцию с поселением», когда гастарбайтеры в массе начинают противиться репатриационной политике, стремясь закрепиться в стране пребывания. Что же касается современной волны миграционных потоков, то обычно в качестве ее причины называется война в Сирии, однако только каждый второй мигрант, попадавший в 2015 г. в Евросоюз, являлся выходцем из этой страны, а остальные представляли население государств, где не ведутся военные действия [4]. Некоторые исследователи связывают нынешний миграционный кризис с ситуацией «арабской весны» в целом [5, с. 227], когда череда переворотов, прокатившаяся по северной Африке, привела к глобальной дестабилизации политической ситуации и падению «железного занавеса» между беднейшими странами Африки и Европой, но рассмотрение причин произошедших событий слабо представлено в современном медийном поле. В целом анализ причин возникновения и маршрутов современных миграционных потоков является очень сложным и многоплановым вопросом, но отсутствие внятных разъяснений вызывает в неомифологическом сознании массового реципиента компенсаторную потребность в поиске легко поддающегося логике обоснования, что начинает приводить к возникновению конспирологических теорий заговора. Сериал «Beforeigners» пока что не закончен, но зрителя уже начинают подводить к идее, что за причинами возникновения временной катастрофы могут стоять какие-то безответственные эксперименты, то ли правительственного уровня, то ли могущественных корпораций, что вполне соответствует конспирологическим конструктам, существующим у массового зрителя.

Следующим пунктом, обращающим на себя внимание, является очень реалистичное отображение в сериале атмосферы острой социальной напряженности, возникающей вследствие вторжения в европейское культурное пространство миграционных потоков. В сериале это решается в первую очередь гиперболизированной демонстрацией культурных различий, — действительно, как можно объяснить человеку каменного века нежелательность содержания в городской квартире козы или сна на газоне напротив управления полиции? Но это люди палеолита, а даже, казалось бы, очень близкие нам по времени жители XIX в. на своей радиостанции также наотрез отказываются именовать столицу Осло, декларируя, что для них «она всегда будет Христианией». А ведь демонстративное пренебрежение нормами поведения и культурными образцами принимающего сообщества — это наиболее распространенная претензия к мигрантам, которую поддерживают 85% принимающего населения и которая опережает, например, существенно более рациональные по своему содержа-

нию мотивы конкуренции на рынке труда (60%) и криминализации контингента мигрантов (50%) [6, с. 223].

В этом аспекте необходимо рассмотреть несколько факторов, результатом которых является обособление пришельцев, отказ интегрироваться в новых условиях, демонстративное пренебрежение к укладу жизни принимающей страны. Пришельцы показательно не хотят принимать правила навязываемой им игры. Каковы причины такого поведения?

Во-первых, конечно, маргинализация — как действительно существующий процесс организации преступных групп, так и символический образ пришельца-маргинала, возникающий из-за вышеупомянутой невозможности принятия коренными жителями поведения хрононавтов. Надо сказать, что сам термин «маргинальность» изначально вводился Р. Парком как описание состояния иммигранта, полукровка, человека, находящегося между двух миров, в состоянии конфликта, когда новые привычки еще не сформированы, а старые еще не отброшены [6, с. 161]. Р. Парк рассматривал маргинального человека как «побочный продукт» процесса аккультурации в ситуациях, когда люди различных культур и различных рас сходятся, чтобы продолжать общую жизнь [7, с. 376]. Таким образом, иммигрант, в принципе, маргинален по отношению к коренным жителям. Затем присутствующее у пришельцев ощущение окружающей их культуры как чужой и враждебной заставляет их преимущественно искать поддержку в диаспоре, верифицировать себя через принадлежность к ней, а сложность в понимании новых условий жизни подталкивает к наиболее простому способу заработка — преступному. Мигранты в сериале вовлечены во все сферы преступного бизнеса — от уличной торговли наркотиками до организации домов терпимости и похищения людей. Кто-то остается на нижних ступенях преступной пирамиды, кому-то, как герою Имя, удастся благодаря первобытной безжалостности встать во главе крупных банд.

Отметим также, что обособление и самозамыкание мигрантов внутри диаспор, а также вражда диаспор друг с другом, представленные в телеповествовании, также очень точно передают существующие тенденции в сосуществовании разноэтничных групп мигрантов в современной Европе. Помимо упомянутых причин стоит добавить и причины внешние, и не только внешнюю ксенофобию, заставляющую людей сплотиться в противостоянии, но и самые благие помыслы. Чтобы понимать, какая из общин какие требования выдвигает, чтобы затем попробовать решить те или иные проблемы, правительства усугубляют сегрегацию, заставляя их выдвигать лидеров-переговорщиков, формулировать требования, что еще сильнее заставляет членов общин искать самоидентификацию среди условных «своих», что потенцирует еще большее обособление.

Очень любопытно в сериале подается объяснение механизма притяжения обществом хрононавтов. Конечно, в кадре мы встречаем лозунги «Норвегия — для современных», но они неизменно звучат от антагонистов, а в целом общество разрывается между неприятием культурных кодов пришельцев и необходимостью их любить и принимать. Отметим, что в подобном капкане дихотомии находится сейчас и сознание реального, а не сериального европейца. Выясняется, что хрононавты намного сильнее отличаются по менталитету и установкам от современного норвежца, чем от него отличается современный житель Сирии, но в то же время это их прямые предки! Общество встает перед мучительной задачей: если мы не принимаем этих мигрантов, мы не принимаем собственную историю и, таким образом, отказываемся от собственной идентичности (а в реальности роль родственных связей играет диктат толерантности).

Если мы не принимаем кого-то, мы не толерантны, а значит, мы отказываемся от базовой ценности современной культуры. Представляется, что это один из центральных моментов повествования, и на нем стоит остановиться подробнее.

Современное общество функционирует в условиях тотального диктата толерантности. Современная культура становится мозаичной, эклектично вбирая в себя множество элементов, а наивысшими ценностями становятся уважение Другого, свобода для всякого и равноправие всех. Народы смешиваются, границы растворяются, ненасильственное объединение провозглашается единственно возможным образом будущего. Бытует установка, что для эпохи глобализации толерантность становится единственной возможностью сохранения национально-культурной идентичности, своеобразия, уникальности, поскольку в противном случае более сильная сторона просто навязет более слабой свою систему стандартов и ценностей [9, с. 72]. Но сама эта модель содержит изъяны: принятие чужих ценностей не должно разрывать связей с прошлым, с корнями, с вертикалями, создающими национальную и культурную идентичность общества, но на практике вместо сосуществования многообразия культур мы наблюдаем процесс их унификации. Ценностные константы размываются, смещая фокус с духовных и нравственных целей в материальную, вещную область, стремление к идеалу меняется на прагматичность и утилитаризм а творчество заменяется потреблением. Можно сказать, что идеал тоталитарной толерантности, всеобщего приятия состоит в отказе самоидентифицироваться. Не случайно главный герой — современник Ларс Хааланд, полицейский, представляет из себя утрированно усредненного современного европейца. Он слабохарактерен, употребляет наркотики, разведен (не смог удержать жену, которая оставила его и ушла к пришельцу из XIX в.), равнодушен к культуре, к общению, к религии, пассивно переживает все случающиеся неприятности. Тем ярче это видно в противопоставлении с его новой напарницей, женщиной-викингом Альфнидир Эннинсдоттер: она отчаянно веселится с друзьями, она испытывает гнев к врагам, она воительница Одина и, несмотря на то что не всегда пользуется предметами гигиены, отлично приспособилась к новому миру, с легкостью пользуясь слабостями бюрократического аппарата и теми же толерантными условностями. Она легко выручает подругу-викинга, которая распоролa картину в музее, упирая на то, что перед входом в зал не висело предупреждение на древненорвежском, что представленные артефакты культуры могут травмировать психику представителей определенных социальных групп. Современный человек, оказавшись лицом к лицу со своими предками, понимает, что он слаб, что он не имеет ценностей, что его практически нет.

Одной из системообразующих ценностей европейской цивилизации являлась религия, европейские ценности христоцентричны. Равнодушие к вере, «теплохладность» — это то, что, пожалуй, наиболее отличает современного европейца от его предков. Викинги в сериале перемещаются в наше время из эпохи христианизации Скандинавии, которая происходила отнюдь не бескровно. Волей создателей в будущем оказываются лидеры как языческой, так и христианской партий того времени, и, судя по событиям последних серий, они будут продолжать войну за веру и в наши дни. Готовность умереть за веру и ценности — лучшее доказательство, что они у тебя есть. Лидер христиан Олаф Толстый, самый почитаемый святой в Норвегии, пылкий неопит, канонизированный как Олаф Святой, попав в центр адаптации пришельцев, смотрит фильм, рассказывающий пришельцам о новом мире, где им предстоит жить. Увидев сюжеты про гомосексуальные пары с детьми, он спрашивает: «А что, Норвегия больше не христианская страна?»

Таким образом, как представляется, сериал, раскрывая сложные аспекты межкультурного сосуществования, помогает раскрыть и проблемы самого европейского общества. Массовый европейский реципиент сейчас фактически — тот же самый иммигрант внутри собственной страны, вынужденный приспособляться к стремительно меняющемуся миру и лишенный корней. Позитивистский, гуманистический пафос созидания и познания, начавшийся с эпохи Просвещения, разрушил христочентричную европейскую цивилизацию; кровавые войны и тираннии, экономические, политические и экологические кризисы XX в. разрушили ценности гуманизма, веру в справедливость и прогресс, в будущее как таковое, в историческую перспективу. Новая концепция толерантности насильственно погружает человека в шизофреническую реальность, когда он не может принять Другого, потому что принятие Другого в современной практике будет означать растворение в нем, но не может его не принять, так как это также равносильно отказу от собственного Я. Подобная расщепленность диалектически приводит к формированию противоположной идеологии, ультранационалистической, расистской, нетерпимой. В стремлении найти утраченную почву под ногами, под лозунгом возврата к истинным ценностям открывает огонь норвежец Андерс Брейвик; и не случайно, что именно в Норвегии выходит сериал «Beforeigners», помогающий нам увидеть в подставленном нам зеркале Другого самих себя.

Список использованной литературы

1. Nahin Paul J. Time Machines: Time Travel in Physics, Metaphysics, and Science Fiction (2nd ed.). New York : Springer, 1999. 590 p.
2. Пожаров А. И. Новое Средневековье в новых медиа: к вопросу о реконструкции истории // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. Будапешт : Изд-во Selmeczi Bt. ; Киров : ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2019. С. 243—253.
3. Жукова Н. Н. Миграционная политика Европейского союза : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь : Ставроп. гос. ун-т, 2005. 227 с.
4. Kingsley P. Refugee crisis: apart from Syrians, who is travelling to Europe? // Guardian. 10.09.2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/sep/10/refugee-crisis-apart-from-syrians-who-else-is-travelling-to-europe> (дата обращения: 02.05.2020).
5. Кондратьева Т. С. Миграционный кризис в Европе: причины и последствия // Проблемы европейской безопасности. М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2016. С. 225—239.
6. Соколов Н. В., Рехтина Л. С. Мигранты и миграция, идентичность и идентификация: концептуальные основы анализа // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : сб. материалов междунар. науч. конф. / отв. ред. С. Г. Максимова. Барнаул : «Новый формат», 2017. С. 220—228.
7. Онзимба Ленюнго Ж. Б. Проблема маргинальной личности в американской социологии // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2003. № 1(4). С. 160—165.
8. Park R.E. Race of culture. Glence : Free press, 1950. 403 p.
9. Баева Л. В. Толерантность: идея, образы, персоналии. Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2009. 217 с.

Дина Иосиф-Тадеушевна Дудинская,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы

Культура календаря: механизмы власти и пространство текста

Аннотация. Исполнение власти идёт «через личностей», воспринявших её в форматах идеи, решения, посылы, проекта, призыва, и само исполнение не происходит без изменения человека. Возникновение всеохватности идеи не зависит от её содержания, статуса человека, профессии-специализации, сферы культуры, уровня интеллекта, но всегда имеет аттрактивность, заложенную автором (авторами) в момент прохождения им бифуркации в ситуации принятия решения. Исполнителей может быть от одного человека до масс. На уникальном положении массового исполнения находится календарь. В этих процессах игра всегда имеет свои пределы, заступать за которые не стоит.

Ключевые слова: экзистенция, «некритичность» аттрактивности, пространство календаря, принцип дополнительности, предел применения, игра, культурантропология.

Dzina Dudzinskaya

Candidate of Philology Sciences, Senior Scientific Associate,
The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National
Academy of Sciences of Belarus, Belarus, Minsk, aire_libre@tut.by

Calendar Culture: Power Mechanisms and Text Space

Abstract. The power is exercised “through individuals” who perceive it in the formats of an idea, decision, message, project, appeal, and the execution itself does not occur without changing a person. The emergence of the inclusiveness of an idea does not depend on its content, person’s status, profession-specialization, culture sector, level of intelligence, but it always has attractiveness laid down by the author (authors) at the moment he passes a bifurcation in a decision-making situation. Performers can be from one person to mass. At a unique position of mass execution is the calendar. In these processes the game always has its limits, which is not worth go beyond.

Keywords: existence, “uncriticality” of attraction, calendar space, principle of complementarity, limit of application, put before the eyes, game, laws of the Universe, scale of anthropological changes.

Политика, поскольку она есть специальная деятельность человека, является частью культуры. В жизни государства культура может управляться политикой. И, как правило, управляется.

Властью же обладает тот, чьи решения принимаются к исполнению. Это может быть один человек, группа людей, государство. Исполнителей — от единицы до массы. В формулировке очевидно, что власть и исполнение не зависят от содержания решения, его *качества*. Особый интерес представляет собой массовое исполнительство, причём как хороших, так и губительных идей, решений, посылов, проектов, призывов. На уникальном положении массового исполнения находится календарь. Следование календарю — это аттрактивность (направленность к притягивающему аттрактору, задающая и организующая поведение человека) разного качества. Пространство календаря структурируется многими параметрами. Основные из них — это счёт, фиксация событий и их ценностно-фактического содержания, план, ритуал. Праздники в большинстве своём напрямую связаны с отношением «политическая

власть — народ». Следует подчеркнуть наличие ещё двух полюсов, на основании (не между) которых зиждется пространство календаря, — это игра (праздник) и законы Космоса (как минимум, движение Солнца и планет и т. д.).

Где начинается/кончается политика и где начинается/кончается культура в их взаимо-сопроникновениях, вполне отражая сложность такого взаимодействия, обозначил в своей искренности («говорю как хочу») У. Черчилль: «Давайте же проповедовать то, что мы делаем, и делать то, что мы проповедуем» [1].

Выступая 5 марта 1946 г. в Фултоне, в Вестминстерском колледже, У. Черчилль не предполагал, что даст импульс двум мировым культурно-политическим и политико-культурным явлениям: *soft power* и холодная война. С тех пор ничто не мешает тому *homo sapiens*, кто считает, что это — игра, что это «ну просто так делается» [2, с. 51], праздновать начало холодной войны, так же как дату начала Олимпийских игр, в которых он участвовал, или дня рождения. Ничто не мешает ему занести и 5 марта, и порождение войны в свой календарь. Всеобщими отмечаемые даты делает либо единодушные массы, либо их конвенция, а политика, власть — добровольно-обязательно.

В скороспешном бегстве цивилизации майя остались недостроенными возводящиеся здания. В этом не были виноваты внешние причины — о них всё спорят учёные, но не находят. Возможно, достаточно было одной сильной или случайно оброненной мысли самого влиятельного или случайного индейца — и не стало ни политики, ни культуры, ни, в конечном итоге, культурно-исторического типа. За сто лет города майя поглотили джунгли. Загадка календаря майя состоит среди прочего в том, что предсказанный апокалипсис человечества на 21 декабря 2012 г. так и не произошёл, чего не скажешь о самой цивилизации майя.

Программа убийства детей под видом эвтаназии в Германии конца 1930-х гг. не имеет такой чёткой даты, как фултонская речь бывшего английского премьер-министра. Но она также связана с конкретными идеями конкретных учёных. Возможно, поначалу это выглядело как безобидная игра: Френсис Гальтон (именно он придумал термин «евгеника») — двоюродный брат Чарльза Дарвина — намеревался сделать евгенику наподобие новой религии и частью национального сознания. Здесь мы также можем сослаться на Й. Хёйзингу: «С подлинной игрой, наряду с её формальными признаками и радостным настроением, неразрывно связана ещё одна существенная черта: сознание, пусть даже и отступающее на задний план, что все это “ну просто так делается”» [2, с. 51]. Это к тому, что мы не можем стопроцентно утверждать, что аттрактивность, заложенная в желании Ф. Гальтона, была местом приложения его *сознания* и силы действия. Однако, как доказано И. Пригожиным, всё развивается через точки бифуркации. Но если Й. Хёйзинга прав, что всё игра, то Френсис Гальтон мог её, бифуркацию, и не выделить в событие своей экзистенции, а пройти по практическим правилам науки: найденная им индивидуально-психологическая дифференциация людей должна служить на пользу экономике.

Такой образ поведения принимается любой личностью свободно, независимо от того, воспринимает ли она или игнорирует сознательно наличие двух полюсов пространства (имманентно календарного), в котором находится: праздника-игры и законов Космоса. Но бифуркация остаётся бифуркацией, объективные законы действуют: аттрактивность, заложенная Ф. Гальтоном при её прохождении, остаётся в самих его научных текстах. Путь евгенических идей от культуры к политике и от политики к культуре прошёл не как холодная война — через выступление один раз одного человека. Потребовались единомышленники, «сотрудняющиеся» в одном направлении: Эрнст

Геккель, Жозеф-Артур де Гобино и Хьюстон Стюарт Чемберлен, Вильгельм Шалмайер и Альфред Плётц, Карл Биндинг и Альфред Хохе, Эрвин Бауэр, Ойген Фишер, Фриц Ленц... И дело оказалось не только в том, что книга трёх последних деятелей под названием «Основы учения о наследственности человека и расовой гигиене» страницами цитировалась в «Майн кампф». И даже не в том, что были убиты сотни тысяч детей и подростков по программе «Тиргартенштрассе 4» (о слезе ребёнка спорить ли?), а в том, что, «во-первых, “книга трёх мужчин” была переведена на несколько языков и выдержала множество переизданий как в Германии, так и в других странах. Во-вторых, она вызвала бурный восторг и одобрение у научного общества разных стран. Из 325 рецензий, написанных в те годы на эту книгу, только 14 (!) оказались отрицательными. И даже в СССР нашлись учёные (например, генетики Кольцов и Филипченко), которые отреагировали на неё вполне доброжелательно» [3].

Таким образом, современный прогностический интерес представляет, разумеется, не содержание книги — для прежних, а тем более сегодняшних поколений эти идеи небезызвестные, а та реакция, которая на неё последовала. Стоит заметить, что переход от личности, мыслящей *идею*, к массам, её несущим и претворяющим, не имеет какого бы то ни было серьёзного порога.

Девятое мая — календарный день празднования окончания очень многопланового бедствия: Второй мировой войны в Европе. В пространстве этой «табельной даты» есть место прекращению многого существующего в немецкой культуре последних (до 1945-го) пятнадцати лет: конец политики расовой гигиены — среди прочего не менее гуманитарно-серьёзного и высокого исторически-событийного ранга. Строго говоря, пространство этой даты невероятно плотно заполнено. Поэтому многие представители *homo sapiens*, желающие власти, атакуют именно эту пространственную среду для проведения своих решений, идей, призывов.

Власть над массами осуществляется буквально по головам: мысль входит в сознание человека и, сочетаясь с уже имеющимся личностным материалом, преобразует носителя в исполнителя. Современная наука много ищет в направлении того, что личность есть носитель действия и носитель «текста» познания: среди лучших концептов стоит назвать понятия «агента» и «габитуса» у Пьера Бурдьё, «личностное знание» — у Майка Полани, работу Христоса Яннарса «Личность и Эрос».

В книге Маршала Маклюэна «Галактика Гуттенберга» описаны три качественных перехода к новому человеку: 1) смена устной передачи знаний на письменную, 2) создание печатного станка, 3) «пандемия» Интернета. Причём М. Маклюэн подчёркивает необратимость и принципиальность перемен в человеке. Например, процесс движения от человека племенного к человеку цивилизованному учёный определяет так: «Только фонетический алфавит приводит к разрыву между глазом и ухом, между семантическим значением и визуальным кодом, и поэтому только фонетическое письмо создаёт условия для перехода человека из племенного мира в цивилизованный и дарит ему глаз вместо уха» [4]. То есть перемены затрагивают человека и на уровне морфологии организма, и на уровне психосоматики, а также его социализацию и осознание своего места в мире, Вселенной. Уже спустя 50—100 лет после культурного открытия И. Гуттенберга человек ассоциирует себя с бессмертием — славой в веках: благодаря печатному прессу один человек может за день напечатать столько, сколько самому искусному писцу не успеть и за целый год. С открытием электромагнитных волн передача идей перестала быть ограничена скоростью какого-то ни было транспорта. Мир стягивается, сжимается: если раньше могли загнать лошадей, что-

бы доставить экстренное сообщение, то сегодня время доставки — лишь сам процесс изложения. М. Маклюэн пишет: «Но благодаря появлению телеграфа и радио пространство мира сжалось до размеров одной-единственной большой деревни» [4, с. 380]. Это означает, что человек свои перемены перехода от человека племенного к человеку национальному оставляет необратимыми: новая большая деревня не есть деревня племенного уклада. Тем более, что визуальность далее получает большой технологический допинг.

Не меньшей масштабностью антропологических перемен отметилось событие издания исследований и самого учения Ч. Дарвина. В этом же ряду упомянем и создателя теории культурно-исторических типов — Н. Данилевского. Многолетний объёмный неоконченный труд русского учёного — опровержение теории Ч. Дарвина, в особенности теории естественного отбора и борьбы видов. И всё же в умах наследников Н. Данилевский остался только как основоположник теории цивилизаций — их рождения и пределов, однако холодная война против Творца не остановила человека. Она идёт в габитусах и в личностном знании, как и война, начатая У. Черчиллем, — в каждой личности. «Дарвиновские» даты частенько отмечаются, «данилевские» — редко и специализированно. Иными словами, календарная участь их различна: разный градус генерализации на карте исторических событий.

Борис Гройс называет проект, запущенный в постреволюционной России, в СССР, «Gesamt kunst werk Сталин», отмечая, что перемены в организации общества являлись, по сути, антропологической программой по изменению человека: «Главная цель этого эксперимента заключалась в том, чтобы разорвать связь с природой, включая природу человеческую, и построить новое общество, представляющее собой полностью искусственную конструкцию. В этом состоит основное отличие советского проекта от большинства других революционных и контрреволюционных проектов, известных нам из истории» [5].

Вообще само свойство идей быть всеохватывающими и попытка открыть именно такие идеи всегда сопровождали науку, политику, искусство, всю жизнь человечества. Они охватывают не только данный человеческому познанию мир, но и самого человека. И как правило, — массы: евгенические идеи применялись не только в Германии, а «календарную кинетику» огромного количества жертв сталинских репрессий надо просчитывать от градиента концентрации доносов: здесь механизмы власти имеют свой печальный «календарь-и-табель».

Можно заметить по XX в. (где время событий ускоряется), что в истории науки существуют волны, которые захлёстывают умы человеческие. Они связаны с появлением очередной интерпретационной сетки, предлагающей анализ существующих знаний под углом некоторых типов связи. Это может быть новая научная концепция, направление, дисциплина, теория. — Всех их объединяет то, что они имеют один установочный подход. Например, в тектологии (А. Богданов) — всё есть тип организации, в синергетике (И. Пригожин) — всё есть локальная организованная открытая система, или это вещество и его поведение — в термодинамике реальных процессов (В. Вейник). Среди других примеров следует упомянуть, что таковы структура в структурализме, конструкция в деконструкции и что всё есть текст — в теории текста. Отличительно в этом ряду стоит Сюзан Зонтаг — американский режиссёр, литератор и философ зачислила интерпретацию в «смертельное зло», которое своей процедурой убивает художественное произведение. Можно видеть, что, выходя как угол зрения и определённый тип связей, эти открытия имеют **локализацию**

применения, и **именно не выходя** за границы своих возможных экстраполяций, они плодотворны в культуре.

По мнению И. Пригожина, примирение существующего знания с впервые приобретаемым идёт в соответствии с принципом дополнительности. Он провозглашает: «Различные языки и точки зрения на систему могут оказаться дополнительными. Все они связаны с одной и той же реальностью, но не сводятся к одному единственному описанию» [6, с. 289].

Казалось бы, дополнительность — нечто лёгкое, как увеселение в конце программы мероприятия, полезное, как фонарь или ещё один прожектор среди прожекторов, освещающих такой родной и такой чуждый окружающий мир. Но эта «укаченность» многочисленностью волн новых идей снимает предохранительный барьер, чётко отслеживающий аттрактивность духовных ингредиентов, воспринимаемых личностью. При накапливании даже далеко до критической массы некоего суммирования допущенной аттрактивности homo sapiens латентно меняется. Меняются и его ежедневные действия в любой сфере: в искусстве, в политике и просто в быту.

Сегодня подходом, актуальным для работы научного сообщества, является взгляд, предложенный Йоханом Хёйзингой: всё есть игра. Современное развитие театра, кино, увеличение скорости видеоряда согласуется со взглядами Й. Хёйзинги на игру: «Игровая функция, в тех её высших формах, что мы здесь рассматриваем, может быть сразу же сведена в основном к двум аспектам, в которых она себя проявляет. Игра — это борьба *за что-то* или показ, представление *этого “что-то”*. Обе эти функции могут и объединяться, так что игра *представляет* борьбу за что-то или же превращается в состязание в том, кто именно сможет показать что-то лучше других.

Представлять означает, по самому происхождению этого слова, не что иное, как *ставить перед глазами*» [2, с. 39].

Для ситуации постмодерна игра — основополагающий принцип, заявленный как протест на иерархические и тотальные структуры в обществе, языке и в самой культуре. Плавный переход к постпостмодерну, который всё чаще называют метамодерном, ничего не изменил в положении игры, ничто не снизило её востребованности: всё та же игра со смыслами, всё та же десакрализация и проч. Ещё более укрепил эту востребованность виртуальный мир и конкретно компьютерные игры. Политические дебаты и процесс политического руководства стран также обрели характер постановки. Полюс игры пробует апроприировать «территориальные воды» Космоса: перейти границы применения. Интересен в этом отношении отрывок из романа Роберта Ирвина «Ложа чернокожики» (*Satan Wants Me*, 1999), в котором описывается фильм «Торжественное открытие храма наслаждений»: фильм «я смотрел уже по пятому разу. Не считая нас с Гренвилем, публика состояла из кинолюбителей, которые думали, что смотрят фильм. Но на самом деле Энджер поставил ритуал, обрекающий их души на проклятие» [7, с. 200—201].

В социокультурной среде игра функционирует не только как интерпретационный ключ в современной гуманитаристике, это — паттерн, перформанс, интенция любого текста и дискурса. Человечество массово попадает на волну, которую удачно обозначил У. Черчилль: мы проповедуем то, что мы делаем, и делаем то, что мы проповедуем. И всё же в словах М. Маклюэна «поначалу все, кроме Шекспира, ошибочно приняли печатный пресс за средство бессмертия» [8, с. 352] стоит заметить способность английского классика не быть накрытым волной всеобщего мнения. Когда смотришь на концепцию Й. Хёйзинги, с большой степенью вероятности пред-

полагаешь, что Шекспир бы с такой концепцией не согласился. Метафора «выпачкался как свинья» имеет границы в том, что она не означает наличие у адресата пятка, щетины и всего, что присутствует в этом животном. Шекспировская метафора, высказанная героем его комедии «Как вам это понравится»,

Весь мир — театр.
В нем женщины, мужчины — все актёры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль,

— несмотря на высокий ранг высказанного смысла, имеет границы применения, за которыми она теряет и смысл, и пользу, превращаясь в свою противоположность.

Рассматривая игру только как игру — в «очищенном» от других типов связей виде, мы получаем «некритичность аттрактивности»: мы выводим за пределы отслеживания то, что за событием, текстом, явлением, процессом, вещью, объектом стоит и к чему это нас приведёт, что с нами станет и где точка невозврата. Сократовские легенда о пещере и поиски несокрытой истины, возможно, давно не актуальны, но, как известно, когда ты смотришь в бездну, бездна смотрит на тебя. В рассказе В. Сорокина «Настенька» за игрой с апроприацией дискурса классиков русской литературы и оппозиции отцов и детей стоит, конечно же, бездна. И независимо от нашей воли она действует как аттрактор. Горгона Медуза побеждала — убивала, превращая в камень, — уже только лишь тем, что себя показывала, и на неё смотрели.

И снова обращаясь к цивилизации (или нации) и человеку в ней, мы заметим, что нет ничьей культуры (и не бывает) без календарей. Так что же есть календарь — игра или не игра? И да и нет! Ответ *бинарен*. Когда сажается посев, то день весеннего равноденствия — и праздник, и прогностический ориентир для хорошего урожая. Жизненно/смертельно важны сезон дождей, время косьбы и время закалывания кабана, время прясть и время разбрасывать камни. Ошибки в календарях чреваты большими последствиями, и как известно, вплоть до исчезновения цивилизации.

В календаре как апропрированном пространстве дней, событий и ценностей имманентно заложены сущностные механизмы власти. Участники цивилизаций и наций исповедуют свои календари искренне. Если бы историю падения ацтеков писал один из представителей этого «массового сообщества», которое свершало тысячами человеческие жертвоприношения более чем двадцать раз в году, которое боялось остановиться убивать людей (ибо считало, что их существование остановится вместе с этим процессом), то вряд ли как достижение он описал бы результаты конкисты.

Вместе с тем сами завоеватели Америки исполняли свой календарь, христианский. И через это, судя по словам Б. Кастильо, постулировали свою власть решать, у кого и чего есть право на существование: «Ежели же читатель спросит, — пишет испанский конкистадор, — “что же сделали вы, все эти конкистадоры, в Новом Свете?” Я отвечу так. Прежде всего, мы ввели здесь христианство, освободив страну от прежних ужасов: достаточно указать, что в одном лишь Мешико ежегодно приносилось в жертву не менее 2 500 людей! Вот что мы изменили! Переделали мы, в связи с этим, и нравы, и всю жизнь» [9, с. 319].

В онтологической основе сокрытых механизмов власти в пространстве календаря лежит Власть Земли. О ней писал Глеб Успенский. И как бы человечество ни

пыталось перестать ждать милостей от природы и брать их, власть Земли человеку отменить невозможно. Известно, что если не можешь отменить, — возглавь. И тут все зависит от головы-сознания, и даже от сердечного движения. Здесь кроется свобода совести, выбор человеком возглавляющим аттрактора, аттрактивности.

Можно ли говорить наряду с писателями-классиками о поэме, что она возглавляет Возрождение белорусской литературы начала XX в.? Да, если это поэма Якуба Коласа «Новая земля». Именно потому, что в ней наиболее добротворно апроприруется власть земли. Поэму называют энциклопедией сельской жизни: природы, её сезонов, календаря сельскохозяйственных работ, времени забав, обычаев взаимопомощи, времени и обряда ритуалов, священных и рядовых праздников.

В одном из фильмов о Пушкине один из персонажей тайно, в карете, обращается к другому с просьбой, чтобы сенатор скрыл скандал с дуэлью и смертью поэта (ибо могут возникнуть волнения, возмущения в народе), и в ответ слышит: «Не могу». — «Ну как же, ведь он — сенатор!» — возразил герой. — «Да, но Пушкин — гений!» — прозвучало в ответ. Власть может принадлежать чиновнику, политику, учёному, писателю. Но не все писатели — гении, тем более не все чиновники. От этого чья-то конкретная власть может захватывать большое и малое количество умов, большое и малое событие или исторический локус. Например, сравним Ла Вея и Иисуса Христа по охвату умов, сердец, габитусов, личностных знаний, дел и просто личностей человеческих. Тут — бесспорно. Сравним Григория Перельмана, математика, и Валерия Попова, писателя, поэта и сценариста, инженера, — тут обнаружатся разногласия.

Современный белорусский писатель Ольгерд Бахаревич в художественном произведении-календаре (имени своего имени: «Каляндар Бахарэвіча») приводит пример локализации власти до размеров стадиона. Под датой 16 сентября, назвав её «Школа пения», он поминает смерть Виктора Хары в 1973 г. Автор не пишет о механизмах власти, он — о малой локализации власти по месту и времени, до степени абсолютной: «Именно он, Эдвин, в 1973 году “убил счастье” вместе с гитарой. И ни про какие мёртвые струны думать не думал. В те далёкие сентябрьские дни он чувствовал себя королём. Никакого не Чили, а всего только стадиона в центре Сантьяго — зато власть была действительно не ограниченной. Аб-со-лют-ной. Как слух. Эдвин любил музыку. Они почему-то все любят музыку. И учат других играть и петь» [10, с. 333]. Действительно, власть бывает разной. И сам автор, писатель Бахаревич, описывая в календаре события, приводит в действие свои решения.

В северокорейском календаре Чучхе, введённом к исполнению 8 июля 1997 г., однозначно прописывается «придержание» власти в руках одной семьи. Практика в Северной Корее календаря (чучхе) и идеологии (чучхе) демонстрирует взаимопроникновение политики с летоисчислением. Государственные праздники всегда идеологичны и связаны напрямую с современной властью, что означает не стирание всех предыдущих исторических дат, а некоторую их селекцию. Именно поэтому те, кто стремится переписать историю, тяготеют в первую очередь к датам: сделать важными другие или наполнить иным смыслом, оставляя прежние. Потребность в литературном успехе заставляет современных авторов приобщаться к тому же. Я бы назвала это авторской метамодернистской игрой в генерализацию исторической карты событий и ценностей человечества.

И всё-таки где пределы игры, те границы, где каждая личность (с совестью или без) оказывается в точке бифуркации, в ситуации выбора — пусть даже при этом осознание отступает на задний план. Отступление всегда добровольно. Мы на-

ходим пределы у Й. Хейзинги. И именно там, где он их стирает: в борьбе с сакральным, священным, претендующим на то, что сам учёный называет только серьёзным. А стоит назвать: серьёзным-опасным, серьёзным-экзистенциальным, законами Космоса. Ряд того, что выводит игру за пределы игры, а жизнь играющего сводит насмарку, можно продолжить.

Приведём эпизод из книги Й. Хейзинги: «Игровой характер может быть присущ самым возвышенным действиям. Можно ли провести эту линию вплоть до культовых действий и утверждать, что священнослужитель, совершая ритуал жертвоприношения, продолжает оставаться в рамках игры? Кто допускает это в богослужении, допускает это же и относительно всего прочего. Понятия обряда, магии, литургии, таинства и мистерии — все они оказались бы тогда в сфере значения понятия игры. <...> Мы стали бы всего лишь играть словами, попытайся мы термин *игра* уж слишком растягивать. Мне думается, однако, что, квалифицируя священнодействие как игру, мы вовсе не впадаем в ошибку. Оно во всех отношениях есть игра по своей форме, но и по своей сущности оно является ею, коль скоро оно всех, кто в нем участвует, переносит в иной мир, отличный от обыкновенного» [2, с. 46]. Аргумент у Й. Хейзинги небольшой: перенос в иной мир = сущность (вся) игры. А в перечислении Й. Хейзинга смешивает действия разной аттрактивности: обряд, магию, литургию, таинства и мистерии. Аттракторы, стоящие за ними, относятся к законам Космоса, отдельным друг от друга.

Читатель должен всё-таки не поддаваться власти текста и помнить, что перенесение в иной мир, *отличный от обыденного*, указывает на разные миры: если это детская игра — то мир воображаемый, если ритуал — то мир потусторонний. А если он потусторонний, то, с точки зрения верующего и атеиста-религиоведа, этих миров два: демонический и Божий. А если это, как в примере у Хейзинги, птица, которая показывает себя самке и «выделяет при этом танцевальные па» и что учёный обозначает как «представление, выход из обычной действительности, транспозиция этой действительности в более высокий порядок», — такой выход из обыденности скорее можно назвать психосоматическим состоянием животного. Получается, что выход из обыденности во всех случаях у Й. Хейзинги является переносом в один и тот же «мир иной», тогда как миров — три разных, а четвертый вообще не мир, а одно психосоматическое состояние животного. Получается, что Й. Хейзинга полярность с двумя полюсами «*игра — законы Космоса*» превращает в «монополярность» *игры*. В этой части работы нидерландского исследователя идея игры выходит за пределы применимости и экстраполяции. Но где концепция *homo ludens* закладывает добротворную, а где — ничтожную аттрактивность, читатель должен решить сам.

Категория и реальность игры (или понимаемая как игра, но игрою не являющаяся) и сама мысль о человеке играющем предполагают нахождение в ситуации неравновесия, в точке бифуркации. И надёжность в политике, власти, культуре, знании, творчестве состоит в сознательном, ответственном за себя и за всё человечество выборе аттрактивности. Календарь человечества создаётся и сегодня.

Список использованной литературы

1. Текст Фултонской речи У. Черчилля // Проза.ру, 2015. URL: <https://proza.ru/2015/08/22/1102>
2. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 416 с.

3. Белоусов В. Идеи, которые убивают // Xren.ru, 2018. URL: <https://xren.ru/idead-killers/>
4. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. yanko.lib.ru, 2005. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan=galaktika_gutenberg.pdf
5. Гройс Б. Gesamt kunst werk Сталин. Американское предисловие к книге // Частный корреспондент. ru, 2013. URL: http://www.chaskor.ru/article/gesamtk_unst_werk_stalin_33814
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю. Данилова ; общ. ред. В. Аршинова, Ю. Климонтовича и Ю. Сачкова. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
7. Ирвин Р. Ложа чернокнижников : роман / пер. с англ. В. Симонова. СПб. : «Симпозиум», 2005. 512 с.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / пер. И. Тюриной. 2-е изд. М. : Гаудеамус, Академ. проект, 2013. 495 с.
9. Кастильо Б. Правдивая история завоевания Новой Испании / пер. Д. Егоров, А. Захарьян. М. : Форум, 2000. 324 с.
10. Бахарэвіч А. Каляндар Бахарэвіча. Изд. : Радыё Свабодная Эўропа/Радыё Свабоды, 2014. 464 с.

Евгений Николаевич Пуховский,

студент, Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону,
e.n.puhovski@sfedu.ru

УДК 341(4)

Нюрнбергский процесс и его роль в формировании основ международного права

Аннотация. Статья посвящена изучению роли Нюрнбергского процесса в формировании современной системы международного уголовного права, его международной значимости. Автор исследует основные принципы и положения в работе Международного трибунала, обращает особое внимание на характер его объективных и новаторских решений, не имеющих аналогов в рамках послевоенного международного права. Благодаря Нюрнбергскому трибуналу была заложена основа процессуального законодательства многих стран мира, началось формирование основополагающих норм международного права, направленных против агрессии, преступлений против мира и человечности.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, международное право, Международный военный трибунал, суд, нацистские преступления, международная правовая система.

Evgeni Puhovski

Student, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don
e.n.puhovski@sfedu.ru

The Nuremberg Trials and their role in shaping the foundations of international law

Abstract. The article is devoted to studying the role of the Nuremberg trials in the formation of the modern system of international criminal law and their international significance as a whole. The author explores the basic principles and provisions in the work of the International Tribunal, draws special attention to the nature of its objective and innovative decisions that have

no analogues in the framework of post-war international law. Thanks to the Nuremberg Tribunal, the foundation of the procedural legislation in many countries was laid, and the formation of fundamental norms of international law against aggression, crimes against peace and humanity began.

Keywords: Nuremberg trials, international law, International Military Tribunal, court, Nazi crimes, court hearings, international legal system, court proceedings.

XX век стал для человеческой истории апогеем жестокости, нетерпимости и расовой ненависти, с высокой концентрацией войн, смертей и трагических событий. Эпохальным и беспрецедентным по степени жестокости событием явилась Вторая мировая война, неутешительными итогами которой стали огромные людские потери, преступления против человечности, масштабные разрушения. Во Второй мировой войне участвовало 61 государство с населением 1,7 млрд человек. Было мобилизовано на войну 110 млн человек. Боевые действия велись на территории 40 стран [1, с. 30].

Великая Отечественная война явилась составной частью Второй мировой войны, а советско-германский фронт (Восточный фронт) был важнейшим по степени интенсивности боевых действий, по размаху и конечным результатам: «Его протяженность составляла от 3000 до 6200 тыс. км. Одновременно с обеих сторон (фашистской Германии и СССР) участвовало до 12,5 млн человек» [2, с. 203]. Именно поэтому самые большие людские потери понес советский народ. На территории Советского Союза нацистами было истреблено 7,4 млн человек гражданского населения. К середине 1944 г. гитлеровцы истребили 3,3 млн советских военнопленных [3, с. 7]. Общая численность людских потерь со стороны СССР составила 27 млн человек. Общие людские потери всех стран, принимавших участие во Второй мировой войне, составляют 70 млн человек.

На оккупированных территориях гитлеровским режимом было создано большое количество концентрационных лагерей, которые являлись настоящими фабриками смерти. В концентрационных лагерях, создаваемых гитлеровцами с целью геноцида в отношении граждан разных стран и национальностей, погибло порядка 11 млн человек [3, с. 10]. В лагере Освенцим было уничтожено свыше 4 млн человек, в Майданеке — 1380 тыс., Треблинке — 800 тыс., в Маутхаузене — около 123 тыс., в Заксенхаузене — 100 тыс., в Равенсбрюке — 92 тыс., в Бухенвальде — 56 тыс., в Берген-Бельзене — 48 тыс., в Дахау — 31 тыс. человек [3]. Нацистский режим превзошел все известные ранее в истории деспотические режимы степенью крайне жестокого, бесчеловечного, циничного отношения к людям. Например, в концлагере Освенцим было заготовлено 2 тыс. тонн женских волос. Волосы узников концлагерей нацисты использовали «для изготовления войлока и пряжи, а золу и пепел от кремации людей для получения удобрения с целью повышения плодородия почвы» [4]. Из человеческого жира нацисты изготавливали мыло. Промышленного производства по изготовлению мыла «не существовало, но опытное, лабораторное — было, и в нем участвовал Зигмунд Мазур. На Нюрнбергском процессе эта “продукция” демонстрировалась» [4]. Нацисты безжалостно убивали людей, уничтожали их в газовых камерах, сжигали в крематориях, осуществляли бесчеловечные медицинские опыты и эксперименты во имя иллюзорной идеи о мировом господстве, которой не суждено сбыться.

История требовала вынесения адекватных выводов и подведения итогов всего произошедшего. Требовалось принятие беспрецедентных мер, которые бы позволили вынести справедливое наказание в отношении Германии, развязавшей войну и уничтожившей миллионы людей, с тем чтобы в будущем избежать подобных катастроф и

поддерживать достигнутый огромной ценой мир. Решающую роль в наказании нацистских преступников сыграл Нюрнбергский процесс.

Именно Нюрнбергский процесс над бывшими руководителями гитлеровской Германии стал той самой основой, с которой началось поступательное изменение существующего миропорядка, повлекшее за собой значительную реставрацию в нормах международного права, направленную на стабилизацию и гуманизацию международных отношений. «Нюрнбергский прецедент, пожалуй, единственный случай в истории юстиции, когда глубокий смысл бескомпромиссной и жестокой формулы римского права стал почти явью. Этот процесс внес огромный вклад в сохранение чудом спасенного мира. Он снова зовет нас к согласию и действиям по пути мира, справедливости и законности» [5, с. 178]. Нюрнбергский прецедент явился первой в истории столь масштабной попыткой объединения всех мировых сил с целью дать однозначный отпор любой агрессии и тем самым продекларировать свои возможности и решительные меры в борьбе с ней.

Судебный процесс начался 20 ноября 1945 г. в городе Нюрнберге. На Лондонской конференции, проходившей с 26 июля по 8 августа 1945 г., странами антигитлеровской коалиции были разработаны основные положения, которыми следовало руководствоваться при проведении Нюрнбергского процесса. Согласно лондонским соглашениям было принято решение о формировании Международного военного трибунала, в его состав должны были войти представители держав-победительниц (СССР, США, Великобритании и Франции), которым следовало сотрудничать исключительно на паритетных началах.

На скамье подсудимых оказались 24 главных нацистских преступника: Кейтель, Риббентроп, Геринг, Розенберг, Ширах, Шпеер, Гесс, Шахт, Нейрат, Кальтенбруннер и др. Уникальность Нюрнбергского процесса заключалась в том, что целью стран-победительниц являлось не огульное и бездоказательное наказание преступников, а строгое и тщательное рассмотрение дел и вынесение приговоров в соответствии с правовыми нормами. «Всего было проведено 403 судебных заседания, каждое из которых носило открытый характер» [6, с. 12]. Всем обвиняемым были даны соответствующие процессуальные гарантии, следовательно, все желающие имели полное право защищаться как лично, так и при помощи адвоката, ходатайствовать о вызове свидетелей, давать объяснения и предоставлять доказательства в свою защиту.

4-я глава Устава Международного военного трибунала гарантировала соблюдение процедуры открытого, цивилизованного и правового судебного процесса, что действительно неукоснительно соблюдалось. Было рассмотрено более 300 тыс. письменных показаний, допрошено порядка 200 свидетелей, исследовано почти 3000 тыс. документов, подлинность которых не вызывала сомнений [7, с. 127]. Наказания для каждого были индивидуализированы соразмерно содеянному и не носили обобщающего характера. Это был судебный процесс не ради банальной мести над поверженным врагом, а процесс торжества справедливости, где давалась четкая оценка совершенным деяниям, на основе которой выносилось подходящее по квалификационным признакам наказание. Подобного подхода не ожидали даже сами осужденные.

1 октября 1946 г. Нюрнбергским трибуналом был вынесен приговор нацистским преступникам, согласно которому 12 человек были приговорены к смертной казни через повешение, трое — к пожизненному заключению, двое — к 20 годам тюремного заключения, один — к 15 и один к 10 годам тюрьмы. Трое по итогам трибунала были оправданы.

В рамках Нюрнбергского процесса самым тщательным образом была рассмотрена главенствующая роль нацистской партии в установлении тоталитарного режима в Германии, упразднении германской правовой системы, нарушении прав человека и норм международного права.

В ходе работы Нюрнбергского трибунала «сторона защиты стремилась придать особый статус личным приказам Адольфа Гитлера» [7, с. 128]. Адвокат Яройсс стремился с помощью подобных заявлений убедить судей в том, что «физических лиц судить нельзя, а можно судить только государство. Но так как государство на скамью подсудимых посадить невозможно, то вообще судить некого» [8]. В Заключительной речи Главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса прозвучали следующие слова: «Эти люди вместе с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом и несколькими другими сообщниками являлись одновременно руководителями германского народа и его движущей силой. Именно тогда, когда они занимали самые высокие государственные посты и пользовались огромным влиянием, были запланированы и совершены все эти преступления... Как можно говорить, что они и государственные учреждения, которыми они руководили, не принимали в этом участия?» [9] Возможно, имевшая место быть подневольность в выполнении приказов, по мнению Шоукросса, никак не оправдывала преступность действий обвиняемых, поскольку «наступает момент, когда человек должен отказаться повиноваться своему руководителю, если он в то же время хочет повиноваться своей совести» [9]. Данное утверждение основывалось на концепции естественного права, в качестве теоретического обоснования предъявляемых нацистам обвинений.

Обвинительное заключение содержало в себе подробный анализ созданного А. Гитлером режима, в рамках которого государственные, политические и прочие институты были в значительной мере идеологизированы и выполняли посредническую роль в утверждении основ тоталитарного государства. Прежняя германская правовая система в условиях нацистского тоталитарного режима претерпела существенные изменения, что привело к пагубным последствиям. Подтверждением преступной политики нацистов являлись их программные заявления по вопросам права. В частности, на Нюрнбергском процессе были озвучены высказывания Г. Геринга, сделанные им в 1934 г: «Мы лишаем правовой защиты врагов народа...». «Мы — национал-социалисты — сознательно выступаем против фальшивой мягкости фальшивой гуманности... Мы не признаем заумных адвокатских выдумок и хитроумных юридических тонкостей» [6, с. 10]. Подобного рода заявления являются свидетельством того, что за короткий срок Германия отказалась от прежних правовых традиций, базировавшихся на соблюдении правовых норм и источников права, преимуществе правовой защиты, независимой адвокатуры, объективного судопроизводства.

Из источников германского права нацистами было практически изъято международное право. Так, например, в «Меморандуме по вопросу активизированной войны на море» от 15 октября 1938 г. утверждалось, что в случае проведения «мероприятия, рассматриваемого как военная необходимость, нужно проводить это мероприятие даже в том случае, когда это идет вразрез с нормами международного права» [6, с. 8].

В рамках Нюрнбергского процесса нацистскую Германию и руководство НСДАП обвиняли в проведении агрессивной внешней политики, приведшей к развязыванию мировой войны. Была дана объективная оценка преступлениям против мира, которые были инициированы представителями нацистской партийной элиты, с целью достижения мирового господства, пренебрегая нормами международного права.

В ходе процесса также был сделан акцент на расистской и антисемитской направленности идеологии и политики Третьего рейха. На Нюрнбергском процессе тщательно изучались документы, обличавшие не только деятельность преступников-нацистов, самой партии, но и таких значимых структур, как СС, СД, гестапо.

Справедливой оценке и справедливому наказанию на Нюрнбергском процессе подверглись военные преступления и преступления против человечности. В первом случае правовая оценка давалась массовым убийствам среди мирного населения на оккупированных территориях, уводу гражданского населения в рабство, а также убийствам и жестокому обращению с пленными военнослужащими. Оценке же преступлений против человечности в рамках процесса отводилась особая роль, так как в данном случае речь шла о проведении нацистами абсолютно бесчеловечной политики в отношении людей, подвергавшихся откровенным пыткам, мучениям, массовому истреблению, в том числе и в концлагерях.

Сложно переоценить значимость Нюрнбергского процесса, в рамках которого было квалифицировано понятие «агрессия» в международном праве. Несмотря на то, что существовавшая в то время международная правовая система не имела практики в толковании данного термина и обвинительных положений в отношении преступлений такого рода, тем не менее адекватное решение в этом вопросе было найдено. На Нюрнбергском процессе было заявлено, что нарушение норм международного права, нападение без предупреждения на сопредельные государства, осуществление на их территории бесчинств и преступлений должны быть наказуемы. Именно такой здравый подход в решении данной проблемы позволил в дальнейшем сформулировать вполне четкое и конкретное толкование термина «агрессия» в международном праве.

Нюрнбергский процесс не только закрепил международно-правовые нормы, но и показал эталонное качество производства дела в суде. Стоит заметить, что для осуществления справедливого суда над нацистскими преступниками странам-победительницам предстояло преодолеть различия трех правовых систем — социалистической (СССР), англосаксонской (США и Великобритания) и континентальной (Франция). МВТ воспринял все лучшее, что было в каждой из указанных правовых систем, сумел преодолеть «системные и национальные барьеры и найти взаимоприемлемые решения. Особенности организации и деятельности Трибунала не помешали объективному рассмотрению дела и вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора» [10, с. 25]. Действительно, Нюрнбергский процесс продемонстрировал удивительный пример поиска консенсуса и принятия взвешенных правовых решений, комбинируя элементы каждой из трех правовых систем. Например, «из советского права Устав МВТ заимствовал принцип активного суда; появилась возможность допроса подсудимого, требования предъявления документов и других материалов, используемых в качестве доказательств» [7, с. 127].

Нюрнбергский трибунал стал беспрецедентным событием в истории международных правоотношений, вплоть до сегодняшнего дня он является уникальным образцом международного правосудия — как по своим масштабам, так и по юридической чистоте. Он «не только явился первым в истории международным уголовным трибуналом над преступниками, виновными в гибели миллионов людей, но и оказал фундаментальное влияние на формирование международного уголовного права и судопроизводства, в том числе процессуальных принципов последнего» [11, с. 14]. Вынеся обвинительный приговор главным нацистским преступникам, Международный военный трибунал признал агрессию тягчайшим преступлением международного характера. Нюрнбергский процесс длился более 10 месяцев, а после завершения его ра-

боты состоялись еще 12 судебных процессов, которые продолжались до 1949 г. В рамках этих судебных процессов были рассмотрены преступления более чем 180 тыс. нацистских преступников.

Именно тогда было дано четкое определение международным преступлениям и заложен фундамент борьбы с ними. Фактически в ходе Нюрнбергского процесса было заявлено полное неприятие насилия над человеком, государства показали свою готовность дать отпор любым посягающим на мир радикальным идеям путем свершения справедливого правосудия. Среди принятых положений фигурировали: неприменение срока давности, индивидуальная уголовная ответственность нацистских военных преступников, а также принцип неотвратимости наказания всех нацистских преступников, по которому арест, выдача, преследование и наказание определялись как международно-правовые обязанности государств. Таким образом, формировалась новая нормативно-правовая база, в последующем значительно расширившая сферы влияния международного права.

Нюрнбергский процесс имеет огромное историческое и международно-правовое значение. Процессуальные принципы Нюрнбергского военного трибунала явились фундаментом процессуального законодательства многих стран мира. Именно с Нюрнбергского процесса началась история международного уголовного права. Принципы, закрепленные в Уставе Трибунала, вскоре были подтверждены решениями Генеральной Ассамблеи ООН в качестве общепризнанных принципов международного права. Нюрнбергский процесс стал прародителем международного уголовного права как такового, и нельзя не оценить его вклад в то, что в 1998 г. Международный уголовный суд официально стал постоянно действующим органом.

По итогам Трибунала международное сотрудничество государств вышло на новый, более качественный уровень. С этого момента противодействие международной преступности, посягающей на общечеловеческие ценности, становилось глобальной задачей всех сторон, вовлеченных в международную правовую систему.

Список использованной литературы

1. Дашичев В. О войнах за мировое господство: XX век // Свободная мысль. 2015. № 2(1650). С. 23—40.
2. Фролов М. И., Василик В. В. Битвы и победы. Великая Отечественная война. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2015. 287 с.
3. Петрова Н. К. Знать и помнить. Преступления фашизма в годы Великой Отечественной войны. М. : Вече, 2018. 576 с.
4. Звягинцев А. Г. Нюрнбергский набат. Репортаж из прошлого, обращение к будущему. URL: <https://military.wikireading.ru/21723> (дата обращения: 8.04.2020).
5. Сухарев А. Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Сухарев А. Я. Избранные труды. Научные труды ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации / вступ. ст. С. И. Герасимова. М., 2017. С. 174—186.
6. Берлявский Л. Г. Нюрнбергский процесс. Международный суд над главными нацистскими военными преступниками: 65 лет спустя // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2011. № 57. С. 5—12.
7. Кузнецова Т. В., Садовский Я. В., Бондарева А. А. Нюрнбергский процесс — первая веха в становлении международного уголовного права //

Актуальные проблемы уголовного права и процесса в реформировании законодательства : материалы междунар. науч. конф. М., 2014. С. 122—131.

8. Нюрнбергский процесс : сб. материалов. Т. 2. М., 1987. URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/np8/index.html> (дата обращения: 01.02.2020).

9. Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса. Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 26 и 27 июля 1946 г. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163732-zaklyuchitelnaya-rech-glavnogo-obvinitelya-ot-velikobritanii-x-shoukrossa-stenogramma-zasedaniy-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-ot-26-i-27-iyulya-1946-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 15.02.2020).

10. Батырь В. А. Нюрнбергский приговор пересмотру не подлежит // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 2(22). С. 24—30.

11. Белый И. Ю. Нюрнбергский процесс и формирование принципов международного уголовного судопроизводства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 2(22). С. 14—19.

Tamta Tkhelidze

Ph.D, student, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University,
Georgia, Tbilisi, tamtatkhelidze@gmail.com

УДК 341.24

The change and reinforcement of Stalin's cult in post-Soviet Georgia

Abstract. The last research that heald in Georgia in 2019 showed that 42% of interviewed people still think that the collapse of the soviet union is a tragedy. Nowadays, the question of soviet repression in post-socialist countries become very popular, especially in Russia, and Ukraine, a lot of NGOs and historians, try to start a discussion about the near past. The main topic of the research is the analysis of the consequences of the Great Terror in Georgia. An important question is How it represented in modern reality. The importance of the issue stems from the fact that after the soviet union collapse in Georgia, the matter of discussing near past stories did not set for a very long time until 2007 when the former government decided to put in motion law of lustration. Till these days, it does not start working correctly. Day by day, most archives try not to let researchers to some peculiar cases. What makes it hard to work on after and during soviet terror periods.

Keywords: Stalin, Soviet Union, lustration low, Memory, Georgia.

Тамта Тхелидзе,

докторант, Тбилисский государственный университет
им. Иванэ Джавахишвили, Грузия, г. Тбилиси,
tamtatkhelidze@gmail.com

Изменение и укрепление культа Сталина в постсоветской Грузии

Аннотация. Последнее исследование, проведенное в Грузии в 2019 г., показало, что 42% опрошенных до сих пор считают распад Советского Союза трагедией. В настоящее время вопрос о советских репрессиях в постсоциалистических странах достаточно активно изучается, особенно в России, а на Украине многие общественные организации и историки пытаются начать дискуссию о недалеком прошлом.

Основной темой исследования является анализ последствий Большого террора в Грузии. Важным вопросом является то, как она представлена в современной действительности. Важность этого вопроса обусловлена тем, что после распада Советского Союза в Грузии вопрос обсуждения истории недалекого прошлого очень долго не ставился, вплоть до 2007 г., когда бывшее правительство решило ввести в действие закон о люстрации. До сих пор он не работает правильно. Кроме того, большинство архивов стараются не допускать исследователей к целому ряду документов, что создает трудности работы над этой проблемой.

Ключевые слова: Сталин, Советский Союз, закон о люстрации, историческая память, Грузия.

The present article is a summary of a chapter from the doctoral dissertation "Topography of terror Stalin's repressions and the national question in Georgia" in this topic I would like to discuss the importance of Stalin's personality in post-Soviet Georgia. The paper is an attempt to show how and why attitudes toward the Soviet Union are changing.

People thoughtlessly face the past because which connected to our everyday life. Almost unnoticed even exists in the form of various monuments, buildings, places, and other similar former objects. Today we must clearly understand our past to free new generations from the notions and myths that make us more alive in the past and prevent us from moving forward. Over time, our society has developed a positive attitude toward Stalin and the Soviet Union in general. In 2011, the Parliament of Georgia started a discussion on the Lustration Law [1], For a young democratic country, it meant being ready on the part of the state, overcoming its totalitarian past, and proving that its preparation to be established as a democratic state. It was a huge step forward. Historians started talking about the transparency of archives documents, more and more people began writing and study these part of past, at university The Faculty of Soviet Studies emerged, In 2010 was founded Soviet past research laboratory (SovLab) nongovernment organizations studying soviet past, it aimed to make a proper analysis of soviet totalitarian past in Georgia [2].

The collapse of the Soviet Union caused many problems; At first, on April 9, 1989, Georgia declared its independence, Zviad Gamsakhurdia [3]. Who was former dissident becomes president and soon in 1991-1992 years the Civil War started, After the overthrow of the government, the president of the country become former Soviet foreign minister and before First Secretary of the Central Committee of Georgian Communist Party. Eduard Shevardnadze [4].

All this played a significant role in the formation of the Georgian society During Shevardnadze's presidency, the government did not see the need to rethink the Soviet past, and historians and scholars have not been able to address this issue due to the current tense political environment. Time by time, Capitalist development has taken a prominent place in people's daily lives, while the civil war was raging, and people were tired of remembering Soviet leaders. However, over time, the charm of capitalism, the interests of Western states, and the initiative to strengthen pro-Western ideology in Georgia, on the one hand, hindered the strength of national-ideological and state spirits in Georgia. Therefore, the current situation made it impossible to create a reality in which the Soviet traces would become ideological and not symbolic, which was later intended by the government that came to the revolution in the early 2000s. The method by which the government fought against Soviet symbolism was often identical to that of the same regime Stalin's symbol was disappearing with vertical repression, not horizontal unanimity.

Interest in Stalin's personality was quite low after the collapse of the USSR in the early 1990s. In a sociological survey conducted in Russia, citizens were asked to recall the public and cultural figure, Which has had the greatest impact on history, only 12% named Stalin and hold the eleventh place in the ranking. The variability of political elites and economic status has had a significant impact on public attitudes toward Stalin. In 2013 a large-scale study was conducted in four countries Georgia, Armenia, Azerbaijan, Russia. According to these studies, 42% of people with higher education in Georgia answered positively to the question " how you feel about Stalin" as a whole. Average — 48%, capital — 43%, village — 55%, 18—30 years — 29%, 61 years and above — 74%. In the same study on the question "Do you agree that Stalin was a cruel, inhuman tyrant who was responsible for the deaths of millions of innocent people, "A total of 26%, and mostly 27%, agreed, while 17% of respondents generally disagreed with this provision. This survey already provides some insight into the reasons for such a formation of public consciousness. The survey was conducted on adults of all ages and activities. from no educated to have a higher education. Even more remarkably, the results of the 2018 survey have not changed much, and there is still a group of people who have some nostalgia for the Soviet Union. 31% of the population believe that an authoritarian system similar to the Soviet Union is suitable for Georgia, of which 10% believe that an authoritarian system is better, which puts order above freedom [5, p. 44].

Stalin's personality has taken another toll on Georgian society. On the one hand, he has remained part of the evil Soviet Union, and on the other hand, he remains a great Georgian leader who has managed to defeat fascism and conquer much of Europe. In 2013, a kind of anti-Stalinist guerrilla war began. The theme of the flash mob was "50 statues of Stalin that you have to paint while you are alive. With this title, a particular page opened on the social network, where about 600 citizens joined. Painting of Stalin's monuments on the territory of Georgia started on January 19, 2013. The memorial to the Soviet leader was secretly removed in one region in June 2011, but a year later, on November 25, because of the request of part of the population, it was returned. The same thing happened again in another region. Stalin's bust was dismantled here in 2010. On Stalin's birthday, December 21, 2011, Stalin returned to the village center. On February 7, the statue was painted pink. Well-known and unknown people have released videos acknowledging the coloring of the monument; they believed that there was no place for Stalin in Georgian history.

After the Rose Revolution in Georgia, the new government considered that it was essential to start a critical rethinking of the Soviet past. On May 26, 2006, symbolically on the day of the country's declaration of independence, the Museum of Soviet Occupation was opened, showing the history of Soviet Georgia in 1921—1991. However, the discussion about lustration started in 2011 and not earlier. The lack of interest in this topic because the first government of independent Georgia soon fell, and the second president of Georgia, Eduard Shevardnadze, was himself a member of the Communist Party, so it would be absurd for him to propose such an initiative.

After 2003 the new government decided to separate himself from the old political group was reflected in the offer of a new historical narrative. The third president of the country took his first coronation presidential oath at the grave of the most beloved king of the Georgian people, King David the Builder, who considered to be the most influential and fairest ruler of the country. This step showed a significant need to construct a new identity and create a new symbol [6].

The new political force did its best to divert the Soviet Union and Stalin from public memory. From 2006 onwards, we can highlight several issues related to memory policy. In 2006, the country's president began talking about the Soviet past and Russia conquest of the land, and the government considered it necessary to speak loudly about the occupation, creating the need for memorial sites [7, p. 8, 9]. Which is why the Museum of Occupation was established.

Making decisions at the political level is a constant problem for post-Soviet countries, due to the close connection between the faces of the political elite. At the same time, there is always an absolute fear that over-openness will cause dissatisfaction in a particular section of society.

As public groups demand the removal of Stalin's monuments and a more objective discussion of his personality and past, more resistance comes from pro-Stalinist groups. In 2010, part of the population protested against the dismantling of the Stalin monument from Gori Central Street [8].

There are about 100 personal and open pages with the name of Joseph Stalin in the Georgian social space, which has quite a few subscribers. The texts on these pages often contain hate speech, are discriminatory, often Stalin is portrayed as a grand Georgian and a good leader of the country.

On December 21, 2017, Stalin's birthday, was held a demonstration with portraits of Stalin and Soviet flags demanding the return of the monument taken in June 2010. At the same time, the youths demanded from the government to change Stalin's name of Central Street in Gori and rename it to Maro Makashvili, a young woman who died on February 25, 1921, during the Russian arm's invasion [9].

Similar demonstrations were held in 2019, in parallel with the Soviet Past Research Laboratory has lost the trial of archival documents of openness, On October 22 the Ministry of Education, Science and Culture Committee at the first hearing did not support the draft law "On National Archive Fund and National Archive" Georgian's law amendments. The reason was the protection of personal data [10] In post-Soviet countries, two issues often contribute to the awakening of goodwill towards Stalin and imperialism; one is the lack of interest on the part of state bodies and the other is the unwillingness to discuss problematic issues.

The research above clearly shows the main reasons for society's goodwill towards Stalin; the importance of historical facts goes to individuals; for Georgians, he is not just a leader who was able to overcome evil. Still, a child of a small country became the leader of a vast empire.

List of used literature

1. Freedom Charter and International Lustration Practice January 2014 — Freedom of Information Development Institute. IDFI Chukhua,S. URL: <https://idfi.ge/ge/research-48> 08/08/19
2. URL: <http://sovlab.ge/en/about> // 02/05/2020
3. Biography of Georgia first president Gamsakhurdia, Zviad // URL: <https://www.president.gov.ge/eng/Zviad-Gamsakhurdia-en.aspx>12/07/2019
4. Biography of Georgia second president Eduard Shevardnadze // URL: <https://www.president.gov.ge/eng/Eduard-Shevardnadze-en.aspx> 12/07/2019
5. Thomas de Waal, Maria Lipman, Lev Gudkov, Lasha Bakradze. The Stalin Puzzle: Deciphering Post-Soviet Public Opinion / Heinrich Boell Foundation, Georgia, 2013. 96 p.

6. Tsuladze Z. „50 statues of Stalin that you have to paint while you are alive“ // Amerikiskhma, 2013. URL: <https://www.amerikiskhma.com/a/georgia-stalin-vandalism/1600958.html> 02/05/2020

7. Understanding the Soviet past in Georgia after the "Rose Revolution," Karaia T. URL: [http://jyr.tsu.ge/public/uploads/sitepdf/04-Karaia_JYR_VOL02_DEC15-1%20\(1\).pdf](http://jyr.tsu.ge/public/uploads/sitepdf/04-Karaia_JYR_VOL02_DEC15-1%20(1).pdf)

8. Aftsiauri G. A statue of Stalin was taken from the center of Gori. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/2082126.html> // 22/03/2020

9. Aftsiauri G. Discussion on renaming Stalin Street. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/diskusia-stalinis-quchis-sakhelis-gamo/28246624.html> 22/03/2020

10. The amendment to the archive law was not supported by the education committee, 2019. URL: <http://sovlab.ge/ka/news/55>

Алексей Алексеевич Лебедев,

магистрант, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Россия, г. Москва, alexeylebedev97@mail.ru

УДК 81.27; 409.34

Социальные, философские и лингвистические корни гиперполиткорректности

Аннотация. В статье представлен краткий обзор и анализ социально-политических, философско-идеологических и лингвистических истоков гиперполиткорректности, раскрыты ее языковые механизмы, описаны ее особенности на Западе и в РФ. Кроме того, автором представлена примерная стратегия борьбы с гиперполиткорректностью как системой идеологического давления. Данная работа предназначена для широкой аудитории.

Ключевые слова: гиперполиткорректность, политкорректность, языковая политика, семантическая философия, десемантизирующая эвфемия, табуирование.

Alexey Lebedev

Master of Philology, A. S. Pushkin State Institute of Russian Language,
Russia, Moscow, alexeylebedev97@mail.ru

Social, philosophical and linguistic roots of hypertrophied political correctness

Abstract. This article gives a brief review and analysis of social, political, philosophical, ideological and linguistic roots of hypertrophied political correctness and describes its linguistic mechanisms and its features in the USA, Europe and Russia. Moreover, the author suggests an approximate strategy to combat the hypertrophied political correctness as a system of ideological oppression. This article provides information for a general audience.

Keywords: hypertrophied political correctness, political correctness, language policy, semantic philosophy, desemantizing euphemisms, language taboo.

Важной чертой жизни современного общества США и стран Европейского союза и одной из важнейших черт языковой политики этих стран является внедрение в жизнь масс политической корректности (далее — ПК), нередко в ее крайней форме, которую стоит назвать *гиперполиткорректностью* (от «гипертрофированная поли-

тическая корректность», далее — ГПК), признав предыдущий термин «гиперкорректность» [см.: 1, 250] неудовлетворительным по причине выпадения из него корня «полит» — «политическая», и поскольку данное явление есть прежде всего явление политическое, предпочтительнее было бы изучать его в рамках политической лингвистики.

Термин «политическая корректность» в его современном значении появился в середине 1970-х гг. в США, где был связан с борьбой афроамериканцев за свои права, за «дерасиализацию» английского языка, к которой примкнули и феминистки, сражавшиеся, если можно так сказать, за «десексистизацию» (то есть преимущественно за «демаскулинизацию») английского языка. Важно, что в идеологической базе данных движений (особенно феминистического) находилась семантическая философия, которая проводила мысль о том, что добиться изменений в обществе можно изменением языка. Об этой философии будет сказано далее.

Как бы там ни было, термин «политическая корректность» окончательно утвердился благодаря феминистке Карен де Кроу в 1987 г., ведь именно языковая и общественно-политическая практика этого движения в немалой степени способствовала оформлению системы ПК и ГПК. В России термин существует с 1993 г. [см. 2] и связан с заимствованием западной системы ПК, так как в СССР (во всяком случае, до перестройки) данного явления не было.

Такова *внешняя и ближайшая* история вопроса. Однако истинная задача науки — вскрывать закономерности, исследовать связи между явлениями, поэтому в настоящей статье мы попытаемся рассмотреть основные социальные, философские и лингвистические корни ПК, а точнее, ГПК, которую стоит трактовать как *извращенную доведенностью до абсурда форму политкорректности, социолингвистический феномен эпохи загнивающего империализма, суть которого заключается в том, что правящим классом предписывается иметь толерантное «правильное мышление» и, как следствие, очищенный, десемантизированно-эвфемизированный язык, что становится орудием информационно-идеологического давления*. Важно отметить, что отличительной особенностью западной ГПК как ядра данного явления выступает *принуждение среднестатистического индивида к смещению социального дейксиса — говорящий, если он не принадлежит к каким-либо меньшинствам, не может более выступать точкой отсчета на шкале ценностей*. Подчеркнем, что империализм мы понимаем здесь по В. И. Ленину как «монополистическую стадию капитализма» [3, с. 386].

От обычной политкорректности, которая также является предписанием иметь правильное мышление и правильный язык, ГПК отличается лишь своей гипертрофированностью, утрированностью и крайней воинственностью, которые практически полностью выхолащивают рациональное зерно политкорректности — *требование не унижать других с помощью языка*. Данное рациональное зерно мы и предлагаем называть «языковым тактом», следуя за С. Тер-Минасовой [см. 4, ч. 2, гл. 2, § 3], но, в отличие от нее, *противопоставляя* этот термин терминам *ПК* и *ГПК*.

Переходя к рассуждению о социальных причинах и основах ГПК, нужно показать ее в полном и достоверном историческом отображении и раскрыть социально-исторические основы превращения ПК в ГПК.

Итак, ближайшей причиной возникновения ПК явилась борьба меньшинств за свои права, а также действия западного левого движения в целом, что привело к некоторой либерализации метропольного (Западной Европы и США) капитализма. Здесь стоит оговорить особенности исторических предпосылок ПК в США и в Европе: если в США это были движения расовых меньшинств и феминисток, а также

иных ущемляемых социальных групп, то в Европе — порожденная деколонизацией мультикультурализация обществ и появление в них психологического «комплекса бывшего колонизатора», а также влияние США, где ПК появилась и сложилась в самодовлеющую систему несколько ранее.

Корни данной борьбы лежали не только в истории конкретных обществ США или Европы — с конца XIX в., когда раздел мира крупными империалистическими державами был завершен, начался период *абсолютной цельности мировой истории*, окончательно переставшей быть историей отдельных стран и народов.

Именно поэтому корни ПК в историко-социальном плане лежат не только в истории борьбы расовых, национальных и иных меньшинств некоторых стран за свои права, а гораздо глубже: изначальным их пунктом стоит назвать Великую Октябрьскую социалистическую революцию (ВОСР), породившую в итоге *соцлагерь*, борьба с которым и явилась основной причиной как мощнейшего развития западного левого движения (и борьбы меньшинств за права как его части), так и глубокой трансформации метропольного капитализма, который был вынужден либерализоваться для сохранения себя перед лицом «социалистической угрозы». К слову, уже упомянутая деколонизация также во многом была порождена именно ВОСР.

Все эти причины (внутренняя борьба за права и внешнее давление соцлагеря) привели в конечном итоге и к смене парадигмы социально-языковой политики стран метропольного капитализма, важной частью которой стала ПК, а потом и ГПК, в которую ПК выродилась. Чем это было обусловлено?

Как было отмечено, социальной основой ГПК является невозможность полного решения большинства социальных и национальных проблем и противоречий в условиях империализма и проводимая вследствие этого политика затуманивания сознания масс, отвлечения их от корней социальных бед. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Начнем с того, что обозначим причины перерождения ПК в ГПК. Это произошло потому, что, во-первых, в самой ПК и ее идеологии уже были заложены основы ее радикализации (неосуществимость изначального требования не унижать языком других в реалиях империализма, поднятие на щит идеологии ПК радикальными движениями меньшинств и т.п.), и, во-вторых, крушение соцлагеря в 1990-е гг. привело к усилению политической реакции в странах метропольного капитализма: теперь, в отсутствие сдерживающих факторов, империализм «закручивает гайки», и одним из его «гаечных ключей» стала ГПК, ставшая уже самодовлеющей идеологической системой и радикализованная уже частью серьезных политиков и идеологов и окончательно превращенная ими в систему информационно-идеологического подавления их противников.

Несмотря на некоторую либерализацию в 50—80-е гг. прошлого века, кардинально изменить свою сущность империализм не мог: если бы он изменил своим основным принципам, он перестал бы быть империализмом. Конечно, вторая половина прошлого века была эпохой определенных (хотя и ограниченных) побед левого и леволиберального движения на Западе, завоевавшего некоторые права и свободы для меньшинств. Однако в условиях сохранения империализма как общественного строя эти права и свободы не могли долго оставаться неотобранными или хотя бы не превращенными в свою противоположность.

Империалисты Запада поняли, что если меньшинства так активно борются за свои права (которые пришлось им со скрипом предоставить во второй половине XX в.), то можно радикализовать эту борьбу и сделать ставку на подавление большинства через утверждение господства меньшинств, т. е. через поправление общедемо-

кратического принципа подчинения меньшинства большинству. Отсюда трансформация в сфере социально-языковой политики, особенно ярко проявившаяся уже на стыке тысячелетий, в эпоху падения соцлагеря, свелась к смене утверждения и поддержки давления титульных наций и социального большинства на меньшинство, на *утверждение и поддержку давления различных меньшинств на большинство*, что и породило принуждение среднестатистического индивида к смещению его социального дейксиса. Именно *абсолютизация* прав и свобод меньшинств, за которые они боролись, и привела к превращению чего-то разумного, доброго и вечного в его противоположность, привела к потере завоеванных прав и свобод: теперь меньшинства угнетаемы своей *излишней привилегированностью*, которая вызывает ненависть к ним со стороны большинства. А принимая во внимание то, что и меньшинствами, и политиками делается попытка с помощью языковых игр скрыть социальные проблемы и их корни, ненависть к ГПК со стороны прозревающих масс становится еще более агрессивной.

Однако, учитывая то, что правящий класс и поныне в большей степени ориентируется на различные меньшинства, многие люди на Западе стараются либо примкнуть к ним, либо создать *новые* меньшинства, поскольку именно они в основном получают одобрение и поддержку, даже несмотря на то что со стороны большинства населения стран метропольного капитализма видна теперь тотальная усталость от толерантности и ПК и ненависть к ним, чем, правда, также пользуются представители правящего класса, предлагая «альтернативу» в виде традиционных правоконсервативных идеологий в пику «этим толерантным леволибералам, мультикультуралистам и иже с ними».

Таким образом, играя «и за черных, и за белых» на шахматной доске политики, буржуазия разъединяет людей и предлагает им идеологии и ценности, о которых можно сказать «оба хуже», так как если говорить о *крайней* форме отрицания ПК и толерантности (идеологий изначально левых), то ею является *фашистская* идеология как идеология крайне правая.

В итоге в любом случае происходит необходимый для удержания власти раскол общества, в особенности при его *атомизации* как следствия политики создания все новых и новых «ущемляемых» меньшинств, враждующих с обществом и друг с другом, а также следствия буржуазного эгоистического индивидуализма, стержня психологии западного (и в особенности американского) общества, который также внес существенный вклад в оформление ПК и ГПК, что отмечала С. Тер-Минасова [см. 4, ч. 2, гл. 2, § 3].

Таким образом, мы отмечаем, что на данный момент вместо решения проблем буржуазия стран Запада переключила тумблер настраивания одних против других с большинства на меньшинство. Суть же ее политики осталась прежней — разделяй и властвуй. А ПК, превратившаяся в ГПК, стала могучим орудием в руках правящего класса в новых исторических условиях.

Обобщая, отметим, что *политически* гиперполиткорректность есть *форма цензуры*¹, инструмент борьбы с неудобными лицами, организациями и идеями. Кроме того, важным следствием тяготения системы ГПК над обществом является установление в нем атмосферы страха высказывать свои мысли, говорить правду (что и нужно правящим кругам), а также развитие *самоцензуры* под давлением окружаю-

---

¹ Цензуру мы понимаем как один из инструментов информационно-идеологической борьбы господствующего класса с его политическими противниками, сущность которого заключается в подавлении и/или изгнании из информационного поля всех неудобных идей, что *иногда* может служить и прогрессу.

щих. К слову, интересным в этом свете нам кажется мнение А. Маркова: «Быть политкорректным — значит... сдаться в угоду плюрализма толпы, медийных сенсаций и американских политических технологий. Либо ты стоишь за истину, либо занимаешься экспортом американской демократии, подменяя науку ловлей грантов, — третьего не дано» [5, с. 26].

Приведем примеры давления системы ГПК на западное общество и на отдельные личности. Так, известный британский телеведущий А. Стюарт, проработавший в своей области более 40 лет, не смог вовремя предугадать последствий своих слов: процитировав отрывок из пьесы Шекспира, он допустил серьезную ошибку, так как темнокожий человек, которому был адресован данный пост в Твиттере, принял слова «злая обезьяна» на свой счет и счел их расистским высказыванием. После этого Алистер Стюарт был уволен, а его аккаунт в Твиттере был удален [6]. Далее, некоторой травле подверглась и Дж. Роулинг, поддержавшая уволенную за осуждение трансгендерности М. Форейстер [7]. Мы видим, что людей преследуют за высказывания, за *неполиткорректный язык*, ибо внешним выражением ГПК является борьба с «неправильным» языком. Кроме того, в данных ситуациях интересно следующее: представителей «подавляемых меньшинств», которые критиковали известную писательницу и телеведущего, по-видимому, не привлекли ни к какой ответственности, что еще раз демонстрирует нам реальность вышеописанного разворота буржуазной политики стран Запада к поддержке меньшинств против большинства, ставшей политической основой ГПК.

Отсюда заключаем, что на данный момент ГПК есть инструмент реакции и попраiania *даже буржуазно-демократических* принципов и свобод (свободы слова в том числе), из чего можно сделать вывод о том, что при развитии событий по худшему сценарию ГПК станет орудием *фашистской* политики. Учитывая тот факт, что классические формы фашизма осуждены и преданы анафеме, может появиться новая его форма, идеологической базой которой может стать ГПК как инструмент подавления свободы слова и свободы выбора.

Интересно, что в России во время заимствования западных лекал во всем была перенята и система ПК, и появились свои политкорректные выражения (*лицо кавказской национальности, малообеспеченные слои населения* и пр.). Тем не менее статуса парарелигиозного культа ПК в России не получила, что произошло в силу следующих причин: *постсоциалистичности* российского реставрированного капитализма и особенно противостояния зарождавшегося российского империализма с метропольным империализмом Запада. Именно поэтому в РФ, с учетом менталитета россиян (коллективизм и т. п.), упор был сделан на стандартный буржуазно-националистический патриотизм с утверждением диктата «нормального большинства» и насаждением «традиционных ценностей» в пику «бездуховному Западу». Однако в РФ может сложиться подходящая под российские условия вариация ГПК, основанная, в отличие от западной, на «охранении» мнения *большинства*, к чему есть подвижки в виде закона о защите чувств верующих и 282-й статьи УК РФ.

Отсюда перейдем к освещению философско-идеологических корней ПК и ГПК на Западе, где она более развита, так как иначе наше представление об этом явлении будет неполным. Отметим, что социальные условия, породившие ПК и ГПК, не могли не получить философско-идеологического оформления, помогающего закреплять и поддерживать определенное положение дел в обществе, ввиду чего изучить этот аспект нам представляется крайне важным.

Как было отмечено выше, прямой философской основой ПК и ГПК является идеалистическая *семантическая философия*, ставящая с ног на голову взаимоотношения мышления и языка с действительностью и строящаяся на ней идеология «исправления» действительности с помощью изменения языка, активно использовавшаяся феминистками и некоторыми другими социальными группами, боровшимися за изменения в языке.

Рассмотрим данную философию и ее роль в становлении ПК и ГПК.

Основы данной философии и ее сущность изложены в «Кратком философском словаре» 1954 г. (КФС-1954), где сказано, что «семантическая философия тесно связана с логическим позитивизмом, крайним выражением которого она является» [8, с. 526], и что представители данной субъективно-идеалистической философии «исходят из ложного тезиса, согласно которому общие понятия являются условными знаками, звукосочетаниями, не обозначающими и не отражающими ничего реально-го», ввиду чего «научные теории представляются пустыми словесными конструкциями», отсюда «задачей философии, согласно семантическим идеалистам, является **не анализ реальных вещей и их отношений, а анализ слов и их сочетаний... изучение структуры языка, речи**» (выделено нами. — А. Л.) [8, с. 526].

Важно, что представители семантической философии (в КФС-1954 названы Ричардс, Огден, Кожибский, Хаякава и Карнап) — «иррационалисты; они отрицают объективную закономерность, причинную связь явлений, полагая, что **сами философы посредством языка «организуют» и «упорядочивают» мир**» (выделено нами. — А. Л.) [8, с. 526]. Далее указывается, что все социальные проблемы, следуя данной логике, философы объясняют «несовершенством языка и отсутствием семантической выучки» [8, с. 527], а в качестве их решения предлагают, соответственно, ««очищение» языка от неправильных слов» [8, с. 527].

Таким образом, на примере статьи из КФС-1954 мы уже видим, что основы идеологии ПК и ГПК как ее логического продолжения были заложены еще в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. вполне известными западными философами и учеными. Они подготовили философско-идеологическую базу для развертывания ПК и ГПК, так как уже тогда, за два десятилетия до появления ПК в США, предлагали изменением языка преобразовывать мир вокруг, считая, что он есть некий хаос, упорядочиваемый лишь внутри нашего сознания, организующего реальность. А ведь именно ложное положение о вторичности бытия по отношению к сознанию и мышлению является исходным для идеализма как направления в философии, а следовательно, и для любой идеалистической философии, к числу которых авторы КФС-1954 справедливо относят и логический позитивизм с семантической философией.

Необходимо особо подчеркнуть, что данные философские течения *иррационалистичны*, что характерно для буржуазной философии эпохи империализма в целом. Это порождено социальными условиями: стремлением правящих классов погасить растущую сознательность широких масс людей, которым в XIX—XX вв. стало доступно образование и, естественно, ознакомление с марксистскими идеями; борьбой с соцлагерем и его диалектико-материалистическим воззрением, что вызвало ускорение поворота буржуазной философии к религии и парарелигиозным идеям, которые, естественно, строятся на идеалистических предпосылках... К слову, о религии здесь сказано не случайно: семантическая философия в какой-то мере реставрирует первобытно-языческую идею о магическом влиянии на мир с помощью слов, заклинаний и табуирования некоторых номинаций.

Отсюда заключаем, что социальные условия послевоенного мира (второй этап общего системного кризиса капитализма) вызвали к жизни семантическую философию, призванную скрыть обнажившиеся корни социальных бед и затуманить сознание масс. Эта философия создала идеологическую основу для ПК, которая сравнительно быстро выродилась в ГПК при содействии представителей радикальных движений меньшинств и части буржуазных политиков, доведших до абсурда идеологические послышки ПК в условиях падения соцлагеря и появления возможности «закрыть гайки».

От рассмотрения социальных и философско-идеологических корней ГПК перейдем к ее *лингвистическим* корням и механизмам, так как выше уже было сказано, что в философской основе ПК лежит идея исправления реальности с помощью *очищения языка и речи* от неправильных слов и словосочетаний.

Собственно, лингвистическим стержнем ПК и в особенности ГПК и главным их языковым механизмом является *десемантизирующая эвфемия*, сущность которой состоит в замене «неполиткорректных» слов и выражений наиболее обезличенными, наиболее пустыми словами. Например, в немецком политкорректно-толерантном языке слово «unmoralisch» («аморальный») заменяется намеренно-обесмысленным «alternativ» («альтернативный»), насчет чего мы отмечаем: «То, что в одной культуре считается правилом (многоженство, например), в другой осуждается как аморальное поведение. Но культурный плюрализм в такой интерпретации убивает саму суть понятия «мораль»: слово «альтернативный» размывает оценку до бессмыслицы», и далее: *«лучшее «политкорректное» именование — это слово с максимально размытой семантикой. Такое слово никого и ничто не оскорбит, так как не соотносится с действительностью»* (выделено нами. — А. Л.) [1, с. 250]. Важно, что основа размытости семантики — в отрыве слова от действительности, т. е. в нарушении главной функции слова — *номинации* как отражения в языке предметов, явлений, процессов и связей объективно существующего и внешнего по отношению к сознанию материального мира.

Стоит сказать, что подобная доведенная до абсурда десемантизирующая эвфемия характерна именно для ГПК как крайней формы ПК. Кроме того, важным механизмом ГПК (в силу ее радикализованности по сравнению с обычной ПК) является *табуирование* как подвид эвфемии, которое мы понимаем как призыв к *тотальному* запрету каких-либо слов и выражений.

Приведем пример подобных гиперполиткорректных табу-тенденций. Так, в США велись разговоры о запрете включения в тесты слов типа «родители», «религия», «Бог» и пр., но, к счастью, данные разговоры не привели ни к чему серьезному, как бы ни раздували истерию некоторые СМИ, о чем свидетельствует Я. Андерс [см. 9]. Однако отрицать табу-тенденции, как это делает автор статьи, мы не собираемся: детальная разработка этого вопроса, выходящая за рамки данной статьи, в целом подтвердит подвижки в области законодательства и языковой политики западных стран к табуированию некоторых слов, а также выявит, несомненно, и попытки противодействия этому. Отметим, что на настоящий момент экстремальные требования, к счастью, озвучиваются в основном на уровне общественности, а не официальных инстанций, где во многом еще придерживаются взвешенных позиций, однако не стоит сомневаться в том, что при сохранении существующих ГПК-тенденций наличествующие законодательство и правоприменение могут быть радикализованы в направлении табуирования слов и идей. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что корнем

ГПК в этом плане является языковая практика радикальных движений меньшинств, в особенности практика феминисток.

Далее отметим и другие, *периферийные* лингвистические механизмы ПК и ГПК, располагая их в порядке возрастания периферийности:

— *грамматические* или морфолого-синтаксические (использование местоимений множественного числа, в котором во многих языках не различается род; употребление местоимений, не изменяющихся по роду, а равно неопределенных местоимений: например, *one, someone, everyone, somebody* и *everybody* в английском языке; образование феминитивов в языках с активным различением рода (напр., рус. *авторка, блогерка* и т. д.);

— *орфографические* (напр., англ. *s/he* или рус. студент(ка) и т. п.);

— *текстоорганизационные*, к которым можно отнести закон второй позиции более тяжелого элемента, реализующийся наиболее активно в обращениях и биноминативных конструкциях: например, *дамы и господа*, где вежливо (и политкорректно) *дамы* поставлены на первое место [см. 1, с. 250].

Таким образом, ГПК на данный момент есть глубоко реакционное многоплановое явление, выходящее за рамки собственно лингвистики и не ограничивающееся одним лишь предписанием «иметь правильный язык», как это кажется на первый взгляд. ГПК — это находящая отражение в языке и языковой политике идеологическая система, форма цензуры, инструмент борьбы с прогрессивными взглядами, идеями и личностями. К счастью, она еще не стала полностью официальным инструментом государственной политики стран метропольного капитализма и РФ, но предпосылки к такому радикальному развитию событий имеются. Окончательное решение данной проблемы пока невозможно в условиях обострения социальных и национальных конфликтов, давления идеалистических философских систем и воззрений, стремления правящих кругов к использованию политкорректности для затуманивания сознания людей, для сокрытия и замазывания корней социальных бед, для утверждения равенства людей на словах и при помощи слов при возрастании реального экономического расслоения в обществе, для вящего натравливания одних на других. Отсюда имеем традиционный вопрос: «Что делать?»

Не претендуя на то, чтобы предписывать нечто конкретное, можно лишь дать некоторые *стратегические* рекомендации, поскольку непосредственным решением проблемы ГПК должны заниматься люди, более детально ее изучившие на опыте конкретных стран с их особенностями.

Следует сказать, что общей положительной программой критики ГПК может стать лишь программа *реальной* борьбы за права и свободы масс, хотя бы за буржуазно-демократические (сейчас, во время политической реакции, происходящей как на Западе, так и в России, огромное значение имеет борьба за уже имеющиеся свободы, за их отстаивание, укрепление и расширение). Борьба против ГПК на Западе есть составная часть борьбы за расширение прав и свобод, за отмену дискриминации по отношению к *большинству*¹, за разгром радикалов от меньшинств и, в конечном счете, за подавление фашистских тенденций, идеологической базой которых может стать именно ГПК как орудие информационно-идеологического террора.

Важным, хотя и не основным, пунктом борьбы против ГПК, несомненно, следует назвать борьбу прогрессивной интеллигенции в области науки, законодательства,

---

¹ Так, во многих американских штатах компании вынуждены, иногда жертвуя здравым смыслом и соображениями профпригодности, набирать на работу «для галочки» определённое количество представителей различных меньшинств, иначе им грозят определённые санкции и проблемы.

языковой политики и языка как такового *за языковой такт*, за претворение в жизнь, насколько это возможно в нынешних условиях, рационального зерна ПК. Неосновным данный пункт стоит назвать потому, что лишь реальное освобождение людей от гнета может стать основой для изменения ситуации с ГПК, ибо одним идеологическим и лингвистическим исправлением ее перегибов проблем не решить, так как их корни лежат глубже.

В заключение подчеркнем, что в борьбе с любой разновидностью ГПК в любой стране следует опираться на диалектико-материалистическую философию, на распространение ясного и четкого научного мировоззрения в противовес идеализму и иррационализму, затуманивающим сознание масс и дающим неправильные установки относительно роли языка в жизни общества.

Список использованной литературы

1. Саакян Л. Н., Лебедев А. А. К вопросу о корректности как фундаментальном факторе внутри- и межкультурной коммуникации // I Международная научно-практическая конференция «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте» (14—16 февраля 2018 г., Москва) : сб. материалов / отв. ред. Н. Г. Брагина, А. Г. Жукова. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. 322 с.
2. Политическая корректность, политкорректность // Словарь русского публичного языка конца XX века. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/390625> (дата обращения: 16.02.20).
3. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 27. С. 299—426.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_24.php (дата обращения: 15.02.20).
5. Князев А. Д., Кривошлыкова М. В. Принципы политической корректности в современном культурном пространстве // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : материалы XIII студ. междунар. заоч. науч.-практ. конф. (22 октября 2013 г.). Новосибирск : Изд. «СибАК», 2013. 223 с.
6. В Британии опытный телеведущий процитировал комедию Шекспира и был уволен // МИР 24: ежедн. интернет-изд., 2020. 31 янв. URL: <https://mir24.tv/news/16395843/v-britanii-opytnyi-televedushchii-procitiroval-komediyu-shekspira-i-byl-uvolen> (дата обращения: 10.02.20).
7. Джоан Роулинг обвинили в трансфобии // МИР 24: ежедн. интернет-изд., 2019. 20 дек. URL: <https://mir24.tv/news/16390756/dzhoan-rouling-obvinili-v-transfobii> (дата обращения: 10.02.20).
8. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. 4-е изд., испр. и доп. М. : ГИПЛ, 1954. 704 с.
9. Андерс Я. Правда ли, что в США запретили слово динозавр? // Яна Андерс. Записки русской феминистки в Америке, 2012. 6 апр. URL: <https://yana-anders.livejournal.com/70774.html> (дата обращения: 17.02.20).

Анастасия Александровна Надгорная,

Магистрант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, г. Москва, nastya.nadgornaya@yandex.ru

УДК 811.161; 37.02; 069.051

Технология кейсов в обучении РКИ работников музейно-педагогической сферы

Аннотация. Статья посвящена использованию технологии кейсов в профессионально-ориентированном обучении РКИ. Цель работы — теоретическое и практическое обоснование эффективности применения технологии кейсов и музейной наглядности в обучении русскому языку. В работе рассмотрены преимущества кейс-технологии, представлена модель кейса для иностранных музейных педагогов.

Ключевые слова: технология кейсов, РКИ, музейный педагог, язык.

Anastasia Nadgornaya

Master of Philology, Pushkin State Russian Language Institute,
Russian Federation, Moscow, nastya.nadgornaya@yandex.ru

A case method in teaching Russian as a foreign for museum-educational area

Abstract. The article concentrates on using case method in teaching Russian for special purposes. The aim of the article is theoretical and practical justification of using case method and museum demonstrativeness in teaching RFL for workers of museum-pedagogical area. The article views the advantages of case method, introduces the model of the case for foreign museum educators.

Keywords: a case method, Russian as a Foreign Language, museum educator, language.

Вопреки политическим распрям и разногласиям, в условиях изменчивости и нестабильности мира культура всегда служила и будет служить базисом для развития международного сотрудничества и построения межкультурного диалога, так как зиждется на созидании, преемственности традиций и эмпатии. Как показывают последние события в разных странах, политика может разделить общество, в то время как интерес к мировой культуре, понимание необходимости охраны ценностей и памятников искусства сплачивает людей всего мира.

Русская культура по праву считается частью мировой и представлена музейным фондом Российской Федерации, что гарантирует учет, сохранность и обеспечивает изучение наследия. Современный российский музей является традиционным институтом, который открыт для инноваций и обмена опытом. В Москве и Санкт-Петербурге проводятся всероссийские научно-практические конференции по вопросам использования цифровых технологий в музейной среде, новым граням взаимодействия посетителей, развития системы наставничества в подготовке кадров, музеям будущего в «эпоху культуры участия». Часто отдельные выступления посвящены принципу инклюзии и обучению лиц с ограниченными возможностями здоровья. Российские учреждения культуры организованы как центры для творческого развития личности, повышения культурного уровня населения и «вносят значительный вклад в развитие человеческого потенциала» [1].

Новые тенденции в музейно-выставочном деле вновь обратили внимание государства, музейного сообщества и общественности на роль музейных педагогов —

проводников в мир культуры. Профессия музейного педагога особенно междисциплинарной природой. Организация деятельности такого педагога находится на стыке педагогики, психологии, музееведения, искусствоведения и культурологии [2, с. 54].

Интерес иностранцев к искусству России не ослабевает и по сей день. Музейные площадки нашей страны приглашают к сотрудничеству передовых профессионалов в области искусствоведения и музееведения из Европы, Азии и Америки. В этом случае русский язык становится средством профессионального общения. Для изучения русского языка в специальных целях созданы краткосрочные и долгосрочные курсы в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина. В нашем институте русский язык изучают иностранные культурологи и искусствоведы. Можно сказать, что обучение иностранных сотрудников музейно-педагогической сферы в таком случае организовано по схеме: культура (опыт изучения мировой культуры) — музей (конкретный российский музей, отражающий русскую культуру) — язык (русский язык для специальных целей).

Образовательные и культурные организации России сегодня имеют партнерские отношения. Музейные уроки проводятся для школьников и студентов, которые могут изучить не только экспозиции музеев, но и углубить знания по различным дисциплинам (изучение биологии в Дарвиновском музее, изучение истории в Историческом музее). Поэтому представляется возможным изучение русского языка средствами музейной наглядности. И в таком случае обучение иностранного студента будет строиться по схеме: язык (русский язык, общее владение) — музей (конкретный российский музей, отражающий русскую культуру) — культура (получение опыта изучения мировой культуры, повышение культурного уровня студента).

Таким образом, мы уверены, что изучение русского языка ведущими иностранными профессионалами музейно-выставочной сферы положительно повлияет как на конкурентоспособность работников, так и на формирование престижа российского инновационного музея — главного социокультурного института страны. Музейные уроки для иностранных студентов, изучающих русский язык общего владения, раскрывают русскую культуру и знакомят наших друзей с человеком прошлой и нынешней России.

Неслучайно одним из стратегических приоритетов Российской Федерации на сегодняшний день является укрепление позиций русского языка и продвижение образования на русском языке в мире. «Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом» утверждает миссию русского языка как инструмента «мягкой силы» внешней политики нашей страны [1].

Младший научный сотрудник Центра сравнительных исследований власти и управления НИУ ВШЭ Кирилл Шамиев дает следующую характеристику венгерско-российским отношениям в эпоху Виктора Орбана и Владимира Путина: «...в нужное время, в нужном месте» [3]. Молодой ученый приводит слова премьер-министра Венгрии о том, что Россия может быть примером «нелиберальной демократии». Необходимо заметить, что между странами подписаны многомиллиардные контракты в области энергетики. В Венгрии также созданы условия для развития российского бизнеса. Таким образом, мы рассчитываем на долгосрочное сотрудничество в различных сферах, в частности в культурно-образовательной.

В процессе обучения языку специальности в России используются различные педагогические технологии. Исходя из особенности профессии музейного педагога, на наш взгляд, технология кейсов — самая эффективная технология обучения русскому языку в профессиональных целях. Решить кейс — значит «проанализировать реаль-

ную ситуацию, описание которой отражает практическую проблему и актуализирует определенный комплекс знаний» [4, с. 111].

За век существования кейс-технология прошла этапы развития от Гарвардской школы бизнеса начала XX века до наших дней и доказала важность ее использования. Первоначально технология кейсов применялась в обучении экономическим и медицинским дисциплинам, но сегодня получила широкое распространение в гуманитарном образовании.

Инновационность технологии кейсов заключается в совокупности следующих дидактических принципов: личностно-ориентированное обучение, понимание роли обучающегося как полноправного участника образовательного процесса, обеспечение наглядными средствами обучения, применение знаний на практике, проработка всех видов речевой деятельности. Технология кейсов может быть представлена «как сложная система, в которую интегрированы другие технологии: дискуссия (обсуждение путей решения кейса), игра (представление вариантов поведения героев, представление себя одним из акторов ситуации), технология проблемного обучения (применение ранее усвоенных знаний на практике, формирование навыков творческой деятельности), «мозговой штурм» (стимуляция группой продуктивности).

Украинский кейсолог Ю. П. Сурмин выделяет три типа кейсов по степени воздействия их источников: практические (бытовые), обучающие (учебные), научно-исследовательские. Отечественные кейсологи М. В. Плотников, О. С. Чернявская уточняют данную классификацию, выделяя четыре типа учебных кейсов: кейсы-проблемы (самостоятельное формулирование проблемы и поиск решения), кейсы-решения (поиск альтернативных путей решения проблемы), кейсы-суждения (необходимость выработки оценки), кейсы-правила (применение конкретного алгоритма) [5, с. 100]. К признакам качественного учебного кейса российские исследователи относят: проблемность (отсутствие однозначного решения кейса), имплицитность (возможность обучающемуся самостоятельно рассуждать и анализировать), незавершенность (возможность дальнейшего развития ситуации кейса), избыточность информации (формирование навыка отделять главную информацию от второстепенной), персонализация (использование реалистичных акторов ситуации для достижения максимальной вовлеченности), типичность (отражение в кейсе реалий профессиональной жизни).

Приведем модель кейса для музейных педагогов Венгрии, изучающих РКИ на постпороговом уровне (B2):

Вы — музейный педагог Музея изобразительных искусств Будапешта, участник проекта для российских граждан, цель которого в период опасности заражения COVID-19 удержать население дома и просветить их, рассказав им о художниках Возрождения.

Выполните следующие задания:

1. Придумайте такое название проекта на русском языке, которое могло бы заинтересовать российских граждан.

(Примеры: «Дом-музей», «Домашний музей», «Дом муз».)

2. Выберите площадку представления проекта и объясните свой выбор: телевидение, YouTube, сайт, Instagram.

(Как выбранная площадка повлияет на стиль Вашего рассказа?)

3. Изучите экспонаты Музея изобразительных искусств Будапешта. Среди представленных художников выберите одного: Винченцо Катена, Марко Базанти, Джорджоне, Тициан, Доссо Досси, Тинторетто.

4. В зависимости от выбранной площадки напишите статью, снимите просветительский ролик, создайте страничку в социальной сети, где расскажите о художнике.

5. Рассказ о художнике должен быть составлен по следующему плану: историческая эпоха, биография, главные работы, один шедевр, стиль и техника.

– Доссо Досси — один из лидеров Возрождения/один из ярчайших представителей Возрождения/знаменитый художник эпохи (периода) Ренессанса/крупнейший представитель феррарской школы/мастер феррарской школы.

– Феррарская школа живописи, начальная школа, Высшая школа перевода МГУ.

– Картина — полотно — шедевр — произведение живописи.

– Нарисовано — изображено.

– Кино — фильм — картина.

– Нарисовать рисунок, написать картину.

– Картина написана на религиозный сюжет/библейский сюжет/светский сюжет.

– Собака символизирует что?/свидетельствует о чем?

– Фигура.

– Поза.

– Наклон головы.

– Источник света.

– Цветовая гамма.

– Сцена.

– Герой картины, персонаж книги.

– В работе принимали участие...

– Над украшением дворца трудились...

– На переднем плане изображены/мы видим...

В предложенном кейсе имеется проблемная ситуация — разработать часть проекта, в которой необходимо будет рассказать о художнике Возрождения российской аудитории на русском языке. Обучающийся может сам выбрать возрастной диапазон аудитории, от чего будет зависеть сложность текста и форма представления информации. Данный кейс оставляет возможность дальнейшего развития ситуации, при которой команда музейных педагогов сможет создать реальный проект. Главное преимущество приведенного кейса — тренировка всех видов речевой деятельности на русском языке, а также популяризация и приобщение населения к памятникам мировой культуры, углубление знаний профессионала.

Список использованной литературы

1. Президент России. Документы. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50644> (дата обращения: 01.02.2020).

2. Столяров Б. А. Педагогика художественного музея: от истоков до современности : учеб. пособие для вузов. СПб. : Спец. лит., 1999. 222 с.

3. Российские СМИ, Riddle. Внешняя политика / Россия — ЕС. URL: <https://www.ridl.io/ru/vengersko-rossijskie-otnosheniya-v-jepo/> (дата обращения: 03.03.20).

4. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. 2-е изд., стер. М. : Русский язык. Курсы, 2019. 496 с.

5. Плотников М. В., Чернявская О. С., Кузнецова Ю. В. Технология case-study : учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 2014. 208 с.

Юлия Анатольевна Полещук,

кандидат психологических наук, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Республика Беларусь, г. Минск, Polishuk@tut.by

УДК 378.015.3

Психологическая культура будущих специалистов сферы управления

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты феномена психологической культуры личности, приводятся эмпирические данные диагностики профессионального типа личности у будущих специалистов в сфере государственного управления. Указываются пути развития профессиональной направленности студентов в процессе взаимодействия преподавателей и студентов.

Ключевые слова: психологическая культура, профессиональный тип личности, профессиональная направленность, психологическое сопровождение.

Yuliya Poleshchuk

Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Republic of Belarus, Minsk, Polishuk@tut.by

Psychological culture of future specialists in the sphere of management

Abstract. The article discusses the theoretical aspects of the phenomenon of psychological culture of the individual, provides empirical data on the diagnosis of professional personality type in future specialists in the field of public administration. The ways of development of professional orientation of students in the process of interaction between teachers and students are indicated.

Keywords: psychological culture, professional personality type, professional orientation, psychological support.

Для успешной конкуренции на рынке труда современному специалисту недостаточно обладать только профессиональными компетенциями, важно развитие определенных личностных характеристик, в том числе и психологической культуры.

Наряду с общей культурой психологическая культура раскрывает, как личность воспринимает и осмысливает окружающий мир, как определяются взаимоотношения людей в обществе, в том числе и с позиции будущего профессионала. Психологическая культура личности сравнительно недавно стала предметом изучения, и на данный момент характерна неоднозначность определения данного понятия.

Психологическую культуру рассматривают как часть общей культуры личности, в связи с проблемой общения и взаимодействия — как фактор самоопределения, самореализации, саморазвития в условиях различных сфер жизнедеятельности.

Российский психолог Е. А. Климов рассматривает психологическую культуру как часть общей культуры человека, предполагающую освоение им системы научных

знаний, основных умений в понимании особенностей своей психики и общества, а также использование этих знаний в жизни, в самообразовании и профессиональной деятельности [1, с. 287].

Культура способствует «созданию» личности, и чем более широк круг культуры, с которым соприкасается человек, тем более значимыми становятся основания для развития полноценной личности. Психологическая культура раскрывает, как личность воспринимает и осмысливает окружающий мир, взаимоотношения людей в обществе.

Изучение данного феномена в Республике Беларусь базируется на концепции психологической культуры Я. Л. Коломинского. Эта концепция включает систему понятий, описывающих основные виды и уровни психологической культуры личности, содержание и методы ее формирования. Психологическая культура личности определяется наличием житейских и научных психологических знаний о своем «Я» и внутреннем мире других и психологической деятельностью, формированием собственных внутренних инстанций, психологических умений, обеспечивающих успешное применение психологических знаний в жизни [2, с. 4].

Я. Л. Коломинский выделяет два основных уровня психологической культуры: концептуальный и доконцептуальный. Концептуальный уровень — уровень научного познания, имеющий два слоя: систему теоретических понятий и систему психологических умений и навыков, которые позволяют человеку успешно действовать в двух пространствах своего существования: внутриличностном и межличностном. Доконцептуальный уровень представляет собой стихийно сформированный уровень познания, который также образует два слоя: слой «житейских» психологических понятий, представлений и слой спонтанной психологической деятельности, включающий в себя спонтанные способы самоанализа, саморегуляции, самовыражения, воздействия на другого человека, иными словами, выработанные самим человеком способы организации собственной психической жизни [2, с. 5—6].

Существенная роль в формировании и развитии концептуального уровня психологической культуры обучающихся принадлежит преподавателям психологии. Образование непосредственно взаимодействует с культурой, что влияет на уровень развития общества, отражается на личности, определяет перспективы и нравственную направленность ее развития [3, с. 8]. Психология обогащает общую культуру через понимание самоценности и уникальности каждой личности.

На формирование и развитие психологической культуры оказывает влияние разнообразное количество факторов. В период обучения в учреждении высшего образования важным становится выявление соответствия психологических характеристик личности требованиям будущей профессии. Описание основных компетенций будущих кадров государственного управления было рассмотрено ранее [4, с. 180—182].

Нами было проведено эмпирическое исследование профессиональных типов личности среди будущих специалистов в сфере государственного управления в возрасте от 20 до 22 лет, обучающихся в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) по направлениям: «Публичная политика и социальные науки», «Политология» (62 человека) и в Академии управления при Президенте Республики Беларусь (АУ), обучающихся по специальностям «Государственное управление и экономика» и «Управление информационными ресурсами» (74 человека). Таким образом, всего в исследовании было задействовано 136 студентов.

Диагностика осуществлялась с помощью опросника Дж. Голланда. Данный опросник позволяет соотнести личностные характеристики (способности, склонности,

интеллект) с различными профессиями. Предлагаются шесть типов личности: реалистический, интеллектуальный, социальный, конвенциональный, предприимчивый, артистический. Преобладание первых трех типов и определяет предпочитаемый тип профессии. Каждому типу соответствует профессиональная среда, которая называется так же, как и тип личности: реалистическая, интеллектуальная, социальная, конвенциональная, предприимчивая, артистическая [5].

Проведенная диагностика выявила у респондентов преобладание артистического, предприимчивого и социального типов. Менее выраженными оказались интеллектуальный, реалистический и конвенциональный типы. Результаты отражены в таблице.

Показатели профессиональных типов личности у студентов

Учреждение высшего образования	Профессиональный тип, %					
	Реалистический тип	Интеллектуальный тип	Социальный тип	Конвенциональный тип	Предприимчивый тип	Артистический тип
РГГУ	15	15	16	14	18	22
АУ	15	15	19	15	18	18

В данной выборке у российских студентов доминирующим является социальный профессиональный тип личности, выраженный у 22% опрошенных. У белорусских студентов этот тип занимает второе место и представлен у 18% респондентов. Артистический тип ориентирован на свой глубокий внутренний мир, предпочитает деятельность, связанную с изобразительной, музыкальной, литературной, художественной и сценической деятельностью. Люди данного типа характеризуются решением проблем и задач, предполагающих наличие художественного вкуса и воображения. Преобладание данного типа может объясняться направленностью респондентов на определенные стороны будущей профессиональной деятельности, предполагающие акцентирование на собственных эмоциях и ощущениях, образность мышления, потребность в самовыражении.

У студентов Академии управления при Президенте Республики Беларусь на первом месте находится социальный профессиональный тип (отметили 19%), у студентов РГГУ он выражен у 16% и занимает третье место. Представители данного типа социально активные, испытывают потребность во взаимодействии с другими людьми, они обладают вербальными способностями. В профессиональном выборе ориентированы на работу с людьми, поскольку умеют строить деловые отношения и настроены на межличностное взаимодействие. В плане личностных характеристик им свойственны этичность, ответственность, кооперативность, тактичность, жизнерадостность, оптимизм.

Проявления предприимчивого типа личности по всей выборке занимают второе место (белорусы делят его с артистическим типом) и составляют по 18%. Предприимчивый тип характеризуется тем, что его представители выбирают цели и задачи, позволяющие проявить энергию, импульсивность, энтузиазм. Данные респонденты уверены в себе, избегают однозначных ситуаций, монотонной умственной деятельности, предпочитают конкурировать, руководить и организовывать, стремятся к лидерству, влиянию на других людей для достижения собственных целей.

Далее следуют реалистический и интеллектуальный типы, представленные у всех студентов по 15%. Реалистический тип — «мужской» тип. Обладает высокой эмоциональной стабильностью, ориентирован на настоящее, предпочитает заниматься

конкретными объектами и их использованием, направлен на деятельность, связанную с использованием инструментов и механизмов. Интеллектуальный (исследовательский) тип имеет следующие характеристики: аналитический, осторожный, критический, интеллектуальный, методичный, точный, рациональный, непритязательный, независимый, любопытный, интровертированный. Его основной ценностью является наука, предпочитает исследовательские профессии и ситуации, связанные с систематическим наблюдением и творческими исследованиями.

Конвенциональный тип занимает последнее место и составляет 15% (АУ) и 14% (РГГУ). Студенты этого типа предпочитают структурированную деятельность, регламентированную ясными и четкими предписаниями, работу по инструкции, по определенным алгоритмам, когда отсутствуют неопределенные и напряженные ситуации. Им свойственны традиционные, консервативные ценности и ориентация на общественный статус.

При помощи U-критерия Манна — Уитни в исследуемой выборке были выявлены значимые различия по выраженности артистического ($p \leq 0,01$) и социального ($p \leq 0,05$) типов личности обучающихся.

Профессиональной средой будущих политологов выступает социальная среда, для которой наиболее оптимальным является социальный тип, допустимыми — артистический, предприимчивый и конвенциональный типы (по классификации Джона Голланда) [5]. Это же отмечается и в профессиограмме «Политолог», где доминирующим профессиональным интересом у политологов считается социальный тип, дополнительным — интеллектуальный (исследовательский) [6, с. 280].

Основной профессиональный интерес, отмеченный в профессиограммах «Менеджер» и «Управленец», — это предпринимательский интерес [7, с. 199, 379], которому соответствует предприимчивый тип личности. Для предприимчивой профессиональной среды наиболее подходящим является предприимчивый тип, а также социальный и конвенциональный типы [5]. Дополнительным здесь выступает социальный интерес [7, с. 199, 379].

Для определения прогноза работы будущих специалистов в соответствующей профессиональной среде нами были подсчитаны суммарные показатели выраженности основного и допустимого типов для данной среды (в процентах). Поскольку для социальной среды суммируются показатели четырех типов, а для предприимчивой — трех, нами также была определена сумма средних баллов по выборке для данных типов. Это было необходимо для корректного сравнения.

У всех студентов данной выборки суммарный показатель выраженности по типам, подходящих для социальной среды, составляет 70% (средний балл у представителей российской выборки равен 7,19; белорусской — 7,5), следовательно, прогноз благоприятный.

Относительно суммарного показателя типов для предприимчивой профессиональной среды — у студентов РГГУ он составляет 48% (средний балл — 6,48), у студентов АУ — 52% (средний балл — 7,26).

Изучение профессиональных типов личности у студентов РГГУ, обучающихся по специальностям «Государственная политика и управление; политический менеджмент», «Международные отношения и зарубежная регионалистика», «Государственное и муниципальное управление», осуществленное в рамках наших предыдущих исследований, показало, что у студентов для социальной среды суммарный показатель составил 69% (средний балл — 6,61), а для предприимчивой — 46% (средний балл — 5,82) [8, с. 105—106].

Указанные данные не противоречивы и могут объясняться личностными предпочтениями студентов и спецификой выборки обучающихся.

Для развития психологической культуры будущих специалистов с целью закрепления их в профессии рекомендуется внедрение психологического сопровождения студентов в период обучения в вузе.

По мнению Э. Ф. Зеера, психологическое сопровождение на стадии овладения профессией призвано решать задачи, направленные на развитие аксиологической направленности и профессионального сознания, социального и профессионального интеллекта, эмоционально-волевой сферы, позитивного отношения к миру и себе, самостоятельности, автономности и уверенности в себе, профессионально важных качеств и аутокомпетентности [9, с. 124—125].

Становится актуальным применение таких технологий, как профессиональное консультирование, психодиагностика, психотренинг, психолого-педагогический консилиум [9, с. 124].

Эти технологии обращены к личностным механизмам, регулирующим активность оптанта, формирующим позитивное самоотношение, готовность к изменениям и способность проектировать альтернативные сценарии профессионального становления, принятие на себя ответственности за свое профессиональное будущее [9, с. 124—125].

Психологическое сопровождение, с точки зрения О. С. Поповой, на стадии получения образования должно осуществляться комплексно, в рамках функционирования социально-педагогической и психологической службы учебного заведения и ориентироваться на взаимодействие таких компонентов деятельности психолога, как психологическое просвещение, психодиагностика, коррекция и развитие, психологическое консультирование [10, с. 8].

При осуществлении психологического сопровождения одной из ролей, в которой может выступать психолог, является роль посредника между человеком и всей культурой, когда происходит приобщение личности к высшим идеалам и ценностям, созданным человечеством [11, с. 410]. Именно в данном контексте можно полноценно искать свое призвание в более частных ситуациях, какими являются аспекты профессиональной деятельности.

Для того чтобы психологическое сопровождение в период обучения в учреждении высшего образования происходило наиболее оптимально и опиралось на формирование психологической культуры личности, можно предложить следующие пути: непосредственное и опосредованное сопровождение [8, с. 107—108].

Непосредственное сопровождение связано с психологическим просвещением по вопросам общей и психологической культуры; диагностикой компонентов профессиональной направленности и профессионально важных качеств личности; профилактикой развития «синдрома профессионального выгорания» у специалистов системы «человек — человек»; составлением профессионального прогноза; психологическим консультированием студентов по проблемам, связанным с личностным и профессиональным развитием; помощью в адаптации первокурсникам. Данный вид сопровождения реализуется преподавателями психологии и сотрудниками социально-психологической службы вуза [8, с. 107—108].

Опосредованное сопровождение осуществляется через внедрение спецкурсов и факультативов психологической направленности («Психология профессионального самоопределения», «Тренинг профессионального самосознания», «Психологическая культура личности»); применение активных форм и методов обучения; организацию

работы студенческих научных проблемных лабораторий, подготовку студентов к участию в научно-практических студенческих конференциях и конкурсах научных работ. Опосредованное сопровождение проводится профессорско-преподавательским составом вуза в процессе преподавания учебных дисциплин [8, с. 107—108].

Целенаправленное осуществление психологического сопровождения в процессе обучения будет способствовать развитию у студентов общей и психологической культуры, формированию личностных качеств, необходимых для успешного овладения управленческой деятельностью, способности к анализу соответствия избранной профессии собственным индивидуально-психологическим особенностям и запросам рынка труда в кадрах, что в итоге оптимизирует процесс подготовки будущих специалистов.

Список использованной литературы

1. Климов Е. А. Основы психологии. М. : Владос, 1997. 295 с.
2. Коломинский Я. Л. Теоретические и прикладные аспекты психологической культурологии // Актуальные проблемы социальной психологии : сб. науч. тр. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: Т. В. Гормоза (отв. ред.), Я. Л. Коломинский, Л. А. Пергаменщик и др. Минск : БГПУ, 2014. С. 4—8.
3. Дубровина И. В. Психологическая культура личности как основа гуманистического мировоззрения // Изучение психологии в школе : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 19—20 апр. 2011 г. / под ред. И. В. Дубровиной. СПб. : Нестор-История, 2011. С. 7—14.
4. Бойко С. И., Полещук Ю. А. Профессиональные компетенции и профессиональный опыт в подготовке национальных кадров государственного управления // *Zasoby osobiste jako droga do sukcesu: praca zbiorowa pod redakcją naukową Elena Asmakovets, Babiarz Mirosław, Koziej Sławomir*. Kielce : Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, 2016. S. 179—183.
5. Holland J L. Making vocational choice: A theory of careers. N. Y., 1973. 220 p.
6. Профессиограмма «Политолог» // Романова Е. С. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. СПб. : Питер, 2003. С. 280—284.
7. Профессиограммы «Менеджер», «Управленец» // Романова Е. С. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. СПб. : Питер, 2003. С. 199—202, 379—383.
8. Полещук Ю. А., Бойко С. И. Профессиональная направленность российских и белорусских студентов // *Człowiek w przestirzeni edukacyjnej współczesnego świata : praca zbiorowa pod redakcją naukową Eleny Asmakovets i Sławomira Kozieja*. Kielce : Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, 2017. S. 104—109.
9. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М. : Академический проект, Фонд «Мир», 2006. 336 с.
10. Попова О. С. Психологическое сопровождение учащихся в процессе профессионального образования : монография. Минск : РИПО, 2010. 212 с.
11. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М. : Академия, 2001. 480 с.

Ольга Сергеевна Хоудинова,

продюсер телевизионных новостей, телеканал «Россия-24», ВГТРК,
Россия, г. Москва, olga.khodinova@gmail.com

УДК 325.14

Роль межкультурного диалога в решении миграционных проблем ЕС

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции межкультурного диалога как средства урегулирования напряжённости между инокультурными иммигрантами и принимающими европейскими обществами. Автор анализирует практику т. н. «межкультурных городов», которая позволяет сделать выводы, что интеркультурализм имеет серьёзные перспективы стать одним из ключевых аспектов деятельности властей стран ЕС на пути к решению миграционных проблем, которые усугубились в связи с пандемией коронавируса нового типа.

Ключевые слова: интеркультурализм, межкультурный диалог, Европейский союз, инокультурная иммиграция, коронавирус, миграция.

Olga Khodinova

Postgraduate student, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry;
TV-news producer, “Russia-24” TV-channel, Moscow, Russia,
olga.khodinova@gmail.com

The role of intercultural dialogue in solving EU migration problems

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of intercultural dialogue as a means of resolving tensions between immigrants and host European societies. The author analyzes the practice of so-called “Intercultural cities”, which allows to conclude that interculturalism has serious prospects of becoming one of the key aspects of the activities of the EU authorities on the way to solving migration problems, which have been aggravated by the coronavirus pandemic.

Keywords: interculturalism, intercultural dialogue, European Union, coronavirus, diversity, migration.

После пика миграционного кризиса в 2015 г. Европейский союз уже несколько лет пытается выработать единую для всех стран-членов политику приёма иноэтнических иммигрантов — выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, преимущественно мусульман. Совокупный приток беженцев на территорию ЕС за этот период исчисляется миллионами.

Наплыв носителей иного, неевропейского культурного кода — это вызов как для общеевропейской, так и для национальных моделей безопасности, подвергающий пересмотру паттерн принадлежности к определённому обществу, нации, угрожающий размыванием национальной идентичности, что, в свою очередь, чревато манипулированием общественным мнением. После объявленного в 2010—2011 гг. лидерами Германии, Великобритании и Франции краха политики мультикультурализма в ЕС возник спрос на утверждённую Советом Европы ещё в 2008 г. концепцию «межкультурного диалога», или «интеркультурализма».

Исследовательница британского мультикультурализма Я. Алибхай-Браун, которая задалась вопросом, какая практика придёт на смену этой концепции, в 2000 г. писала о внешнем выражении инаковости подобных инокультурных сообществ внутри Европы, образно выразив это в модели «трёх «с»: «сари, самса, стальные барабаны» [1]. То есть меньшинство, община сохраняет свою идентичность за счёт внешнего вида, особенностей кухни и музыки — и окружающее большинство ничего, кроме

этого, безопасно заимствовать не может. Однако лишь простого узнавания принимающим сообществом других культур не достаточно для укрепления в обществе терпимости.

По замыслу авторов Белой книги по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве», новая концепция призвана ускорить процесс гибридизации культур приезжих и принимающего сообщества для совместного развития европейских обществ, а также обеспечить взаимовыгодное сотрудничество представителей различных культур с учётом базовых либеральных ценностей: прав человека, демократии, верховенства закона и признания прав всех участников на равное достоинство и равное уважение [2]. 2008 г. был объявлен Европейским годом межкультурного диалога. В 2009 г. ЮНЕСКО назвала интеркультурализм концепцией будущего [3]. В 2013 г. Совет Европы выпустил своего рода памятку, в которой объяснял различия между двумя концепциями. В ней пояснялось, что межкультурный подход к проблеме коммуникации предполагает владение европейскими гражданами определёнными навыками, в частности: «непредубеждённостью, эмпатией, когнитивной гибкостью, способностью адаптировать своё поведение к новым культурным контекстам» [4, р. 26]. Для оказавшихся в мегаполисе беженцев и мигрантов процесс трансформации их идентичности неизбежен, это результат адаптации к новой социокультурной среде [5, с. 45].

Прибывая в европейские страны, мигранты провоцируют постепенное расширение и без того неблагополучных городских окраин, в то время как различного рода блага и ресурсы концентрируются в благополучных районах с растущим уровнем потребления [6, с. 14]. Тем самым интенсивные миграционные потоки усиливают поляризацию, которая и так возникает вследствие трансформации рынка труда. Оставленные без должного внимания властей, мигранты быстро криминализируются, как правило, пополняют ряды либо безработных, либо представителей низкоквалифицированной рабочей силы, часто занятых в теневом секторе экономики, а значит, вынужденных существовать в самом низу иерархии социального неравенства [7, с. 280].

Сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Д. П. Каранов описывает три основные стратегии поведения мигрантов в инокультурной городской среде: помимо таких полярных вариантов, как ассимиляция и бегство (из-за чувства отчуждённости и нежелания приспособливаться к новому социуму), он выделяет процесс формирования диаспоры, когда группа переселенцев сохраняет исходную этническую идентичность и при этом соотносит себя с окружающей городской средой, но не с новым обществом [8, с. 31]. Именно с формированием диаспоры связано больше всего проблем интеграции мигрантов: члены диаспоры обособляются от местного населения в попытке защититься от влияния чуждой для них инокультурной среды, они не видят себя в качестве составной части общества проживания и не надеются, что будут им полностью приняты [9, с. 49].

Ещё одна проблема интеграции, по словам специалиста по миграциям населения М. С. Савоскул, заключается в том, что даже если мигрант может приспособиться к жизни в новом обществе, найти работу и жильё, это не значит, что он успешно проходит так называемую «вторичную социализацию»: то есть он всё равно остаётся неинтегрированным и продолжает жить согласно своим моральным установкам, не владея «социальным» языком норм и правил поведения чуждого ему общества [10, с. 104]. Так образуется «общество внутри общества» [8, с. 32], откуда и возникают на окраинах крупных европейских городов кварталы-гетто.

Именно поэтому параллельно с разработкой новой коммуникационной концепции для лучшей интеграции в 2008 г. Европейской комиссией и Советом Европы был запущен проект «Межкультурные города» (ИСС), к которому изначально подключились 11 муниципалитетов, в их числе российский Ижевск¹. На официальном сайте СЕ говорится, что программа «помогает городским властям взглянуть на свою политику с помощью межкультурной линзы и разрабатывать комплексные межкультурные стратегии, чтобы управлять разнообразием в позитивном ключе и реализовывать преимущества этого разнообразия» [11]. На данный момент в программе участвуют уже 140 городов в странах, входящих в Совет Европы, а также Республика Корея. Наблюдателями являются США, Канада и Япония. Национальные системы «Межкультурных городов» работают даже внутри стран с неоднородным составом населения, например в Марокко, Австралии, Испании, Италии, Португалии, Норвегии, Великобритании, на Украине. Работа программы строится по семи направлениям:

- борьба со слухами и мифами;
- разнообразие и бизнес;
- разнообразие и культурное наследие;
- разнообразие и СМИ;
- мигранты и управление рисками;
- беженцы;
- Академия межкультурной интеграции.

Расписание активностей насыщено встречами и совещаниями в различных составах, форматах (чаще — онлайн) и городах, в среднем, по два события в месяц. Так, на 8 июня 2020 г. назначено первое совещание Руководящего комитета по разнообразию, включённости и борьбе с дискриминацией.

На каждый город благодаря специально разработанному тесту-опроснику составляется профайл, в котором межкультурная обстановка оценивается по четырём параметрам: сильные стороны, уязвимости, угрозы и возможности. Всё это позволяет городским властям осознать направления необходимой работы, грамотно осуществлять которую помогают специальные пятидневные курсы для глав и сотрудников муниципалитетов, разработанные Академией межкультурной интеграции [12].

Есть на портале «Межкультурных городов» и страница, где публикуются новости о позитивном опыте и мероприятиях, способствующих межкультурному диалогу. Так, в 2017 г. городской совет Барселоны представил свой муниципальный план по борьбе с исламофобией, в составлении которого приняли участие 80 экспертов, в том числе представители мусульманской общины. Он предусматривал 28 мер, бюджет составил 100 000 евро [13].

В 2017 г. города Риека (Хорватия) и Лиссабон (Португалия) были выбраны для апробации новой методологии учёта культурного наследия STEPS, призванного побудить различные общины открывать свою идентичность для остальных, таким образом увеличивая доверие, взаимное признание, взаимодействие и, в конечном счёте, социальную сплочённость [14].

В числе уязвимостей французского Лиона, который был среди 11 «пилотных» городов, где запустили программу в 2008 г., тогда была названа растущая радикализация иммигрантской молодежи, зафиксированная социологами, которые выразили

---

¹ 19–20 февраля 2019 г. город посетили эксперты из ЕС. Подробнее см.: В Ижевске побывали эксперты проекта Совета Европы «Межкультурные города». URL: <http://www.izvestiaur.ru/news/view/16805001.html> (дата обращения: 25.04.2020).

сомнение в том, что с этим новым явлением можно бороться с помощью «старого оружия»: «Стратегия попыток решить социальные проблемы с помощью развлекательных мероприятий показала свои пределы в прошлом, и нет никаких причин, по которым она может оказаться более эффективной в будущем» [15]. В 2013 г. Лион был назван культурной столицей Европы, а в 2016 г. там открылся «Дом переходов». Интерес его создателей состоял в исследовании «скрытой истории»: колониального прошлого, сотрудничества во Второй мировой войне, расизма и пыток в Алжирской войне за независимость, расизма по отношению к цыганам — предметов, которые мешали иммигрантам второго поколения изучать историю своих родителей и которых не изучали французские школьники [16]. При этом в Лионе продолжает существовать мусульманское гетто — район Магнетт. Подобные гетто до сих пор остаются в Париже, Марселе, Бордо, многих других городах Франции и её соседей по ЕС.

Таким образом, концепция интеркультурализма уводит урегулирование межкультурных проблем с уровня национальной и наднациональной демагогии на уровень муниципалитетов, что позволяет проводить адресную работу на местах и обучать локальные власти и общества мирному сосуществованию с инокультурными иммигрантами: «В большинстве городов сотрудничество руководства с местными группами мигрантов и организациями гражданского общества может обеспечить изучение имеющегося опыта, на основе которого можно строить политику и вести дискурс о межкультурности и преимуществах разнообразия. План кампании должен включать такие элементы, как контекст, аудитория, тематика сообщений, мероприятия и акции, распределение обязанностей и бюджет. Городские лидеры и их команды должны иметь базовое понимание принципов коммуникации, видеть, например, разницу между сообщениями и лозунгами, знать функции каждого члена команды и возможный вклад каждого из них в укрепление и создание мощного общественного дискурса. Они должны совершенствовать свои навыки участия в публичных агитационных кампаниях, понимать, какие методы и инструменты следует использовать, чтобы проводить более эффективные мероприятия. Следует также отметить, что, при всей их необходимости, технические знания не могут заменить политическое видение проблемы» [17].

Что касается политического видения, то Европейский союз находится в стадии обсуждения нового Пакта об убежище и миграции, в котором будут прописаны новые принципы разделения ответственности между государствами-членами и параметры осязаемого выражения солидарности.

В 2020 г. достижение прогресса в вопросе продвижения межкультурного диалога на общеевропейском уровне было дважды поставлено под угрозу: в связи с новым витком миграционного кризиса, спровоцированного Турцией в конце февраля — начале марта, а также в связи с вопросами соблюдения прав человека (например, в части контроля за перемещениями отдельных лиц, что стало особенно актуально в период пандемии нового коронавируса весной 2020 г.).

Анкара открыла для беженцев границу с Грецией в безуспешной попытке надавить на ЕС для поддержки турецкой военной операции в сирийском Идлибе. После переговоров еврокомиссаров с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом ситуацию удалось стабилизировать. В то же время в середине апреля спутниковые снимки зафиксировали, как турецкие власти продолжали перемещать беженцев из внутренних центров депортации в прибрежные районы [18].

20 марта Еврокомиссия временно приостановила реализацию программ по расселению мигрантов из лагерей Греции и Италии по остальным странам сообщества в связи с ростом угрозы распространения коронавируса. И в этом случае главам и сотрудникам местных муниципалитетов могут пригодиться курсы из раздела ИСС «Мигранты и управление рисками», разработанные совместно с Международной организацией по миграции.

В связи с последними событиями в ЕС, вызванными карантинными мерами из-за пандемии, в среде политиков и экспертов стали звучать мнения о том, чтобы воспользоваться ситуацией и пока не открывать границы для иммигрантов [19]. Так, число обращений в ЕС за предоставлением убежища неуклонно росло в течение последних двух лет, но пандемия нового типа коронавируса внесла свои коррективы: в марте 2020 г. число заявлений сократилось почти вдвое по сравнению с предыдущим месяцем — минус 43% [20]. Связано это, не в последнюю очередь, с частичным перекрытием границ внутри Евросоюза. Показательна статья в бельгийском издании VRT, которая представляет собой вопрос: «Куда исчезли транзитные мигранты во время коронавирусного кризиса?» — и рассказывает о том, как около 200 бельгийских семей на время пандемии приняли подростков, например, из Эритреи и Ливана, которые стремились попасть в Великобританию [21]. Однако эта тема выходит за рамки данной статьи.

Решение миграционных проблем Евросоюза и отдельных его стран, вне всяких сомнений, зависит от множества факторов и является комплексной задачей. Для её реализации на первый план выходит ограничение числа въезжающих на территорию ЕС представителей третьих стран, точнее, наиболее бедных стран ближневосточного региона и африканского континента. Налаживание межкультурного диалога в этой связи, конечно, рассматривается европейскими чиновниками как вторичная цель. Однако, на наш взгляд, учитывая динамику развития европейских обществ (это хорошо заметно на примерах Франции, Германии, Нидерландов, Бельгии и уже не входящей в ЕС Великобритании), для обеспечения ситуации устойчивого социального спокойствия на долгосрочную перспективу закладывать основы межкультурного сообщества необходимо уже сейчас. Учитывая, что политическая жизнь концепта мультикультурализма продолжалась с начала 1970-х гг. до 2010-х гг., делать выводы об успешности интеркультурализма преждевременно, тем более что в программе «Межкультурный город» участвуют далеко не все страны-члены ЕС, принимающие на своей территории беженцев и мигрантов с Ближнего Востока и из Северной Африки. Проведённый анализ показал наличие позитивных тенденций в развитии межкультурного диалога в европейских странах.

Список использованной литературы

1. Alibhai-Brown Y. After multiculturalism. London : Foreign Policy Centre, 2000. 95 p.
2. Paper on Intercultural Dialogue «Living Together As Equals in Dignity». URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_en.pdf
3. Всемирный доклад ЮНЕСКО: Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001852/185202r.pdf> (дата обращения: 05.04.2020).
4. Interculturalism and multiculturalism: similarities and differences / ed. by Martyn Barrett. Council of Europe Publishing, 2013. 188 p.

5. Вершинина И. А., Панич Н. А. Идентичность мигрантов в условиях меняющейся социальной структуры // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 44—47.
6. Вершинина И. А. Трансформация социальной структуры в информационном городе // Социология города. 2013. № 3. С. 3—17.
7. Вершинина И. А. Миграция как фактор трансформации социальной структуры городов // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (29—30 октября 2015 г.) / Пермский гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С. 275—283.
8. Каранов Д. П. Мигранты и принимающее общество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Политика. 2013. № 1(68). С. 24—35.
9. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43—63.
10. Савоскул М. С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг. 2011. № 5(105). С. 103—112.
11. Intercultural cities. URL: <https://www.coe.int/en/web/interculturalcities>
12. Intercultural Integration Academy. URL: <https://www.coe.int/en/web/interculturalcities/intercultural-integration-academy>
13. Cultural heritage and diversity: STEPS project. URL: <https://www.coe.int/en/web/interculturalcities/cultural-heritage-and-diversity>
14. INTERCULTURAL CITIES. Joint action of the Council of Europe and the European Commission. Lyon, France. March 2008. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680482a84>
15. Intercultural cities: good practice examples. La Maison des Passages. URL: <https://www.coe.int/en/web/interculturalcities/-/la-maison-des-passages>
16. Intercultural cities: good practice examples. A pioneer plan to combat Islamophobia. URL: <https://www.coe.int/en/web/interculturalcities/-/a-pioneer-plan-to-combat-islamophobia>
17. Межкультурный город: шаг за шагом. URL: <https://rm.coe.int/16802ff5f1>
18. Greece braces for fresh influx of tens of thousands of migrants... URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8213505/Greece-braces-fresh-influx-tens-thousands-migrants.html>
19. Coronavirus offers an excuse to close borders. That would be a mistake / Daniel Trilling // The Guardian, 26 Apr. 2020. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/26/coronavirus-close-borders-pandemic>
20. COVID-19: Asylum applications down by 43% in March. URL: <https://www.easo.europa.eu/news-events/covid-19-asylum-applications-down-march>
21. Waar zijn de transmigranten heen in deze coronacrisis? / Marjan Temmerman, Saskia De Schutter // VRT, 30.04.2020. URL: <https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2020/04/30/waar-zijn-de-transmigranten-heen/>

Анна Николаевна Шмачкова,

бакалавр, Южно-Уральский государственный университет,
Россия, г. Челябинск, anyasch97@mail.ru

УДК 314.7, 366.636

Влияние российских СМИ на процесс интеграции мигрантов

Аннотация. В статье рассматривается понятие интеграции мигрантов и его отражение в Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019—2025 годы. Описано влияние средств массовой информации на процесс интеграции мигрантов. С помощью методики контент-анализа рассмотрены упоминания слова «мигрант» и связанные с ним категории в электронных СМИ периодичностью в одну неделю, подсчитано количество негативных, позитивных и нейтральных упоминаний. Сделан вывод об односторонней направленности процесса интеграции мигрантов в России, предложены рекомендации по корректировке ситуации.

Ключевые слова: миграционная политика, Концепция миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы, интеграция мигрантов, средства массовой информации, общественное мнение.

Anna Shmachkova

Bachelor of Sciences in Politics, The South Ural State University,
Russia, Chelyabinsk, anyasch97@mail.ru

The influence of Russian media on the process of integration of migrants

Abstract. The article discusses the concept of integration of migrants and its reflection in the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019-2025. The influence of the media on the integration process of migrants is described. Using the methodology of content analysis, the references to the word “migrant” and related categories in electronic media with a frequency of one week are examined, and the number of negative, positive and neutral references is calculated. It is concluded that the process of integration of migrants in Russia is one-way oriented, recommendations are made for correcting the situation.

Keywords: migration policy, the Concept of the migration policy of the Russian Federation for 2019—2025, the integration of migrants, the media, public opinion.

Согласно Международной организации по миграции, мигрант — это обобщенный термин международного права, отражающий непрофессиональное понимание человека, который покидает место своего обычного проживания (внутри страны или за ее пределами) временно или навсегда по ряду причин [1, р. 130].

Миграционная политика — это система институтов, правовых норм, механизмов и практик в рамках национальной системы, направленных на регулирование уровня миграции и защиту мигрантов.

Каждое государство разрабатывает свой миграционный курс в зависимости от ряда внешних и внутренних факторов. К внутренним факторам можно отнести демографическую ситуацию, состояние рынка труда, уровень напряженности международных конфликтов. Внешние факторы — это климатические изменения и международная напряженность, которые могут вызывать вынужденное перемещение людей.

Выбор вида миграционной политики зависит от основных целей государства в сфере миграции. В докладе ООН «Международная миграционная политика: взгляды и приоритеты» [2, р. 30—36] выделяются три вида миграционной политики: интеграции, натурализации и содействия возвращению мигрантов в страны исхода (реинтеграции).

Меры по интеграции мигрантов можно подразделить на две категории: политика мультикультурализма и политика ассимиляции. Политика мультикультурализма поощряет сохранение культурной самобытности мигрантов, а политика ассимиляции, наоборот, способствует поглощению культуры меньшинства (т. е. мигрантов) культурой большинства. Австралия, Канада, Новая Зеландия, США позволяют мигрантам сохранять свою самобытную культуру при получении гражданства.

Натурализация предполагает принятие государством иностранных граждан или мигрантов в свое гражданство по их согласию, просьбе или заявлению. В большинстве стран существует ряд условий, при которых возможна натурализация иммигрантов. Однако в некоторых странах отдельные категории мигрантов имеют чрезмерные ограничения для натурализации. Критерии для приобретения гражданства различны для каждой страны. Некоторые страны не позволяют иностранцам постоянно проживать на своей территории и приобретать гражданство.

Некоторые принимающие страны вводят программы для облегчения возвращения мигрантов на родину. Правительства стран могут содействовать возвращению мигрантов только при взаимодействии со странами их исхода либо при наличии стратегий совместного развития.

Основные положения миграционной политики России закреплены в Указе «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы» [3]. Согласно этому документу целью миграционной политики России является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны. Таким образом, Россия признает необходимость привлечения мигрантов для решения ряда задач. Из Концепции также следует, что видом миграционной политики России является политика интеграции. Одним из основных направлений миграционной политики является создание условий для адаптации иностранных граждан, которое включает в себя создание механизмов и институтов адаптации к социальным и культурным условиям Российской Федерации, а также недопущение пространственной сегрегации и формирования этнических анклавов.

Рассмотрим понятие интеграции более подробно. Интеграция — это двусторонний процесс взаимной адаптации между мигрантами и обществом страны назначения. В результате интеграции мигранты включаются в социальную, экономическую, культурную и политическую жизнь принимающей страны [1, р. 104]. Из этого следует, что процесс интеграции является двусторонним — в нем участвуют как мигранты, так и граждане принимающей страны.

Как было отмечено ранее, Концепция государственной миграционной политики РФ рассматривает процесс интеграции только со стороны мигрантов. Однако меры, необходимые для успешной интеграции мигрантов со стороны принимающего общества, не нашли своего отражения в данном документе.

Для успешной интеграции мигрантов мер по их адаптации к стране назначения недостаточно. Необходима и готовность общества как к принятию мигрантов, так и к включению их в социально-экономическую и культурную жизнь страны. На процесс

формирования общественного мнения как о миграции, так и о мигрантах значительное влияние оказывают средства массовой информации.

На сегодняшний день средства массовой информации занимают ведущую позицию в информировании общества о том, что происходит в мире. В тех случаях, когда у людей нет непосредственных знаний о происходящем, они становятся особенно зависимыми от СМИ. Но это вовсе не значит, что люди воспринимают сообщения СМИ некритично. Именно СМИ играют ключевую роль в формировании повестки дня и сосредотачивают внимание общественности на конкретных темах [4, р. 321—336].

Несомненно, сообщения в средствах массовой информации влияют и на формирование образа мигрантов в сознании россиян. Именно от того, какой образ мигрантов будет сформирован в сознании граждан принимающей страны, зависят их взаимоотношения с обществом. Если образ мигранта выстроен позитивно, то можно ожидать позитивной или нейтральной реакции общества по отношению к переселенцам и, как следствие, говорить об успешности процесса интеграции. Если отношение к мигрантам формируется в негативном ключе, то принимающее общество с большой вероятностью будет отрицательно относиться к иностранцам, а интеграция будет проходить в одностороннем порядке.

Для того чтобы описать влияние российских СМИ на процесс формирования общественного мнения о мигрантах, был проведен контент-анализ. В качестве источника были взяты упоминания в электронных СМИ, а в качестве выборочной совокупности задан период с 23 по 30 января 2020 г. Единицей анализа является слово «мигрант» и ряд связанных с ним понятий, таких как «приезжий», «иммигрант», «гастарбайтер» и «переселенец». Единицы счета в исследовании совпадают с единицами анализа.

В результате процедуры поиска за указанный период было выявлено 38 сообщений. В каждом из сообщений были выделены фрагменты, содержащие единицы анализа. Затем была определена тональность каждого фрагмента — положительная (+), нейтральная (~) или отрицательная (-). Каждому фрагменту присужден определенный вес — для этого количество повторов сообщения было разделено на количество фрагментов. Наличие категории «вес» необходимо для того, чтобы уравновесить количество искомым фрагментов в рамках одного сообщения с количеством его повторов, а также для дальнейших подсчетов, так как в рамках одного сообщения могут присутствовать упоминания различной тональности.

Пример процедуры подсчета упоминаний слова «мигрант» и связанных с ним категорий можно увидеть в таблице.

Пример процедуры подсчета упоминаний слова «мигрант» и связанных с ним категорий

№	Название	Ссылка на источник	Искомые фрагменты	Тональность	Количество повторов сообщения	Вес
1	Исследователи рассказали в каких дворах Екатеринбурга чаще всего снимают колеса у машин	http://www.justmedia.ru/news/society/issledovateli-rasskazali-v-kakikh-dvorakh-ekaterinburga-chashche-vsego-snimayut-kolesa-u-mashin	Также организаторы назвали мифом убеждение о том, что мигрант опаснее, чем коренной житель	~	1	0,5
			Как показало исследование, часто мошенники выбирают именно мигрантов	~		0,5
2	Сколько зарабатывают азербайджанцы в России?	https://jam-news.net/%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5-%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%BD%D1%82%D1%8B-%D0%BA/?lang=ru	Каждый работающий в России трудовой мигрант из Азербайджана ежемесячно отправляет домой около 482 долларов.	~	1	0,333333
			Согласно этому исследованию, из всего СНГ больше всего денег в свою страну отправляют мигранты из Казахстана — 850 долларов	~		0,333333
			Мигранты из Грузии каждый месяц переводят в среднем по 580 долларов, а мигранты из Армении — 350 долларов	~		0,333333
3	В Москве мигрант ограбил пенсионерку и хотел получить денежное вознаграждение за возврат паспорта	http://www.evening-kazan.ru/news/v-moskve-migrant-ograbil-pensionerku-i-hotel-poluchit-denezhnoe-voznaग्रazhdenie-za-vozvrat-pasporta.html	В московском районе Сокольники задержали подозреваемого в ограблении 71-летней пенсионерки 20-летнего приезжего из ближнего зарубежья	-	1	0,5
			Правоохранители возбудили на мигранта уголовное дело о грабеже	-		0,5

В результате подсчета выявлено 103 значимых упоминания, 56 из них являются негативными, 41 — нейтральными и 6 — позитивными. С учетом суммирования веса упоминаний каждой тональности были получено 66% негативных упоминаний, 30% нейтральных упоминаний и 4% позитивных упоминаний. Результаты подсчета упоминаний слова «мигрант» и связанных с ним категорий можно увидеть на рисунке.

Результаты подсчета упоминаний слова «мигрант»
и связанных с ним категорий

На основании полученных данных можно сделать вывод, что сообщения в российских средствах массовой информации в своем большинстве формируют негативное отношение к мигрантам и не содействуют процессу их интеграции. В результате этого

интеграция мигрантов в России носит односторонний характер. Для того, чтобы наладить двусторонний процесс интеграции, необходим запрос со стороны государства и общественных объединений на публикацию большего количества как позитивных, так и нейтральных сообщений, связанных с мигрантами.

Например, в выборку включены позитивные упоминания о пожертвованиях мигрантов на строительство школы в родном городе, сокращении количества преступлений, совершаемых иностранцами, плюсах оформления мигрантами патентов для экономики, создании новых миграционных центров и их достижениях. Список нейтральных упоминаний является более обширным и включает в себя описание трудового законодательства для мигрантов, данные и статистику посольств на территории РФ, вопросы и сложности адаптации мигрантов, особенности денежных переводов в страны исхода мигрантов. Приведенные выше темы не являются исчерпывающими и нуждаются в дополнении.

Негативные сообщения в своем большинстве связаны с описанием действия преступного характера, совершенных мигрантами. Это не значит, что на публикацию сообщений подобного характера стоит устанавливать цензуру, а подразумевает нивелирование количества негативных упоминаний с помощью увеличения объема позитивных и нейтральных сообщений.

Список использованной литературы

1. Glossary on migration. International Organization for Migration, 2019. 233 p.
2. International Migration Policies: Government Views and Priorities. United Nations Department of Economic and Social Affairs. Ed. United Nations. N. Y., 2014. 107 p.
3. «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы» // Президент России. 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>
4. Happer C., Philo G. The Role of the Media in the Construction of Public Belief and Social Change // Journal of Social and Political Psychology. 2013. Vol. 1(1). P. 321—336.

Анастасия Петровна Шевченко,

преподаватель, Дипломатическая академия МИД России,

Россия, г. Москва, anastasia.p.shevchenko@yandex.ru

УДК 325.14; 316.776.32

Образ мигрантов в СМИ в контексте президентских выборов в США

Аннотация. Американская либеральная пресса обвиняет Дональда Трампа в эксплуатации идеи «нашествия» мигрантов с юга, используя лексику, нагнетающую панику и страх. Во время президентской гонки 2016 г. Трампу удалось «секьюритизировать» вопрос миграции в американском обществе и сделать ее неотъемлемой частью политической повестки. Стремясь не допустить переизбрания Трампа, Демократическая партия транслирует противоположный образ мигрантов, утверждая, что они жертвы жестокой и бесчеловечной политики Белого дома.

Ключевые слова: мигранты, СМИ, республиканцы, демократы, предвыборная кампания.

Anastasiia Shevchenko

Teacher of English, School of International Relations and International Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia, anastasiia.p.shevchenko@yandex.ru

Portrayal of Migrants in Mass Media during US Presidential Campaign

Abstract. The American liberal media accuse Donald Trump of exploiting the idea of Latino migrants “invading” the country and using vocabulary that evokes panic and fear. During the 2016 presidential campaign, Trump managed to securitize the issue of migration in American society and make it a staple of the political agenda. Attempting to prevent Trump from being reelected, the Democrats convey the opposite image of migrants as victims of the cruel and inhumane policy of the White House.

Keywords: migrants, mass media, Republicans, Democrats, presidential campaign.

Невозможно оспорить тот факт, что Соединенные Штаты Америки — государство, созданное мигрантами. Стремление оставить позади трудные обстоятельства и начать жизнь с чистого листа в Новом свете являлось движущей силой для этих людей несколько столетий назад и остается таковой сегодня. Разница лишь в одном: тогда мигранты были преимущественно европейцами, а сегодня — латиноамериканцами.

Одним из факторов, способствующих массовой миграции, являлись открытые границы, пересекая которые, любой имел доступ к «американской мечте». Многие американцы гордятся тем, что являются гражданами США в четвертом или пятом поколении, подчеркивая, что их предки законно иммигрировали в страну, и с презрением говорят о сегодняшних мигрантах, большинство из которых не имеет никаких документов и вынуждены скрываться от властей.

На заре становления Соединенных Штатов как независимого государства требования к желающим иммигрировать были достаточно просты. Согласно первым иммиграционным актам, таможенные службы имели право отказать в праве получения вида на жительство осужденным, душевнобольным, недееспособным лицам, забота о которых будет возложена на государство.

Разумеется, государства особенно заинтересованы в работоспособных иммигрантах, обладающих хорошим образованием и достаточно высокой степенью профессиональной квалификации. Сегодня в американском общественном сознании сложился устойчивый образ типичного мигранта: выходец из Центральной Америки, плохо образован, достаточно молод, готов выполнять любую работу за минимальную зарплату.

Много десятилетий спустя, во время предвыборной кампании 2016 г., будущий сорок пятый президент США вновь обратил внимание общественности на проблему качества миграционных потоков в страну.

Каждые четыре года в США президентская гонка становится доминирующей темой для всех средств массовой информации, которые способствуют росту «узнаваемости» кандидатов и тиражируют их предвыборные обещания.

Особенный интерес всегда вызывают кандидаты с наиболее нестандартными программами, и Дональд Трамп не стал исключением. Сфокусировав внимание на вопросе неконтролируемой миграции как источнике серьезной угрозы национальной безопасности, Трамп фактически вступил в войну с либеральными американскими СМИ. Частью его программы стали обещания достроить стену на южной границе за

счет Мексики, запретить въезд граждан целого ряда мусульманских стран, депортировать порядка одиннадцати миллионов нелегалов и отменить право получения гражданства по рождению [1]. Эти достаточно смелые заявления не могли не спровоцировать волну критики со стороны либеральной общественности и средств массовой информации, большинство из которых и так были настроены поддержать кандидата от Демократической партии.

Через агитационные слоганы кампании 2016 г. до потенциальных избирателей Трампа доносится идея, что возможен «взлом границы», «страна захлебывается в потоках мигрантов», логически подводя к мысли о том, что необходимо закончить строительство стены на южной границе.

Либеральная пресса трактовала программные обещания Трампа совершенно определенным образом: предвыборная кампания главного кандидата от Республиканской партии эксплуатирует идею «нашествия» или «вторжения» мигрантов с юга, используя лексику, нагнетающую панику и страх. Размещенные баннеры применяют визуальные и лексические средства, апеллирующие к подсознательному чувству угрозы, исходящей от чужаков, которые пришли, чтобы претендовать на все блага, право на которые имеют граждане США.

Можно говорить о том, что команде Трампа удалось «секьюритизировать» вопрос миграции в американском обществе, то есть перевести обыденную тему в степень важнейшего вопроса обеспечения безопасности. Для каждого государства первостепенными являются проблемы осуществления контроля границ, выдача гражданства, борьба с организованной преступностью и наркоторговлей, противостояние террористической угрозе. Фактически только две первые проблемы имеют прямую связь с миграцией, но именно благодаря риторике «секьюритизации» все эти вопросы объединяются в один широкомасштабный комплекс. В общественном сознании фиксируется метафорический образ мигрантов как источника тревоги, беспокойства и кризисных явлений. Благодаря поддержке лояльных СМИ обещания противостоять подобной угрозе находят широкий отклик среди потенциального электората.

В 2018 г., накануне промежуточных выборов в конгресс, эта риторика усиливается на фоне новостей о том, что многотысячный караван мигрантов из стран Центральной Америки движется в направлении границы США с Мексикой.

К этому моменту нелегальная миграция и, впервые в истории страны, легальная миграция закрепились в Стратегии национальной безопасности 2017 г. как угроза национальной безопасности. Согласно этому документу, Президент США обязан защищать территорию страны, американский народ и американский образ жизни. Особо отмечается намерение усилить контроль на границах и провести реформу иммиграционной системы с целью защиты территории страны и восстановления ее суверенитета. Можно говорить о том, что Дональду Трампу удалось концептуализировать основное предвыборное обещание и, фактически, перейти от слов к действиям. Сторонники Трампа заявляют, что ужесточение миграционной системы стало одной из основных причин проголосовать за него. Оценивая предпринятые в этом направлении меры, считают, что он сдержал свое обещание [2] и тем самым обеспечил себе кредит доверия для переизбрания на второй срок. Оппоненты же вменяют Трампу в вину то, что ему удалось сыграть на глубокой обеспокоенности и страхах граждан.

С другой стороны, посредством СМИ кандидаты от Демократической партии транслируют противоположный образ мигрантов и беженцев, представляя их в качестве жертв администрации Трампа, лишённой всякой человечности и сострадания. Летом 2018 г. так называемый кризис «разделения семей» стал плодородной почвой

для обстоятельной критики действий Белого дома. Сложилась ситуация, когда у задержанных на границе нелегалов отбирали детей и размещали их в специальных центрах, самих же родителей отправляли в тюрьму из-за нарушения визового режима [3, с. 175]. Новостные репортажи об этой ситуации переполнены изображениями плачущих детей, размещенных в помещениях, напоминающих изоляторы. Объявленная тогда политика «нулевой терпимости в отношении незаконного въезда» подверглась порицанию общественных и правозащитных организаций, а также множества общественных деятелей и активистов [4].

Тем не менее в том, что касается предвыборных кампаний и вопроса миграции, у представителей обеих партий есть гораздо больше общего, чем может показаться. Участвуя в президентской гонке и теледебатах, кандидаты вынуждены отстаивать свою позицию по ряду вопросов: кто должен иметь возможность воспользоваться иммиграционной системой, кого следует помещать под стражу и депортировать как представляющего угрозу обществу; как обеспечить безопасность границ; как противодействовать трансграничным связям криминальных группировок и как препятствовать обороту наркотиков.

В ходе президентских кампаний 2016 и 2020 гг. можно выявить некоторые закономерности в освещении данной проблематики. Республиканцы (в лице Дональда Трампа) заявляют, что иммиграционная система устарела и не соответствует реальному положению дел, выдвигают громкие лозунги, которые привлекают внимание и не оставляют равнодушными ни сторонников, ни противников. Подобная тактика оправдала себя в 2016 г. и подтвердила тот факт, что «политические очки» можно зарабатывать не только обещаниями, которые найдут широкое общественное одобрение.

С другой стороны, демократы обвиняют своих главных оппонентов в распространении панических настроений и нагнетании обстановки. Периодически кандидаты от Демократической партии тоже становятся предметом критики и общественного порицания. К примеру, когда озвучиваются спорные инициативы, например, что мигрантам необходимо предоставлять доступ к бесплатному здравоохранению. Учитывая особенности американской системы здравоохранения, кто-то все равно будет вынужден оплачивать эти счета, и кандидаты от Демократической партии затрудняются ответить на вопрос, кто именно.

Аналогичную проблему представляют собой центры временного размещения для задержанных нелегалов, ведь в большинстве случаев они принадлежат частным компаниям, и государство фактически платит неоправданно высокую цену за содержание людей в неволе. Кандидаты от «демократов» чаще всего предлагают отказаться от временных задержаний, но не представляют альтернативные сценарии контроля нелегальных потоков миграции.

Еще одной спорной темой является неопределенность «демократов» относительно самой американо-мексиканской границы. С одной стороны, осуждается политика Трампа по возведению стены, с другой — признается необходимость укрепления южных рубежей, но никаких конкретных планов не озвучивается.

В ноябре 2020 г. состоятся очередные выборы президента США. Во время предвыборной кампании Дональд Трамп непременно попытается напомнить согражданам обо всех успехах, которые ему удалось достичь. Ужесточение иммиграционной системы, безусловно, в глазах нынешнего президента является таковым. Невзирая на поляризацию общественного мнения по вопросу мигрантов, президенту Трампу удалось добиться выделения средств на укрепление уже существующих участков приграничной стены и продолжения ее строительства. В 2019 г. были сняты ограничения по

времени задержания нелегалов в центрах временного размещения, разрабатывается законодательство, усложняющее процесс получения грин-карт (удостоверения о наличии вида на жительство), а также меры, ограничивающие социальные услуги и выплаты, которые могут получать мигранты, находящиеся в процессе легализации.

Дональд Трамп перевел вопрос миграции из практической плоскости в элемент политической борьбы. Преследуя единую цель — не допустить переизбрания Трампа, который еще во время гонки 2016 г. обозначил мексиканцев как преступников и насильников, кандидаты от Демократической партии попытаются заручиться поддержкой «обиженного» президентом электората — латиноамериканцев. Около 23 миллионов выходцев из стран Центральной и Латинской Америки имеют право голоса, и, по многим прогнозам, 2020-й может стать годом, когда именно эта группа людей будет иметь серьезное влияние на исход выборов. Невзирая на агрессивную риторику Трампа в отношении стран Центральной Америки, согласно данным Pew Research Center, в 2016 г. 28% латиноамериканцев отдали ему свои голоса, а сегодня его готовы поддержать 30%. Поэтому перед демократами стоит непростая задача — убедить их прийти в избирательные участки и проголосовать за своего кандидата [5].

В ходе президентской гонки американская пресса традиционно сталкивается с дилеммой, ведь необходимо постараться соблюсти баланс между информированием и агитацией. Просматривая заголовки даже самых авторитетных газет и изданий, складывается впечатление, что пресса утратила объективность, ведь предпочтение явно отдается демократам.

В Соединенных Штатах сложилась традиция, целая система освещения предвыборных кампаний, но, учитывая весь объем критики, которой Трамп подвергается, и конечный успех в 2016 г., можно констатировать, что этот кандидат в президенты оказался вне системы. Очевидно, что за время своего пребывания в Белом доме Дональд Трамп пытается сделать то, что прежние администрации только обещали, и, добиваясь некоторых успехов в проведении своей политической линии, консолидирует своих избирателей и расширяет границы потенциального электората.

Однако нет уверенности в том, что драконовские меры регуляции миграционных потоков укрепят поддержку сторонников, учитывая последние опросы, которые показывают, что лишь 40% избирателей поддерживают подобные инициативы.

Попытки президента Трампа закрыть страну для мигрантов противоречат основополагающей идее того, что такое Соединенные Штаты Америки. Страна прошла долгий путь от «плавильного котла» до «миски салата», но возникает закономерный вопрос, во что трансформируется государство, изначально заточенное на мультикультурализм и общность расово-этнических групп? Видимо, Дональд Трамп знает ответ.

Список использованной литературы

1. The big ideas in Donald Trump's presidential campaign. URL: <https://www.businessinsider.com/donald-trumps-2016-campaign-ideas-2015-6>
2. In Ban on Migrants, Trump Supporters See a Promise Kept. URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/30/us/migrants-ban-trump-supporters.html?searchResultPosition=4>
3. Шевченко А. П. Политика «нулевой терпимости» президента Д. Трампа // New World. New Language. New Thinking : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Москва, 6 февраля 2018 г. / отв. ред. И. Е. Коптелова. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2018. С. 171—181.

4. The Trauma of Family Separation Under Trump. URL: <https://www.hrw.org/news/2018/07/19/trauma-family-separation-under-trump>

5. Democrats Should Be Worried About the Latino Vote. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2020/01/democrats-should-be-worried-about-latino-vote/604882/>

Анастасия Валерьевна Тимохина,

арт-директор Дома Здоровья и Культуры «Szlávjánszkij Szpirit Kft»,
автор программы «Навигатор добра», Венгрия, г. Будапешт, super.slspirit@gmail.com

Виктор Борисович Лаптев,

кандидат исторических наук, руководитель Центра международных связей Дома
Здоровья и Культуры «Szlávjánszkij Szpirit Kft», Венгрия, Россия,
г. Москва; Венгрия, г. Шармеллек, super.slspirit@gmail.com

Лариса Ивановна Тимохина,

психолог, директор Дома Здоровья и Культуры «Szlávjánszkij Szpirit Kft», Венгрия,
Россия, г. Москва; Венгрия, г. Шармеллек, super.slspirit@gmail.com
УДК: 37.036.5

Детское пространство добра

Аннотация. Сфера культуры, творчество представляют обширное пространство, где генерируются новые смыслы и подходы к восприятию и преобразованию нашего мира. Дети воспринимают мир гораздо более гуманистично, дружелюбнее, что создает основу феномену детской дипломатии. Проект призван решать задачи удовлетворения духовных потребностей, обогащения индивидуального интеллектуального потенциала детей полезными практиками дипломатического искусства, развития творческого потенциала каждого ребенка.

Ключевые слова: детская народная дипломатия, культура, детское творчество, добро, проект.

Anastasija Timokhina, Viktor Laptev, Larisa Timokhina

Children`s Space for Good

Abstract. The Sphere of culture and creativity is a vast space where new meanings and approaches to the perception and transformation of our world are generated. Children perceive the world in a much more humanistic and friendly way, which creates the basis for the phenomenon of children's diplomacy. The project is designed to solve the problems of meeting spiritual needs, enriching the individual intellectual potential of children with useful practices of diplomatic art, and developing the creative potential of each child.

Keywords: children's public diplomacy, culture, children's creativity, good, project.

Современный мир стремительно преобразуется, его пространство наполнено противоречивыми тенденциями, часто негативным воздействием политических, экономических процессов на человека. В этих условиях важно не допускать снижения интеллектуального и культурного уровня общества; девальвации общепризнанных ценностей и искажения ценностных ориентиров, роста агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения, деформации исторической памяти, атомизации общества — разрыва социальных связей (дружеских, семейных, соседских), роста индивидуализма, пренебрежения правами других.

Сфера культуры представляет собой обширное пространство, где генерируются новые смыслы и подходы к восприятию и преобразованию нашего мира. Вместе с тем очень важно, чтобы дети проникались теми сакральными, глубинными смыслами, которые несут образцы классической культуры, народного творчества, где в доступной форме зашифрованы опыт человечества, нравов, положительные примеры великих творцов.

Участие в проекте помогает детям на практике понимать действенность языка настоящего искусства, творчества в общении со своими сверстниками как своего дипломатического инструментария.

Культура является поистине спасательным кругом человечества. Утверждение приоритета культуры призвано обеспечить более высокое качество общества, а главным условием этого является формирование нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности. Можно полагать, что параметры и темпы происходящих и будущих изменений во многом зависят от вступающих в жизнь поколений. Вовлечение на стороне культуры творческого потенциала детей и молодежи предоставляет человечеству шанс благоприятного развития в следующем поколении. В Конвенции о правах ребенка указывается, что «образование ребенка должно быть направлено на: а) развитие личности, талантов и умственных способностей ребенка в их самом полном объеме...» [1].

*Международный проект детской народной дипломатии
«Мир создаю Я» (далее — Проект)*

Проект для детей, добившихся определенного успеха в мире творчества, «играет» на стороне Культуры, содействует укреплению и развитию позитивных тенденций в нашем мире. Проект задуман, исходя из важных качеств, свойственных детям. Они воспринимают мир гораздо более гуманистично, дружелюбнее. Дети более открыты для сближения и общения со своими сверстниками. Это создает основу такому феномену, как детская дипломатия, когда, общаясь друг с другом, дети формируют среду, отличающуюся от мира взрослых, обремененных многими устоявшимися понятиями, традициями, предубеждениями и враждой. Культура и искусство, различные формы гуманитарных контактов между людьми как важнейшие предпосылки развития позитивных процессов формирования гуманного мира — основа Проекта. Именно воспитание нового поколения и вхождение его во взрослую жизнь, что занимает порядка 15—20 лет, видится ключевым условием позитивного развития современного мира. Цель Проекта — приобщение детей к искусству народной дипломатии в интересах формирования гуманного мира.

Детская народная дипломатия — это детское и молодежное движение в межкультурных коммуникациях в интересах создания гуманного мира.

Проект призван решать задачи удовлетворения духовных потребностей, обогащения индивидуального интеллектуального потенциала детей полезными практиками дипломатического искусства, развития творческого потенциала каждого ребенка, создания условий для самовыражения и самоактуализации. Приобщение к движению детской народной дипломатии предполагает изучение истории, географии, литературы, русского языка, ознакомление с мировой культурой. Логично, что стороной пространства Проекта стала Венгрия, обладающая мощным культурным потенциалом, подарившая миру многих лауреатов Нобелевских премий, представляющая в международных делах образец мягкой дипломатии.

Международный проект детской народной дипломатии «МИР создаю Я» позволил создать модель взаимодействия тех пространств, которые дают гармоничную и целостную структуру Детского пространства добра.

Рис. 1.

Культурно-образовательное пространство «Искусство дипломатии»

Это процесс общения, которое создается сочетанием общения учащихся школ искусств, музыки, журналистики, творческих коллективов и зарубежных сверстников с познанием новой страны и овладением элементами дипломатического искусства, этикета во время специальных занятий, частью которых являются деловые игры и другие интерактивные формы приобретения знаний. Важной задачей является формирование у детей понимания необходимости в международных делах решать конфликтные проблемы методами дипломатии. К раскрытию темы детской народной дипломатии привлекаются специалисты, способные заинтересовать, направить детскую творческую активность на поиск своего места во взрослой жизни, профессионалы, имеющие опыт дипломатической работы, преподавания в таких вузах, как МГИМО, Дипломатическая академия, МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская международная академия туризма в области гуманитарных связей. Культурно-образовательное пространство «Искусство дипломатии» включает программу, участников проекта, формы взаимодействия, площадки практики детской народной дипломатии. Приобретение навыков из арсенала дипломатического искусства, как показывает наш опыт, воспринимается детьми с большим интересом и пониманием перспектив применения полученных знаний в любой выбранной ими в будущем профессии, а также в своем повседневном общении. На примере Венгрии рассматривает-

ся значение таких благоприятствующих взаимодействию народов факторов, в том числе в плане детской народной дипломатии, как культура, искусство, история, привлекательность образа жизни, традиций, климатических условий, экология и др.

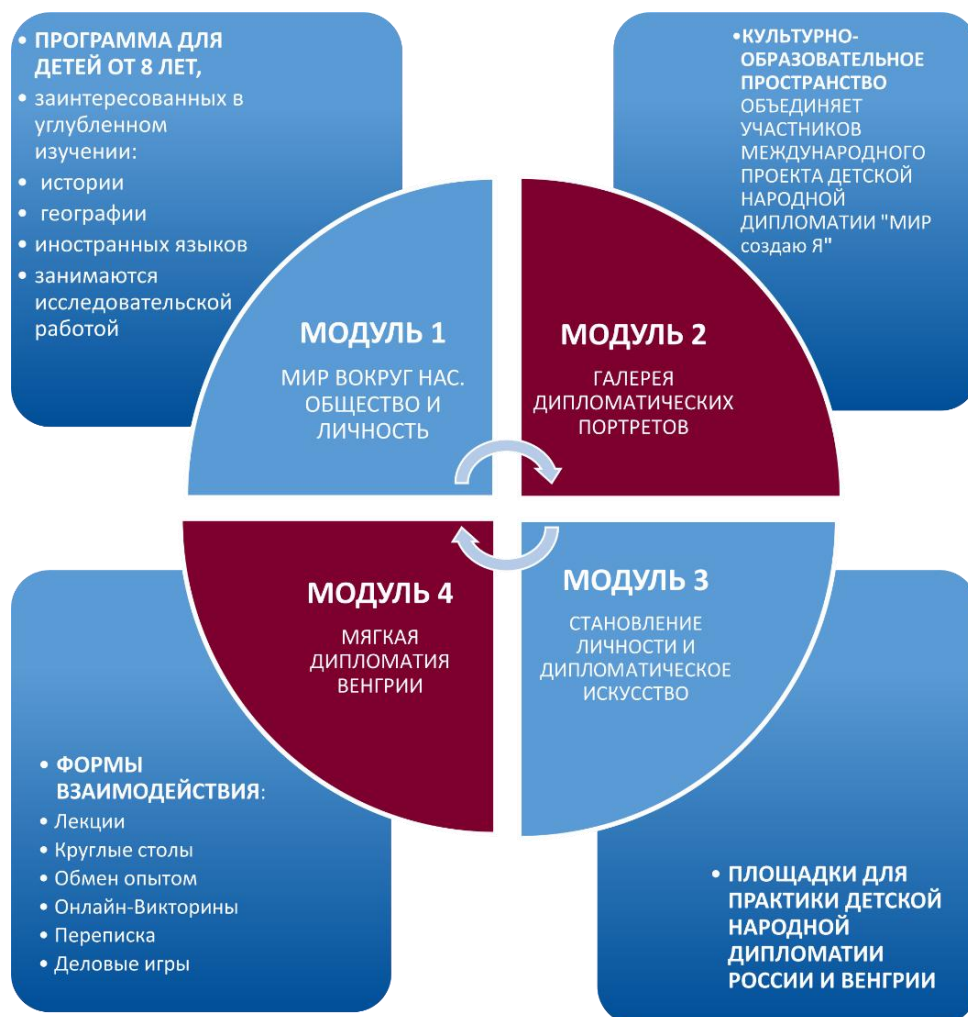

Рис. 2
Мультимедиа-пространство «Навигатор добра»

Это структурное направление Проекта, направленное на социальное становление личности ребенка, что является, безусловно, важной и актуальной темой. От того, какие ценности будут сформированы у детей сегодня, зависит путь развития общества в настоящем и будущем. Навигатор добра — медийное пространство, которое объединяет неравнодушных людей к проблемам человеческой жизни, воспитывает Созидание. Навигатор добра повествует о проводимых мероприятиях, рассказывает о событиях, интересных с позиций развития Проекта. Важная особенность «Навигатора добра» — аккумуляция и распространение информации, способствующей формированию у детей положительных образов будущего мироустройства, того, как должен выглядеть мир. «Навигатор добра» создает информационные продукты «Проведи день со смыслом...», отражающие позитивные черты нашей жизни, способные служить примером не только для взрослых, но и для детей. Создание и расширение медиапространства Проекта «Навигатор добра» предполагает взаимодействие с различными общественными форумами, информационными ресурсами: газета «Российский курьер», распространяемая в Венгрии и Австрии, региональные медиаресурсы Московской области, Пространство творчества и развития

«Тверская, 15», предоставленное мэрией города Москвы для проведения различных общественных и творческих мероприятий. Дети, увлеченные и нашедшие себя в различных областях творчества, спорта, зачастую добившихся высоких результатов, обсуждают вопросы своей деятельности, сотрудничества с зарубежными сверстниками, строят планы на будущее, формируют повестку дня Проекта. Издательская деятельность Проекта ориентирована на выпуск литературы, предназначенной для научно-методического обеспечения проводимых мероприятий, является средством закрепления наработанного опыта. Так, тема внедрения современных методов и средств лечения нашла отражение в выпущенной Компанией книге о квантовой терапии. Ведется также подготовка к изданию книги о детской народной дипломатии.

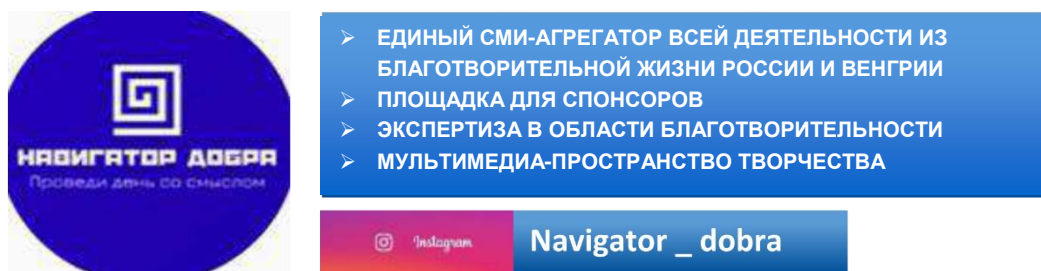

Рис. 3
Пространство игры — Арт-лагерь «Венгерское вдохновение»

Важно, чтобы ребенок выстраивал свой мир, опираясь на духовные истоки культуры, чувствовал и понимал их. Поэтому духовная составляющая является стержнем Культурно-оздоровительного арт-лагеря «Венгерское вдохновение». Здесь дети приобретают умение общаться в коллективе с зарубежными сверстниками, рассказывать о себе, своей стране, демонстрировать свои таланты. Дети должны понимать: чтобы быть интересным для собеседника, необходимо быть содержательным и уметь заявить о себе.

Детям зачастую не хватает такой важной, формирующей личность гуманитарной составляющей, как полноценное общение. Пространство Культурно-оздоровительного арт-лагеря «Венгерское вдохновение» предоставляет детям возможность применить свой талант, общаясь друг с другом, с зарубежными сверстниками. Программный лагерь формирует благоприятную среду для детей, где они впитывают новые впечатле-

ния, новые знания, становятся более самостоятельными, пробуют себя в различных социальных ролях, знакомятся с образцами высокой культуры.

Детям предоставляется возможность творить. Они пишут картины, ставят спектакли кукольного театра, на занятиях по дипломатическому искусству примеряют на себя роль народного дипломата. Они формируют свое представление о мироустройстве, которое является результатом совместных усилий самих детей и взрослых.

Захватывающей игрой становятся для детей постановки кукольным театром русских сказок «Репка», «Колобок», «Теремок» и др., в которых они стремятся получить роль, приносят в игру свое вдохновение, выдумку, чтобы произвести впечатление на зрителей и таким образом приобретают уверенность в диалоге с окружающими, формируют свой инструмент общения, свою среду, свой мир. Через игру в доступной и интересной форме дети постигают глубинные смыслы, заложенные в сказках, знакомятся с образцами отечественной и зарубежной культуры.

Культурно-оздоровительный арт-лагерь «Венгерское вдохновение» является пространством, где творческие способности детей, объединенные программой, проявляются наиболее эффективно, а игровые формы освоения информации являются механизмом, преобразующим творческую активность детей в определенные навыки дипломатического искусства. Посредством художественного творчества в лагере дети получают арт-терапию. Творчество — это то, к чему устремляется личность любого человека, это не только создание чего-либо, но и вкладывание в создаваемое частички своей души. Творчество раскрепощает, дает возможность самовыражения.

Волонтерское движение привлекает в Проект студентов вузов сферы культуры. Практика показывает высокую результативность такой формы деятельности творческой молодежи. Свои теоретические познания они могут применить непосредственно в практической плоскости, попробовать свои силы в воспитательной работе и умении увлечь за собой детей. Студенты-волонтеры в силу своей возрастной близости к детям при достаточной подготовке могут вести эффективную воспитательную и организаторскую работу. При этом студенты-волонтеры, работая по программе Проекта, проникаются значимостью задач, становятся его энтузиастами.

Поставленные в Проекте задачи во многом можно решать игровыми средствами. Это в полной мере относится и к таким областям творческой активности детей, как музыка, фольклор, изобразительное искусство, спорт, техническое творчество. Дети, таким образом, могут обладать целым арсеналом возможностей, позволяющих плодотворно общаться со сверстниками, чувствовать себя уверенно, им есть что рассказать и продемонстрировать. Привлекательными для детей являются гастрольные поездки в составе творческих коллективов. Эффективен также выездной пленэр, когда дети, вбирая впечатления от знакомства с новой страной, людьми, культурой, создают свои работы, представляют их зарубежным зрителям.

Важным итогом пребывания в лагере, где дети зачастую впервые получают возможность полноценного общения, становится дружба, надолго связывающая впоследствии детей. Очевидным результатом становится приобретение детьми устойчивых навыков межличностного общения, умения подавать информацию о своей стране, творчестве, увлечениях, своих достижениях и успехах. В целом приобретается внушительный арсенал знаний, умений, навыков, которые будут полезны, где бы ни пришлось в дальнейшем трудиться.

ПРОСТРАНСТВО ИГРЫ

Instagram

art_camp_hungary

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ АРТ-ЛАГЕРЬ «ВЕНГЕРСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ»

Рис. 4

Пространство творчества без границ

Творчество — это процесс создания нового. Пленэр, конкурсы, фестивали, гастролы образуют пространство, предоставляющее возможность детям продемонстрировать свои таланты в различных видах творчества. Даже строчки сочинения школьника, написанные для участия в конкурсе, являют собой пример творчества. Источником творческого вдохновения детей и взрослых могут служить произведения искусства и архитектурные шедевры Европы или, например, расположенная неподалеку от нашего лагеря в местечке Заласанто буддийская Ступа Мира, являющаяся Посылом к творчеству и местом силы.

Проект позволяет широко исследовать Венгрию. Например, около деревни Залавар (Венгрия), где в IX в. находилась столица славянского Блатенского княжества Блатноград, раскопки ознаменовались в 2009 г. сенсационной находкой — была обнаружена самая ранняя надпись буквами алфавита, созданного равноапостольными

братьями, которые учили там славянской письменности в 867 г. В связи с этим в Залаваре был открыт мемориальный комплекс, включающий в себя памятник святым Кириллу и Мефодию, краеведческий музей и христианский храм, построенный согласно архитектурным традициям раннего Средневековья. Мы знаем, как в школе города Шармеллек ведется активная работа по изучению письменности Кирилла и Мефодия. Это тот самый яркий пример общности интересов школьников двух стран — России и Венгрии.

Такие исторические факты нас вдохновили на проведение Международного конкурса рисунков и сочинений в честь святых равноапостольных просветителей, создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия, итоги которого были подведены в мае 2020 г. Конкурс стартовал осенью 2019 г., его цель — расширить пространство творчества, вовлечь детей в познание этого великого просветительского проекта.

Конкурс рисунков проводится в трёх возрастных группах: 5—8 лет; 9—13 лет; 14—17 лет по номинациям: «Теремок» (рисунки, иллюстрирующие русские сказки и сказки других славянских народов); «Край родной» (пейзажи родного края, любимые уголки природы, изображения дома, школы); «Образы славянского мира» (рисунки, которые отражают представления юных художников о славянском мире: исторические события, деятели истории и культуры; сюжеты, отражающие идеалы дружбы, мира, добра).

Конкурс сочинений проводится в двух возрастных группах: 9—13 лет; 14—17 лет. На конкурс представляются сочинения на русском языке по номинациям: «Великий русский язык» — рассказ о значении русского языка для мира и международного общения; «МИР создаю Я» — размышление о том, каким должен быть мир будущего, как сделать жизнь на планете добрее и справедливее.

Заявки на участие в конкурсе поступили от детей ряда школ Москвы и Московской области, Сибири, Узбекистана, Приднестровья... Откликнулись директора школ, преподаватели, родители. Тематика конкурса, приобщающая детей к культурному наследию славянского мира, привлекла большое внимание. В своих письмах дети рассказывали о своем творчестве в школах, их стремлении участвовать в таком конкурсе. Так, Романов Дмитрий, 15 лет, из поселка Пойковский Ханты-Мансийского автономного округа в своем сочинении пишет: «Русский язык помог каждому из нас в формировании личности, ведь мы выросли на русских сказках, пословицах и поговорках... Я с каждым новым днем открываю для себя истинную красоту русского языка».

Дети, приобщаемые к культурным ценностям, естественным образом применяют это богатство в общении, вырастая, несут в мир общие идеалы, тем самым воздействуя на формирование нового мира.

Международный проект «Венгрия — Россия: детской народной дипломатии «Мир создаю Я», поддерживая и раскрывая лучшие черты детей, опираясь на богатство национальной и мировой культуры, включая основы дипломатического искусства, способствует формированию будущего общественно-политического пространства. Надеемся, что конкурс станет доброй традицией широкого круга участников.

Рис. 5

Согласно древней легенде, мудрый король Артур усадил своих соратников за круглый стол, чтобы сделать их равноправными. Благодаря возможности всех участников дискуссии чувствовать себя равными в правах, круглый стол сохранил свое значение как символ плодотворной дискуссии и сегодня, в том числе в детской народной дипломатии. Форма общения за круглым столом как в Венгрии, так и в России нашла свое применение в нашем Проекте. В Международном культурно-оздоровительном арт-лагере «Венгерское вдохновение» участники с интересом обсуждали вопросы: «Какими качествами характера должен обладать дипломат?», «Что нужно сделать и что нужно знать, чтобы стать народным дипломатом?», «Какой опыт дает детскому дипломату арт-лагерь за рубежом?», «Как помогает творчество юному дипломату?» Обсуждения зачастую выходили из регламента круглого стола, темы расширяли свои границы. Планируется собрать круглый стол по продвижению Международного проекта «Венгрия-Россия: детская народная дипломатия «МИР создаю Я» — творчество без границ» в Москве на площадке Мэрии Москвы «Тверская, 15», где Дом Здоровья и Культуры «*Szlávjárszki iSzipirit Kft*» при поддержке Венгерского культурного центра в Москве, Министерств культур города Москвы и Московской области проведет дискуссию о роли детской народной дипломатии в формировании гуманного мира. В круглом столе примут участие школы искусств, музыки, журналистики, детские творческие коллективы, культурные центры Москвы и Московской области, руководители, преподаватели, представители администрации городов Подмосковья. Будет сформирована инициативная группа по развитию Проекта.

Участники фестиваля в городе Шармеллек (Венгрия), май 2017 г.

Список использованной литературы

1. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. Источник: Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок четвертая сессия. Дополнение № 49 (А/44/49). С. 230—239.
2. Мижериков В. А. «Детская дипломатия»: истоки и перспективы развития // Конференция АСОУ : сб. науч. трудов и материалов науч.-практ. конф. / ГБОУ ВО МО «Академия социального управления». 2015. № 1. С. 104—110.
3. Мясникова А. Б. Международное финно-угорское движение — инструмент народной дипломатии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики. 2014. № 6-1(44). С. 125—128.
4. Василенко И. А. Искусство международных переговоров. М. : Междунар. отношения, 2014. 416 с.
5. Путь творчества. Голландская рулетка. 365 дней вдохновения / авт.-сост. Е. Фельдман, А. Колмыкова, Ю. Ран. М. : Изд-во АСТ, 2019. 480 с.

Раздел II. Игровые, медийные и языковые стратегии в коммуникативном пространстве современной политики

Виктор Александрович Сидоров,

доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
Россия, г. Санкт-Петербург, v.sidorov@spbu.ru

УДК 070

Политические игры: социокультурные основания и медийные средства

Аннотация. Рассматриваются социокультурные основания мифогенеза политической игры в ее медийной практике, происходящей в социальном универсуме — политическом поле журналистики. Медиатизация политической игры является инструментом пропаганды акторов власти, а также маскирует скрытость механизмов политики и приучает аудиторию видеть в политических текстах средство развлечения. Новые условия политического мифогенеза актуализируют изучение феномена политической игры в медийной среде.

Ключевые слова: политическая игра, политический миф, мифогенез, журналистика, телевидение, политические ценности, массовое сознание.

Viktor Sidorov

Doctor of Sciences in Philosophy, Professor
St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg, v.sidorov@spbu.ru

Political Games: Sociocultural Foundations and Media Tools

Abstract. The paper covers social and cultural foundations of the mythogenesis of the political game in its media practice, which takes place in the social universum — the political field of journalism. The mediatization of the political game is an instrument of propaganda of the actors of power, it also conceals the hidden mechanisms of politics and teaches the audience to see political texts as a tool of entertainment. The new conditions of political mythogenesis actualize the research of the phenomenon of political game in the media sphere.

Keywords: political game, political myth, mythogenesis, journalism, television, political values, mass consciousness.

П. Бурдье в структуре социума выделил определенные поля — социальные универсумы, относительно независимые, однако влияющие одно на другое. Среди них обозначил поля политики и журналистики, в которых происходит борьба различных агентов, оснащенных «инструментами символического производства для выражения их личной точки зрения на социальное». Само поле ученый выразил через понятие абстрактного социального пространства, «конституированного ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.)» [1, с. 80, 40]. Несколько позднее он предъявил научному сообществу объект «немного странный, но очень важный в научном и политическом плане, а именно — отношение между полем политики, полем социальных наук и полем журналистики. Они представляют собой

три социальных универсума, автономных, относительно независимых, и в то же время влияющих друг на друга» [2, с. 108].

Социальное пространство и его поля не статичны, и если Бурдье в 1995 г. только обнаруживает поле журналистики, то уже через 15 лет исследователи расширяют его идею до уровня медийности. Если в 1995 г. поле выглядело как «очень слабо автономное» [2, с. 114], то сегодня это же поле, возникшее в пограничной зоне социальных запросов и новых технологических возможностей, встроено в общественные отношения, прежде всего, за счет поглощения им отдельных функций других социальных полей. Символические акты, ранее присущие исключительно полю политики, теперь осуществляются в поле журналистики, при этом не всегда понимается, где оригинал, а где только его копия. Столь разительные перемены породили новое качество социального пространства — политическое поле журналистики [3, с. 54].

В новообразованном поле сосредоточены важнейшие медийные процессы современности, в том числе политические игры, сложные для понимания в их неоднозначности: как сценарный метод прогнозирования (применение игровых приемов в аналитике); как развлечение; как метафора скрытых действий субъектов политики (негативная коннотация метафоры). Некогда и Й. Хейзинга утверждал, что в политической жизни «игровые формы более или менее сознательно используются для утаивания общественных или политических намерений» [4, с. 325]. Скрытые от глаз общества какие-либо стороны ее политической жизни для аудитории СМИ становятся источником двух ее взаимоисключающих информационных потребностей, которые, тем не менее, имеют тенденцию к тому, чтобы в определенной медийной ситуации совпасть. Часть аудитории, склонная к анализу любых событий и фактов или же с недоверием относящаяся к высказываниям политиков, начинает искать в их словах и действиях скрытые смыслы, в обществе культивируется убеждение в том, что акторы политического поля журналистики будто бы играют с нею. Значительно большая часть аудитории видит в череде политических событий нечто вроде непрекращающегося телесериала, позволяющего, не вставая с дивана, считать себя вовлеченным в политику. Такое поведение аудитории П. Лазарсфельд и Р. Мертон назвали следствием дисфункции СМИ: аудитория в политике ищет развлечение — игру, которая давно переместилась в медийное пространство [5, р. 566].

И все же политическая игра в качестве информационной потребности современного человека нуждается в расшифровке. В популярном термине заключены как форма политики (одна из многих форм), так и ее содержание (с явной негативной коннотацией). Поэтому принципиальным становится вопрос: что ищет медийная аудитория в политической игре — ее форму, через принятие условий и условностей которой можно добраться до желательного развлечения, или содержание, которое спрятано в развлечении, подобно тому, как в притче сокрыта мудрость?

Строго говоря, представление о политической игре, вероятно, ровесник цивилизации — то полное усмешки и сарказма, то насыщенное уважением к тем, кто причастен к высокому миру политики. Таким оно в литературной оболочке и дошло буквально до наших дней. Однако именно сегодня наблюдается — все чаще и чаще — применение термина в широкой публичной сфере, употребление в быту и науке. Думается, на это повлиял исторический процесс в целом. Весь прошлый век прошел под знаком модерна, с присущей ему верой в научную логику, отчего причинность физических, культурных, социально-политических явлений находила свое объяснение в научных законах, пронизанных идеей детерминизма. Элемент случайности

учитывался, но как второстепенный, отчего и политическая наука была пронизана постулатом детерминизма при установлении причин и следствий любых событий и явлений в международной и внутренней жизни страны; парадигма политической игры как бы выпадала из аналитики, иначе надо было согласиться с тем, что политика может быть охвачена игровой стихией — случайностью, вероятностями, неожиданностями, что причинно-следственные закономерности не всегда и не во всем могут содействовать пониманию мира. Но на рубеже XX—XXI вв. постмодернизм перевернул ситуацию: если мир соткан из текстов, которые состоялись и которые можно познать, то, значит, мир современности тасуется уже «напечатанными» и давно известными картами. Неизвестно лишь, какие из них, у кого именно и в каком числе будут розданы на руки. Раскрытие этой неизвестности/загадочности как раз и видится аудиторией СМИ сутью и привлекательностью политической игры.

На рубеже XX — XXI вв. в среде политиков и ученых также наметился «игровой поворот». На что, по-видимому, сильно повлияла известность одного из трудов Эб. Бжезинского, в котором он прямо указал на свой концептуальный подход к анализу историко-политической ситуации, когда на страницах книги заметил, что «Евразия является “шахматной доской”, на которой продолжается борьба за мировое господство» [6, с. 5], то есть пространством игры. Вслед за ветераном американской политики в кругах российских политологов также обратили внимание на уместность применения «игровой» терминологии в научных трудах. Так, в послесловии к собранию классических трудов по политологии XIX в. уже недвусмысленно резюмируется: «Геополитика — это теория позиционной игры на мировой шахматной доске» [7, с. 682].

Здесь самое место рассмотреть противоречивое концептуально значимое обстоятельство, которое, казалось бы, перечеркивает правомерность обращений к концепции политической игры. На него указывает и Бжезинский, ссылаясь на историка Ганса Кана, который «высказал опасение, что “человек XX века стал менее уверенным в себе, чем его предшественник, живший в XIX веке. Он на собственном опыте столкнулся с темными силами истории. То, что казалось ушедшим в прошлое, вернулось: фанатичная вера, непогрешимые вожди, рабство, массовые убийства, уничтожение целых народов, безжалостность и варварство”. Эта неуверенность усиливается разочарованием последствиями окончания холодной войны. Вместо “нового мирового порядка”, построенного на консенсусе и гармонии, явления, которые, казалось бы, принадлежали прошлому, внезапно стали будущим. ...Они стали угрозой миру в важных районах земного шара» [6, с. 211]. А насилие и преступления, как может показаться, несовместимы с представлениями об игре, с ее легкостью, необременительностью, чуть ли не с праздничным фарсом, то есть тем, как многие привыкли воспринимать любое игровое начало с экрана телевизора. Но «сам по себе факт, что политическая жизнь наций выродилась до неслыханных крайностей насилия и опасности, — писал Хейзинга, — еще не дает основания заранее элиминировать понятие игры. Мы знаем достаточно примеров того, что игра может быть жестокой и кровавой, а также что зачастую игра бывает фальшивой» [4, с. 331].

Сегодня политическая игра интенсивно перемещается в медийную среду. Именно под этим углом зрения мы рассматриваем последствия массовизации этой среды в условиях невиданных прежде информационных технологий с их очень сильной социальной составляющей. Отныне на сетевые коммуникации проецируется весь комплекс политических конфликтов и противоречий действительности. Сети начали выполнять политическую функцию и, по сути, становятся политическими сетями

[8, с. 82, 85]. Технологии создали условия для ранее «безгласных» социальных страт, позволив им вторгнуться во взаимодействие политики и массмедиа. Да, в новообразованном поле по-прежнему активны журналисты, политики, обществоведы, но присоединились к ним и представители массового общества. От последних валов «комментов», «постов», «перепостов» захлестывает информационное пространство, и уже прежние акторы политического поля медиа сами встраиваются в процессы массовизации. В итоге особенно важным стал вопрос о степени влияния на традиционных акторов со стороны «дорвавшегося до микрофона» массового человека (образное сравнение принадлежит Джанни Ваттимо); он тоже хочет стать участником большой политической игры. При том, что «коммуникация массы исключает культуру и знание»; массе предложена игра, «и санкционирующий ее выбор характеризует покупателя-потребителя» [9, с. 137, 139].

Мы отнюдь не против игрового начала в массмедиа, значение игры давно доказано и сомнению не подлежит, как нет сомнения в огромной роли игрового начала в социализации человека, буквально с момента его рождения. «Мы находим игру в культуре как заданную величину, существовавшую прежде самой культуры, сопровождающую и пронизывающую ее с самого начала вплоть до той фазы культуры, современниками которой мы стали» [4, с. 18]. И поэтому телевизионные передачи, построенные по законам игрового пространства, можно приветствовать или критиковать, исходя, прежде всего, из их содержания, цели создания, средств ее достижения. В политической игре, вынесенной на телеэкран, действительны те же подходы, но с определенным и существенным их уточнением: если передача, скажем, «Где? Что? Когда?» вне зависимости от того, кто объявлен ее победителем, повышает уровень эрудиции телезрителя, приносит ему свежие позитивные впечатления и переживания, то многие политические ток-шоу, в концепцию которых изначально заложен соревновательный/игровой момент, далеко не всегда возбуждают в аудитории ее лучшие чувства, потому что за состязанием идей, их словесным и образным обрамлением стоят социальные интересы телезрителей, их разделяющие. Отчего агрессивное поведение некоторых участников передачи в одно и то же время встречает среди телезрителей как осуждение, так и поддержку. «Игровая деятельность все более управляет нашими отношениями к политике... Эта глубинная дискурсивность медиума... бессознательно декодируется зрителем» [9, с. 149, 162].

Подсказка Ж. Бодрийера вдвойне примечательна. Во-первых, в качестве следствия позволяет говорить о тесной связи журналистики, понимаемой в качестве медиума, с политическим дискурсом, в который сегодня вовлечено немало число субъектов, включая аудиторию СМИ, не имевшую до Интернета непосредственного к ним доступа. Во-вторых, бессознательное декодирование глубин дискурсивности зрителем политической игры на телеэкране — это результат активизации в его воображении имеющихся в культуре этноса мифопостроений и связанных с ними политических стереотипов, потому что на них, прежде всего, опирается посыл медиума к аудитории. Более того, следует говорить и о том, что политическая игра в медийном поле может стать причиной возникновения новых мифов, то есть допустимо утверждать, что мифогенез продолжается.

У А. Камю есть интересное суждение: «Мифы созданы для того, чтобы привлекать наше воображение» [10, с. 306]. Подумаем о содержании этого воображения. Вероятно, в нем обнаружим то, чего человеку в текущей жизни недостает, от чего хочется избавиться сегодня и что обрести завтра. Иначе говоря, сила воображения активизирует мир ценностей человека при его освоении культурной и политической

реальности в процессе мифогенеза на основе личных мифологических представлений. «Они, эти представления, создают неповторимую историческую и национальную окраску политической культуры и, в известной мере, ее своеобразное внутреннее качество» [11, с. 7]. Таким образом, миф отражает действительность, и в то же время здесь надо согласиться с Ю. Лотманом: «...мир, представленный глазами мифологического сознания, должен казаться...» [12, с. 526]. Странным образом способность *казаться* воплощается в игре, которая, как и сложение мифа, «есть прежде всего и в первую голову *свободная деятельность*. Любая игра во все времена была способом целиком захватить играющего. Противоположность “игра — серьезное” во все времена остается неустойчивой. ...Игра превращается в серьезное, а серьезное — в игру» [4, с. 23, 25].

Так что в мифологизированных построениях индивида присутствуют два начала, первое из которых отождествляется с опытом обыденного восприятия действительности, второе — с чем-то вымышленным и даже вредным для человеческого рассудка. Но в том и другом случае всегда усматривается игровое начало: в массовом сознании/воображении без игры и мифа нет восприятия политики, потому что миф упорядочивает представления человека о действительности, а «игра есть борьба *за что-нибудь* или же представление *чего-нибудь*» [4, с. 33]. Эти положения так или иначе возвращают нас к уже известным трактовкам значения мифотворчества в человеческой истории.

Однако «что касается современной политической мифологии, то она, как предмет анализа, становится вообще трудноуловимой» [11, с. 19]. Тем не менее в своем исследовании мы намерены уловить не только состоявшиеся факты политической мифологии, но и сам процесс мифогенеза в формах игры в политическом поле журналистики. Оттолкнемся от положения М. Элиаде — «Миф сам по себе не является ни хорошим, ни плохим... Его функция — ...придавать смысл миру и человеческому существованию» [13, с. 139]. А в кризисные периоды истории человечества потребность «придать смысл миру» или «казаться», по Лотману, особенно ощутима. Тем самым понимается, что «политические интересы управляют культурными процессами и задают версию человечности» [14, с. 17]. В эпоху кризиса мифологическим построениям прошлого человек следует исключительно инстинктивно, бессознательно, он не выходит за круг своей культуры и ее ценностей; но и в рациональном плане на основе сложившегося ценностного круга он рефлексировать по поводу только что установленного политического контента как платформы актуальных мифов: «Политический контент ...является составной частью киберпространства, отличающегося не только своими грандиозными масштабами и объемами, но и традиционной свободой выражения мнений. В этом смысле политический контент является той средой, в которой не только отражается, но и формируется политическая культура, согласовывается система социальных и политических интересов» [15, с. 43].

Современный мифогенез в значительной степени произведен от нового облика каналов публичных коммуникаций, к которому привела разразившаяся на рубеже веков технологическая революция в массовых информационных процессах. У этой революции много социокультурных следствий. Среди них выделим возникшую возможность сохранять в культурной памяти общества даже малейшие следы медийной деятельности человека. Такую возможность предоставило массовое применение новейших носителей информации и способов ее распространения, сетевой организации медийного взаимодействия индивидов, социальных групп и общностей, а также открытие шлюзов для их всеохватного включения в информационное взаимодействие в

социуме как субъектов массовых коммуникаций. «Однажды созданный политический текст становится частью практически бесконечного процесса политической коммуникации... В силу фундаментальных особенностей коммуникации и автор, и реципиенты текста находятся в ситуации постоянно когнитивной и интерпретативной неопределенности, и различные ситуативные факторы не только не искажают, но и всячески способствуют конструированию смысла, а также его последующей интерпретации» [16, с. 40]. И теперь представим себе, как происходит зарождение и функционирование актуального политического мифа в медийном поле.

Мы говорим о текущем облике информационного пространства, поэтому среди функционирующих мифопостроений отметим два его вида: 1) мифы *исторические*, укорененные в памяти общества, как правило обладающие высоким культурным статусом за счет своего воспроизведения в художественной среде этноса; 2) мифы *оперативные*, принадлежащие актуальной социокультурной практике и отражаемые, прежде всего, в массмедиа и обыденном сознании социума. Таким образом, мы выделяем мифотворчество, связанное с ядром культуры [17, с. 10—11], и создание мифов по калькам настоящего дня. Уровни мифогенеза тесно взаимосвязаны за счет присутствия в них игрового начала как слагаемого культуры: «Фундамент культуры закладывается в благородной игре, и культура не должна терять это игровое содержание, дабы развить свои самые высокие качества в стиле и достоинстве» [4, с. 333], но оперативное мифопостроение будем рассматривать как преходящее, потому что оно осуществляется, прежде всего, на уровне бытового сознания, для которого огромное значение имеют СМИ. В России по-прежнему влиятельно телевидение; его рейтинги, даже несмотря на известный натиск со стороны «цифровых» медиа, на высоких позициях.

В своем исследовании мы обратились к передаче 1-го канала российского телевидения «Большая игра». Среди других этот телепроект воплощает в себе наиболее важные аспекты политического поля журналистики, обнажающие связи игрового начала в политике и политического мифогенеза. Это «проект Михаила Леонтьева, рассказывающий о Большой игре, противостоянии СССР и США и о современной геополитике. Премьерный показ программы прошёл в эфире с 14 октября по 2 декабря 2007 года» [18]. Это площадка, где сталкиваются два отношения к миру, смыслу истории, анализируются события текущего дня и представлен взгляд как россиян, так и американцев на них. Это попытка понять, могут ли стороны договориться, либо противоречия делают это невозможным, — так объясняют задачу ток-шоу его создатели. Российскую точку зрения излагает председатель комитета Госдумы РФ по образованию и науке Вячеслав Никонов. Американскую точку зрения объясняет президент Центра национальных интересов (бывший Центр Никсона) политолог Дмитрий Саймс. Цикл передач начался с известного высказывания Редьярда Киплинга: «Когда все умрут, только тогда закончится Большая игра».

Таким образом, создатели телевизионного проекта с самого начала были готовы к неоднозначному восприятию символа, ставшего названием передачи. По отношению к политике это не только понимание игры как метода обучения, расширения культурного диапазона человека, но и хлесткая характеристика политиканства, происходящего за кулисами публичной сферы, пренебрежения народными интересами. Конечно, есть и смягченные коннотации термина, их, кстати, использовали в телевизионном анонсе ведущие передачи. Вот фрагмент текста этого рекламного ролика:

«*Ведущий*. Судьбы мира зависят от большой игры России и Америки.

Никонов: В большой игре, с учетом ядерного фактора, ставки абсолютны.

Саймс: Большую игру надо контролировать и не позволить, чтобы она привела к трагедии.

Никонов: Мы будем приглашать всех, кто знает, что происходит в коридорах власти... Пришло время обнаружить скрытые механизмы» [19].

Мы обратились к отдельным страницам истории этого ток-шоу: его архив присутствует в открытом доступе на сайтах популярных ресурсов Интернета, например в YouTube. Рассматривая видеоматериал «Большой игры» в качестве объекта изучения, внимание было сосредоточено (предмет исследования) на поисках связей между игровой стихией и мифогенезом в передаче.

Передача то исчезала из сетки вещания Первого канала телевидения, то появлялась снова. Обновлялось содержание, но неизменной оставалась форма. В критике отмечалось, как «удивил 1-й канал, который запустил качественно новое ток-шоу “Большая игра”, обернувшееся вызовом доминирующей манере дискуссии. Это программа для аудитории, уставшей от “цирка” бесконечных политических ристалищ. Первый телеканал уловил настроение зрителей, заинтересованных в интеллектуальном споре, а не в наблюдении за пререканиями экспертов и ведущих с самозванцами. По всей видимости, это аудитория, вовлеченная в политическую жизнь. 1-й канал сделал передачу, зрители которой... принимают серьезные политические решения» [20].

Анализ передач «Большая игра» за 2019 — начало 2020 г. позволил установить, что им свойственно:

1) концентрация внимания, прежде всего, на взаимоотношениях России и США. Такая нацеленность ток-шоу ни в коем случае не подлежит отмене даже при постановке на обсуждение других актуальных вопросов международной жизни. Следование обозначенной установке означает, что создатели передачи в отношениях России и США видят главнейшую пружину мировой политической игры;

2) персонализация мировой политической игры — преувеличивая значение роли личности в истории, тем самым ослабляется внимание телезрителя к базисным факторам устройства международной жизни;

3) формальное и сущностное соответствие передачи взятому из истории культуры представлению о Большой игре в жизни человечества. Соблюдение игровых форм не подчеркивается, но поддерживается установленным в ток-шоу порядком включения ведущих из Москвы и Вашингтона, чередованием тезиса и антитезиса, согласия и возражения. По наблюдениям, ключевым словом всех передач стало «правила» (в сферах экономических связей между странами, их культурного сотрудничества, личных контактов политиков разных стран). В контексте передачи «Большая игра» это понятие обогащается соответствующим названием ток-шоу значением. Ведущие и приглашенные на передачу эксперты подчеркивают необходимость соблюдения в мировой политике установленных правил либо поиска консенсуса в выработке новых; в их диалогах непременно сочетаются понятия «игра» и «правила», тем самым подчеркивается принятое в концепции передачи отношение к мировой политике, как к Большой игре;

4) возбуждение процесса мифогенеза. В ток-шоу поддерживается миф о телезрителе как участнике политической жизни. По мере роста рейтинга этой передачи миф укрепляется. Но в нем прослеживаются противоречия, присущие политической мифологии в целом — с одной стороны, это нечто выдуманное и даже вредное для человеческого рассудка, с другой — без мифа нет восприятия политики, потому что миф упорядочивает наши представления о ней.

Таким образом, можно сделать вывод о складывающейся в политическом поле журналистики соединенности/общности игрового начала и мифогенеза. Общность объективно предопределена историей культуры, для которой всегда много значили условности и правила игры в политику («Свита играет короля»). Игровые формы и обряды находятся в основе символов государственной жизни и мировой политики. За символы «держится» массовое сознание (достаточно вспомнить, какое значение придается исполнению гимна страны спортсмена-победителя на Олимпийских играх). И в этом смысле журналистская практика интенсифицирует продвижение тех или иных форм политической игры в жизнь общества, мифологизируя ее установленные атрибуты и символы.

Вместе с тем нельзя не сказать и о той опасности, которую представляет собой внедряемая в массовое сознание концепция Большой политической игры. Сознание аудитории начинает концентрироваться на воображаемых демиургах «мировой шахматной доски», на которой кто-то невидимый нам передвигает фигуры. Не случайно в анонсе передачи показаны оставшиеся на доске редкие фигуры, причем одна из них повержена. Такой образ Большой игры вступает в противоречие с идеей избранности аудитории этого ток-шоу; она более не видится активным участником политики, а только зрителем, которому лестно считать себя участвующим в политической жизни. Так что в данном случае мифогенез по большей части проявляется в построении мифов, соотносимых с описанной Лазарсфельдом и Мертоном дисфункцией СМИ, когда аудитория в политике ищет игру как развлечение и находит ее в политическом ток-шоу.

Список использованной литературы

1. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Бурдьё П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Инст. экспериментальной социологии, 2002. 159 с.
3. Сидоров В. А. Политическое поле журналистики: субъекты и медийные практики // Век информации. 2020. Т. 8, № 1. С. 49—58. URL: <http://jf.spbu.ru/about/825-14114.html> (дата обращения: 04.05.2020).
4. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. 539 с.
5. Lasarsfeld P. F., Merton R. R. Mass communication, popular taste and organized social action // The process and effects of mass communication. Chicago, 1971. P. 554—578.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска / пер. с англ. М. : Междунар. отношения, 1998. 254 с.
7. Переслегин С. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики // Классика геополитики, XIX век : сб. М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 680—700.
8. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социс. 2019. № 2. С. 78—87.
9. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. М. : Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.

10. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / переводы. М. : Политиздат, 1990. С. 222—318.
11. Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.
12. Лотман Ю. М. Миф — имя — культура // Ю. М. Лотман. Семиосфера. СПб. : «Искусство-СПБ», 2000. С. 525—543.
13. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. М. : Академический проект, 2014. 235 с.
14. Иглтон Т. Идея культуры / пер. с англ. М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. 192 с.
15. Яковлев И. Г. Семантика политического контекста (социологический аспект). М. : АМИ, 2005. 236 с.
16. Фидря Е. С. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности // Полис. 2019. № 4. С. 40—56.
17. Кантор М. К. История против прогресса: опыт культурно-исторической генетики. М. : Наука, 1992. 150 с.
18. Большая игра. Передача // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Большая_игра_\(передача\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Большая_игра_(передача)). (дата обращения: 04.05.2020).
19. Большая игра. Анонс 1-го канала // YouTube. 20.08.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wnaQDM1wFZk> (дата обращения: 04.05.2020).
20. Твердов Петр. Большая игра Первого канала // Независимая газета. 2019. 13 июня. URL: https://ng-ru.turbopages.org/h/ng.ru/tv/2019-06-13/7_7597_pervycanal.html (дата обращения: 05.05.2020).

Ирина Петровна Салтанович,

кандидат социологических наук, доцент,
Минский государственный лингвистический университет,
Беларусь, г. Минск, saltan@tut.by

УДК 316.7(476)

Игровой континуум: модификация социума

Аннотация. В современной культуре игра всё больше институционализируется, проникая в биржевые, экономические, политические, социальные, сугубо прикладные сферы, возникает игровой континуум с использованием сложного набора реальных и цифровых инструментов для организации новых информационных связей, глобально-локального культурного взаимодействия — процессов модификации социума. В статье делается попытка через сугубо технический термин «геймификация» рассмотреть использование игрового мышления, которое проникает во все сферы общественной жизни. В чем причина этого распространения и как эта новая игровая модель социума может изменить индивидуальное поведение, повысить мотивацию при выполнении задач или достижении цели? Поднимается вопрос о геймификации в цифровой среде, потому что технологии являются главным драйвером в распространении игрового мышления.

Ключевые слова: игра, социум, модификация, геймификация, игровой континуум, инновации, творчество.

Irina Saitanovich

Ph.D in Sociological sciences, Minsk State Linguistic University,
Belarus, Minsk, saltan@tut.by

Game Continuum: Society Modification

Abstract. In modern culture, the game is becoming more and more institutionalized, penetrating the exchange, economic, political, social, and other fields; a game continuum is emerging using a complex set of real and digital tools for organizing new information connections, global-local cultural interaction — processes of society modification. There is an attempt within the article to envisage game thinking through the purely technical "gamification" term, while game thinking is growing in usage in all the areas. What is the reason for this spread and how can this new game-interaction society model change individual behavior, increase motivation to complete certain tasks or achieve certain goals? The question regarding "gamification" is more applicable to digital environment as technology stays the main driver for game thinking spread.

Keywords: game, society, modification, gamification, game continuum, innovation, creativity.

Современное быстро трансформируемое общество приобретает новые, не свойственные ему ранее черты. Новый мир может оказаться очень непривычным. Модификация социума, понятие, раскрывающее качественно различные состояния, появившиеся вследствие изменения среды, образов новых социальных отношений (модификация — позднелат. *modificatio* — преобразование, усовершенствование, видоизменение чего-либо с приобретением новых свойств). И игровой континуум (от лат. *continuum* — «непрерывное, сплошное») [1], по сути, является одним из важных составляющих содержания модификации.

Эффективность социума зависит от действующих институтов («правил игры»), и сегодняшний социум меняет эти правила. Опираясь на конструктив «играть» и «игра», оригинальную эвристику для создания другой, потенциально плодотворной точки зрения, определим и изучим противоречия и возможности, связанные с институционализацией трансформационных социальных инноваций. Игровая диалектика освещает и дает возможность переосмыслить то, как изменяются социальные инновации, противоречия, вытекающие из модификации, и возможные пути продвижения вперед.

Инновации не принимаются всеми людьми в социальной системе одновременно, они, как правило, адаптируются во временной последовательности. Существует ряд пересекающихся смыслов, где социальные инновации включают элементы игры: во-первых, в самих проектах, воплощая игру в социально-инновационных практиках; во-вторых, используя игровую тактику в неприятии (новое время) и изменении (разрыв шаблона) правил игры; и, в-третьих, в разработке и институционализации новых «игровых» подходов к управлению, которые способствуют трансформации социума.

Игровые механизмы можно рассматривать как интерфейс между реальными и смоделированными проблемами, запланированными и реализованными, потому как диалектика «играть» и «игра» освещает «постоянное взаимодействие между творчеством и кодификацией», которое радикальный экономист и социальный новатор Р. Мюррей диагностировал как «оживление» успешных индустрий [2, р. 196].

Использование игр как части социального компонента структуры влияет на модификационные процессы, ответственные за достижение более высоких и более значительных уровней вовлеченности и использующие преимущества внедрения набора игрофикации. Среди сфер наибольших приверженцев «игроизации» — здравоохранение, образование, государственная политика и спорт.

Игровой характер культуры, концепцию игры мы находим в книге нидерландского историка Й. Хейзинги «Homo ludens», увидевшей свет в 1938 г. «Человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра» — именно так интерпретировал нашу человеческую суть «историк рассказывающий» [3, с. 7].

И вслед за ним мы понимаем, что игра сегодня — это не просто элемент культуры, она становится способом бытия человека в мире, механизмом модификации социума. Современное общество требует нарушения любой одномерной логики, использует игровой принцип риска, игру рассматривает как инновацию, результат свободного личностного выбора. «Человек играющий выражает такую же существенную функцию, как человек создающий» (Й. Хейзинга), а в современной культуре игра всё больше институционализируется, проникая в биржевые, экономические, политические, социальные, сугубо прикладные сферы, таким образом формируя игровой континуум.

Обозначим этот процесс сугубо техническим термином — «геймификация социума». Геймификация — использование игровых механизмов в неигровых контекстах для повышения индивидуальной вовлеченности и мотивации. Это позволяет выполнять работу или решать проблемы приятным и полезным способом, использовать игровые механизмы для решения практических задач или стимулирования участия определенной публики в игровых сценариях, не связанных с индустрией развлечений. Этот маркетинговый инструмент появился относительно недавно. Автором геймификации является канадский бизнес-консультант Г. Цихерман. В своей работе, написанной совместно с Дж. Линдером, «Маркетинг, основанный на играх» (2010) [4], он впервые употребил этот термин, который повторно упомянут им же в книге 2011 г. «Геймификация средствами дизайна».

Геймификация основывается на совокупности нескольких направлений, включающих виртуальную реальность, кибернетику, искусственный интеллект, поведенческие теории: геймификация выстраивает методы взаимодействия, основанные на игровой механике, чтобы влиять на поведение человека и изменять привычки людей, групп или конкретных сообществ.

Ведущий специалист в области геймификации Ю-Кай Чоу определяет геймификацию как использование наиболее увлекательных приемов из мира игр в реальном бизнесе, в работе и в обычной жизни. Она представляет собой дизайн, сфокусированный на человеке (human-focused design) и на его эмоциях (в частности, на чувствах, вовлеченности в какой-то процесс и мотивации на какое-то действие) [5].

«Геймификация» социума как бы армирует современную «экономику желаний», возникающую в противоположность экономике, приводимой в движение необходимостью. «Экономика желаний», которую часто называют «экономикой впечатлений», постоянно использует игровой компонент.

Базовой опорой в области «экономики впечатлений» являются:

- воспоминания (ценность опыта остается в памяти человека, участвующего в событии, играющего определенную роль);
- личностная составляющая (человек может поделиться своими впечатлениями);
- чувственная экспонента (создание эмоций).

В книге «The How of Happiness» С. Любомирская отмечает, что самый быстрый способ улучшить что-то ежедневное качество жизни — это «поставить перед человеком определенную цель, что-то сделать и чего-то ожидать (вознаграждения)»

[6]. Она пишет, что когда в задаче ставится четкая цель, это дает нам энергию для движения, появляется чувство осмысленности наших поступков.

Люди, даже будучи взрослыми, любят игры, которые дают возможность отвлечься от будничной рутины и создают иллюзию великих свершений.

На что опирается магия игр? Игрушки, сделанные вручную или купленные в магазине, по сути, являются первыми инструментами для малышей, начинающих свой путь вхождения в социум (здесь речь может идти и об образовательных инструментах), «игровое мышление» меняет индивидуальное поведение в социуме. Механизмом актуализации человека в социокультурном пространстве становится игра как свобода, данная человеку на уровне «игрового инстинкта». Использование игрового мышления растет во всех сферах общественной жизни, проявляясь как игровой континуум. В чем причина этого распространения? Важна ли эта тенденция для выявления новой модели знания? Может ли эта модель изменить индивидуальное поведение и развивать креативность? Насколько применение игровых метафор в реальной жизни влияет на поведение, стимулирует участие и повышение мотивации при выполнении задач или достижении цели?

Не стоит забывать, что «геймификация» социума как основная характеристика игрового континуума связана не с созданием полноценной игры, а с использованием ее составляющих. Работая на уровне элементов, геймификация по сравнению с игрой дает больше гибкости. Играя в шахматы, мы не можем не учитывать элементы игры, потому что это будет уже какая-то другая игра, а не шахматы. В случае с «геймификацией» нарушение правил — это именно то, чем мы должны заниматься.

Игровая механика действительно эффективна, потому что основана только на человеческих желаниях и потребностях — они обеспечивают цели, которые должны быть достигнуты, и награды, которые должны быть получены. Игра воспроизводит образцы поведения, которые в случае атаки или защиты подавляются безобидными художественными схемами для стимулирования адаптивного ответа. Это инструментальная обусловленность игры. Самость в сообществах, позволяющая решать проблемы простым и увлекательным образом, стимулирование творчества и поиск альтернативных решений, а также улучшение и создание наиболее приятных ощущений в повседневной жизни — именно таким образом «играть», и «игры» создают более грандиозный и запоминающийся смысл для человеческих действий: пользователь чувствует себя как главный герой очень важной истории. Здесь обнаруживается и феноменальная двойственность игры, ее способность предлагать себя в качестве неисчерпаемого ресурса и в то же время ее парадоксальная природа.

Совокупность игровых практик охватывается понятием «игровой праксис», который определяется как модус бытия человека в современности, экзистенциал бытия, позволяющий преобразовать реальность, найти в ней черты и свойства, удовлетворяющие потребности человека [7, с. 20].

«Геймификация» часто осуществляется в цифровой среде, потому что технологии являются главным драйвером в распространении игрового мышления в реальной жизни. С помощью гаджетов мы проецируемся в геймифицированный мир, в котором получаем иллюзию свободной игры, на самом деле находясь полностью под влиянием одного.

Сегодня цифровая среда, цифровая культура формируют наш опыт об окружающем мире и предоставляют нам сложный набор цифровых инструментов для организации новых информационных связей и глобально-локального культурного

взаимодействия. Виртуальный мир разыгрывает эффект реальности таким образом, что «у человека не возникает сомнений в его реальности» [8, р. 219].

Согласно R. Caillois, игра «по сути является отдельным занятием, тщательно изолированным от остальной жизни (...). Таким образом, доменом игры является ограниченная, закрытая, защищенная вселенная: чистое пространство» [9, р. 6—7]. Формирование области между игровым и реальным стирает это закрытие, эти защиты и позволяет вести постоянный диалог между ludens (Й. Хейзинга) и «серьезным». Это одна из определяющих черт онлайн-общения: уровни коммуникации и метакоммуникации не только постоянно переплетаются, но и взаимно обеспечивают смысл, обрамляя друг друга. Количество и характер переходов между открытыми игровыми и более «серьезными» ситуациями описывают широкую серую зону, границу между правильной игрой и реальной жизнью.

Некоторые процессуально-игровые признаки показывают, что мы наблюдаем значительную историческую мутацию, сравнимую с появлением промышленно развитого мира, т. е. серьезную модификацию социума [10].

В рамках игрового континуума происходит падение жесткого разделения между пространством-временем труда и игры, что влечет формирование обширной области «полуигрового» поведения, формирующего новый характер человека разумного. Анализ М. Доуза приводит нас к выводу о разрушении в цифровой среде барьеров между профессионалами и любителями. Например, старые медиа обновляются, «перерождаются» или «возрождаются» в цифровой культуре, благодаря процессу создания, можно сказать, цифровых медиаколлажей. Возможно, этот «культурный коллаж» и заложил одним из смыслов М. Доуз в слово «бриколаж» [11].

Bricolage — французский термин, который в буквальном переводе означает «сделай сам», играй, в более глубоком контексте добавляя, «комбинируй элементы, найденные в другом месте». Бильярдный термин (игровой) «бриколаж» в культурологию впервые ввел основатель структурализма Кл. Леви-Стросс. Он сравнил бриколажную логику игры с калейдоскопом, где новое образное единство и целостность возникают на основе осколков прежнего опыта.

Большая часть цифровой культуры — это объединение существующего контента и нового культурного слоя, вырастающего зачастую из работы, играючи выполняемой людьми, обладающими только любительскими навыками и доступными, незамысловатыми «инструментами», такими как смартфон и планшетный компьютер. Даже базовые модели таких помощников в творческом самовыражении обладали достаточно широким диапазоном использования. Новая же версия компании Apple, например iPhone 11 Pro, оснащенный OLED-экраном как уменьшенной копией топового профессионального монитора, набором из трех камер, классной видеокамерой, позволяет делать в умелых руках нечто магическое.

«Производительная» мощность современных гаджетов столь высока, что позволяет игровым идеям в современном культурном контексте оцифровываться порой прежде, чем они достигнут хоть какого-либо среднего уровня. Независимые производители постоянно предлагают новые опции программного обеспечения для редактирования видео- и аудио-, чем помогают создавать профессионально выглядящие популярные медиапродукты самостоятельно с минимальными навыками, играючи. Так «игровой праксис становится способом понимания человеком самого себя, формой самоидентификации и презентации миру» [7, с. 20]. В нашем «игроизированном и гедонизированном обществе» все четче прослеживается тенденция выбора, в том числе и трудовой деятельности как времени приятного досуга, приносящего доход [7, с. 21].

Показательный пример расширения игрового континуума в «пандемическом» состоянии социума начала 2020 г., в котором никто не может дать определенный ответ на вопрос, как будет устроен будущий мир — экономический, политический и социальный, невероятный рост ролевых сообществ, куда можно сбежать от повседневной жизни и притвориться другим человеком, животным или предметом хотя бы на несколько часов.

Во время самоизоляции Covid-19 2020 г. в Фейсбуке невероятную популярность получили безопасные и позитивные игровые пространства, в которых пользователи отыгрывают роли бэби-бумеров, наркоманов, заключённых и охранников и т. д., где выходить из образа запрещено правилами. Одна из самых популярных ролевых групп — это сообщество, в котором 1,6 миллиона пользователей притворяются мурравьями. Они ищут личинок, восхваляют королеву и предупреждают друг друга о грядущем дожде. Встречаются и серьёзные проблемы. Например, в группе, где люди притворяются заключёнными и охранниками, публикации принимают довольно мрачный оборот. При этом токсичный контент может встречаться и в относительно нейтральных группах. Модераторы жалуются, что сталкиваются с такими вещами, «о которых никогда не могли подумать». Феномен, конечно, связан с текущей ситуацией, которая оказывает негативное влияние на ментальное здоровье многих людей, которым ролевые игры помогают оставаться в «здравом уме» [12].

Эксперт по инновациям С. Линдегард считает, что геймификация в социальных сетях — это ответ сложным процессам, происходящим в современном обществе. «Социальные сети играют ключевую роль в содействии вовлечению людей сразу после того, как происходит фокус первоначального внимания», — пишет он в своей книге «Социальные сети для корпоративных новаторов и предпринимателей» [13], — добавьте силы своим усилиям по инновациям», иллюстрируя один из путей «геймификации» социума.

В исследовании о влиянии игры на общество Дж. МакГонигал, дизайнер ARG, заявила, что игровой фактор может облегчить и улучшить понимание современного мира, упрощая передачу знаний, социальное обучение и поощряя людей к позитивному социальному поведению (лучшие практики). МакГонигал считает, что «когда мы играем в игры, мы не страдаем» [14].

Игра задействует эмоции человека, увлекает его и заставляет переживать игровую ситуацию. В мозге человека активизируются участки, отвечающие за удовольствие. По этой причине именно игровой контент способен вызвать у пользователей высокий отклик и удержать внимание аудитории. В данном случае стоит разделить собственно игру и игровую ситуацию в бизнесе.

Геймификация обычно описывается как практика использования игрового механизма в серьёзных бизнес-средах. Г. Цихерман, генеральный директор Gamification Co., объясняет это тем, что есть возможность брать лучшие уроки из игр и применять их в конкретных ситуациях. Создавая привлекательные условия онлайн и офлайн, организации стимулируют и надеются разбудить талант каждого сотрудника.

До эпохи цифровой трансформации операционная структура компаний была такой же, как и в XIX в., основанной на вертикальной иерархии, бюрократической документации и специализации труда для достижения эффективного результата. Эта модель требовала четко определенных ролей и обязанностей, точных процессов и управления на основе контроля. Развитие и совершенствование технологических методов и бизнес-стратегий создали возможность организации работы по-другому — через социальный аспект. Игры — это платформа, которая лучше всего подходит в

качестве инструмента внедрения инновационных технологий, демонстрируя свою эффективность и креатив.

«Геймификация» описывает широкую тенденцию использования игровой механики в неигровых средах, таких как инновации, маркетинг, обучение, производительность сотрудников, здоровье и социальные перемены», — считает Бр. Берк, аналитик Gartner. С. Линдегард, опираясь на исследование Gartner, предсказывает, что более половины всех компаний, которые управляют инновационными процессами, будут эти процессы геймифицировать [15]. Игры также активно участвуют в процессе управления изменениями в традиционных корпорациях, которые проходят цифровую трансформацию.

Геймификация — прямое применение теории игр и эффективное объединение теории социального обучения: серьезные игры проистекают из синергии между этими двумя теориями. Теория игр также способствовала развитию геймификации посредством изучения конфликтов исследования конкурентных и совместных решений.

Игровой континуум делает пользователя активным потребителем информации, работающей на знание или решение проблем: человеческие действия порождают мгновенную обратную связь, которая, опираясь на карту пользовательского опыта, пытается исправить ошибки с целью модификации системы.

«Геймификация» может устранить культурные или статусные искажения. Инновационные игры могут помочь избежать этих ошибок», — полагает С. Линдегард. «Это побуждает людей пройти лишнюю милю и преодолеть все существующие границы, потому что они хотят победить». «Инновации — это дело людей», — продолжает он [13, p. 89].

Доказано, что людям нужны социальные объекты для стимулирования взаимодействия, а социализация — это создание точек взаимодействия и человеческих связей. Большие проблемы, которые касаются не только делового мира и напрямую влияют на общество, всегда являются серьезными катализаторами возникновения игрового пространства.

Игра является открытием и изобретением одновременно; ее исследовательский характер обусловлен не рациональной деятельностью, а творчеством [10].

Игра как ресурс становится наиболее ценной, когда социум сталкивается с ситуациями, которые требуют незапланированной адаптации, особенно если эта адаптация касается самой эволюции, такие чрезвычайно изменчивые условия заставляют человека использовать воображение. В современном мире наиболее очевидно проявляется процесс постоянной модификации, причем с пугающей скоростью. И мы должны понимать, что игра как ресурс не всевластна, это не набор инструментов, и разумная осторожность никогда не помешает. Это ресурс порой авантюрного путешествия, подталкиваемого нашей фантазией. Безусловно, мы увидим внутреннюю «геймификацию» во многих социокультурных средах, руководители с богатым воображением начнут встраивать ее в сферы, где мы не встречали ее ранее, она окажет огромное влияние на правительство и политику, на благотворительную и социальную сферы.

Много человеческих действий в повседневной жизни, при всей их необходимости, часто бывают скучными, повторяющимися, отталкивающими или стрессовыми: налоги, общественный транспорт, ЗОЖ, правила дорожного движения и многое другое. Вместо этого мы «играем», и «игра», как занятие полезное, порождает мотивации, стимулируя самые важные потребности человека, такие как сотрудничество, конкуренция и социализация. Фактически главная цель современно порожденной

«геймификации» социума — объединение и вовлечение людей в мотивационную сферу выполнения рутинных заданий по игровому алгоритму в игровом континууме.

Нет в состоянии и понимании игрового континуума ничего пугающего. Есть новоприобретенное, интригующее и непознанное. Мы сами с удовольствием в него погружаемся, нам его навязывают — словом, наше с ним взаимодействие добровольно-принудительное.

Игровой континуум как сплошное игровое поле доказывает, что, активируя позитивный процесс генерации идей и раскрытия творческого потенциала, он в состоянии уменьшить проблему творческого стопора. «Игровая механика» позволяет связать нынешние действия с перспективными результатами, стимулирует умственную реконструкцию альтернативных исследовательских и авантюрных сценариев, которые включают множество когнитивных аспектов, открывая поле для нестандартных решений, мотивируя разработку оригинальных и инновационных идей, передающих знания в простой, увлекательной и эффективной форме. За пределами базовых наблюдений очень сложно предсказать будущее «геймификации» социума, но, вне всяких сомнений, эта составляющая будет только увеличиваться в новых условиях.

Список использованной литературы

1. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. М. : ИНФРА-М, 2009. 569 с.
2. Murray R. Prospects for innovation in the co-operative economy. Manchester: Ed Mayo (ed.) Co-operative Advantage, 2015. 271 p.
3. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М. : Изд. гр. «Прогресс», 1992. 464 с.
4. Zichermann G. Game-Based Marketing: Inspire Customer Loyalty Through Rewards, Challenges, and Contests. John Wiley & Sons Limited. 2010. 306 p.
5. Геймификация в бизнесе: маркетинговый инструмент будущего. URL: <https://blog.molodost.bz/advanced/gejmifikaciya/>
6. Lyubomirsky S. The How of Happiness: A Scientific Approach to Getting the Life You Want. USA. : Penguin, 2007. 384 p.
7. Новикова О. Игроизация бытия человека, или Всевластие игрового праксиса // Социум и власть. 2019. № 2(76). С. 18—26.
8. Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2000. 526 p.
9. Caillois R. Man, Play, and Games. University of Illinois Press, 2001. 208 p.
10. Ortoleva P. Homo ludicus. The ubiquity of play and its roles in present society // The Italian journal of game studies. URL: <https://www.gamejournal.it/homo-ludicus-the-ubiquity-and-roles-of-play-in-present-society/>
11. Deuze M. Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture // The Information Society. 2006. 22(2). P. 63—75
12. Лейзаренко Д. Завоевания, нарушители и мемы: что происходит в закрытых группах Фейсбука, где притворяются муравьями или заключёнными. URL: <https://tjournal.ru/internet/159742-zavoevaniya-narushiteli-i-memy-chto-proishodit-v-zakrytyh-gruppah-feysbuka-gde-pritvoryayutsya-muravyami-ili-zaklyuchennymi>
13. Lindegaard S. Social Media for Corporate Innovators and Entrepreneurs. Kindle Edition. 2012. 130 p.
14. McGonigal J. Reality is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World. New York : The Penguin Press, 2011. 416 p.

15. Thompson M. Playing with the Rules of the Game: Social Innovation for Urban Transformation IJURR. Vol. 43, Is. 6. 2019. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/toc/14682427/2019/43/6>. (дата обращения: 21.01.2020).

Екатерина Борисовна Курганова,

кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет,
Россия, г. Воронеж, kurganova1979@mail.ru

УДК 659.4

Геймификация в современных политических процессах

Аннотация. Статья посвящена использованию такой технологии, как геймификация в современных политических процессах. В статье дается авторское определение геймификации в политике. В работе определен ряд задач, которые решает геймификация в политической сфере. Теоретические тезисы сопровождаются примерами из российской и зарубежной практики использования игровых технологий в политике.

Ключевые слова: игрофикация, игра, геймификация в политике, игра, политика, политические процессы.

Ekaterina Kurganova

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor,
Voronezh State University, Russia, Voronezh, kurganova1979@mail.ru

Gamification in Modern Political Processes

Abstract. This article deals with using game technologies in modern political processes. The author has defined gamification in policy. The paper also presents the author's to-do list for gamification in political sphere. The theoretical foundations are followed by cases from Russian and foreign gamified political practice.

Keywords: gamification, gamification in policy, game, political processes.

Еще в начале XX в. нидерландский философ Й. Хейзинга определил игру как всеобъемлющий способ человеческой деятельности, универсальную категорию человеческого существования, которая распространяется буквально на все. Не является исключением и сфера политики. Сразу отметим, что еще в античной философской традиции утверждалось, что феномен игры имеет много общего с категорией политики. Русский философ А. Ф. Лосев так метафорично описывает взаимосвязь рассматриваемых понятий: «Всю свою жизнь человек только и должен воспевать государственные законы, плясать вечную и неизменную общественность и играть на инструментах только небо с вечными законами его движения. И не только какой-нибудь один человек или группа людей должны петь и плясать абсолютную законность мира и жизни. Нет, решительно все люди, а не только специально тренированные актеры, решительно все государство, а не только его начальники и правители, но решительно все граждане, сверху донизу, и днем и ночью только и должны заниматься одним — играть, петь и плясать» [1, с. 228]. На наш взгляд, такая тесная корреляция рассматриваемых категорий обусловлена наличием однотипных признаков образующих форм, определяющих сущность игры и политики. А результатом проникновения игры в сферу политики является современный тренд — геймификация политических процессов.

Геймификация (игрофикация от англ. gamification, геймизация) в политике — введение дополнительных игровых правил в политический контекст [2, с. 24] с целью привлечения внимания электората, повышения его вовлечённости в избирательную кампанию, мотивации отдать свой голос за кандидата или как минимум принять участие в выборах. Так, в сентябре 2019 г. активисты «Молодой Гвардии Единой России» в пяти регионах РФ провели квест-марафон «Бегу на выборы». В рамках игры более двух тысяч человек проверили доступность и готовность избирательных участков к выборам. Для победы в марафоне нужно было выполнить несколько промежуточных целей на маршруте (чекины) и прийти к финишу первым.

В целом геймифицированные решения в политической сфере с точки зрения PR решают следующие задачи: 1) продвижение имиджа политика или политической партии (такая задача реализуется с помощью геймификации в основном в электоральных кампаниях); 2) поддержание имиджа избранного политика; 3) коммуникационное сопровождение специальных событий, позволяющих политическому деятелю проявить себя с положительной стороны; 4) создание здоровой конкурентной среды для агитаторов, например для улучшения посещаемости агитационных мероприятий; 5) продвижение имиджа государства на международной арене; 6) PR-поддержка и развитие политического проекта (например, политической реформы).

Примером решения последней задачи является интересная игра по выводу малого бизнеса из тени, которая проводилась по одной схеме сразу в нескольких странах: Польше, Грузии, Тайване, Сербии. У игры очень простые правила. На каждый чек наносился QR-код, который можно было отсканировать в специальном приложении или ввести на сайте. Все игроки автоматически участвовали в лотерее с различными призами — от пополнения счёта на телефоне до автомобиля. Розыгрыш призов активно рекламировался по местному телевидению. С какой целью? Чтобы граждане после любой покупки требовали чек. Государство таким образом выводит малый бизнес из тени, превращая каждого покупателя в фининспектора. У игры весьма интересные результаты. Кроме того, что чек можно получить даже за аренду лежака на пляже, такие чеки превращаются во внутреннюю валюту: их можно оставлять в качестве чаевых, например в ресторане или на заправке.

Возвращаясь к вопросу однотипности признакообразующих форм политики и игры, рассмотрим некоторые из них более подробно.

1. Й. Хейзинга рассматривает борьбу, накал и напряжение как ключевые признаки игры. Именно накал в игре заставляет ребенка визжать от восторга, игрока — забывать себя от страсти, приводит в исступление многочисленных болельщиков спорта. «Этот накал, — пишет философ, — не объяснить никаким биологическим анализом» [3, с. 21]. Иногда напряженность и накал достигают апогея. Тогда игра перерастает в конфликт-игру с присущими ей разновидностями: спортивной, азартной, развлекательной, интеллектуальной, политической. Как утверждают некоторые исследователи кризисных ситуаций, «стоит исключить из игры ее конфликтную сторону, как она тут же теряет всякую привлекательность» [4, с. 207]. Что касается политической деятельности, то, как известно, в ее ходе участники вступают между собой в разнообразные отношения. Это могут быть и сотрудничество, союз, взаимная поддержка, но нередко встречаются противостояние, конфликт, борьба. А какая политическая борьба без накала и напряжения? В этом случае политик нередко борется за право устанавливать свои правила игры, а сам процесс окрашивается в агрессивные тона.

2. Еще один признак игры — состязательность. Й. Хейзинга считает, что игра и есть «состязание в том, кто лучше других что-то представит». Игра носит соревновательный характер, и эта черта объединяет ее с политической коммуникацией. Политика содержит такие элементы состязания, как правовые нормы, наличие противника, стратегия борьбы, выигрыш и поражение, приз [5, с. 114—132]. Здесь уместно вспомнить об известной модели геймификации PVL (Points/Badges/Leaderboards). В случае с политической сферой ее можно трактовать как Баллы/Значки/Рейтинги. В качестве иллюстрации того, как в политике работает упомянутая модель, можно рассмотреть избирательную президентскую кампанию в США 2012 г. Она имела привязку к Foursquare и предоставила сторонникам Б. Обамы возможность получить нестандартный приз. Те, кто проследовал за кандидатом в президенты по пяти мероприятиям, организованным его штабом, попадали в список счастливых. Они награждались бейджем Obama for America в Foursquare. Затем среди отмеченных пользователей разыгрывался ужин с Б. Обамой. Игровая механика оказалась низкобюджетной (предполагала лишь оплату трансфера победителя и ужина). Зато обеспечила высокое вовлечение пользователей (потенциальные голоса, приобретение сувенирной агитпродукции, спонсорские взносы в штаб предвыборной кампании и т. д.). Еще одна иллюстрация к тезису о соревновательности как одном из ключевых признаков игры — ролевой проект Hillary 2016, выпущенный в поддержку Хиллари Клинтон. В этой игре избиратели должны были соревноваться, кто лучше её поддержит. Для этого нужно было выполнять задания типа позитивных упоминаний Хиллари в соцсетях или оформления подписки на партийные издания. Если набрать достаточное количество баллов, можно было получить награды, среди которых вещи, подписанные самой Хиллари. В России модель PVL была реализована в 2018 г., когда во время избирательной кампании на пост мэра Москвы соцсети «Одноклассники» и «ВКонтакте» предлагали пользователям бонусы и игровые монеты за просмотр предвыборных роликов действующего столичного градоначальника С. Собянина [6].

3. Наличие зрителей — характерный признак игры. Об этом так говорит немецкий философ Х.-Г. Гадамер: «Сам характер движения столь явно и столь существенно принадлежит к сфере игры, что в конечном итоге игр “в одиночку” вообще не бывает, а именно: чтобы игра состоялась, “другой” не обязательно должен в ней действительно участвовать, но всегда должно наличествовать нечто, с чем играющий ведет игру и что отвечает встречным ходом на ход игрока». И далее: «...игра вообще осуществляется в виде представления для зрителя» [7, с. 151, 155]. Политическую деятельность, как и игру, невозможно осуществлять в одиночку. Несмотря на известную фразу Людовика XIV «Государство — это я», очевидно, что политические лидеры не способны даже руководить в одиночку. Нередко, особенно в случае необходимости принятия непопулярных политических решений, политик обращается к народу за помощью и поддержкой. Так произошло в 2016 г. в Ненецком автономном округе. Власти самого малочисленного региона России (население 44 тыс. человек) тогда, осознавая неотвратимость сокращения бюджета, решили обратиться за советом к местному населению через онлайн-игру «Бюджетный квест», моделирующую текущую ситуацию. Любой житель НАО мог предложить свои варианты сокращения расходов, необходимого из-за кризиса и понижения цен на нефть.

Согласно информации властей округа, заявленный дефицитный бюджет округа составил 18,3 млрд рублей. Чтобы его хватило на все заложенные статьи, необходимо было оптимизировать расходы.

Ключевые области финансирования, из которых жителям НАО предлагалось в игровой форме исключить «лишние» объекты трат: образование; культура и спорт; здравоохранение; социальная защита; ЖКХ; строительство; промышленность и экология; сохранение традиций; управление округом.

При этом отдельные статьи расходов сокращать было нельзя: например, в разделе «Управление округом» неприкосновенны траты на управление финансами НАО (госдолг) в 621,7 млн рублей и 1,1 млрд на содержание учреждений, а в разделе «Образование и спорт» — на дошкольное образование (1,2 млрд рублей), на общее и среднее образование (почти 2,8 млрд рублей).

Итоги онлайн-игры определили ряд значимых управленческих решений. Поскольку большинство пользователей сократили бюджет раздела «содержание органов власти», администрация региона уменьшила расходы на содержание госслужащих. Зарплаты рядовых чиновников были уменьшены на 20%, руководства округа — на 30—40%. Была сокращена значительная часть штата — 182 человека. Такая оптимизация сэкономила 350 млн рублей, что равно стоимости строительства сельской школы в условиях Заполярья. Квест как инструмент электронной демократии был отмечен Минфином РФ как одна из лучших региональных практик. В игре приняли участие 5500 жителей округа, каждый восьмой внес свои предложения по сокращению трат [8].

1. Исход игры заключается в выигрыше или победе, в которых воплощается игровая кульминация. В игре все предварительные ходы нацелены именно на выигрыш, а каждый последующий шаг, насколько возможно, старается приблизить победу. Игра и начинается, и ведется ради победы. Но победе сопутствуют всевозможные способы наслаждаться ею. Прежде всего как торжеством, триумфом, празднуемым в обстановке похвал и приветственных возгласов. Из победы вытекают следующие за нею честь, почет и престиж. То есть происходит возвышение объекта. Таким образом, выигрывается нечто большее, нежели только игра сама по себе. Ради выигрыша и осуществляется электоральная кампания, в случае победы в которой кандидат выигрывает почет, приобретает славу, зарабатывает авторитет. Политик играет за главный приз — за власть. К примеру, в 2011 г. в рамках избирательной кампании Д. Медведева агентством «Red Perre» был сконструирован предвыборный тотализатор. Избирателям предлагалось сделать ставки на участников президентской гонки в моделируемой ситуации, когда на выборы выдвигают кандидатуры и В. Путин, и Д. Медведев. У В. Путина больше шансов на победу, у Д. Медведева — «серебро». Но именно при таком раскладе на последнего выгодно делать ставки, так как коэффициент выше. Предполагалось, что те, кто поставил на победу Д. Медведева, отдадут свой голос именно ему, чтобы заработать. Агентство даже разработало значки и пробные купоны для ставок. Еще один пример относится уже к 2013 г., когда проводилась игра в поддержку А. Навального во время выборов мэра Москвы. В этой игре, чтобы одержать победу, на геотаргетированной карте сторонники оппозиционера могли «силами добра» захватывать дома и выполнять определенные задания штаба: доставлять прессу, беседовать с людьми о выборах.

2. Игра — всегда деятельность по определенным правилам, устанавливающая свой, присущий только ей совершенный порядок. Игра сама уже и есть порядок. И этот порядок непреложен. Малейшее отклонение от него мешает игре, вторгается в ее самобытный характер, лишает ее собственной ценности. Правила присущи каждой игре. Они составляют ее сущность. Они бесспорны и обязательны и не подлежат никакому сомнению. Чем совершеннее и более развернута игра, тем больше внутренних

правил, которые подчиняют себе все большее количество игровых моментов: взаимоотношения играющих, последовательность развертывания сюжета и т. д. Но стоит хоть немного отойти от правил, и мир игры тотчас рушится. Это подтверждает французский философ Жан-Франсуа Лиотар: «...Если нет правил, то нет и игры; даже небольшое изменение правила меняет природу игры, а “прием” или высказывание, не удовлетворяющее правилам, не принадлежит определяемой ими игре» [9, с. 32]. Правила политики отслеживаются в формальном поле юридическими институтами, в неформальном поле оценки политической деятельности даются общественным мнением и медиа. Абсолютной власти не существует, тем более в современных условиях, когда она ограничена целым рядом правовых и демократических институций (читай: «основными правилами игры»). В терминах игры сущность власти можно интерпретировать как право устанавливать собственные правила игры. Политическому игроку надо не только участвовать в игре, он с необходимостью должен стремиться еще к формированию своей собственной игры. Он вынужден быть фигурой, которая определяет игру, не играя по чужим правилам, но навязывая свои. Такое стремление быть в игре одновременно и игроком, и творцом игры, который устанавливает правила, делает политическую игру двухуровневой по характеру осуществления, разделяя ее на две сферы — сферу публичной политической игры и сферу скрытой, «собственной» игры. В первом случае политик действует в рамках общих правил, играя наравне с другими. Во втором случае пытается сформировать «свою игру», установить свои правила. Именно в этой, второй сфере политик и приобретает реальную власть.

3. Игра — прежде всего свободное действие. Игра по принуждению не может оставаться игрой. Разве что — ее вынужденным воспроизведением. Игра не может быть вызвана физической необходимостью и, тем более, моральной обязанностью. Она свободна от форм назидания. Ей предаются в свободное время. Игра свободна, она и есть сама свобода. Эта свобода может выражаться и в придании игре некоей формы таинственности, которой она столь охотно себя окружает. Уже маленькие дети увеличивают заманчивость своей игры, делая из нее «секрет». Ибо она для нас, а не для окружающих. Внутри сферы игры законы и обычаи обыденной жизни не имеют силы. Мы суть и мы делаем «нечто иное» [3, с. 31]. Что касается свободы как признака политики, она есть реальная причина того, что люди совместно живут в политической организации. Без нее политическая жизнь как таковая была бы лишена смысла. Свобода и политика соотносятся друг с другом как две стороны одной медали.

4. Ограничение места. Всякая игра протекает в заранее обозначенном игровом пространстве, материальном или мысленном, преднамеренном или само собой разумеющемся. Арена, игровой стол, сцена, киноэкран — все они по форме и функции суть игровые пространства. Обособленность места в политике овеяна таинственностью, мы говорим о «коридорах власти» или о «кулуарах», в которых неведомым для непосвященных образом творится то, что мы называем мистическим словом «политика».

5. Ограничение во времени. Временная отграниченность связана с тем, что у игры есть начало и конец. Пока она идет, в ней есть движение вперед и назад, чередование, очередность, завязка и развязка. Политическая игра в условиях демократического общества существенно ограничена временными рамками. До следующих выборов надо успеть разыграть игровую комбинацию, чтобы победить в высококонкурентном соревновании.

6. Удовольствие. На многих европейских языках словом «игра» обозначают обширный круг человеческих действий, с одной стороны, не претендующих на тяжелую работу, с другой — приносящих людям веселье и удовольствие [10, с. 1]. Что же касается удовольствия как признака политики, то здесь уместно вспомнить цитату представителя известного медиаагентства Engage: «67% домохозяек играет в игры. Так почему нам не превратить пропаганду в удовольствие?»

В заключение следует отметить, что геймификация в политике весьма перспективный и, что самое главное, низкобюджетный инструмент взаимодействия с электоратом без посредников. Особенно большим потенциалом геймификация обладает при работе с молодежью, которая не только характеризуется пассивным или индифферентным участием в избирательных процессах, но и может вообще отвергать выборы вследствие отсутствующей потребности участвовать в них. Игра для молодого избирателя будет лучшим способом познакомиться с кандидатом и его программой, а если в нее играют его друзья, то вероятно, что на выборах им не придется долго думать и кому отдать предпочтение. Игровые механики более эффективно используются для воздействия не только на определенную возрастную, но и на гендерную аудиторию. Игра создает насыщенное эмоциональное поле, а, как известно, женщины нередко отдают голоса, основываясь на своих эмоциональных оценках и симпатиях. На основе изложенного выше можно составить социально-демографический и психографический портреты типичного представителя целевой аудитории геймификации в политике — это молодая избирательница из группы пассивного или сомневающегося электората.

Список использованной литературы

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. Харьков : Фолио ; М. : ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.
2. Нефедьев И., Бронникова М. Игрофикация в бизнесе и в жизни: преврати рутину в игру! М. : Изд-во «АСТ», 2019. 448 с.
3. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М. : Прогресс — Традиция, 1997. 416 с.
4. Связи с общественностью. Базовые понятия / под ред. В. В. Тулупова и Ю. Л. Полевого. Воронеж : Кварта, 2003. 320 с.
5. Шомова С. А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. М. : ИНИОН, 2004. 352 с.
6. Кузнецова Т. «Скоро сентябрь». Эстрадные певцы взялись пиарить мэра Собянина. URL: <https://rurpomoscow.ru/politika/vzjalis-piarit-mjera-sobjanina/> (дата обращения: 21.02.2020).
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1998. 704 с.
8. Жители Ненецкого автономного округа помогут властям сократить бюджет региона с помощью онлайн-игры. URL: <https://www.cossa.ru/news/134037/> (дата обращения: 15.03.2020).
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
10. Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские / [послел. и примеч. В. В. Головина]. [Репринт. воспроизведение]. СПб. : Фирма «ЛАНС», 1994. 387 с.

Филиус Флюрович Яхин,

кандидат юридических наук, руководитель Башкортостанского представительства
Ассоциации психологической помощи мусульманам,
Россия, г. Уфа, yafilyus@gmail.com

УДК 28; 394

Понимание феномена игры в исламской парадигме: культурно-психологический аспект

Аннотация. В статье рассматриваются культурно-психологические аспекты феномена игры в понимании исламской культуры. Автор экстраполирует сущностные характеристики игры на исламское мировоззрение и исследует понимание игры в исламской религиозной парадигме через ее сопоставление с мирской жизнью, обладающей согласно исламским представлениям сходными сущностными характеристиками. Виды игровых форм исследуются с точки зрения их соответствия исламским религиозным требованиям, призванным определять отношение к ним последователей ислама.

Ключевые слова: игра, ислам, Коран, мирская жизнь, вечность, разрешенное/запретное.

Filyus Yakhin

Candidate of Sciences in Law, Head of the Bashkortostan
Representative office of the Association of Psychological Assistance to Muslims,
Russia, Ufa, yafilyus@gmail.com

Understanding the phenomenon of play in the Islamic paradigm: cultural and psychological aspect

Abstract. The article deals with the cultural and psychological aspects of the phenomenon of play in the Islamic sense. The author extrapolates the essential characteristics of play to the Islamic worldview and explores the understanding of play in the Islamic religious paradigm through its comparison with worldly life, which according to Islamic ideas has similar essential characteristics. The types of game forms are studied from the point of view of their compliance with Islamic religious requirements, designed to determine the attitude of followers of Islam to them.

Keywords: play, Islam, Koran, worldly life, eternity, permitted, forbidden.

В ставшем классическим знаменитом труде «Homo Ludens. Человек играющий» нидерландский философ и исследователь культуры Йохан Хейзинга убедительно обосновал игровую природу культуры, которая, по его мнению, присуща всем видам культур независимо от исторических эпох и территорий. При этом он уделил немалое внимание культурным различиям в понимании игры и отношения к ней, что проявляется, в том числе в обозначении в разных языках понятия игры как таковой и ее форм через слова, различающиеся по смысловым значениям [1, с. 49—72].

Ценность указанного труда Хейзинги во многом в том и состоит, что, обозначив различия в срезе эпох и культур, он выявил сущностные признаки игры, что позволило рассмотреть данный феномен в контексте важнейших сфер человеческой деятельности, где игра наиболее ярко проявляется.

Значение игры в человеческой жизни подчеркивается автором в мысли о том, что чем более реализует индивид в своей практике игровое начало, тем более реально и осмысленно человеческое существование. Как пишет Хейзинга: «...Если продумать

до конца все, что мы знаем о человеческом поведении, оно покажется нам всего лишь игрою» [1, с. 14]. По сути, он постулирует мысль о том, что по своему характеру жизнь человека представляет собой игру, если углубиться в познание ее сущности, а осознание этого обстоятельства, в свою очередь, придает осмысленность человеческому существованию, создает ощущение реальности его бытия.

В качестве первого признака он обозначает, что игра есть свободная деятельность, которая осуществляется, когда появляется потребность. Согласно Хейзинге, игры по приказу быть не может в принципе: чтобы человек приступил к игре, у него должно появиться желание; без такого желания игра не сможет состояться. Кроме того, игру всегда можно отложить или прервать. В ней нет физической необходимости, и она не обусловлена моральной обязанностью [1, с. 19—20].

Второй признак игры для Хейзинги — ее сущностное отличие от реальной жизни: «...игра не есть “обыденная” жизнь и жизнь как таковая» [1, с. 20—22]. По своей сути игра — это вымысел, который имеет место «понарошку», не являясь реальной жизнью. Но при этом игра обладает способностью захватить игрока как самое серьезное дело. При этом грань между серьезным и несерьезным может стать настолько неразличимой, что человек может просто перестать ее ощущать. Человек, поглощенный игрой, не перестает полностью терять осознание того, что это далеко от действительности [1, с. 21]. Хейзинга обращает внимание, что игра выступает как временное действие, которое протекает внутри себя самого и совершается ради удовлетворения, приносимого самим совершением действия.

Третий характерный признак игры, по мнению Хейзинги, — это ее обособленность от «обыденной» жизни и осуществление (проявление) в определенных временных и пространственных рамках, вне которых правила игры не действуют. Игра имеет моменты начала и завершения, за пределами которых существует настоящий, реальный мир [1, с. 22—24].

В качестве четвертого признака игры Хейзинга называет постоянное наличие внутри пространства игры определенного порядка, правил и установлений, в отношении которых имеются заранее достигнутые договоренности играющих. Соответственно, несоблюдение любого из них ведет к прекращению игры [1, с. 25—28]. Хейзинга утверждает: «Внутри игрового пространства господствует присущий только ему совершенный порядок... она устанавливает порядок, она сама есть порядок» [1, с. 24].

Также в качестве отдельной характеристики игры Хейзинга указывает, что ее отличает наличие некоего напряжения, возникающего вследствие известной степени неопределенности, поскольку в игре невозможно быть стопроцентно уверенным в выигрыше, особенно при игре с достойным соперником. Как пишет Хейзинга, напряжение игры подвергает испытанию физические и духовные силы, личностные качества играющего, поскольку, имея сильное желание выиграть, он должен держаться в предписываемых игрой рамках дозволенного [1, с. 24—25].

Рассмотрев сущностные признаки игры как феномена культуры, попытаемся выяснить, как эти характеристики будут проецироваться на исламскую культурную парадигму, мусульманское мировоззрение, понимание окружающего мира и места человека в нем.

На наш взгляд, определенная Хейзингой суть игры как явления, пронизывающего все виды человеческой деятельности, и выявленные им признаки игры, преломляясь через исламское мировоззрение, вполне могут быть признаны соответствующими истине и в рамках исламской парадигмы. Однако это будет воз-

можно только при выполнении очень важного условия: *принять во внимание* один из догматов ислама, впрочем, как и других монотеистических религий (христианства и иудаизма) о том, что помимо жизни на земле есть вечная жизнь после смерти.

При такой посылке вся реальная жизнь человека в этом мире от рождения до смерти предстает как перманентное разворачивание игры с проявлением большинства характеристик игры, о которых говорит Хейзинга.

Для этого обратимся к некоторым аятам (араб. آية — «знак, чудо», — мельчайшая структурная единица Корана, обычно понимаемая как «стих») Священной книги ислама — Корана, где мирская жизнь напрямую называется игрой:

«Мирская жизнь — всего лишь игра и потеха, а Последняя обитель лучше для тех, кто богобоязнен. Неужели вы не разумеете?» (Сура 6 «Скот», аят 32).

«Мирская жизнь — всего лишь игра и потеха, а Последняя обитель — это настоящая жизнь. Если бы они только знали это!» (Сура 39 «Паук», аят 64).

«Мирская жизнь — всего лишь игра и потеха. Если вы уверуете и будете богобоязненны, Он дарует вам вашу награду и не попросит у вас вашего имущества» (Сура 47 «Мухаммад», аят 36).

«Знайте, что мирская жизнь — всего лишь игра и потеха, украшение и похвальба между вами, и стремление обрести побольше богатства и детей. Она подобна дождю, растения после которого восхищают земледельцев, но потом они высыхают, и ты видишь их пожелтевшими, после чего они превращаются в труху» (Сура 57 «Железо», аят 20) [2].

Повторяющееся в каждом из аятов слово «игра» لَعِبٌ (ля'ибун) в буквальном и основном значении означает именно игру в широком смысле, в том числе в значении игра как «состязание», «спортивное упражнение», «забава», «развлечение», «шутка», а слово لَهْوٌ (ляхвун) имеет более узкое значение — игра как «забава», «развлечение», «потеха» [3, с. 722, 733].

Таким образом, в кораническом понимании сама мирская жизнь обозначается как пространство игры. В ходе этой жизни в виде игры происходит состязание между людьми в отношении различных благ, удовлетворяются материальные и духовные потребности (устремления). Эта временная мирская жизнь (игра) противопоставляется вечной жизни после смерти как истинной жизни. В качестве главного приза (награды) в результате прохождения через жизнь, обладая верой и сохраняя богобоязненность, называются блага райской обители. При этом обращается внимание на существование объективных законов (правил) этой игры жизни, закономерностей ее начала, развития и завершения, подобных физическим и биологическим законам.

Исламские мыслители на основании коранических аятов о сути мирской жизни делали важные для исламской этики и психологии выводы о недопустимости чрезмерного увлечения мирской жизнью. Знаменитый комментатор Корана ибн Джарират-Табари пишет: «И обитатели мира не должны обольщаться им. Потому что он подобен растению, которое выпрямилось от дождя и растет, пока вода не перестает поступать к нему. Достигнув полноты в своем развитии, оно потом засыхает, и ветер развеивает его. Оно становится ничтожным настолько, что увидевшие его отводят взгляд... [Обитатель мира этого] должен трудиться для мира вечного, который никогда не исчезнет, мира постоянного, который никогда не перестанет существовать и не изменится» [4, с. 249]

Один из самых известных исламских ученых прошлого Абу Хамид аль-Газали в обоснование того, каково должно быть отношение к мирской жизни, приводит

притчу об Иисусе, который разговаривает с дольным миром (мирской жизнью) в образе отвратительной старухи, убившей всех своих мужей, и выражает удивление глупостью людей, которые продолжают испытывать страсть к ней, не извлекая урока [5, с. 66].

Таким образом, если спроецировать хейзинговское понимание феномена игры на выявленные смыслы указанных аятов и идей мусульманских мыслителей, представляется возможным описать исламское понимание мирской жизни через выявленные Хейзингой характеристики игры.

1. Игра как свободная деятельность. В исламском понимании человек, пребывая во временной мирской жизни, посредством своей деятельности стремится удовлетворять свои духовные и материальные потребности, совершает соответствующие поступки или воздерживается от них, приступает к той или иной деятельности или завершает ее. Одной из основ исламского вероубеждения является вера в божественное предустановление. И хотя данный вопрос в исламской науке являлся предметом ожесточенных дискуссий, согласно наиболее распространенной исламской концепции, у человека имеется свободная воля и свобода выбора в установленных Богом рамках, и подчеркивается его ответственность за этот выбор [6]. В Коране обращается внимание на то, что люди в ходе жизни проявляют различные потребности, ставят разные жизненные цели, но итоговый результат зависит от Наивысшего Судьи — Бога, и жизненное соревнование, аналогичное игровому состязанию, должно состоять в совершении добрых, благих дел:

«Ваши стремления различны» (Сура 92 «Ночь», аят 4).

«Ни одна душа не понесет чужого бремени. Человек получит только то, к чему он стремился. Его устремления будут увидены, а затем он получит воздаяние сполна» (Сура 53 «Звезда», аяты 38—41)

«У каждого есть сторона, куда он обращается лицом. Стремитесь же опередить друг друга в добрых делах. Где бы вы ни были, Аллах приведет всех вас вместе. Воистину, Аллах способен на всякую вещь» (Сура 2 «Корова», аят 148) [2].

2. Игра как феномен, отличный от подлинной жизни. Согласно исламу, подлинной жизнью является вечная жизнь, которая наступает после смерти человека, воскрешения из мертвых и Судного дня. Мирская жизнь носит временный характер, а многие устремления и поступки людей осуществляются «понарошку» (в терминах Хейзинги) и зачастую не имеют никакого серьезного значения для подлинной жизни в вечности. Однако мирская жизнь может также поглотить все устремления человека-игрока как самое серьезное дело. И в результате этой «игры» в связи с неверными целями и устремлениями (непонимания сути и смысла игры), нарушением правил (грехи, нарушение прав других «игроков»), отказом от продолжения игры (самоубийство, прекращение любой активной деятельности без обоснованных причин) и т. п. человек может лишиться награды — благ райской обители и как и при любой игре почувствовать горечь унижения и позора за проигрыш в виде различных наказаний в аду.

Как человек, увлеченный игрой, так и человек, устремленный только в мирскую жизнь, перестает ощущать грань между серьезным и несерьезным — по Хейзинге, подлинно важным (вечность) и неважным (мирская жизнь) — с точки зрения исламской религии. Человек, поглощенный какой-либо игрой, или человек, увлекшийся мирской жизнью, воспринимают свое занятие и объект устремления в виде самого важного дела. Однако что-то внутри подсказывает им, что в увлекающей игре или мирской жизни есть что-то неистинное, несерьезное, не представляющее реальной

ценности, поскольку она временна (конец игры или смерть), замыкается в себе самом (нет продолжения), и весь смысл состоит в удовлетворении, приносимом самой активностью.

Подчеркивая преходящий характер мирской жизни, известный исламский ученый XIV в. Ибн Каййим аль Джаузия пишет: «Мир этот подобен летнему облаку, которое очень быстро рассеивается, или сну, который, едва появившись, исчезает». И в обоснование своих слов он приводит высказывание Пророка Мухаммада: «Мир этот и мир вечный можно сравнить с пальцем, который ты опускаешь в море и смотришь, с чем он вернется» [7, с. 206].

3. Следующий признак игры по Хейзинге — ее *обособленность от реальной жизни* и осуществление (проявление) в определенных *временных и пространственных рамках* — в исламском понимании состоит в четком разграничении и в известном смысле противопоставлении мирской и вечной жизни: каждая из них имеет свою природу и назначение, и в каждой действуют свои законы. Мирская жизнь протекает в собственном пространственно-временном измерении, вне которого ее законы не действуют, причем лично для конкретного человека эти законы перестают действовать в момент его смерти, хотя мирская жизнь других людей практически по тем же самым правилам продолжается. В исламском мировоззрении мирская жизнь (индивиду и всего человечества в целом), как и любая игра, имеет начало, конец и пространственные пределы, вне которых существует настоящий, реальный мир — подлинная обитель в ином пространственно-временном континууме.

4. *Наличие порядка и правил.* Как и внутри пространства игры, в мирской жизни действует определенный порядок, который, согласно исламу, установлен Богом и подчиняется Его законам и велениям. При этом существуют установленные Им естественные законы, действующие в окружающем мире (физические, биологические, химические и т. п.), которым человек подчиняется, но может и использовать в определенных пределах для достижения своих материальных и духовных благ, и основанные на Божественном откровении религиозные требования к вероубеждению людей и принципы и правила их поведения: религиозные, этические, правовые.

Согласно исламским убеждениям, обязанность людей следовать Откровению в мирской жизни основана на договоренности — завете между Богом и людьми о соблюдении божественных установлений.

В Коране описывается, что все созданные Богом души людей принесли свидетельство, что Он является их Господом, и таким образом заключили завет с Богом поклоняться и быть покорным только Ему:

«Вот твой Господь вынул из поясиц сынов Адама их потомство и заставил их засвидетельствовать против самих себя: «Разве Я — не ваш Господь?» Они сказали: «Да, мы свидетельствуем». Это — для того, чтобы в День воскресения вы не говорили: «Мы не знали этого».

Или же не говорили: «Наши отцы были многобожниками раньше нас, а мы были всего лишь потомками, которые пришли после них. Неужели Ты погубишь нас за то, что совершили приверженцы лжи?»

Так Мы разъясняем знамения, — быть может, они вернуться на прямой путь» (Сура 7 «Преграды», аяты 172—174) [2].

Соответственно, нарушение любого из божественных установлений может привести к наказанию со стороны единственного судьи — Бога, а за соблюдение обещана награда.

Таким образом, в мирской жизни, как и в игре, свои правила, которые необходимо соблюдать, и их соблюдение имеет принципиально важное и серьезное значение для конечного результата.

5. *Напряжение* в игре чаще всего связано с неопределенностью результата, а играющий испытывается на соответствие различным условиям игры, в том числе на способность соблюдать правила. Так же и в исламском миропонимании: в мирской жизни человек почти постоянно находится в ситуации неопределенности перед будущим, при этом он нередко теряет возможность получения искомого результата, и ему приходится испытывать определенную боль, напряжение, прикладывать усилия, бороться за определенные блага, проявлять терпение для того, чтобы проходить испытания мирской жизни. Только люди по-разному понимают, что является для них выигрышем, наградой: только ли удовольствия этой жизни или же еще блага в вечности. В Коране целый ряд аятов посвящен различным аспектам испытаний мирской жизни:

«Мы непременно испытаем вас незначительным страхом, голодом, потерей имущества, людей и плодов. Обрадуй же терпеливых» (Сура 2 «Корова», аят 155»)

«...Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, однако Он разделил вас, чтобы испытать вас тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах...» (Сура 5 «Трапеза, аят 48).

«Каждая душа вкусит смерть. Мы испытываем вас добром и злом ради искушения, и к Нам вы будете возвращены» (Сура 21 «Пророки», аят 35)

«Кто сотворил смерть и жизнь, чтобы испытать вас и увидеть, чьи деяния окажутся лучше. Он — Могущественный, Прощающий» (Сура 67 «Власть», аят 2) [2].

Таким образом, в исламском понимании сущностные свойства, закономерности игры экстраполируются на жизнь в этом мире, определяя отношение к ней как к чему-то временному, одновременно важному, но и не столь серьезному в сравнении с вечной жизнью, которая рассматривается как подлинная жизнь. Однако игровой характер жизни в этом мире не принижает ее значения: от того, как человек относился к смыслу игры, на какой выигрыш рассчитывал и какие усилия приложил, зависит его награда в вечной жизни, которая наступает после смерти.

Такое понимание имеет важное психологическое значение для мусульманина. С одной стороны, он понимает, что в мирской жизни действуют объективные закономерности — «правила игры», которые заставляют прикладывать усилия, переживать за будущий результат, расстраиваться из-за неудач и радоваться победам. С другой стороны, осознавая временный характер всего происходящего, смысл этой жизни он должен рассматривать с точки зрения ее соотношения с потусторонней жизнью: как его внутреннее состояние, усилия, его действия повлияют на его выигрыш или проигрыш в вечной жизни. Верное понимание в этом вопросе способствует сохранению внутреннего спокойствия, правильной расстановке приоритетов и упорядоченности в делах. И в приведенном значении совсем по-другому воспринимается фраза Хейзинги о том, что игра — это «функция, которая исполнена смысла» [1, с. 11].

Вышесказанное, однако, не означает, что в исламской парадигме понятие игры раскрывается только в ее сравнении с мирской жизнью: собственно сам феномен игры как важнейшая часть культуры арабов и других мусульманских народов также нашел свое отражение в мусульманских источниках.

В исламской литературе подчеркивается заложенная в человеке потребность радоваться, веселиться и развлекаться, причем она ставится в один ряд с физиологи-

ческой потребностью по приему пищи или питья. Также указывается на то, что тело и душа (сердце) нуждаются в отдыхе, осмысленном развлечении в определенное для этого время и со знанием меры [8, с. 126—127].

В то же время ключевыми в исламском отношении к игре являются вопросы религиозно-правового, этического характера, которые состоят в определении границ соответствия игры (забавы, развлечений и т. п.) и конкретных видов игр требованиям ислама. В этом смысле в исламе, вопреки доводу Хейзинги, игра как таковая не находится вне сферы нравственных норм, и к любой игре ислам относится серьезно с точки зрения его оценки соответствия религиозным установкам.

В определении разрешенного и запретного в исламе лежит общий принцип: изначально все сотворенное Богом (все вещи и действия) считаются дозволенными, если нет запрета, основанного на Коране и Сунне Пророка [9, с. 10—11]. При этом возможность произвольного установления запретов ограничивается: «О те, которые уверовали! Не запрещайте блага, которые Аллах сделал дозволенными для вас, и не преступайте границы дозволенного. Воистину, Аллах не любит преступников» (Сура 5 «Трапеза», аят 87) [2].

Также считается, что канонические запреты установлены лишь в отношении того, что либо изначально является нечистым по своей природе, либо вредно: «Скажи: “Мой Господь запретил совершать мерзкие поступки, как явные, так и скрытые, совершать грехи, бесчинствовать безо всякого права, приобщать к Аллаху сотоварищей, в пользу чего Он не ниспослал никакого доказательства, и наговаривать на Аллаха то, чего вы не знаете”» (Сура 7 «Преграды», аят 33) [2].

В отношении предметов и действий, в которых может содержаться и определенная польза, действует правило: если вред от чего-либо перевешивает пользу, это является запретным, а если польза перевешивает вред, это разрешено: «Они спрашивают тебя о вине и азартных играх. Скажи: “В них есть большой грех, но есть и польза для людей, хотя греха в них больше, чем пользы”» (Сура 2 «Корова», аят 219) [2].

Важное правило в отношении запретного состоит и в том, что если что-то запрещено, то все, что ведет к этому, также является запретным [9, с. 16].

Из вышеизложенных положений следует, что ислам считает разрешенными все игры, которые прямо не запрещены кораническими аятами или предписаниями Сунны Пророка, если сами не приводят к запретному, в том числе не отвлекают человека от его религиозных обязанностей и поклонения, не причиняют вред ему самому (религиозным убеждениям, психическому состоянию, имуществу, отношениям) и другим людям.

Некоторые виды игр в исламе считаются одобряемыми, поощряемыми, желательными, поскольку они либо одобрялись Пророком Мухаммадом, либо он принимал в них участие сам: состязания в беге, стрельбе из лука, метании копья, скачки на лошадях, единоборства [9, с. 127—129]. Известно также его следующее высказывание: «Любое деяние, где не упомянуто имя Аллаха, является забавой или отвлечением, за исключением четырех случаев: хождение от цели к цели (во время занятий стрельбой), дрессировка своей лошади, игры со своей семьей и обучение плаванию», что указывает на желательность указанных видов деятельности.

В то же время имеются запреты на многие виды игр, исходя из вышеуказанных принципов определения разрешенности и запретности.

Так, однозначно запрещенными текстом Корана играми являются азартные игры, то есть игра за деньги или ставка на победу между участниками, которые не кон-

тролируют результат игры. Азартные игры в Коране упоминаются в одном ряду с тяжкими грехами: «О те, которые уверовали! Воистину, опьяняющие напитки, азартные игры, каменные жертвенники (или идолы) и гадальные стрелы являются скверной из деяний сатаны. Сторонитесь же ее, — быть может, вы преуспеете» (Сура 5 «Трапеза», аят 90) [2]. Как представляется, такое упоминание азартных игр вместе с опьяняющими напитками не случайно, так как игровая зависимость и алкогольная зависимость в плане механизма воздействия этих аддикций на психику и поведение человека, последствий их для межличностных отношений, социального положения индивида весьма схожи. К запрещенным видам игр также относят нарды, поскольку имеется несколько высказываний Пророка Мухаммада о запретности данной игры.

К запрещенным в силу их вредных последствий играм можно отнести игры, поощряющие насилие, убийство, прелюбодеяние, колдовство, предсказания и т. п.; игры, представляющие опасность для жизни или здоровья (профессиональный бокс, бои без правил и т. п.), игры, противоречащие исламскому вероубеждению (например, с использованием образов ангелов, демонов, с изображениями пророков, с отрицанием каких-либо основ ислама или столпов веры) или явно основанные на языческих традициях. Также любая игра становится запретной, если в результате нее причиняется вред окружающим (например, соседям), хотя по формальным признакам она может и не относиться к запрещенным.

В современном мире создаются все новые и новые виды игр на базе новых технологий. С использованием правовых методов определения разрешенного и запретного исламские правоведы и власти стран с преобладающим мусульманским населением реагируют на появление и распространение новых видов игр, не соответствующих исламским предписаниям. Например, власти Малайзии запретили популярный сервис для скачивания Steam из-за компьютерной игры, в которой между собой сражаются божества различных религий, в Малайзии и Саудовской Аравии была запрещена серия компьютерных игр Grand Theft Auto (GTA) из-за наличия в них сцен с наркотиками и сексом [10].

Формат настоящей статьи не позволяет провести более подробный анализ частных случаев религиозной оценки тех или иных форм игровой деятельности, однако главный тренд в исламском отношении к игре сохраняется: запрещены или могут стать таковыми те виды игр, которые противоречат целям мусульманских религиозно-правовых норм, направленных на охрану веры, сознания, неприкосновенности личности и имущества людей, установленного общественного порядка.

Таким образом, в рамках исламской парадигмы феномен игры рассматривается в двух плоскостях. Как любая человеческая деятельность, игра или ее разновидности оценивается с точки зрения соответствия установлениям ислама: нарушение их влечет негативные последствия для человека, в том числе психологического характера. В то же время суть игры как временного явления, забавы, развлечения, состязания экстраполируется на всю человеческую жизнь в этом мире в ее противопоставлении подлинной вечной жизни после смерти. Игровая суть пронизывает всю жизнедеятельность человека, заставляя его «играть» по соответствующим правилам, испытывая напряжение физических и душевных сил перед жизненными трудностями и препятствиями. За их успешное преодоление ислам, как и другие монотеистические религии, обещает главный выигрыш не в этой жизни, а в последующей. Такое понимание имеет важнейший личностный смысл для религиозно-психологической мотивации верующего человека: необходимо играть в игру жизни таким образом, чтобы оказаться в выигрыше в вечности и оказаться в числе преуспевших, а не потерпевших поражение.

Список использованной литературы

1. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова ; коммент. Д. Э. Харитоновича. СПб. : Изд. группа «Азбука, Азбука-Аттикус», 2019. 400 с.
2. Кулиев Э. Коран. Перевод смыслов и комментарии. 9-е изд., стер. М. : Эксмо, 2012. 808 с.
3. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. 7-е изд., стер. М. : Рус.яз., 1989. 928 с.
4. Аль-Мунаджид М. С. Недуги сердца / пер. с араб. Е. Сорокоумовой. М. : Умма, 2013. 368 с.
5. Абу Хамид Мухаммад ал-Газалиат-Туси. Кимийа-йиса' адат» («Эликсир счастья»). Ч. 1: Унваны 1—4. Рукн 1 / пер. с перс., вступ. ст., коммент. и указ. А. А. Хисматулина. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. 332 с.
6. Пиотровский М. Б. Ислам и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур : [кн.]. М. : Наука, 1994. С. 92—97.
7. Аль Джаузия, ибн Каййим. Фаваид. Полезные наставления / отв. ред. Бакр ибн Абдуллах Абу Зейд ; пер. с араб. Е. Сорокоумовой. М. : Умма, 2013. 480 с.
8. Кардави Ю. Дозволенное и запретное в исламе / пер. с араб. М. Саяхетдинова. М. : Умма, 2007. 352 с.
9. Гнев богов: пять компьютерных игр, оскорбивших религиозные чувства // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://games.rambler.ru/news/37907531-gnev-bogov-ryat-kompyuternyh-igr-oskorbivshih-religioznye-chuvstva/>

Вячеслав Евгеньевич Федоров,

бакалавр международных отношений, Россия, г. Светлогорск,
vyacheslav.fedorov@outlook.com

УДК 32.019.05

Технологии игры в политических процессах как способ понимания, манипулирования и коммуникации

Аннотация. С увеличением объемов проходящей информации все сложнее становится поддерживать стабильную коммуникацию людей в обществе, обеспечивающую их социализацию и политическое участие. Игра как культурный элемент, структурно приближенный к политической деятельности, обладает обширным набором приемов и техник, например игрового моделирования, использования игровых условностей, благодаря чему государству намного легче вырастить законопослушных граждан, минимизируя возможные издержки. При этом новые формы социального общения и электронного взаимодействия, основанного на сети Интернет, не становятся серьезным ограничителем для игровых практик, наоборот, делают их более разнообразными и желанными. Однако некорректное использование технологий игры в политической деятельности может привести к противоположному результату — к тому, на чем игра основана, — хаосу.

Ключевые слова: игра, дискурс, манипулирование, социальные сети, игровое моделирование, геймификация, политическая культура, политическая игра.

Viacheslav Fedorov

Bachelor of International Relations,
Svetlogorsk, Russia, vyacheslav.fedorov@outlook.com

**Game techniques in political process
as methods of comprehension, manipulation and communication**

Abstract. Increasing information flows make even more difficult to maintain sustainable social communication that facilitates socialization and encourages political participation. Being structurally related to political activity as a cultural part of it, game possesses a plethora of tools and techniques, — for example, simulation games and application of game conventions— that aids the governments to prepare people for citizenship education and minimize the costs of it. Notice that new forms of social interaction, based on online communication, don't become the constraint for game techniques implementation, quite the opposite, make it more diverse and acceptable. However, the inadequate utilization of these techniques in the field of politics can result in the game founded phenomenon which is chaos.

Keywords: game, discourse, manipulation, social media, game simulation, gamification, political culture, game of politics.

Стремление к созданию здорового, стабильного и близкого к идеальному общества остается одним из самых амбициозных проектов любого государства. На разных исторических отрезках предпринимались самые разнообразные и порой противоречивые попытки сформировать такие взаимоотношения людей, чтобы их деятельность не носила деструктивный характер и одновременно они стремились бы к единому вектору развития. В наше время немалой популярностью пользуется концепция анализа и ведения политики с применением элементов и инструментов игры.

Важно определить, что подразумевается под «политикой» и «игрой», поскольку понятия политической и игровой деятельности зачастую неверно отождествляются, резко разграничиваются, либо их связь обуславливают наличием точек соприкосновения и различиями. В научный оборот термин «политика» ввел Аристотель, обозначив им искусство управления государством [1]. С развитием гуманитарной мысли свои трактовки предлагали такие философы и политологи, как Никколо Макиавелли, Макс Вебер, Карл Шмитт, Юрген Хабермас, Дэвид Хелд и др. При этом ни один из мыслителей не отрицал важнейшей составляющей политики — человеческой коммуникации, хоть и предстает она в разных формах, например институциональной, классовой, по линии «друг — враг». Однако есть еще один аспект, который нельзя не учитывать, — направленность на решение проблем общества с применением власти. Как пишет Ж. Бодрийяр, «соблазн представляет господство над символической вселенной, тогда как власть — всего лишь господство над реальной» [2, с. 36]. Согласно М. Веберу власть занимает центральное место в распределении политического участия между различными сообществами [3, с. 646]. Это, вероятно, делает политическую деятельность самой широкой, абстрактной и неопределенной, поскольку задействуется слишком много переменных. Сужая понятие политического и отмечая рациональную и иррациональную составляющие, Ж. Лиотар видит будущее за политикой, в которой «будут равно уважаться стремление к справедливости и стремление к неизвестному» [4, с. 159]. Для М. Фуко политические институты, составляющие государство, имеют свои основания из политической борьбы, оформленные в рамках дискурса, тем самым обладая огромным всеобщим контролем над обществом в целом; при этом сам дискурс порожден властью, которая пронизывает все его элементы [5]. Таким образом, в определении «политики» принципиально важны аспекты челове-

ской коммуникации и власти. Рабочим станет определение: политика — тип коммуникации людей, основанный на применении власти, служащий для решения проблем общества и его контроля путем существования дискурса, оправдывающий справедливость власти и государственного режима.

Феномен игры изучался и прорабатывался с древнейших времен и продолжает терзать умы философов. Им занимались Демокрит, Сократ, Аристотель, Спенсер, Гегель, Кант, Витгенштейн, Лиотар, Делез, Бодрийяр и многие другие выдающиеся умы. При этом разные взгляды на игру, которые не могут дать точное определение игры, широко раскрывают это явление и включают культурные элементы, имеющие онтологическое значение. Е. Финк пишет: «Игра есть исключительная возможность человеческого бытия. Играть может только человек. Ни животное, ни бог играть не могут» [6, с. 338]. Ф. Шиллер и Ж.-П. Сартр также описывают игру как деятельность, обязательную, экзистенциальную для человека и определяющую его будущее. При этом особое внимание в изучении игры часто уделяется ее категориям, разделяющим игру и «не игру». Интереснейшие наблюдения высказывает Ж. Бодрийяр, для которого, например, игра и симуляция различаются [2, с. 275]. Французский философ отмечает два вида игр: «горячей», основанной на ставках, и «холодной» — без ставок [7, с. 275]. Одна и та же игра, осуществляемая в один момент, может носить характер как «горячей», так и «холодной», в зависимости от перцепции наблюдающего или играющего. Так, функции игры не являются общими для всех, каждый преследует и воспринимает ее по-своему. Ж. Бодрийяр предостерегает, что сведение игры к определенной функции — признак ее деградации, а введение ставок — выход из игры [2]. Йохан Хейзинга в своей книге «Homo Ludens», ставшей хрестоматийной, говорит еще о двух категориях, ради которых игра существует и остается игрой — свободе и удовольствию. Нидерландский философ пишет: «Всякая игра есть прежде всего и в первую очередь свободное действие. Игра по принуждению уже более не игра... Ребенок или животное играют, ибо черпают в игре удовольствие, и в этом как раз и состоит их свобода... потребность играть становится настоящей лишь постольку, поскольку она вытекает из доставляемого игрой удовольствия» [8, с. 31]. Впоследствии игра становится феноменом семиотической и коммуникационной деятельности в рамках искусственно обозначенных правил, нацеленной на получение удовольствия и осуществляемой на основе свободы и отношения к ней играющих. Такое определение позволяет выделить игровые технологии, которые могут быть использованы в политике.

С точки зрения семиотики, особенно в работах Ж. Лиотара [4] и П. Бурдьё [9], игра и политика рассматриваются как семиотический обмен, что, например, выражается в комбинации самых разных типов общения с применением различных языковых принципов в рамках единого понимания и когерентности дискурса. При этом схожесть политики и игры определена их природой — смешением рационального и иррационального. Здесь может быть два подхода к пониманию. Первый предусматривает, что рациональная сущность политики и игры выражается в наличии тех правил и предписаний, которые говорят о границах дозволенного и рекомендуемого поведения, а иррациональная — в действиях акторов, которые часто имеют форму ухода от правил с целью получения большего выигрыша. Французский философ, социолог Р. Кайуа в работе «Игры и люди» рассуждает о существовании, изменении и пренебрежении правилами, которые в равной степени являются частью политической игры [10, с. 37—47]. Действительно, политическая борьба, революции, войны описывают такую практику, где политическое преимущество получают игроки,

нарушившие закон, права других людей и, что важно, пытающиеся опровергнуть существовавший дискурс. Известный российский политтехнолог О. Матвейчев в своей книге по политическому консалтингу следующим образом описывает взаимодействие правил игры и политики: «Политику вообще и выборы в частности то и дело стремятся представить как игру. Мол, тут свои правила, свои судьи, четкая сфера действия. Нам это кажется ошибкой. Политика начинается с международной политики. Кто там судья? И не ведут ли сверхдержавы войны не на жизнь, а на смерть без всяких правил? Международное право? Оно не над государствами, оно работает ровно настолько, насколько государства сами его признают и пока признают. Тот, кто этого не понимает и думает, что есть правила игры, которые все обязаны соблюдать и которые над участниками, тот проигрывает. Политика — это вообще борьба за то, чтобы устанавливать правила игры, а не игра по правилам» [11, с. 337]. Второй подход, напротив, демонстрирует хаос или информационное пространство, которое подвержено постоянным пароксизмам, а люди в нем подобны атомам, находящимся в броуновском движении; при этом они стараются вести себя и действовать рационально, на что обращает внимание и Ж. Бодрийяр [2, с. 230]. На данном принципе, например, построена известная теория игр, которая широко используется в различных гуманитарных науках. Теории игр, задача которой в большинстве случаев сводится к оценке и анализу поведения участников и подсчету их «выигрыша» с помощью математической логики, отдельное внимание уделять не стоит, поскольку есть более интересные, универсальные и релевантные политике инструменты игры.

Игровое моделирование. Игровое моделирование является искусственным продолжением симулятивной деятельности. Симуляция, в свою очередь, содержащая в себе реальность, «есть не что иное, как реальность» [2, с. 263]. Каждый человек имеет в своем арсенале несколько «игрушек» и, основываясь на своей наблюдательности, имитирует те ритуалы, которые ему кажутся наиболее интересными. Стоит обратить внимание, что игровая симуляция упускает большое количество переменных, сильно упрощая любые процессы. Для политической социализации граждан игровое моделирование крайне необходимо, поскольку для того, чтобы подготовить людей стать гражданами, им необходимо предложить политический «черновик», где на своем опыте и без ущерба для себя они могут познать азы политического участия. Моделирование политических институтов представляется ограниченным сегментом политической культуры, благодаря которому происходит конструирование и воспроизводство культурного образца [11, с. 13]. Примерами могут служить школьные выборы президента, дебаты, симуляции исторических конференций, альтернативная политология — каждая деятельность должна обладать собственными категориями, языком и основываться на добровольном участии. Такой вид игры Ж. Делез рассматривал как отдельный элемент культуры, поскольку в ней нельзя победить или проиграть, — она напоминает театр [12]. В подобных условиях полученный опыт не обладает свойством какой-либо истины или же смысла. Его главная роль — не моделирование будущего, а поиск ошибок в устоявшихся традиционных видах политического участия с учетом его структурных элементов, «человеческого фактора», новых переменных. При этом уникальность такого подхода связана с развитием психологических, перцептивных и эмоциональных качеств личности, которые включают в себя такие важнейшие для любого политика черты, как лидерские способности, коммуникация, харизма.

Полученный таким образом опыт необходим как для понимания политических аспектов, так и для коммуникации — ведь игра, согласно Ж. Деррида, «закрывается» и начинается новая [13, с. 316]. Приведем в качестве примера дебаты, которые

переходят из познавательной области в один из способов политической коммуникации. Например, предвыборные дебаты являются не столько местом решения примордиальных конвенциональных вопросов, сколько элементом общения с народом путем оглашения особых принципов. Игровое моделирование создает в политике ограничения возможностей для игры с помощью правил и цели. На данной основе можно выделить несколько видов политической деятельности, которые могут самостоятельно выступать в качестве игровых моделей: переговоры, политическое консультирование, выборы, политическое управление, создание политических стратегий. Особенностью этих явлений остается их рациональная составляющая в виде правил, за отсутствием которых моделирование невозможно. Стоит обратить внимание, что наличия правил недостаточно — они должны быть легитимизированы участниками, но не эквивалентны законам, поскольку именно закон становится серьезнейшим противовесом правилам в игровом моделировании [7, с. 231].

Помимо естественных ограничений любая игровая модель, используемая в политике, должна существовать в соответствии с хронотопом и дискурсом. В наше время новыми препятствиями могут выступать политкорректность, разница в уровне потребления, политические трансформации режимов, международная обстановка, технологическая революция. Они оказывают влияние на язык, который также рассматривается как элемент, поддерживающий власть и ее осуществляющий. С развитием коммуникационных технологий эти недостатки могут быть нивелированы. Действительно, цифровое пространство стало новым перспективным местом политических игр. Благодаря Всемирной паутине могут возникнуть социальные движения, которые ввиду сложности политических институтов, непредсказуемости политики могут стать причиной косвенного неконтролируемого политического участия, объединяющего разные категории граждан от военных до врачей, цель которых проста — выразить свой гнев [14, с. 272—294]. При этом на сегодняшний день использование игрового моделирования для политической активности в сфере онлайн сводится к двум аспектам: социальным сетям и видеоиграм. Они не просто копируют уже имеющиеся, но и создают новые категории и формы общения, благодаря которым старые политические феномены также меняют свой характер. Победу Дональда Трампа на выборах президента США зачастую объясняют продажей персональных данных более 50 миллионов американцев с аккаунтов Facebook [15]. Так, нынешнему президенту Соединенных Штатов удалось «продать» свои высказывания и предложения, которые носили явный популистский характер. В результате пространство традиционных игровых моделей, встреч и дебатов для Трампа не было столь ограничено, как для его оппонентов. С использованием игры популизм удалось таргетировать в полном объеме по разным категориям граждан как в реальном, так и в виртуальном пространствах. Все по заветам одного из основателей PR Эдварда Бернейса, который в своей книге «Пропаганда» приводит слова Бернарда Шоу, который в доказательство своих выводов пишет: «Задача политика заключается в том, чтобы с математической точностью выражать волю народа» [цит. по: 16, с. 115].

Влияние видеоигр на потребительское, социальное, политическое поведение весьма широко изучается. В наше время популярностью пользуются сетевые или же кооперативные жанры, где общение людей демонстрирует вариативность взглядов на единые игровые модели. Взять онлайн игры, которые обладают собственными языковыми категориями и семиотическими принципами. Глобальное виртуальное общение в условиях информационного пространства, искусственно суженного до рамок одной игры с едиными паттернами, создает основу для экстраполяции идей, предложенных

виртуально, в реальную жизнь, делая установки и предрассудки одного общества желательными для другого. В свою очередь, это способно стать предпосылкой для трансформации политической коммуникации.

Вспоминая слова Бернейса о пропаганде, существующей вечно, исходя из того, что «пропаганда, по сути, — современный инструмент, с помощью которого можно бороться за плодотворный труд и привносить порядок в хаос» [16, с. 166], становится очевидно, что игровое моделирование, которое нацелено на создание беспорядка в условиях принятых правил, также применимо в манипуляциях. Государство, поддерживая определённый дискурс, конструирует практики, описанные ранее, с целью избежать нежелательного типа политического поведения и участия граждан, включая бунты, забастовки, терроризм, саботаж. Вследствие этого государственные институты социализации граждан, например школа, церковь, армия, используют похожие модели общения и культурные образцы. Игровое моделирование лишь создает рамки, в которых находят свое место иные игровые технологии, условности, способствующие снижению критического мышления и индоктринации людей.

Условности игры. В книге «Капитализм и шизофрения» Ж. Делез и Ф. Гваттари рассуждают о новом типе человека — «номаде» [17]. Главной особенностью «номада» является возможность идейно «перемещаться», адаптироваться к новым социальным установкам: для него нет необходимости в религии, идеологии (он может знать о них много) и прочих ценностных источниках. Современное общество в условиях быстрого движения информации, как правило, состоит из таких кочевников, предлагая им новые культурные и политические паттерны. Условности игры, к которым мы относим правила, идеи, символы, идентичности игроков или профили, договоренности, могут быть использованы для манипуляции, поскольку в эру постправды и больших баз данных у людей нет ни желания, ни возможности отличить объективное от условного. Это похоже на ситуацию, которую описывает Ж. Бодрийяр: «Это парадоксальное состояние вещей, которое является одновременно и полным осуществлением идеи, это совершенство современного прогресса и его отрицание, ликвидация посредством переизбытка, расширения за собственные пределы можно охарактеризовать одним образным рядом: трансполитика, транссексуальность, трансэстетика» [18, с. 17].

С такой позиции можно дать интерпретацию «мифа о пещере» Платона. Ведь изображения или профили, которые видели люди, могут быть созданы искусственно государством посредством каналов связи, и их воспроизведение становится делом самих людей. Новое технологическое оснащение СМИ и электронные социальные платформы предоставляют нам возможность осознавать и видеть людей и события, абсолютно оторванных от реальности, порождая условности в политической коммуникации. Такой вид манипулирования основан на метанарративе и управлении игровыми условностями, ставшими метафизическими проводниками в мире виртуальных и реальных феноменов.

Фуко, анализируя различные типы влияния людей, говорит о «дисциплинарной» власти, организованной в сообществах и сетях, которая представляет собой «изъятие тела, а не продукта, изъятие всего времени, а не какой-либо службы» [19, с. 64]. Социальные сети, где каждый профиль человека носит условный характер и, как правило, представляется лучшей бесконечной (изменяемой) копией владельца, обладает условными умениями и компетенцией и построен на основе какого-либо настроя, клише, собственных переживаний и многом другом, составляют либо психологическое состояние человека, либо ценности и предрассудки сообщества. Кроме

того, социальные сети концентрируют огромное число групп и сообществ по интересам — они могут вообще не иметь реального проявления в обществе и не готовы формулировать и лоббировать свои интересы. Для политического манипулирования в таких условиях государства прибегают к контролю, позволяющему независимо от повестки дня поддерживать дискурс, который можно разделить на два типа: технический и игровой. К первому относятся хакерские атаки, фильтрация представленной информации, блокировка социальных аккаунтов и законотворческая деятельность различных стран в виртуальной сфере. Второй тип подлежит более детальному изучению. Из имеющихся ныне практик можно отметить перенасыщение данными целевой аудитории, игнорирование отдельных платформ, использование ботов и ненастоящих аккаунтов людей с целью достижения политических и пропагандистских целей, путем ранее изученных методов пропаганды. Например, спираль молчания, описанная немецким социологом Элизабет Ноэль-Нойман в работе «Общественное мнение. Открытие спирали молчания» [20], также применима к социальным сетям, где открытость, частичная анонимность, символизм и количественные параметры являются условными показателями успеха, а главным ограничителем является изоляция человека путем игнорирования или выключения из виртуального пространства. В системах, подобных социальным сетям, где игровые условности преобладают, важнейшим фактором остается желание получить удовольствие, базирующееся на ожидании и сенсациях.

Геймификация. Процесс внедрения игровых моделей и игровых условностей с целью селекционировать политическое пространство общества может носить настойчивый и насильственный характер. Единого понимания у «геймификации», или «игроизации», нет. Она может быть представлена как использование игрового дизайна, профилей игроков, игровых моделей или всех игровых элементов одновременно, то есть «использование элементов создания игры в неигровых контекстах» [21]. Данное определение говорит об утилитарной деятельности игры, упуская ее культурную особенность и приравнивая к функции, что ведет к деградации. Геймификация служит для вовлечения и удержания людей в какой-либо активности (политической, образовательной, экономической) на основе удовольствия и возможности отслеживать свое развитие, подобно видеоиграм. В него включают ряд элементов и категорий игры, например отсутствие первоначальной цели, добровольное участие, активность, время, импровизация, желание, восприятие «не себя» (профиль) [22]. Однако все они уже включены в любую деятельность, которая содержит в себе культурную составляющую или игровую условность. Учитывая, что многие философы придавали игре онтологическое значение, то геймификация рассматривается как внедрение игровых технологий или условностей в любой процесс, который заведомо может обладать игровой направленностью. В академической сфере это приводит к дроблению понятия «игры» и возникновению новых терминов, таких как «значимая геймификация» [23], и их отдельному анализу в разных видах деятельности людей.

В области политики геймификация может не только не принести никаких результатов, но и внести деструктивный характер. Появление новых условностей становится причиной новых языковых игр или культурных феноменов, которые приводят политиков в тупиковые, хаотичные ситуации, а их действия начинают граничить с абсурдом. Например, ООН, сосредоточившая в своей структуре политических игроков всего мира, имеет прецеденты, когда лидеры переходили от конструктивных мер решения вопросов к эмоциональным, превращая международный институт в сатурналии: генеральный секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, отстаивая свою позицию, стучал

кулаком, по некоторым версиям ботинком, по столу; Муаммар Каддафи с целью демонстрации презрения и несогласия разорвал копию устава ООН и т. д.

Отдельное внимание заслуживают системные решения, принятые на основе «геймификации», хотя это и не заявляется. В качестве примера интересен российский опыт, а именно введение системы оценки высших должностных лиц субъектов РФ [24]. Помимо того, что в каждом государстве уже имеются ранги госслужащих, должности, здесь вводится перечень показателей, который отражает эффективность глав регионов. Если учитывать желание каждого игрока получить наибольший «выигрыш», а политика — сохранить власть, то действия акторов будут основываться на законе, который одновременно становится правилами игры. Конгруэнтность «игрока» и «политика» создает условия для политики, которая делается ради политики, превращаясь в большую фиктивную меритократию с лидерами и аутсайдерами.

Таким образом, игра остается уникальным явлением для политики, но отнюдь не далеким от него. Использование элементов и инструментов игры в политике рассматривается не только как тренд мирового уровня, но и может стать серьезным преимуществом при конструировании общественной коммуникации и политического участия. Как оказывается, в рамках реальных изменений и трансформации среды и общения людей, игра становится чуть ли не ключевым методом политической социализации, хотя и изучаемые практики старомодны. Более того, игра напрямую и ненавязчиво участвует в поддержке общественного дискурса, что выражается в манипулятивной функции государства посредством использования элементов игровой практики независимо от формы пропаганды. В случаях, когда игра отождествляется с политикой или искусственно имплементируется всецело, возникает крайне нежелательный для любого государственного режима феномен: любые действия акторов тонут в условностях игры, которая теряет всякую цель; а политика, работая только на себя, приводит к стагнации или параличу всякой публичной деятельности. В то же время с уверенностью можно заявить, что игра и политика остаются вечными «партнерами».

Список использованной литературы

1. Доватур А. И. Политика и политии Аристотеля в VI—V вв. до н. э. М. : Л. : Наука, 1965. 391 с.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи; вступ. ст. Е. Петровской. М. : Ad Marginem, 2000. 319 с.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Изд-во Ин-та экспериментальной социологии, 1998. 159 с.
5. Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть. М. : Праксис, 2002. 384 с.
6. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон ; ред. пер. Л. Фуксон. М. : КанОН РООИ «Реабилитация», 2017. 432 с.
7. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
8. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства. СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.

9. Кайуа Р. Игры и люди : статьи и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : ОГИ, 2007. 304 с.
10. Матвейчев О. А. Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. М. : Эксмо, 2008. 337 с.
11. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
12. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
13. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина ; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. СПб. : Гуманит. агентство «Академ. проект», 2000. 432 с.
14. Castels M. Networks of outrage and hope social movements in the internet age. Cambridge, UK : Polity, 2015. 346 p.
15. Cadwalladr C. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach. // Guardian, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election>.
16. Бернейс Э. Пропаганда / пер. с англ. И. Ющенко. М. : Hippo Publishing, 2010. 176 с.
17. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. 895 с.
18. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. М. : Добросвет, 2000. 258 с.
19. Фуко М. Психиатрическая власть : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973—1974 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб. : Наука, 2007. 450 с.
20. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем. ; общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М. : Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.
21. Mahnič N. Gamification of politics: Start a new game!. *Teorija in Praksa*. 51. 2014. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/a129/caad99296d06b0fc3deabc65675cfe0cf4ed.pdf?_ga=2.194726893.1727268451.1588178483-707838509.1587227043.
22. Nicholson S. Strategies for meaningful gamification: Concepts behind transformative play and participatory museums. Presented at Meaningful Play 2012. Lansing, Michigan. URL: <http://scottnicholson.com/pubs/meaningfulstrategies.pdf>.
23. Nicholson S. A RECIPE for Meaningful Gamification. To be published in Wood, L & Reiners, T., eds. *Gamification in Education and Business*, New York : Springer. URL: <http://scottnicholson.com/pubs/recipepreprint.pdf>.
24. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. 2019. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904260005?index=3&rangeSize=1>.

Валентина Владимировна Белоусова,

кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия,
г. Москва, valentina.belousova1@gmail.com

УДК 811.16

Политический инфотейнмент: взаимодействие массмедиа и политического дискурсов

Аннотация. Создавая «информационную картину мира», массмедиа формируют наши представления о политике и делают ее более доступной. Значительную часть медийного пространства занимают политические события и сюжеты, что приводит к определенному взаимодействию медиа и политического дискурса. Коммерциализация массмедиа становится причиной облегченной подачи любого материала. О проникновении инфотейнмента в политический дискурс свидетельствуют, в частности, новые способы презентации политических тем — дробление новости на отдельные факты, мнения, образы и вовлечение аудитории в интеллектуальную «игру», требующую самостоятельно воссоздать полную картину события. В статье рассматривается взаимодействие массмедиа и политического дискурса и влияние форматно-тематических, содержательных и языковых характеристик контента на формирование общественного мнения.

Ключевые слова: информационная картина мира, медиадискурс, политический дискурс, инфотейнмент.

Valentina Belousova

Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow,
valentina.belousova1@gmail.com

Political infotainment: interaction of mass media and political discourse

Abstract. This article focuses on the problems of interaction of mass media and political discourse. As a special type of mass communication media discourse is a social phenomenon, whose main function is to influence mass audience through content-based information and evaluative data transmitted by media channels. The main purpose of comparative discourse study is to investigate functioning and implementation of the infotainment combining information and entertainment, which has been driven by new communication technologies and further commercialization and globalization of the media industry.

Keywords: information picture of the world, media discourse, political discourse, infotainment.

«В условиях информационного общества механизм создания картины мира почти целиком зависит от СМИ» [1, с. 184], при этом массмедиа играют активную роль не только в формировании информационной картины мира, но и воздействуют на наши представления о том, что является существенным и важным. Информация становится своего рода товаром, в отношении которого начинают действовать законы рынка: стремление охватить максимально широкий круг «потребителей контента» (читателей, зрителей, слушателей) приводит к коммерциализации. Парадокс заключается в том, что, находясь на пересечении интересов власти, бизнеса, спонсоров и публики, журналист вынужден просчитывать экономическую выгоду, которая не всегда одно-

значно соотносится с его взглядами, потребностями аудитории и журналистской этикой. Закономерно встает вопрос о влиянии коммерциализации на качество медийного продукта.

Таблоидизация, бульваризация, инфотейнмент — термины, по-разному описывающие стирание границ между качественным контентом и материалами, оценка которых происходит исключительно через понятие «реализуемость тиража». Высокий рейтинг может быть обеспечен соответствием стандартам массовой культуры, сущность которой раскрывается в следующих аспектах: использование стереотипов массового сознания вместо оригинальных образов, ориентация на все слои общества одновременно, плюралистичность (тиражирование версий), интертекстуальность (формальная анонимность и формальное авторство), мифологичность (персонификация социальных институтов, мифологизация личности и конструирование собственной реальности), тоталитарность (медиадискурс объединяет разновидности адресата, подчиняя их власти или магии слова) [2; 3]. Ориентация на интересы потребителя обусловила изменение контента медийного продукта и стала причиной облегченной подачи любого материала, в том числе и относящегося к области политики. Следовательно, политический инфотейнмент является результатом происходящих в медиадискурсе процессов, поэтому на первый план выходит вопрос о взаимодействии медиального и политического дискурсов.

Медиальный дискурс играет в современном обществе важную роль, поскольку, с одной стороны, позволяет влиять на большое количество людей и потому является предметом борьбы за власть, а с другой стороны, через него продвигаются экономические и политические интересы тех, кто имеет к нему доступ. «Массмедиаальный дискурс необходимо анализировать как особый вид языкового употребления особого типа текстов в социокультурном деятельностном аспекте» [4, с. 111]. Значительную часть медийного пространства занимают политические события и сюжеты. Политическая реальность в основном конструируется в рамках дискурса. Именно благодаря медиа политический дискурс становится доступным широкой общественности. «Politiku lze členit na politickou vědu, politickou filozofii a praktickou politiku. Součástí politického diskurzu je cokoliv, co je řečeno či napsáno v některé z těchto oblastí. Součástí politického diskurzu ale není pouze toto. Je jím i hovor obyčejných lidí o politických tématech či o politicích» [5]. Электронные и печатные СМИ позволяют людям читать или смотреть большое количество политических «посланий» — это самый распространенный способ, которым обычный человек может приобщиться к политике. В этой связи возникают два вопроса: как эти «послания» будут интерпретированы адресатом и каким образом они будут переданы — как для «потребителя» или для «члена общества». Происходит взаимодействие дискурсов, при котором именно медиа формируют политику, выбирая события для освещения, тексты для печати и гостей для прямого эфира, однако основой новостных программ остаются «политические тексты», требующие интерпретации с учетом специфических особенностей политической коммуникации, среди которых выделяются: доминирующая роль эмоциональности, значительная доля фатического общения, смысловая неопределенность, мифологичность, иррациональность, динамичность языка [6].

Лингвистические трансформации, которые происходят с исходным «текстом» в процессе его превращения в медиатекст, могут быть проанализированы на уровнях структуры предложения — способы выражения процессов, обозначения участников и «обстоятельства»; структуры текста — когезия (формально-грамматическая связанность), когерентность (семантико-прагматическая, тематическая, смысловая, концеп-

туальная связность), пресуппозиции ('presuppositions' being aspects of meaning that must be pre-supposed, understood, taken for granted for utterance to make sense [7, p. 27] и интертекстуальности. «Рассмотрение медийных текстов под дискурсивным углом зрения предполагает объединение в единое целое и собственно словесную, вербальную составляющую коммуникации, и ее экстралингвистические компоненты как социокультурного, так и ситуативно-контекстного характера» [8]. Выбор средств на каждом из уровней приводит к созданию разных версий реальности, отражая социальную и политическую позицию автора.

Корреляцию политического и медиадискурсов можно наблюдать не только сквозь призму языка или с учетом жанровой дифференциации (интервью с политиком, проблемная аналитическая статья, полемика), но и с опорой на функциональные задачи — оба дискурса сближают манипулятивное воздействие (внушение, мифологизация сознания, вера в магию слов, роль лидера) и конкуренцию, состязательность, борьбу за право быть первым (что отражается в метафорической картине). Возможно и взаимодействие этих двух институциональных дискурсов с неинституциональным бытовым, но сфера пересечения определяется тематикой и функцией бытового дискурса. Фатическое общение трансформируется в информативное, когда обсуждение политической и другой ситуации становится основной целью общения [9], а бытовой дискурс, включенный в медиaprостранство, укрепляет его тиражированием идей и мнений с последующим их формированием и принятием решений и действий.

«Взаимодействие массмедиа и политической идеологии состоит в том, что СМИ могут поддерживать или, наоборот, подрывать уже существующие в обществе политические структуры. Поскольку источники новостей транснациональны, то они неизбежно связаны с политикой тех стран, откуда они поступают» [10]. Национальные СМИ в значительной степени подвержены влиянию процессов глобализации, а информационное пространство живет и развивается по своим законам, поэтому представляется интересным рассмотреть на примере чешских медиа общую тенденцию — проникновение инфотейнмента в политический дискурс.

Причины появления инфотейнмента связывают с информационной перегруженностью общества, повышенной тревожностью относительно неопределенности будущего и стремлением разного рода изданий увеличить количество своих подписчиков, предлагая им «только хорошие новости», развлекательные передачи и «интеллектуальные шоу в игровом формате». Как отмечалось выше, инфотейнмент — результат процесса бульваризации медиа. Бульваризация характеризуется смещением пропорции новостей в информационных блоках от серьезных (hardnews) к развлекательным (softnews), при этом второстепенные события все чаще выходят на передний план, подменяя собой качественные новости и аналитику, уделяя внимание преимущественно спорту, скандалам и частной жизни людей.

«Бульварными» можно считать любые медиа, предоставляющие непроверенную информацию, специализирующиеся исключительно на сенсациях и подающие их в простой и развлекательной форме, которая позволяет потреблять контент без интеллектуальных усилий. При этом часто смешиваются реальность и вымысел, а предпочтение отдается скандалам и трагедиям, выдаваемым за самые важные новости. Основные задачи таких медиа — информировать и развлекать потребителя, получить высокую прибыль от продажи «историй» и привлечь максимальное количество рекламодателей [11; 12], но некоторые исследователи выделяют и социально значимые функции «бульварных» медиа: сообщать в доступной форме о важных политических проблемах людям, которые вообще не слишком много читают; служить средством

социализации для малообеспеченных граждан; популяризировать «культ успеха»; удовлетворять эмоциональные потребности [13].

Британский журналист John Ryan отмечал, что с момента возникновения таблоиды являются журналистским продуктом, в котором в основном рассматриваются три «с»: скандал, секс и спорт, и когда эти три «с» сочетаются, успех почти гарантирован» — „[A tabloid] is a journalistic produkt that primarily deals with three S's: scandal, sex and sports“ [12, p. 6]. Однако в истории чешских СМИ обнаруживается интересный факт — уже в 20-х гг. XX в. в «бульварной прессе» отражалась политическая борьба. Это объяснялось тем, что в период первой республики (1918—1938) многие издания, выходящие в Чехословакии, принадлежали политическим партиям и выражали политические и экономические интересы буржуазии — именно тогда в противовес им появились газеты *Večerní list*, *Polední list*, а в 1929 г. — *Expres*, содержание которых составляли не только криминальные новости, романтические истории, скандалы, но и нападки на политических деятелей. „Po obsahové stránce byl tvořen zprávami o kriminálních a brutálních zločinech, milostnými aférami, skandály, ale také útoky proti politickým osobnostem“ [14, s. 53]. Эта традиция привела к тому, что сегодня на чешском рынке печатной продукции наряду с качественной прессой *Hospodářské noviny*, *Právo* и бульварной *Blesk*, *Aha!* представлены и массовые издания *Lidové noviny*, *Mladá fronta DNES* — „nelze je dichotomicky rozdělit na bulvární a nebulvární, ale je třeba hovořit o škále. Tato škála by měla mít jakési tři stupně: bulvár — roponoviny/masový tisk — seriózní tisk“ [15].

Бульваризацию можно рассматривать как на формальном/форматном уровне, так и на содержательном, а поскольку этот процесс затрагивает не только печатные и электронные издания, но и телевизионные программы, остановимся на специфике ее проявления в каждом из указанных медиа.

Стремление соревноваться в актуальности и сенсационности с телевидением привело к тому, что печатные издания стали больше внимания уделять изображениям, цвету, графическим средствам. „Všechny včetně regionálních listů také za posledních deset let znásobily svůj rozsah, rozdělily se na složky, sjednotily formát, začaly užívat mnohem větší a barevné fotografie i nápadné titulky“ [16, s. 205]. В качественной прессе изменилось соотношение текста и визуального материала на странице; используется больше иллюстративных, а не документальных фотографий; значительные площади занимают цветные рекламные материалы; реже используются графики, таблицы и диаграммы; текст уступает место аннотированным фотографиям; часто появляются большие фотографии с изображениями политиков или спортсменов, не всегда имеющие адекватную информационную ценность (в *Právo* в рубрике зарубежных новостей *Ze zahraničí* были опубликованы четыре фотографии из Ватикана, на которых ветер срывает головной убор понтифика Франциска во время аудиенции на площади св. Петра).

Изменения, касающиеся содержательной стороны, связаны с выбором тем и способом их раскрытия, что особенно ярко проявляется в популярных изданиях, где комбинируются «ранее несовместимые редакционные практики» [17]: уменьшается количество информационных сообщений; смещается пропорция зарубежных и чешских новостей в пользу последних; статьи становятся более короткими; происходит смешивание *hard news* и *soft news*; информация подается персонифицированно как история отдельного человека; больше места отводится статьям, представляющим общественных деятелей в качестве частных лиц. „Toto voyerské nahlížení klíčovou dírkou se stalo také frekventovanějším způsobem vyprávění

zpravodajských příběhů v českých denících“ [18]. В принципе формой подачи можно любую тему превратить в «бульварную», что происходит все чаще, особенно в электронных медиа, которые благодаря непосредственному доступу к информации, прямой связи с читателями и возможности их активного вовлечения в дискуссии и блоги способствуют депрофессионализации журналистики — «все пишут обо всем», смешивая факты, рассуждения и эмоции, создавая «новости сообщества» вместо объективной информационной картины. Политика начинает казаться чем-то достаточно простым, не требующим ни глубоких знаний, ни серьезного отношения — например, выбрать и оценить любого политического деятеля можно путем голосования (*Hodnocení politiků* — nová možnost hodnotit politiky na stránkách <http://nejpolitik.jednoduse.cz/>) на сайте «<http://лучший.политик.очень.просто.cz/>». Разработчик сайта не имеет отношения ни к социологии, ни к статистике, но ставит цель создать альтернативу официальному центру исследования общественного мнения.

Основная функция телевидения и в принципе «идеология телевидения», как утверждает Neil Postman, — развлечение. Важна не тема или аспекты ее рассмотрения, а общая установка на «развлекательную подачу», и это касается абсолютно любого жанра, включая информационные и аналитические передачи. „Zábava je zastřešující ideologií veškeré televizní komunikace. Nezáleží na tom, co je předmětem zobrazení a jaký je úhel pohledu; nad vším se vznáší předpoklad, že nám to má přinášet především zábavu a potěšení. (...) Řečeno bez obalu, zprávy jsou žánrem sloužícím zábavě, nikoli vzdělání, reflexi či katarzi“ [19, s. 106]. Развлекательное начало обнаруживается на уровне предъявления информации в таких приемах, как визуализация проблемы, «овеществление» новости, яркая образность, интерес к деталям, преднамеренное упрощение информации, обыгрывание кадра, повышение роли модератора, использование интеллектуальной и языковой игры [20]. «Инфотейнмент, по сути, замещает информационные и аналитические передачи, имитирует их присутствие на телеэкране» [21], тем самым превращая политику в часть массовой культуры. Наряду с пользующимся популярностью жанром политических дебатов *Otázky Václava Moravce* (слоган — «Темы, о которых будут говорить»), есть и развлекательные передачи *Politický kabaret* («сатирическое шоу Jaromíra Soukupa, с юмором освещающее политические события и скандалы») и talk show *Uvolněte se, prosím* (ведущий — Jan Kuras, «единственное шоу, предоставляющее политику возможность доказать, что он обычный человек, и показать, что он достоин быть политиком»).

Таблоидная журналистика понижает стандарты публичного политического дискурса — будь то выбор тематики, визуальные или вербальные методы: главным критерием отбора становится аттрактивность. Примеры политического инфотейнмента можно найти и в независимых изданиях: защищая «свободу слова в эпоху олигархов», *Forum 24* публикует материалы, содержащие информацию, которую президент и премьер предпочли бы не разглашать („by před vámi Zeman s Babišem rádi utajili“), заставляя аудиторию самостоятельно выстраивать полную картину события на основе предоставленного журналистом набора отдельных деталей, тем самым вовлекая читателей в «эвристический процесс» [20]. Ежемесячный журнал *Forum Revue* в борьбе за идеалы либерального общества использует экспрессивную и эмоционально-оценочную лексику (*zvuře babišovské mocenské mašinérie, všudypřítomná ruská lež a falzifikace*) и элементы языковой игры на «интригующей» обложке (*Národ sobě — vláda nechala lidi ve štychu*). Рассказывая о судьбах тех, кто не вписывается в рамки официальной политики (*Oběti Babišova režimu*), журналисты поднимают тему влияния современных СМИ на ситуацию в стране и показывают на конкретных

примерах (*Znásilněná média*), как интересы владельца издания отражаются на содержании публикуемых материалов. Независимые журналисты, анализируя титульные страницы газет *Lidové noviny*, *Mladá fronta DNES*, принадлежащих А. Бабишу, показывают, как отвлекается внимание от основных тем и событий дня. Концентрация в одних руках политической и медийной власти искажает информационную картину мира и становится причиной снижения доверия читателей к публикуемой информации, что, с одной стороны, приводит к нежеланию углубляться в политику, а с другой — стимулирует потребление исключительно развлекательного контента.

«Политическая коммуникация не просто опосредована средствами массовой информации, СМИ являются основной средой ее существования» [9, с. 30], поэтому бульваризация медиа не могла не затронуть политический дискурс: резко уменьшилось количество политических новостей, аналитических материалов, политические дебаты постепенно вытесняются различными ток-шоу, но при этом появляется множество сообщений о частной жизни политиков, о скандалах и аферах в политических кругах. Политика перестает восприниматься как борьба политических идей или программ политических партий — теперь это, скорее, противостояние отдельных политических деятелей. «Успешный политик теперь — это, по сути, не функционер, а звезда в том смысле, в каком это понимается в индустрии развлечений. Это можно назвать политеймент: политика как единство новости, рекламы и развлечения» [22, с. 57].

Список использованной литературы

1. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М. : Едиториал УРСС, 2005. 286 с.
2. Кашкин В. Б. Кого класть на рельсы? К проблеме авторства в политическом и рекламном дискурсе // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 79—88.
3. Беспмятнова Г. Н. Информационные проекты Леонида Парфенова на НТВ // Акценты. 2005. № 1—2. С. 33
4. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 311 с.
5. Bartošek J. Nosiče persvazivních sdělení v politickém diskurzu. In: Metody a prostředky přesvědčování v masových médiích. Ostrava : Filozofická fakulta, Ostravská univerzita.
6. Гришаева Л. И. Средства и способы создания аксиологического контекста в медиатексте // Медиатекст: стратегии — функции — стиль : кол. монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). Орёл : Орловский гос. ин-т искусств и культуры, полигр. фирма «Горизонт», 2010. 226 с.
7. Verschueren J. Understanding pragmatics. (Understanding language series.) London : Arnold ; New York : Oxford University Press, 1999. P. XIV, 295.
8. Цурикова Л. В. Медиадискурс как объект научного анализа // Медиатекст: стратегии — функции — стиль : кол. монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). Орёл : Орловский гос. ин-т искусств и культуры, полигр. фирма «Горизонт», 2010. 226 с.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. ; Волгоград : Перемена, 2000. 386 с.

10. Желтухина М. Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медиатекст: стратегии — функции — стиль : кол. монография / Л. И. Гришаева, А. Г. Пастухов, Т. В. Чернышова (отв. ред.). Орёл : Орловский гос. ин-т искусств и культуры, полигр. фирма «Горизонт», 2010. 226 с.
11. Osvaldová B., Halada J. a kol. Praktická encyklopedie žurnalistiky a marketingové komunikace. Praha: Libri, 2007. 263 s.
12. Malovic S., Vilović G. Tabloidization Conquers Quality Press. URL: <http://www.scribd.com/doc/27078700/Tabloidization-Conquers-Quality-Press>
13. Hvižďala K. Jak myslet média. Praha : Dokořán, 2005. 288 s.
14. Končelík J., Večeřa P., Orság P. Dějiny českých médií 20. století. Praha : Portál, 2010. 310 s.
15. Jiráček J. Na FSV jsou dva blízké, ale svébytné světy. URL: <http://social.ukmedia.cz/jan-jirak-na-fsv-jsou-dva-blizke-ale-svebytnne-svety>
16. Jaklová A. Neverbální prvky persvaze v žurnalistice a v reklamě. In: Srpová, H. a kol. Od informace k reklamě. Ostrava: Ostravská univerzita, FF, s. 51—103.
17. Volek J. Commercialization and Tabloidization of Czech Quality Press In Three Professional Dilemmas of Czech Newspaper Editors: Twenty Years After the Collapse of the Old Media System. Communication Today. Trnava : Fakulta masmediálnej komunikácie, I., 2010.
18. Povolný D., Trampota T. Bulvarizace médií je už příliš daleko. URL: <https://www.em.muni.cz/udalosti/1567-trampota-bulvarizace-medii-je-uz-prilis-daleko>
19. Postman Neil. Ubavit se k smrti. Praha : Mladá fronta, 2010. 208 s.
20. Зорков Николай Николаевич. Инфотейнмент: возникновение, функции, способы воздействия (№ 19 [121] 01.12.2005). URL: <http://www.relga.ru/Environ/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=735>
21. Зверева В. “Infotainment” на российском телевидении. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-397587.html?page=3>
22. Больц Н. Азбука медиа. М. : Европа, 2011. 136 с.

Андрей Владимирович Щербаков,

кандидат филологических наук, доцент,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, г. Москва, avscherbakov@pushkin.institute

УДК 81-13

Экспрессия vs стандарт: принципы организации текстов политического дискурса

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных/нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

Аннотация. Статья посвящена основным вопросам, связанным с функционированием риторических фигур и других выразительных средств в современном политическом дискурсе. Экспрессия и стандарт рассматриваются как ключевые принципы организации текстов политической сферы коммуникации, выявляются закономерности чередования экспрессивных и нейтральных языковых средств в легитимных и нелегитимных коммуникативных практиках русскоязычного политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, легитимные дискурсивные практики, нелегитимные дискурсивные практики, экспрессивность, стандарт, риторические фигуры.

Andrey V. Shcherbakov

Candidate of Sciences in philology, associate Professor, Scientific Director of the center for media communications research, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow, avscherbakov@pushkin.institute

Expression vs standard: principles of organizing political discourse texts

Abstract. The article is devoted to the main issues related to the functioning of rhetorical figures and other expressive means in modern political discourse. Expression and standard are considered as the key principles of the organization of texts in the political sphere of communication, and patterns of alternating expressive and neutral language means in legitimate and illegitimate communicative practices of Russian-language political discourse are revealed.

Keywords: political discourse, legitimate discursive practices, illegitimate discursive practices, expressiveness, standard, rhetorical figures.

Тексты современного политического дискурса чрезвычайно разнообразны по своим стилистическим характеристикам, что обусловлено такими их коммуникативными особенностями, как институциональность, конвенциональность и публичность (официальность), а также функциями политического дискурса, подразумевающими, с одной стороны, информирование и убеждение, а с другой — воздействие, формирование картины мира, обеспечение групповой идентичности и т. д.

В связи с этим встает вопрос о принципах организации текстов политического дискурса. Одним из таких принципов является *экспрессия*, которая проявляется как в использовании эмоционально-оценочной лексики, так и в употреблении различных выразительных средств языка. Так, можно выделить «основные характерные для политической коммуникации на русском языке риторические фигуры (парцелляция, повторы, градация, перечисление, риторические вопросы и восклицания, различные виды контраста), а также другие языковые средства (эмоционально-оценочная лексика, стилистически сниженная лексика и т. п.), придающие тексту выразительность и экспрессивность» [1, с. 261].

Вместе с тем политический дискурс связан и с принципом *стандарта*, поскольку часто тексты в политической коммуникации произносятся в официальной обстановке людьми, обладающими соответствующим статусом и полномочиями, исполняющими функции руководителей.

Рассматривая функционально-стилевую специфику языка газеты, В. Г. Костомаров выделил стилистический конструктивный принцип публицистических текстов — диалектическое единство экспрессии и стандарта. В своей работе «Русский язык на газетной полосе» он пишет, что «сутью процесса газетной коммуникации выступает многообразное чередование сегментов, находящихся в каждом отдельном случае в отношениях стандартно-экспрессивного контраста или конфликта и обеспечивающих «двоичность выхода». В противном случае надежность связи резко падает, и газетный язык не выполняет своих задач» [2, с. 61].

По мнению В. Г. Костомарова, стандарты уже существуют, а вот экспрессию нужно создавать: «Стандарты готовы, и остается их лишь познать и воспроизвести. Экспрессия же мыслится как нечто противопоставленное стандарту, маркированное, пусть и в самом широком и неопределенном виде, а не только индивидуально-

неповторимое. Для её создания, во всяком случае, необходимо напряженное творчество» [2, с. 62—63]. Он выделяет три типа чередований стандарта и экспрессии:

1) «внутрифразовые» или «пофразовые» чередования стандартного обозначения с его окрашенным эквивалентом: стандарт — его экспрессивный синоним;

2) чередование разных стилистических и иных окрасок, например книжных и разговорных, просторечных;

3) чередования композиционного уровня.

«Важно еще отметить, — подчеркивает автор, — что конструктивная доминанта материализации текста на базе взаимодействия стандарта и экспрессии, строго говоря, безразлична к его содержательно-тематической стороне, по сути своей механистична. План содержания не объясняет особенностей плана выражения, подчиненного прежде всего конструкции» [2, с. 104—145].

На наш взгляд, сформулированные принципы построения публицистических текстов вполне могут быть применены для характеристики текстов современного политического дискурса. Такой исследовательский подход возможен в связи со значительными стилистическими трансформациями, характерными для общественно-речевой практики в эпоху цифровизации, когда фактически сформировалась новая форма речи, совмещающая черты устной и письменной форм.

Наблюдения над стилистикой текстов массмедиа последнего времени дают отчетливое представление о явном сдвиге в пользу экспрессии. Как замечает А. П. Сковородников, «есть основания полагать, что в произошедших и происходящих изменениях существенную роль сыграли не только социально-экономический и политический факторы непосредственно, но и философия и эстетика литературного постмодернизма, занявшие заметное место в культурной жизни страны» [3, с. 68].

Одним из проявлений указанной тенденции являются весьма частотные в последнее время различные приемы так называемой языковой игры, поскольку «значительная часть массмедийного пространства — это пространство игровое» [4, с. 33—34].

Тексты современного русскоязычного политического дискурса дают многочисленные примеры сочетания экспрессивных и стандартных (стилистически нейтральных, книжных, официальных) единиц, мы можем наблюдать чередования экспрессии и стандарта всех трех типов, выделенных В. Г. Костомаровым.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 20 февраля 2019 г. встречаются внутрифразовые чередования стандартного обозначения с его окрашенным эквивалентом: «...Государство *сначала, сперва* должно довести пенсию до прожиточного минимума, а уже после этого проводить индексацию самой пенсии и ежемесячных денежных выплат»; «Обращаюсь к представителям власти всех уровней: *делать вид, что ничего не происходит, уходить в сторону, отмахиваться от требований граждан* — абсолютно недопустимо»; «даже сотрудники этих ведомств знают на 100 процентов, что там написано, поэтому нужно *провести этот анализ за два года, не бояться этого, засучить рукава, сделать, провести эту работу* и, действительно, оставить только то и обновить по-современному то, что действительно нужно для организации работы» [5].

В указанном тексте наблюдаются многочисленные чередования единиц с разными стилистическими окрасками. С одной стороны, встречаются книжные, официальные и даже терминологические слова и выражения (*национальные проекты, всемерная поддержка семей, среднесрочная перспектива, кадастровая стоимость, насущные проблемы, медико-социальная экспертиза, паллиативная помощь, масштабные*

задачи, консолидация), а с другой — разговорные и просторечные (*работать по накатанной, бумажная текучка, сваливать мусор, мутные конторы, финансовая кубышка, подхрюкивать, потихонечку, заглашник*).

Особого внимания заслуживают примеры чередования композиционного уровня. Это проявляется прежде всего в том, что текст Послания строится как официальный с использованием стандартных формулировок, характерных для данного жанра, но при этом постоянно наблюдаются отступления от формальных требований и большое количество стилистических (риторических) фигур.

К примеру, стандартное начало (*Уважаемые члены Совета Федерации! Уважаемые депутаты Государственной думы! Граждане России! Сегодняшнее Послание сосредоточено прежде всего на вопросах нашего внутреннего социального и экономического развития*), периодические обращения к аудитории (*уважаемые коллеги, прошу Банк России, поручаю Правительству и т. п.*), средства структурирования текста (*первое — второе — третье — четвертое; далее и т. п.*) чередуются с употреблением разговорных конструкций и средств выразительности.

В частности, можно увидеть различные **повторы**. «Его запаса, запаса времени, на раскачку, на дальнейшие утряски и увязки, просто нет»; «Сейчас — около 19 миллионов, но и это *слишком много, слишком много*»; «Государство должно *помочь* людям, *помочь* выйти из сложной жизненной ситуации»; «Здесь наряду с комплексным развитием медицинского образования нужны меры, которые дадут *быстрый* результат, *быстрый* эффект»; «Да, это вообще на самом деле непростой и финансово ёмкий проект, но нужно это делать, он *принесёт результаты, принесёт результаты* и по бизнесу, и людям».

Встречаются в тексте Послания **парцелляция** («*Наши проекты развития — не федеральные и тем более не ведомственные. Они именно национальные. Их результаты должны быть видны в каждом субъекте федерации*»; «*Это вопрос нашего будущего. Общая задача для государства, для гражданского общества*»); **параллелизм** («*поставлены в майском Указе, развёрнуты в национальных проектах*»; «*Для нашего общества, для многонационального народа именно семья, рождение детей, продолжение рода, уважение к старшим поколениям были и остаются мощным нравственным каркасом*»); **перечисление** («...когда рядом с жильём есть всё необходимое семье: и поликлиника, и школа, и спортивные площадки. Чтобы родители могли *работать, учиться, быть счастливыми, получать удовольствие* от отцовства и материнства»; «Они вынуждены экономить на самом необходимом — *одежде, лекарствах, даже на еде*. Среди тех, кто чаще всего сталкивается с бедностью, — *многодетные, неполные семьи, семьи, где есть инвалиды, а также одинокие пенсионеры и люди, которые не могут найти достойную работу*»; «Ведь об этой системе, как правило, судят по первичному звену: *поликлиникам, амбулаториям, фельдшерско-акушерским пунктам*»); **антитеза** («Принцип должен быть очень простой: *больше детей — меньше налог*»); **инверсия** («*Такие запросы есть у людей, мы видим их, напрямую в Администрацию Президента поступают*»); **градация** («Но если уж пришёл, то надо понимать, что не менее важно *чувствовать, понимать людей, сопереживать им, знать их заботы и тревоги и тем более никогда не допускать высокомерного отношения, неуважения к гражданам ни в словах, ни в действиях*»); **риторический вопрос** («Сегодня почти половина дел (45 процентов), возбуждённых в отношении предпринимателей, прекращается, не доходя до суда. *Что это значит?* Это значит, что возбуждали кое-как или по непонятным соображениям. *А что это значит на практике?* В результате на одного предпринимателя, бизнес которого разваливается в этой связи, в среднем при-

ходится 130 сотрудников, потерявших работу»); *фразеологизмы и прецедентные тексты* («чтобы у нас всё было надёжно и работало как часы»; «Надо кровь из носу выполнять эти задачи; ...они же десятилетиями накапливались, ещё с советских времён многие работают, со времён “очаковских и покоренья Крыма”») и многие другие выразительные средства.

В менее официальных выступлениях Президента РФ В. В. Путина можно наблюдать явный сдвиг в сторону экспрессии. Так, в высказывании о после Польши в Германии Юзефе Липском грубая оценочная лексика соседствует с книжной: «Сволочь. Свинья антисемитская. По-другому сказать нельзя. Он полностью солидаризировался с Гитлером в его антиеврейских настроениях». В данном примере присутствует и парцелляция.

Чередование экспрессивного и стандартного присутствует в следующем примере: «Я не скажу, что существует два непримиримых врага, с одной стороны — государство, а с другой — олигархи. Я думаю скорее, что государство держит в руках дубинку, которой бьёт всего один раз. Но по голове. Мы её только взяли в руки, и этого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание. Когда мы действительно рассердимся, то без колебаний пустим её в ход. Нельзя шантажировать государство. Если будет необходимо, мы уничтожим инструменты шантажа» (из интервью В. В. Путина газете «Le Figaro» в октябре 2002 г.).

Современный русскоязычный политический дискурс содержит примеры несоответствия стиля общения требованиям деловой коммуникации, что является отражением стилистических сдвигов и трансформаций как проявления чередования принципов экспрессии и стандарта. В частности, на совещании с членами российского правительства в марте 2006 г. глава государства высказался следующим образом: «Мы будем сопли жевать здесь годами? Мы уже сколько говорим на эту тему — с 99-го года? Почти ничего не происходит, только одни разговоры. Все это шуруют туда, не переставая, в огромных количествах. И ничего не сделано для того, чтобы стимулировать переработку на территории России. Я обращал внимание правительства на этот вопрос уже несколько раз, и все только разговоры. Я понимаю, с чем это связано, — и вы понимаете: это связано с лоббированием экспортеров. Они думают о своих экономических интересах, а вы должны думать об интересах российского народа». Здесь грубая разговорно-просторечная лексика (*сопли жевать, шуруют*) соседствует с книжной официальной (*лоббирование, экспортеры, экономические интересы*), а некоторые синтаксические конструкции оформлены как разговорные.

Чередование книжных языковых средств и стилистически не-нейтральных встречаем в одном из ответов на вопрос граждан: «Нельзя всех мазать одной чёрной краской. Нужно понять, что эти органы власти выполняют важнейшую функцию в государстве, и нельзя опускать их ниже плинтуса. В противном случае, придётся нашей либеральной интеллигенции бородёнку сбрить и самим надеть каску и вперед на площадь, воевать с радикалами» («Прямая линия с президентом», декабрь 2010 г.).

Фраза из произведения Р. Киплинга, помещенная в негативно-оценочный контекст, демонстрирует крен в сторону экспрессии: «Нужно с уважением относиться ко всем нашим гражданам. Есть, конечно, люди, которые имеют паспорт гражданина РФ, но действуют в интересах иностранного государства и на иностранные деньги. С ними тоже будем стараться наладить контакт. Часто это бесполезно и невозможно. Что можно сказать в этом случае? Можно сказать: “Идите ко мне, бандерлоги”».

Таким образом, анализ текстов современного русскоязычного политического дискурса позволяет сделать вывод о том, что экспрессия и стандарт являются ключе-

выми принципами их организации. В чередовании экспрессивных и нейтральных языковых средств в легитимных и нелегитимных практиках политической сферы коммуникации наблюдаются явные сдвиги в пользу экспрессивного начала.

Список использованной литературы

1. Щербаков А. В. Риторические фигуры в политическом дискурсе // Медиа-риторика и современная культура общения: наука — практика — обучение : сб. статей XXII Междунар. науч. конф. (30 января — 1 февраля 2019 г.) / отв. ред. В. И. Аннушкин. М. : Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 257—262.
2. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 267 с.
3. Сковородников А. П. Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет // Русская речь. 2004. № 6. С. 68—76.
4. Рахимкулова Г. Ф. Игровое пространство в современных медиатекстах // Язык как система и деятельность : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 80-летию проф. Ю. А. Гвоздарева. Дополнения. Ростов н/Д : ООО «Сигма», 2005. С. 33—37.
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. 20 февраля 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

Ирина Евгеньевна Коптелова,

кандидат философских наук, профессор кафедры,
Дипломатическая академия МИД РФ,
Россия, г. Москва, csikos@yandex.ru

УДК 808.5

Конвенциональные темы в ритуализованном политическом дискурсе

Аннотация. Автор исследует предметно-тематические нормы выступлений с объявлением о победе. Выступление победителя и побежденного — это ритуал американской политики, в котором оба кандидата, завершая выборы, соглашаются с их исходом, придают легитимность результату и запускают смену политической власти. Благодаря глобализации политической жизни ритуал произнесения победных речей распространяется во многих странах мира. В статье экстраполируются конвенциональные темы победных речей американского дискурса на выступления политиков в разных странах. Делаются выводы о повторяемости и универсальности подобных тем.

Ключевые слова: победная речь, ритуализованный дискурс, ритуальность, повторяемость.

Irina Koptelova

Candidate of Sciences in Philosophy, Professor of English chair,
Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry, Russia,
Moscow, csikos@yandex.ru

Conventional topics in ritual political discourse

Abstract. The author analyses conventions of electoral victory speeches. The concession and victory speech is a ritual in the US politics, in which both candidates at the end of an election agree on the outcome, lend the legitimacy of the process, and start the political transition. Because of globalization of political life the ritual of victory speech is being spread into many countries of the world. The article projects conventional topics of American victory speeches onto the discourse of politicians in many countries. The author comes to the conclusion about recurrence and universal validity of such topics.

Key words: victory speech, ritual discourse, rituality, recurrence.

Сценарии публичных высказываний интересны тем, как достигаются желаемые риторические эффекты. Многие высказывания, сделанные современными общественными деятелями, выглядят шаблонными. Даже «спонтанные» высказывания, такие как дебаты избирательной кампании, следуют заранее подготовленным форматам. Это относится ко многим типам политических выступлений президентов, даже к тем, которые традиционно не относят к ритуальному, или ритуализованному, дискурсу, т. е. не только к инаугурационным речам, ежегодному обращению к нации, но и к пресс-конференциям, интервью и т. п. Кажется, что многие такие выступления не несут большой смысловой нагрузки, а в основном представляют собой набор символов для того, чтобы убедить слушающих, что говорящий контролирует ситуацию.

Лингвистические словари и справочники определяют общее понятие речи как деятельность говорящего, который использует язык, направленный на взаимодействие с другими участниками данной языковой группы, с употреблением разных средств речи, целью которой является передача сложного содержания, включающего информацию, направленную на слушателя и побуждающую его к действию или ответу. В современной практике для каждого вида выступления обозначены свои жанры. В литературоведении «жанр» классически определяется как «исторически складывающийся тип литературного произведения (роман, поэма, баллада и т. д.); в теоретическом понятии в жанре обобщаются черты более или менее общей группы произведений».

Говоря о классификации дискурса в соответствии с тем или иным жанром, В. И. Карасик считает, что «жанрово-стилистические категории дискурса позволяют адресату отнести тот или иной текст к определенной сфере общения на основании сложившихся представлений о нормах и правилах общения, об условиях уместности, о типах коммуникативного поведения» [1, с. 189]. Эти категории определяют характер текстов в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стиль, жанровый канон, наличие клише, вариативность, степень компрессии).

В настоящем исследовании мы согласны с определением речевого жанра, данным В. И. Карасиком, что «жанровый канон — стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах» [1, с. 192].

Среди публичных выступлений политиков, адресованных обществу, различают ритуальные и информативные жанры. В ритуальных жанрах информативность замещается фатикой и форма сообщения, отличающаяся незначимостью, подчиняет себе

вербальные составляющие текста [2, с. 87]. К ритуальным жанрам можно отнести инаугурационное обращение, юбилейные выступления, традиционные речи политиков, которые, прежде всего, ориентированы на выражение идеи интеграции, единения народа.

По мнению В. И. Карасика, ритуал представляет собой закрепленную традицией последовательность символически значимых действий. Он указывает на то, что коммуникативные события, которые рассматриваются как ритуальные, во многих случаях имеют циклический характер (новогоднее обращение президента, воинская присяга, посвящение в студенты и т. п.). При этом функции ритуала состоят в том, чтобы, во-первых, констатировать нечто, во-вторых, интегрировать и консолидировать участников события в единую группу, затем мобилизовать их на выполнение определенных действий или выработку определенного отношения к чему-либо и, наконец, закрепить коммуникативное действие в особой заданной форме, имеющей сверхценный характер. Констатирующая, интегрирующая и мобилизующая функции выделяют некое событие, но еще не делают его ритуально значимым. Фиксирующая функция превращает нечто в ритуал [3].

В последнее время победные речи будущего лидера страны стали выделяться как отдельный жанр политического дискурса. Победная речь обладает всеми критериями ритуальности: ей присуща событийность (торжественное событие — объявление результатов избирательной компании), локализованность во времени (выступление по радио/телевидению, а сейчас и через Интернет), закрепленная форма и перформативный характер. Однако необходимо не забывать, что в силу ритуализованного характера этого политического текста в нем доминирует форма [4]. Тогда как содержание (в общих чертах) известно потенциальному адресату, который воспринимает акт произнесения обращения как традицию, не особенно вникая в содержание.

Американскую избирательную кампанию часто рассматривают как череду последовательных ритуалов. Поэтому и избиратели-американцы, и СМИ оценивают кандидатов во многом по тому, насколько успешно они проходят через все эти ритуалы [5, с. 179]. И наконец, наступает последний из них, финальный — выступление побежденного и победителя в ночь выборов, после подсчета голосов. В этих выступлениях нет необходимости, в фокусе всеобщего внимания находится не содержание выступления победителя и побежденного, а его реакция на результаты выборов. Поэтому важно не столько то, что он скажет, а то, как это будет преподнесено публике [6, с. 178]. Речь с признанием поражения (*concession speech*) и речь-объявление о победе (*victory speech*) с точки зрения демократии представляют собой важный момент, когда участники закончившейся избирательной кампании «подтверждают результат и делают первый шаг для преодоления противостояния, возникшего в ходе избирательной кампании» [7].

Этот взаимный ритуал, характерный для американской политической системы, все больше берется на вооружение и в других странах, причем не только с широко развитой системой демократии (Эммануэль Макрон — Мари Ле Пен, 2017), но и в ряде развивающихся стран (Г. Джонатан, 16.04.2011). Поэтому представляется актуальной заявленная в работе тема: выявление конвенциональных тем в выступлениях политических лидеров в жанре «победная речь».

Объектом настоящего исследования являются выступления кандидатов на пост президента или лидера партии парламентского большинства в разных странах, победивших на выборах, с объявлением их победы (*victory speeches*). Предметом —

предметно-содержательные темы таких выступлений. Материалом исследования послужили речи кандидатов, выигравших президентские выборы, либо лидеров партий, набравших большинство в парламенте в период с 2010 по 2019 г.

К текстам выступлений применялся метод членения текста, извлечения повторяющихся тем и сравнительный анализ этих тем в разных текстах.

Продолжив анализ Рут Энн Уивер [8] и рассмотрев эволюцию жанра в США, в нашей предыдущей работе мы указали, что этот взаимный ритуал представляет собой интегрированную в дискурс сущность, выраженную двойным образом — онтологически и процедурно.

Общепринятые нормы объявления победы

Тип общепринятых норм	Способ выражения
Предметно-содержательные темы	<ol style="list-style-type: none"> 1) сообщение о победе; 2) упоминание контакта с проигравшим кандидатом; 3) положительная оценка противника; 4) выражение благодарности сторонникам; 5) призыв к единству; 6) важность демократии; 7) исключительная роль Америки (страны); 8) цели на будущий срок президентства; 9) достигнутые результаты (при переизбрании на второй срок); 10) Бог и молитва
Процедурные шаги	<ul style="list-style-type: none"> — кандидаты не делают заявлений, пока не закроются все избирательные участки; — проигравший кандидат первым связывается с победителем; — победитель публично заявляет о своей победе после публичного подтверждения проигрыша другим кандидатом

Мы уже ранее упоминали [9, с. 67], что первым процедурным шагом последнего «взаимного ритуала» считаем контакт проигравшего кандидата с победителем после завершения голосования на всех избирательных участках и предварительного подсчета голосов. Проигравший кандидат в частном порядке тем или иным способом (чаще всего по телефону) связывается с победителем и поздравляет его. И только тогда он делает следующий шаг — обращение через СМИ к избирателям с признанием поражения, за которым следует выступление победителя с заявлением о победе.

Мы считаем, что из-за глобализации, в том числе и политической сферы, а также сильного влияния США через СМИ выделенные выше процедурные шаги и предметно-содержательные темы получают распространение во всех регионах мира, приобретая универсальный характер. Для подтверждения этого тезиса нами были рассмотрены победные речи в основном по результатам президентской избирательной кампании за период с 2010 по 2019 г. в 23 странах на всех континентах (44 выступления) с экстраполяцией на них ранее полученных результатов. В качестве иллюстративных примеров мы будем приводить выступления 2017—2019 гг.

Что касается объема, то победная речь — довольно краткая, в среднем состоящая из 900—1200 слов (зависит от языка), но может быть и совсем короткой, например, 245 слов (В. Орбан, 08.04.2018) и даже 168 слов (В. Зеленский, 21.04.2019).

Естественно, что первой темой является заявление о победе, и она присутствует во всей рассмотренных выступлениях.

Следующая тема — упоминание контакта с проигравшим кандидатом — встречалась только в случае борьбы пары фаворитов (А. Фернандес, 27.10.2019) или второго тура с двумя кандидатами (Э. Макрон, 08.05.2017). В случае явного преимущества одного из кандидатов упоминания подобного контакта не было (В. Путин, 18.03.2018; В. Орбан, 08.04.18).

Положительная оценка проигравшего встречалась еще реже, вероятно, из-за сильной поляризации общества (Ж. Болсонаро, 29.10.2018; А. М. Лопес Обрадор, 02.07.2018), однако Э. Макрон сделал символический «поклон» в сторону своего конкурента («Сегодня вечером я хочу послать республиканский привет моему оппоненту, г-же Ле Пен»).

Значительную часть победной речи составляет выражение благодарности сторонникам. Так, выступление В. Зеленского состоит практически только из благодарности избирателям и некоторым отдельным категориям граждан. Во всех других выступлениях выражение благодарности варьировалось, но не было преобладающим.

Тема «призыв к единству» в той или иной степени присутствовала во всех выступлениях от неявного «Спасибо всем украинцам, которые сделали другой выбор. Спасибо всем украинцам, где бы вы сейчас ни находились» у В. Зеленского, до «Очень важно сохранить это единство <...>, очень важно привлечь на свою сторону и тех, кто мог голосовать и за других кандидатов» у В. Путина.

Тема «исключительность страны» не встречалась ни в одном выступлении. Скорее, у многих политиков подчеркивалась озабоченность судьбой страны, стремление улучшить её будущее:

«Но, конечно, мы будем сотрудничать во всем, где можем, потому что единственное, что нас заботит, — чтобы аргентинцы перестали страдать раз и навсегда. <...> Мы станем Аргентиной, которой мы достойны, потому что это неправда, что мы обречены на эту Аргентину» (А. Фернандес).

«Молитвы мужчин, женщин, детей, целых семей, которые, столкнувшись с угрозой следовать по пути, который не является тем, чего хотят и заслуживают бразильцы, поставили Бразилию, нашу любимую Бразилию, превыше всего» (Ж. Болсонаро).

«Мы не будем руководствоваться в ходе нашей работы какими-то текущими, конъюнктурными соображениями. Мы будем думать о будущем нашей великой Родины, о будущем наших детей, и, действуя так, мы, безусловно, обречены на успех» (В. Путин).

«Мы еще не там, где должны быть; наша страна, Венгрия, еще не там, где нам хотелось бы быть, но мы уже вступили на путь, который сами выбрали для себя» (В. Орбан).

Большинство победивших кандидатов не ставят в победной речи конкретных задач на будущее, видимо, считая, что в основном все было сказано в течение избирательной кампании. Исключением является выступление вновь избранного президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора, который подтвердил свою клятву

бороться с коррупцией. Все остальные победители говорили о целях своего будущего президентства более размыто, что является характерным для этой темы.

Тема «Бог и молитва» обязательно упоминается в американском жанре победной речи. А вот в выступлениях победителей в других странах есть варианты. От неоднократного упоминания бога Ж. Болсонаро, очень набожным человеком («*Я всегда чувствовал присутствие божье... Это клятва Богу... молитвы мужчин, женщин, детей...*»), до финального «*Soli Deo gloria!*» у В. Орбана. В случаях более светских обществ победитель провозглашает здравицу в честь своей страны: «*Да здравствует Республика! Да здравствует Франция!*» (Э. Макрон) или «*Россия! Россия!*» (В. Путин).

Проведенный анализ показал разную степень повторяемости и универсальности выделенных тем. Но публичный взаимный ритуал признания поражения и объявления победы стал обязательной частью избирательной кампании. Он знаменует (по крайней мере, официально) прекращение жесткой, а иногда и жестокой, борьбы кандидатов, согласие признать результаты выборов и призыв к единению.

Список использованной литературы

1. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. трудов. Волгоград, 1998. С. 185—197.
2. Безменова Л. Э., Эпштейн О. В. Политический потенциал речевых актов (на материале победных речей президентов США) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2. С. 85—96.
3. Карасик В. И. Ритуальный дискурс // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 21—43.
4. Бурлак Т. А. Особенности политического дискурса экс-президента Аргентины К. Фернандес де Киршнер // *New Language. New World. New Thinking* : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Дипломатическая академия МИД России. М., 2019. С. 357—361.
5. Афанасьева О. Н. Среда и ее конструирование в ритуализованных коммуникативных практиках // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 177—186.
6. Чантуридзе Ю. М. Победная речь будущего президента как жанр политического дискурса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 6(22). С. 177—186.
7. Corcoran P. E. Presidential concession speeches: The rhetoric of defeat, *Political Communication*, 11:2, 1994. P. 109—131.
8. Weaver R. A. Acknowledgment of victory and defeat: The reciprocal ritual. *Central States Speech Journal* 33(3). 1982. P. 480—489.
9. Коптелова И. Е. Риторика поражения: предметно-тематический и языковой анализ признания поражения в президентской избирательной кампании в США (1996—2016 гг.) // Политическая лингвистика. 2018. № 6(72). С. 65—71.

Наталья Александровна Боженкова,

доктор филологических наук, профессор,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, г. Москва, natalyach@mail.ru

Е Юй,

аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, г. Москва, sihaoniunaibei@yandex.ru

УДК 81-114

Концептуальная область ‘Растения’ как константа современной русскоязычной политической логосферы

*Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-012-00574.*

Аннотация. В фокусе авторов статьи анализ типичных способов языкового маркирования ядерной зоны концептуальной области ‘Растения’, отражающих как этнолингвокультурные особенности российской политической логосферы, так и новые модели коммуникативного взаимодействия идеологически «разнополюсных» партиципантов. Особое внимание отводится таксономии фитонимических единиц, являющихся в пространстве современного политического дискурса важнейшим средством передачи аксиологически релевантной информации.

Ключевые слова: политический дискурс, фитонимы, растение, концептуальная область.

Natalia Bozhenkova

Doctor of Sciences in Philology, Professor, Pushkin Russian Language State University,
Russia, Moscow, natalyach@mail.ru

Ye Yu

Postgraduate student, Pushkin Russian Language State Institute, Russia, Moscow,
sihaoniunaibei@yandex.ru

The Concept Field “Plants” as a Constant of Modern Russian Political Logosphere

*The research was sponsored by Russian Foundation for Basic Research,
project No. 18-012-00574.*

Abstract. This authors of this acticle focus on the analysis of typycal methods to mark the nuclear zone of the concept field “Plants”, which reflects enthnoлингual and cultural feautres of Russian political logosphere as well as news models of communicative interaction between ideologically polar participants. Particular attention is paid to the taxonomy of phytonymic units, which are the most important means of transmitting axiologically relevant information in the space of modern political discourse.

Key words: political discourse, phytonym, plant, concept field.

В современной российской антропоцентрической лингвистике под влиянием повышенного интереса к исследованию феномена концептосферы (Д. С. Лихачев) проблематика способов языковой экспликации значимых для человеческой бытийности

концептов приобрела новое звучание. Концепт, будучи единицей «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [1, с. 90], непременно «абстрагируется от нашего опыта, сознания и понимания окружающего мира» [2, с. 306—307] и оказывается базисным фактором познания универсума.

В аспекте лингвокультурологического вектора исследований концепт являет собой «сгусток культуры в сознании человека», «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» [3, с. 43], которые можно репрезентировать в языковых знаках. Соответственно, вся культура, базовой единицей которой является концепт, может и должна рассматриваться как совокупность концептов и отношений между ними. Вслед за Ю. С. Степановым принимаем, что совокупность концептов составляет *концептуальную область*, из которых, как из мозаичного полотна, складывается миропонимание носителей языка, при этом концептуальная область является «одним из важных принципов группировок слов и вещей в новых представлениях о культуре — наряду с группировками по принципам “полей”, “рядов”, “тематических групп” и т. д.» [4, с. 68].

В данной трактовке изучение вербальных знаков, маркирующих класс растений и являющихся экспликантами концептуальной области (КО) ‘Растения’ (конвергентно совмещающей множество единичных концептов, манифестирующих фрагменты живой природы), представляет особый интерес, поскольку фитонимическая лексика имеет специфическую лингвокогнитивную и лингвокультурную нагруженность: в данных лексемах закрепляются характерные для носителя языка ассоциативно-образные стереотипы/символы, отражающие специфику духовной жизни и мировидения народов, и фиксируется этнообусловленная система ценностей. Неслучайно М. В. Пименова утверждает, что «вегетативный код является одним из универсальных способов описания мира и его фрагментов» [5, с. 131].

Закрепление имени концепта, безусловно, происходит в определенном коммуникативном пространстве, которое в свою очередь существенно влияет на процессы категоризации и концептуализации. Более того, современные геополитические условия, характерной чертой которых являются интегративно-миграционные процессы, существенным образом меняют семиотико-семасиологическую организацию дискурсивных практик. Так, немалое воздействие на характер функционирования естественного (в широком значении) языка в современной лингвокультурной ситуации оказывает расширение информационного поля и закрепление Интернета в качестве основного коммуникационного канала. Глобальное виртуальное пространство не только демонстрирует новый тип вербальных взаимоотношений, характеризующийся расширением коннотативных элементов, но и определяет новый вектор трансформации устойчивых концептуальных систем.

В этой связи наиболее показательным оказывается политический дискурс, который в силу полифункциональности своей устроенности «покрывает» все сферы жизнедеятельности человека и, будучи включенным в этнокультурное поле любого социума, эксплицирует многоярусную систему идей, целей и интересов государства в целом: «Сегодня язык политики встраивается в бытийное и бытовое общение самых широких гражданских масс, во все сферы человеческого общения, активно формирует новые контекстуальные понятия, стереотипы оценок, нормы вербального поведения всех включённых в неё субъектов и коммуникативные традиции универсума в целом» [6, с. 281]. Иначе, политические интеракции (и политический дискурс в целом) яв-

ляются мощнейшим «рычагом» потенциального видоизменения структуры любой КО, в том числе и такой стабильной, как концептуальная область 'Растения' (КОР).

В сложной структуре КО, как и в структуре концепта, можно выделить ядро и периферию. Ядро национальной КОР, с нашей точки зрения, формируется из сравнительно ограниченного набора базовых концептов и констант, в числе которых 'растение', 'деревья', 'кустарники', 'цветы', 'трава' и др.; к периферии исследуемой КОР отнесены 'ягоды', 'злаки', 'бобы', 'овощи', 'фрукты', 'семейства растений', а также пословицы, поговорки, ФЕ, отражающие ее (КОР) специфику в языковой картине мира.

Иерархически КОР организуется разнообразными концептуально-тематическими группами (КТГ), представляющими собой объединения лексем логического порядка, которые обозначают определённую предметную сферу. Отметим, что члены КТГ могут не иметь общих семантических признаков, так как их выделение основано на системности окружающей действительности, т. е. на совокупности экстралингвистических факторов: члены КТГ объединяются «на основании общности обозначаемых ими реалий по сходству, назначению, устройству, функции и т. д.» [7, с. 120]. Нередко классы слов «объединяются одной и той же типовой ситуацией, не имея общей семы» [8, с. 110]; они могут быть также связаны как 'целое и часть', соответственно, в КТГ отмечаются родовидовые связи денотатов. При этом иерархическая структура КТГ и место лексической единицы в ней обуславливаются частотностью составляющих её компонентов: высокочастотные лексические единицы располагаются в ядре, а менее частотные — на периферии [9]. КТГ в свою очередь может члениться на тематические подгруппы (ТПГ), в каждой из которых объединяются номинации с общими дифференциальными семами данного подмножества; дальнейшее членение ТПГ обуславливает вычленение тематических рядов (ТР), куда включаются номинации с общей дополнительной (частной) семой. Соответственно, специфика семасиологического наполнения КОР, имеющей многослойную организацию, может быть выявлена через анализ языковых средств её репрезентации. Среди разнообразных составляющих (компонентов, признаков, слоёв, уровней) КОР в большей степени нас интересуют понятийные, ассоциативные и оценочные составляющие, которые располагаются в ядерной зоне КОР.

Изучение скриптов выступлений известных политических деятелей РФ — С. В. Лаврова и М. В. Захаровой, представленных на официальном сайте МИД России в 2017—2019 гг., и их комментариев/ответов на вопросы, размещенных на личных страницах в социальных сетях (общий объем материала составил 1368 текстовых единиц), позволило выявить лексические единицы, вербализующие компоненты КОР, которые были разделены на концептуально-тематические группы (КТГ), в дальнейшем включающие в себя подгруппы (ТПГ) и тематические ряды (ТР) лексем-репрезентантов КОР:

- 'наименования растений'
- 'части растения'
- 'жизненные циклы растений'
- 'действия над растениями'
- 'воздействие или эффект растений'
- 'места и условия произрастания растений'
- 'изделия из растений'
- 'характеристика растения'

- ‘отрасль и профессия, связанные с растениями’
- ‘другие, связанные с растениями, лексемы’

Наиболее многочисленной является КТГ ‘наименования растений’, куда входят собственно имена растений и прилагательные, образованные от них, например: *лес* — *лесной*, *оливка* — *оливковый*, *гречка* — *гречневый*. Данная КТГ, в свою очередь, членится на следующие ТПП:

- ТПП ‘общие наименования’: *дерево*, *трава*, *овощи*, *фрукт*, *цвет*, *лес*, *ягода*, *гриб*, *тина* и др.;
- ТПП ‘собственно фитонимы’: *мак*, *клубника*, *марихуана*, *олива*, *гриб*, *огурец*, *хрен*, *ёлка* и др.

См.: *тина* — «Нам говорят, что они видят, что эти атаки идут со стороны Российской Федерации. Мы просим дать данные, нам отвечают, что, конечно, дадут. Но, как только наступает момент контакта, тут же **уходят в глубокую «тину»**» (М. В. Захарова, https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3266659#152, 20.06.2018);

олива, *огурец* — «Вопрос: Вы говорили с Дж. Болтоном полтора часа. Он не привёз нам **никаких оливок**. **Оливковых ветвей** орлана нам не досталось. С. В. Лавров: Мы вообще предпочитаем **солёные огурцы**, а не **оливки**» (С. В. Лавров, https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1VhB2bUjd3/content/id/3384450, 28.10.2018).

Количество лексем обозначенной КТГ составляет 20% от общего числа языковых единиц КОР, однако по частотности словоупотребления эта группа занимает четвёртое место в обратном порядке — 6% (большинство лексем — 95% — были отмечены менее пяти раз, значительная часть из которых встретилась только один раз). К высокочастотным лексемам относятся *цвет*, *мак* и *дерево* (частота словоупотребления лексемы *цвет* составляет 30% в данной группе, лексемы *мак* и *дерево* появились не более десяти раз).

Второй по многочисленности является КТГ ‘действия над растениями’. К данной группе отнесены лексемы, описывающие различную деятельность человека (полезную/вредную), осуществляемую в процессе развития растений или необходимую для их выживания, например: *нарастить/наращивать*, *засеять/засеивать*, *укоренить/укоренять*, *окучить/окучивать*, *удобрить/удобрять/удобрение*, *обрубить/обрубать* и др. Сюда же отнесены действия над продуктами из растений (например, *курить/закуривать*, *дегустировать*, *лупить/облупить* и др.) и инструменты для работы человека с растениями. Отметим, что группа морфологически представлена разнообразными формами глаголов (СВ/НСВ, страдательный залог и др.) и отглагольных единиц (причастия, деепричастия, отглагольные существительные и т. д.). КТГ ‘действия над растениями’ включает в себя ряд подгрупп и более мелких тематических рядов:

- ТПП ‘полезные действия над растениями’:
  - ✓ ТР ‘посадка растений’: *наращивание*, *сеять*, *укоренить*, *привить*, *насаждать*, *выращивать* и др.;
  - ✓ ТР ‘разные виды ухода за растениями’: *искоренить*, *подпитывать*, *окучивать*, *культивироваться*, *удобрение* и др.
- ТПП ‘вредоносные действия для естественного выращивания растений’:
  - ✓ ТР ‘сбор плодов или повреждение частей растений’: *сорвать/срывать*, *пожинать*, *набирать*, *оторвать* и др.;

✓ ТР 'разрушительное действие, вызывающее смерть растений': *выкорчевать, изжить, растоптать, выковать* и др.

– ТПП 'другие действия над растениями или продуктами из растений': *высасывать, расколоть, лупить, курить* и др.

См.: **подпитывать** — «К застарелым конфликтам, прежде всего арабо-израильскому, добавляются другие кризисные ситуации — в Сирии, Ливии, Йемене, Ираке, которые **подпитывают друг друга** и создают опасность перетекания нестабильности в соседние страны» (М. В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3246900, 01.06.2018);

пожинать — «**Плоды** иракской войны, одной из самых кровавых и изнурительных как для региона, так и для стран-интервентов, решивших «навести там порядок», мы **пожинаем до сих пор**» (М. В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3166721, 12.04.2018);

высасывать — «Чем скорее временщики, незаконно захватившие в Киеве власть и пытающиеся сейчас держаться за неё и **высасывать последние «соки»** из украинского народа, будут разоблачены самим украинским народом, тем, наверное, будет полезнее для украинцев и для наших отношений» (С. В. Лавров, https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3308052, 30.07.2018).

Различие между КТГ 'действие над растениями' и 'наименования растений' в количественном показателе лексем совсем небольшое — чуть более 1%, однако частотность словоупотребления существенно выше и составляет 15% от общего числа лексем КОР: отмечено более трёхсот позиций включения в текст, при этом лишь 16% единиц (например, *подпитка, нарастить/наращивать, подпитывать, набирающий/набравший, насаждать/насадить, раскалывать/расколоть, сеять/посеять, оторвать/отрывать*) входят в диапазон «более 5, но менее 20» раз использования, а 72% лексем встретились менее пяти раз. Самыми распространёнными лексическими единицами являются *наращивание, сорвать/срывать, искоренение*: частота словоупотребления лексемы *наращивание* составляет 41%, всех трёх лексем — более 57%.

Третье место по количеству входящих в состав языковых единиц, эксплицирующих КОР, занимает КТГ 'изделия из растений'. Данная КТГ объединяет семантически разнообразные лексемы, которые имеют общие характеристики — обозначают вещи или продукты, сделанные или состоящие из растений. В их числе как полезные (*оладьи, каша, чай* и др.), так и вредные (*героин, опиум, наркотики* др.) для здоровья продукты; вещи/вещества, сделанные из растений (*венки, букеты, смола* и др.); и даже предметы, основным компонентом которых является растение (*пейзаж, орнамент, ландшафт* и др.). В данной КТГ можно выделить следующие подгруппы:

– ТПП 'съедобные': сок, варенье, чай, каша, хлеб, овсянка и др.

– ТПП 'несъедобные': букет, венок, дрова, дёготь, дубина, смола и др.

См.: **каша** — «...поэтому я очень надеюсь, что все наши партнёры, в том числе и прежде всего те, которые **эту кашу заварили**, которые решили избранников народа наказать за свободу волеизъявления жителей Крыма, что они осознали серьёзность положения и ту ответственность, которую они на себя берут» (С. В. Лавров, https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3374833, 16.10.2018);

дубина — «Не Москва, а Вашингтон выкручивает руки своим клиентам и грозит санкциями компаниям, реализующим оптимальные варианты поставок газа потребителям. Что как не политическое давление эти санкционные режимы и «дубина», которыми так часто теперь пользуются в Вашингтоне» (М. В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3451919, 19.12.2018).

Количество лексемы данной группы составляет более 14% от общего числа единиц КОР, тогда как частотность употребления слов данной группы всего лишь 8%. Более распространёнными лексическими единицами являются *наркотик*, *венок*, *блюдо*, *клин*, *чай*, *букет*, *пейзаж* (около 60% в данной группе; самой высокочастотной из них является лексема *наркотик*: ее частотность превышает одну четвертую часть словоупотребления данной группы).

Четвёртое место по количественному показателю занимает КТГ '**характеристика растения**', в которую входят лексемы, отражающие различный характер произрастания растений (*тепличный*, *садовый* и др.), качественное состояние растений (*свежий*, *зелёный*, *ухоженный* и др.), типичные свойства, обусловленные биологической сущностью растений (*естественный*, *жизнеспособность*, *природа*, *пищевой* и др.), а также оценочные характеристики человека (*питательный*, *красотища* и др.), что позволяет выделить ряд ТПГ:

– ТПГ 'характер произрастания': *гибридный*, *ползучий*, *разветвлённый*, *садовый*, *осенний* и др.

– ТПГ 'состояние растений': *закоренелый*, *буйный*, *бесплодность*, *жизнеспособный*, *ухоженный*, *зелёный* и др.

– ТПГ 'оценка человеком растения': *питательный*, *вредный*, *красотища*, *живописный*, *яркий* и др.

– ТПГ 'свойства, связанные с растениями': *биологический*, *естественный*, *жизнедеятельность*, *жизнеспособность*, *природный*, *растительный* и др.

См.: **гибридный** — «Кроме того, в ноябре глава МИД Чехии заявил, что надо усиливать информационное противодействие России. Не является ли это давление частью «гибридной войны» со стороны чехов против нас?» (М. В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3440823, 13.12.2018);

буйный — «Тот режим, который сейчас расцвёл **буйным цветом**, — это рукотворное явление и тот результат, который получили Украина и мир после экспериментов над государственным устройством и демократией...» (М. В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3424753, 30.11.2018);

питательный — «Мы от всей души рекомендуем британским коллегам быть более самокритичными, в частности, обратить, наконец, внимание на необходимость эффективного противодействия набирающему силу на Украине и на пространстве ЕС неонацизму, укрепляющемуся на **питательной почве** расизма, расовой дискриминации, ксенофобии, нетерпимости к мигрантам, инакомыслию, исламофобии, ущемления прав национальных и этнических меньшинств» (М. В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreignpolicy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3299553, 18.07.2018).

Наиболее распространёнными лексическими единицами в названной КТГ (количественная характеристика от общего числа единиц, репрезентирующих КОР, — 13%; частотность словоупотреблений — 15%) являются *свежий*, *гибридный*, *жизне-*

деятельность, природный, жизнеспособный, биологический, яркий, живой, естественный и др., при этом частотность последних четырех лексем составляет в данной группе более 45%. Отметим и явно вычленимую специфичность ТПП 'свойства, связанные с растениями': она превалирует не только по активности использования единиц (63,8% от общего числа лексем КТГ), но и по количеству входящих в нее членов.

КТГ 'жизненные циклы растений' оказывается последней из пяти многочленных концептуально-тематических групп, семасиологически объединенной последовательной этапностью жизненного цикла развития растений:

– ТПП 'зародышевый период': *зародиться/зарождать(ся), зародившийся, прорасти/прорасти, (у)коренить(ся)/укоренять(ся), укоренившийся* и др.

– ТПП 'вегетативный, или период молодости': *рост, расти, нарасти/нарастать, растущий, возрастающий, нарастающий, подрастающий, обрасти/обрастать, возрасти/возрастать, врасти/врастать, вырастать/вырасти* и др.

– ТПП 'генеративный период, или период зрелости': *процветать, процветание, процветающий, зреть, назреть/назревать, назревший, назревающий, вызреть/вызревать, вызревший, созреть/созревать, плодить(ся)/расплодить(ся)* и др.

См.: **врасти** — «О нем было заявлено после завершения ликвидации террористического «интернационала», который практически пытался **врасти корнями** в сирийскую землю» (С. В. Лавров, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3338704, 07.09.2018);

процветать — «Хотелось бы напомнить г-ну Мэттису, что если бы не российская поддержка, Сирии как государства-члена ООН давно бы уже не было, а на её месте **процветал** бы террористический халифат» (М. В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3394727, 1.11.2018);

плодить — «Более того, действия натовских стран в Ираке, Ливии, сейчас в Сирии и в других странах региона только **плодят экстремизм**, сеют хаос и создают питательную почву для появления все новых террористов» (С. В. Лавров, https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3090323, 22.02.2018).

Количество членов данной КТГ составляет лишь 12% общего числа, однако она занимает первое место по частотности словоупотребления — 20%. Самыми активными членами КТГ являются лексемы *расти, нарасти, вырасти, возрастать, назреть, процветать, процветание, рост* и их разнообразные виды/формы; словоупотребление этих лексем составляет более 86% данной группы, особенно частотной является лексема *рост* — 32%. Большинство языковых знаков входят в ТПП 'вегетативный, или период молодости' и 'генеративный период, или период зрелости' (80%); количество членов у них соотносимо, однако наблюдается существенная разница по частоте употребления слова: первая (из вышеперечисленных) — 80%, вторая — всего 17%. Отметим, что для корректности научного описания в данной КТГ (несмотря на «неодинаковость» продолжительности периодов развития различных растений) должны быть вычленены все этапы жизненного цикла растений, однако в собранных нами материалах не было представлено ни одной лексемы, маркирующей последний этап — 'заключительный период жизни, или период старости'.

КТГ 'места и условия произрастания растений', 'части растения', 'другие, связанные с растениями лексемы', 'воздействие или эффект растений', 'отрасль или профессия, связанные с растениями', представленные в первоначальной таксономии,

эксплицируют, как показывают материалы исследования, периферическую область КОР: каждая из них занимает до 10% общего числа языковых единиц, иерархическая организация данных КТГ (включенность ТПГ и ТР) также оказывается менее явной.

Проведенный анализ и последующая таксономизация системы языковых средств, репрезентирующих КОР в политическом дискурсе, дают основания утверждать, что частотность и заполненность лексическими единицами входящих в КОР КТГ (и далее ТПГ и ТР) являются неодинаковыми, при этом оценка «важности» и лингвокультурной ценности той или иной КТГ (или отдельной лексемы) должна учитывать одновременно 2 показателя: как общее (абсолютное) количество языковых знаков, входящих в определенную КТГ, так и общее (относительное) количество словоупотреблений. Соответственно, лексемы всех КТГ, имеющие показатель включения в текст более 5, на основании частотности словоупотребления могут быть разделены по семи уровням (чем ниже частотность языкового знака, тем выше «нестабильность» лексемы в семантическом поле и, как следствие, отдаленность от ядерной области).

Таким образом, КТГ 'наименования растений', 'жизненные циклы растений', 'действия над растениями', 'изделия из растений' и 'характеристика растения' являются не только самыми многочисленными, но и самыми частотными по словоупотреблению: если абсолютный показатель общего числа языковых единиц данных пяти групп составляет 78% от общего числа, то относительный показатель оказывается более 83%. Учитывая, однако, что сама отнесенность КОР к живому миру обуславливает, как и в природе, постоянную изменчивость вербального содержания концептуальной области, её (КОР) структурная схема остаётся открытой, что является основанием для дальнейшего анализа и систематизации материала.

Список использованной литературы

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
2. Michael W. Eysenck, Mark T. Keane Cognitive Psychology: A Student's Handbook. Fourth Edition. Psychology Press, 2000. 690 p.
3. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Акад. проект, 2004. 992 с.
4. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Акад. проект, 2004. 992 с.
5. Пименова М. В. Концептосфера внутреннего мира человека // Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. Кемерово, 2004. С. 28—42.
6. Боженкова Н. А., Боженкова Р. К., Боженкова А. М. Современный политический дискурс: вербальная экзemplификация тактико-стратегических предпочтений // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15, № 3. С. 255—284.
7. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта, 2010. 288 с.
8. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105—133.
9. Попова Э. Д., Стернин И. А. Полевые структуры в системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 196 с.

Павел Николаевич Макаров,

бакалавр международных отношений, Марийский государственный университет,
Россия, г. Йошкар-Ола, pashathewizard@gmail.com

УДК 32. 019. 5

Роль СМИ в украинском конфликте

Аннотация. В нынешних условиях информационной борьбы СМИ являются полноценным фактором в развитии отношений между государствами, что хорошо заметно на примере стран, рассматриваемых в статье. СМИ создают особое пространство общественно-политических отношений, через различные каналы коммуникаций они влияют на образование различных точек зрения общества и становятся полноценным фактором в формировании международных отношений. СМИ активно освещали каждый этап отношений между Украиной и Российской Федерацией. Происходило установление отношений между двумя странами, под воздействием СМИ складывалось представление о деятельности государств на международной арене.

Ключевые слова: украинский конфликт, СМИ, Россия, Украина, информационная борьба, общественное мнение, международные отношения.

Makarov Pavel Nikolaevich

Bachelor of International Relations, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola,
pashathewizard@gmail.com

The role of the media in the Ukrainian conflict

Abstract. In the current context of the information struggle, the media are a full-fledged factor in the development of relations between states, which is clearly visible on the example of the countries considered in the article. The media create a special space for socio-political relations, through various channels of communication they influence the formation of various points of view of society and become a full-fledged factor in the formation of international relations. The media actively covered every stage of relations between Ukraine and the Russian Federation. The establishment of relations between the two countries took place, under the influence of the media, an idea was formed about the activities of states in the international arena.

Keywords: Ukrainian conflict, mass media, Russia, Ukraine, information struggle, public opinion, relations.

В 2014 г. острота российско-украинских отношений достигла апогея, приобретая форму вооруженного противостояния, хотя Россия не считает себя стороной конфликта. Локальный вооруженный конфликт, вспыхнувший посреди Европы, не мог не спровоцировать ухудшение международных отношений. Кровавые события на Майдане, разделившие украинцев на два борющихся лагеря, свержение В. Януковича и приход к власти команды П. Порошенко побудили Правительство Российской Федерации принять участие в конфликте с миротворческой миссией. После провозглашения Донецком и Луганском своей независимости и присоединения Крыма и Севастополя к Российской Федерации взаимоотношения между Россией и ведущими западными державами, сделавшими вывод о том, что в условиях украинского политического кризиса российские власти преследуют свои исключительно корыстные интересы, окончательно ухудшились.

Информационная война, развернувшаяся в общемировом медиaprостранстве, создавала в сознании россиян иллюзию приближения вооруженного конфликта, когда под угрозой оказалась целостность границ. Результаты исследования Киевского международного института социологии в 2017 г. показали, что общество больше всего опасается международной напряженности, конфликтов между странами и военных действий (23%). При этом только 21% респондентов были уверены, что такое случится, и 25% опрошенных предполагали, что это, скорее всего, произойдет.

Более двух лет эта тема сохраняла за собой первое место в информационной повестке дня в России и на Украине. Однако в 2016 г. вследствие относительной стабилизации обстановки на Украине в информационных программах федеральных телеканалов в семь раз сократилось количество эфирного времени, посвященного этому вопросу. Уровень панических социальных настроений в отношении российско-украинского кризиса также снизился в три раза (в 2014 г. данной проблемой были обеспокоены 69% респондентов, в 2016 г. — 21%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что падение медиаинтереса приводило к снижению алармистских социальных настроений по отношению к российско-украинскому кризису и постепенной выработке у населения двух государств социального иммунитета к данному явлению.

Понимание российским населением происходящего на Украине и в Крыму сильно зависит от информационных источников. В Москве на каждого жителя приходится 15—17 информационных ресурсов. Подобное разнообразие несколько снижает внушаемость и смягчает агрессивность каждого конкретного канала. В небольших населенных пунктах данный показатель равен примерно 2—3 источникам. Охват аудитории ими составляет 90% населения, в то время как Интернет для получения новостей используют всего 20% россиян. Таким образом, представления людей о текущей ситуации в значительной степени сформированы телевизионным контентом.

Информационно-политические программы демонстрируют виртуозное владение технологическими приемами для конструирования собственной реальности, создающей у зрителей впечатление, что они «в курсе дел». Но технологический профессионализм не может восполнить недостаток концептуального, риторического и эстетического содержания. В результате очевидно снижение качества телевизионного продукта, упрощается образ аудитории. Напрашивается вывод: «От телезрителей требуется лишь следить за информационным потоком, но понимать его им вовсе необязательно, а может быть, и нежелательно» [1].

Еще в начале марта 2014 г. директор Программы украинистики в Кембриджском университете Рори Финнин назвал миф о разделенной Украине самой опасной идеей Европы. В своей статье доктор Финнин обвинил журналистов в распространении данного мифа, в итоге сыгравшего (и продолжающего играть) роковую роль для Украины: «Возьмите любое медиасообщение об Украине за последние 20 лет, и вы, скорее всего, найдете примерно такое описание страны: Украина, размером приблизительно с Францию, разделена на проевропейский запад и пророссийский восток» [2], — писал он два года назад.

Дальше была война, и в западных медиа появился термин «пророссийские повстанцы». Многие тогда удивлялись — как можно через несколько месяцев после смертей на Майдане ставить в один ряд протестующих и вооруженных наемников, террористов? Почему в западных СМИ не разграничили повстанцев и вооруженных боевиков? Но почва для того, чтобы уравнивать всех повстанцев, готовилась два десятилетия: Украина, тяжелое биполярное расстройство, протест запада, теперь протест востока.

Не стоит расценивать эту ситуацию как заговор СМИ. Медиа — это бизнес, и часто коррумпированный. Но в основном подобные недоразумения рождаются из стремления СМИ к упрощению, лишь бы донести до аудитории ключевые сообщения.

Параллельно европейскому кризису, связанному с наплывом беженцев, на Украине развивался собственный сценарий преодоления нетерпимости к людям, попавшим в беду. Жертвы Майдана, Крым, вооруженный конфликт и тысячи смертей на войне не могли не запустить процесс поиска виновных среди своих. Идея об украинцах на востоке, которые «сами виноваты», а значит, заслуживают жизни под обстрелами или смерти, стала популярна не только в повседневных разговорах, но и в СМИ.

Местные СМИ рьяно укрепляли (и до сих пор укрепляют) упомянутый миф о разделенной Украине. Ситуация с вынужденными переселенцами с востока демонстрирует то, как легко разделять украинцев на «мы» и «они». Разница в том, что до 2014 г. западные СМИ проводили линию разделения по Днепру, а украинские СМИ разделяют украинцев по динамичной линии фронта. В Краматорске еще «мы», а уж дальше — «они».

Украинские СМИ охотно перепечатывали городские легенды по классической ксенофобской схеме — чужаки несут в наш дом зло. Так, 6 октября 2014 г. «Украинская Правда» (Киев) со ссылкой на слова киевской милиции без адекватных статистических данных, только лишь с цитатами случайных прохожих, напечатала материал под заголовком «Из-за беженцев количество грабежей в Киеве выросло на 20%» [3]. Почему общее обнищание не может стать причиной роста преступности? Как СМИ может цитировать силы самообороны, которые говорят, что 90% преступлений совершают переселенцы с востока? Где же фактчекинг?

Подобные манипулятивные заголовки нельзя списать на случайные просчеты редакций. Они демонстрируют общую идею нетерпимости, которую медиа несут своей аудитории: «исследования», на которые ссылаются СМИ, это, по сути, не исследования, а скорее опросы случайных прохожих. Причем в заголовок выносятся самое манипулятивное суждение.

Однако в последнее время украинские СМИ смогли уменьшить поток негатива, направленного на внутренних переселенцев, и приобщиться к построению диалога и разрушению стереотипов в отношении людей, которые бегут от войны. По иронии, несколькими месяцами ранее те же СМИ присоединились к укреплению этих стереотипов, упрочив их фундамент настолько, что разрушать его теперь весьма сложно [4]. Но даже учитывая то, что динамика тональности СМИ положительна, медиа продолжают манипулировать заголовками.

Научные исследования последних десятилетий свидетельствуют о том, что медиа — это давно уже не об информировании, а о трансляции и формировании системы ценностей. Поэтому общественная дискуссия о роли СМИ в подобных конфликтах сегодня чрезвычайно важна. Речь идет о том, чтобы избегать ярлыков при формировании того или иного образа и изменить модели влияния СМИ на общественное мнение.

Список использованной литературы

1. Карташова О. Интернет-СМИ — особенности и преимущества. URL: <http://nauka.relis.ru/16/0001/16001048.html>

2. Финнин Р. Украинцы: ожидаемо-неожиданная нация. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/996-rory-fynyn-ukrayntsy-ozhydaemo-neozhydannai-a-natsyia>

3. Кузнецова Е. СМИ раздора: какую роль украинские медиа сыграли в судьбе переселенцев из Донбасса // VoxUkraine, 2016. URL: <https://voxukraine.org/ru/smi-razdora-kakuyu-rol-ru/>

4. Волкова Е., Соколовская Н. Украинский конфликт в СМИ: как журналистам услышать друг друга // DeutscheWelle, 2014. URL: <https://www.dw.com/ru/>

Елена Николаевна Чернышева,

кандидат философских наук, доцент,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, г. Москва, chernel0602@gmail.com

УДК 81-13

Легитимные и нелегитимные политические дискурсивные практики как источники коммуникативных рисков

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных/нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

Аннотация. Легитимные и нелегитимные политические дискурсивные практики являются сегодня объектами многочисленных междисциплинарных исследований. В данной статье политические дискурсивные практики анализируются как источники коммуникативных рисков в современном обществе рисков. Описываются основные причины порождения коммуникативных рисков в процессе политического коммуникативного взаимодействия. Рассматриваются проблемы управления и минимизации коммуникативных рисков в политической сфере, а также пути их решения.

Ключевые слова: общество риска, риск, коммуникативный риск, политические дискурсивные практики, легитимные политические дискурсивные практики, нелегитимные политические дискурсивные практики, политический миф.

Elena Chernysheva

Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor,
Pushkin State Russian Language Institute,
Russia, Moscow, chernel0602@gmail.com

Legitimate and illegitimate political discursive practices as sources of communicative risks

Abstract. Legitimate and illegitimate political discursive practices are today the objects of numerous interdisciplinary research. In this article, political discursive practices are analyzed as sources of communicative risks in a modern risk society. The main causes of communicative risks in the process of political communicative interaction are described. The problems of managing and minimizing communication risks in the political sphere, as well as ways to solve them are considered.

Keywords: social risk, communicative risk, political discursive practices, legitimate political discursive practices, illegitimate political discursive practices, political myth.

Изучение коммуникативных рисков имеет особое значение в современном обществе, так как позволяет не только своевременно предсказать их и управлять ими, но и выработать механизмы их профилактики, что, несомненно, актуально для глобального общества, понимаемого как общество риска.

Определение *общества риска*, на которое мы будем опираться в рамках данного исследования, дано в статье Г. С. Девниной: «Порожденное и поддерживаемое в данном обществе социальное поле неопределенностей, которое можно представить как многомерное пространство риска, предполагает не только постоянное совершение всеми членами общества выбора, но и трансформацию практически всех социальных явлений и процессов, даже самых традиционных, таких как религия» [1, с. 36]. Автор статьи, ссылаясь на выдающегося современного исследователя глобализации и одного из создателей теории общества риска У. Бека, перечисляет основные проблемы, связанные постоянным возникновением рисков в современном глобализирующемся обществе: возможно ли минимизировать риски? можно ли ими управлять? если да, то возможно ли сделать это через рационализацию социальных практик? Не менее интересной, с нашей точки зрения, и крайне сложной в изучении проблем общества риска является проблема восприятия рисков представителями различных национальных культур. Это, безусловно, определяет особенности дискурсивных практик на разных языках, а также должно быть учтено при формировании глобальных правил дискурса вообще и политического дискурса в частности.

Если же взять за отправную точку тот факт, что сегодня большинство социальных рисков имеют глобальный характер, то какие глобальные ценностные установки должны вырабатываться в формирующейся глобальной культуре для их управления и профилактики? Классики теории общества риска считают, что как любое действие, так и любое решение, в том числе и решение об отказе от принятия решения, могут привести к возникновению риска. Этот парадокс Н. Луман выразил следующим образом: «Свободного от риска поведения не существует» [2]. Представляется, что это должно стать аксиомой любого социального действия в глобальном обществе. Второе же положение, касающееся способов преодоления и управления рисками, оказывается в центре ожесточенной дискуссии. Понятно, что управление рисками само по себе повлечет риски, но должно ли это управление полностью быть рациональным, строиться только на рациональных процедурах и научно обоснованных данных при условии, что развитие научного знания также порождает риски, или возможно применение иных инструментов?

Риск возникает там и тогда, когда у нас нет уверенности в том, что мы знаем, чем все закончится, к какому результату приведут наши действия, когда мы понимаем, что вероятность неудачного исхода событий достаточно велика, что невозможно учесть все случайности, которые могут кардинально изменить ситуацию. При этом риски всегда существуют в форме знаний. Это наше *знание о незнании*, которое может быть выражено только в языковой форме. Социально-гуманитарное знание по большей части описывается средствами естественного языка, что, в свою очередь, приводит к множественным интерпретациям, имеющим своим следствием рост рисков недопонимания. А если еще учесть, что большинство наших научных представлений о мире сегодня базируется на статистических закономерностях, то следует признать, что любое социальное действие в той или иной степени рискованно, в том числе и любой коммуникативный акт, имеющий своей целью договор или консенсус, например, относительно принципов преодоления рисков. Таким образом, сфера коммуника-

тивного взаимодействия, любые дискурсивные практики оказываются «царством» коммуникативных рисков.

В данном исследовании коммуникативный риск понимается как действие, приводящее к коммуникативной неудаче или провоцирующее конфликт. Коммуникативный риск может возникать, во-первых, при условии общего и искреннего стремления всех акторов согласовать свои позиции и найти взаимопонимание, во-вторых, при условии осознанного манипулирования как со стороны одного, так и со стороны другого участника коммуникативного взаимодействия. Можно утверждать, что в первом случае одной из главных причин возникновения коммуникативных рисков является ненамеренное искажение получаемой или передаваемой информации в ходе коммуникативного взаимодействия. Коммуникативное взаимодействие, организованное как институциональная дискурсивная практика, есть социально обусловленный процесс распространения отдельных видов специализированного знания и способов его воспроизводства. И если в ходе этого процесса происходит, например, сознательное искажение передаваемого знания с элементами манипулирования, то формируется основа для возникновения коммуникативного риска. В случае наличия намеренного искажения или сокрытия информации можно говорить об интенции на предоставление конкурентных информационных преимуществ одной из сторон социального взаимодействия, обмане или провоцировании конфликта. Это касается и политических дискурсивных практик. С нашей точки зрения, именно осознанное манипулирование делает сферу политических взаимодействий особенно рискованной. Ярким примером здесь могут послужить некоторые политические интерпретации новых научных открытий. В ходе политического обсуждения полученной научной информации «создается институт, где эксперты определяют уровень опасности того или иного риска и его социально-приемлемое значение. Такие эксперты обретают статус “элиты” в обществе. Возникает расслоение общества на экспертов и остальных людей» [3, с. 21]. Это приводит к тому, что: 1) в обществе формируется социальная группа, обладающая исключительным правом на истину и оценки; 2) люди перестают вообще доверять любой научной информации, получаемой в ходе политической коммуникации, растет недоверие к политическим институтам; 3) создаются благоприятные условия для замены научных знаний на мифы. В итоге вышеперечисленные факторы резко повышают количество коммуникативных рисков, общество оказывается в состоянии постоянного напряжения и нестабильности.

В политическом дискурсе как разновидности институционального дискурса акторы, представляющие собой компоненты как легитимных, так и нелегитимных политических структур, непременно стремятся обеспечить себе политическое доминирование или преимущество посредством контроля над сознанием массовой аудитории любыми доступными способами. Природа политического дискурса, ориентированная на достижение власти и общественного контроля, не может не создавать практики манипуляции политическим сознанием масс. Соответственно, именно политические дискурсивные практики разных видов являются сегодня одним из существенных источников коммуникативных рисков современного общества.

Массовое сознание, пытаясь справиться с информационными объемами, создает социальные мифы как инструменты, которые позволяют хотя бы сделать вид, что мы в состоянии работать с рисками, как-то их осмысливать, переживать и мириться с их существованием. Авторами политических мифов сегодня могут являться не только политики, журналисты новых СМИ, блогеры, но и любые люди как активные акторы социальных сетей. Стоит отметить, что политический миф одновременно выполня-

ет и положительную, и отрицательную функции. Он, как и любой другой социальный миф, с одной стороны, упрощает, а следовательно, искажает политическую действительность с целью ее иррационального объяснения как способа снижения риска (хотя можно ли признать иррациональное объяснение эффективным в этом плане?). С другой стороны, политический миф, создавая искаженный прогноз будущего, способствует формированию в обществе новых страхов, а следовательно, производит новые риски. В качестве примера можно привести очередной миф, старательно распространяемый и российскими политиками, и некоторыми российскими учеными, что для обретения светлого будущего и решения накопившихся проблем общество должно вернуться к традиционным ценностям [4, с. 80] вместо того, чтобы разрабатывать адекватные сегодняшнему положению дел нормы и ценности. «Общество риска возникает при разрушении традиционных форм социального порядка, при изменении социальной структуры. Вследствие этих изменений появляется явление “неопределенности и незащищенности” у индивидов. На индивидуально-личностном уровне появляется желание рисковать и присутствует чувство неуверенности» [3, с. 19—20]. Традиционные ценности были адекватными регуляторами социального взаимодействия в традиционном обществе. И каким бы привлекательным ни было их содержание, как бы мы ни старались их закрепить с помощью различных законодательных инициатив, так называемые традиционные ценности рано или поздно должны будут уступить место новой системе жизненных ориентиров.

Таким образом, политические мифы есть и следствие, и новая причина социальных рисков в обществе риска. Политические мифы, имея сегодня исключительно рукотворный, искусственный характер, благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям мгновенно распространяются и по всей планете. Они быстро сменяют друг друга, используются как эффективные механизмы внедрения в массовое сознание новых ценностных установок, управления массовым сознанием в глобальных масштабах. Однако мифы, как и риски, — это неизбежное следствие нашего незнания. Можно ли управлять незнанием?

Как уже было отмечено, политический дискурс изначально таит в себе опасности рисков манипуляции, потому что ставка — власть, собственность или жизнь — в политической игре высока. Одним из интересных аспектов данной проблемы является проблема контекста политического дискурса, когда обсуждение реальных политических проблем происходит на фоне или заменяется обсуждением «манипулятивных» тем, имеющих второстепенную или сознательно преувеличенную важность (например, притеснение меньшинств, озоновые дыры, потепление, наступление нового ледникового периода и т. д.). И здесь уже можно говорить не только о стандартных коммуникационных рисках, но и о репутационных рисках для политических сил. Целенаправленное использование обмана и манипуляции любыми сторонами легитимного и нелегитимного политического дискурса неизбежно (рано или поздно) приводит к дискредитации существующих политических институтов в глазах масс. Следствием этого могут стать разочарование, всеобщая апатия, недоверие, бунты, революции и т. д. В этих условиях именно формы нелегитимного политического дискурса становятся преобладающими, что в свою очередь только увеличивает количество коммуникативных рисков, так как регулирование и нормирование нелегитимного коммуникативного взаимодействия на порядок сложнее, чем легитимного.

«Речевое общение важно и само по себе как вид деятельности, но от его успеха зависят результаты любого другого дела, поскольку начало всему — высказанная идея, т. е. речь, а исполнение задуманного зависит от эффективности его коммуника-

тивного сопровождения» [5, с. 228]. Коммуникативные неудачи и риски как в легитимном, так и нелегитимном политическом дискурсе могут привести к масштабным социальным последствиям, которые в условиях глобализирующегося общества и господства новых СМИ в считанные часы могут изменить судьбу человечества.

Следует отметить особую роль СМИ в «производстве» коммуникативных рисков: «В письменной речи (в частности, в сфере СМИ) предупредить коммуникативные риски гораздо сложнее, так как между адресантом и адресатом нет непосредственной обратной связи. Следствием неопознанных коммуникативных рисков в массовой печати могут стать риски социального, профессионального, политического, культурного и иного характера» [6, с. 83]. Поэтому важно, чтобы все участники политических коммуникаций разного вида, форм и т. д. понимали свою ответственность. Борьбу за власть в обществе не отменить. Власть — это необходимая составляющая управления социума. Кто-то должен принимать решения. Однако в обществе риска необходимо, чтобы каждый человек, обладающий даже минимальной властью, понимал, что власть — это не доступ к благам, а, прежде всего, тяжелый груз ответственности за будущее всех и каждого, ответственности за каждое высказанное слово, за каждую высказанную идею.

С нашей точки зрения, одним из основных способов преодоления коммуникативных рисков, возникающих в процессе политических дискурсивных практик, может рассматриваться жесткая установка на диалогичность, на поиск консенсуса, открытость и принцип конкуренции при изложении позиций, полная доступность и широкое распространение подтвержденной информации. Это может снизить риск манипуляций, порождаемый неравными возможностями коммуникации (например, утаивание, обман, провокация и т. д.). Необходимо выработать новые правила глобального политического дискурса с учетом тех национальных или региональных особенностей, которые сегодня продолжают оставаться актуальными. В качестве примера можно привести разницу в восприятии признания вины в российском и европейском политическом дискурсах. Если в первом случае политический актер, решившийся признать свои прошлые ошибки, скорее наберет дополнительные политические очки, то в европейском политическом пространстве признание вины обычно означает приговор, политическую смерть.

Таким образом, в обществе риска вопрос о формировании новых принципов и ценностных установок политических дискурсивных практик, осуществляемых как на глобальном, так и на локальном уровне, имеет особую значимость. Они должны включать в себя следующие положения:

1) любое социальное действие, в том числе и любое коммуникативное действие, сопровождается риском;

2) управление рисками, основанное на рациональных, научно обоснованных процедурах, также может привести к увеличению рисков, однако альтернативный способ преодоления рисков с помощью создания социальных мифов является еще более рискованным;

3) причины коммуникативных рисков в политических дискурсивных практиках любого вида могут иметь универсальный, общий характер, но особенностью именно политического коммуникативного взаимодействия является осознанное искажение информации и манипулирование с целью приобретения и закрепления властных полномочий;

4) нелегитимные политические дискурсивные практики порождают большее количество коммуникативных рисков, чем легитимные, оказывая существенное негативное влияние на политические и другие социальные процессы;

5) тем не менее «в каждом элементе риска присутствует эсхатологическая составляющая, надежда на “спасение в последний момент”... желание договориться» [7, с. 70], никто не хочет наступления конца истории;

6) принцип открытости к диалогу, готовность к консенсусу с опорой только на подтвержденную, проверенную информацию — залог успеха осознанной, рациональной деятельности по минимизации любых коммуникативных рисков.

Система новых правил политических «игр» может и должна стать основой для управления коммуникативными рисками и их предотвращения. Снижение коммуникативных рисков и в легитимных дискурсивных практиках в целом имеет благоприятные последствия для стабильного развития социального организма, а в нелегитимных дискурсивных практиках еще и неразрывно связано с профилактикой социальных трансформаций, которые могут повлечь за собой катастрофические изменения всего социума.

Список использованной литературы

1. Девнина Г. С. Трансформация социального мифа в условиях общества риска // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3(86). С. 35—38.

2. Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. URL: https://www.academia.edu/23146117/Niklas_Luhmann_Die_Wissenschaft_der_Gesellschaft_suhrkamp_taschenbuch_Wissenschaft

3. Баймуратова Т. Т. Современное общество как «общество риска» // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер — 2017 : сб. материалов Всерос. конф. молодых исследователей. Ч. 3. М. : Изд-во МГУДиТ, 2017. С. 18—22.

4. Водопьянов П. А. Пути преодоления вызовов и рисков в жизни общества // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. 2017. № 1(197). С. 77—80.

5. Сурикова Т. И. Как избежать коммуникативных рисков? // Актуальные проблемы стилистики. 2017. № 3. С. 227—230.

6. Рацибурская Л. В., Соловьева Д. В. Медийные новообразования как фактор коммуникативных рисков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 81—89.

7. Федюнина С. М., Федорова А. В. Управление рисками и коммуникативными практиками современности // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 1. С. 68—77.

Дарья Игоревна Болдырева,

бакалавр, Новосибирский государственный университет,
Россия, г. Новосибирск, minni100@yandex.ru

УДК 7.094

**Политико-культурный анализ исторической ситуации
в странах социалистического лагеря второй половины двадцатого века
на основе сравнения китайского и советского кинематографов**

Аннотация. Спустя время после произошедших событий, используя множество материалов современников, у нас есть возможность сделать вывод о разнице влияния политической системы СССР и КНР на кино. В данной статье был проведен сравнительный анализ двух известных кинокартин, снятых в СССР и КНР, в аспектах идеологического содержания, эстетических принципов и технологии создания. Рассматриваемая тема будет интересна политологам, историкам, а также специалистам в области истории кино.

Ключевые слова: кинематограф КНР, кинематограф СССР, социалистический лагерь, политико-культурная связь.

Darya Boldyreva

Bachelor of Arts, Novosibirsk State University,
Russia, Novosibirsk, minni100@yandex.ru

**Political and cultural analysis of the historical situation
in the socialist countries of the second half of the twentieth century
based on a comparison of Chinese and Soviet cinematograph**

Abstract. Nowadays we have the opportunity to show the difference in the influence of the political system of the USSR and China on cinema, using all the materials of contemporaries. In this article there is a comparative analysis in terms of ideological content, aesthetic principles and technology of creation of two well-known films shot in the USSR and China. The subject of discussion will be interesting for political scientists, historians, and specialists in the field of cinema history.

Key words: cinematograph of China, cinematograph of USSR, socialism, political and cultural connection.

Искусство — это яркий показатель происходящих в политической жизни общества событий, оно всегда точно передает то, как далекие от политики люди воспринимают происходящие изменения. Еще более детально настроения людей передает такой вид искусства, как кинематограф, который основан на «моделировании реальности» — съемке людей в декорациях и костюмах, «вживании» в образ, попытке «прожить» жизнь своего персонажа.

Несомненно, традиции снимать кино неодинаковы в разных государствах. Но довольно часто страны переживают похожие события в разные периоды, проходят одинаковые пути развития. Подобное произошло в XX в. с СССР и КНР. В послевоенный период вследствие большого политического влияния советской системы на китайскую оба государства стали развивать различные стратегии сотрудничества. Целью таких стратегий ставилась деятельность по расширению пространства советско-китайского сотрудничества в сфере культуры [1, с. 175].

Стоит обратить внимание на особенности кинематографа каждой из стран. Несомненно, сложившийся строй сильно повлиял на искусство и культуру послевоенного

периода в СССР — страна вступила в идеологическое противостояние с западным миром, советские картины крайне редко имели успех за рубежом [2, с. 569]. Однако внутри страны, хотя первое послевоенное десятилетие и получило название «малокартинного» из-за выпуска сравнительно небольшого количества картин, работы советских кинорежиссеров, сценаристов и актеров пользовались популярностью. Позднее советские кинокартины стали номинироваться на различные мировые премии, кинорежиссеры активно сотрудничали с зарубежными коллегами. Стали проводиться крупные кинофестивали в Москве. В целом в киноискусстве наметилось стремление к реализму, нуждам и заботам простых людей. В период перестройки появляется новая идея — снимать кино с резким сюжетом, поднимать ранее запретные темы. В то же время усилился контроль над кинопрокатной политикой Госкино и кинопрокатных организаций, вступил в силу запрет на коммерциализацию кино [2, с. 1471]. Наложённые ограничения были предопределены государственной системой рассматриваемого периода, точно так же предопределен был всенародный характер кинопроизводства. Все сферы жизни общества были подвергнуты контролю со стороны государства, творцам искусства нередко ставились конкретные идеологические задачи [3, с. 191].

Ярким примером советского кинематографа этого периода является фильм В. Меньшова «Любовь и голуби», вышедший на экраны в 1984 г. По мнению киноcritиков, этот фильм четко отражает особенности кинопроизводства выбранного периода, является «типичным примером» фильма времен перестройки. Владимир Меньшов снял лирическую комедию о жизни простой рабочей семьи, попытавшись рассказать зрителю о реалиях советской действительности. Сюжет фильма детально отражает устройство советского общества, показывает яркий контраст между бытом жителей села и укладом жизни горожан.

Если же говорить о запретах и ограничениях, наложенных советской системой, то примером такого влияния проводимой государством политики на искусство могут служить сцены с употреблением алкоголя. Премьера фильма совпала с одной из советских алкогольных кампаний («горбачевская» антиалкогольная кампания 1985—1990 гг.), поэтому, по словам Владимира Меньшова, после долгих переговоров с представителями бюрократического аппарата один из эпизодов фильма сократили. Режиссер долго отстаивал свою позицию, объясняя, что употребление спиртных напитков — привычка, которая часто встречается среди крестьян, поэтому сцены с употреблением алкоголя необходимо оставить для более точной передачи настроения героев и окружающей обстановки [4].

В это время в КНР заканчивается культурная революция, и настроения в обществе в очередной раз меняются. В 1980-х гг. в Китае одновременно нужно было развивать киноиндустрию, так как она была вынуждена конкурировать с другими видами искусства, и делать так, чтобы выпускаемые фильмы соответствовали требованиям властей. Например, фильмы жанра «уся» (приключенческий жанр китайского фэнтези, в котором особое внимание уделялось боевым искусствам) считались социально неприемлемыми. Для особого контроля над сферой кинопроизводства ведение дел было передано только что созданным специализированным органам [5, с. 84]. После окончания культурной революции на первый план вышло так называемое «пятое поколение» кинорежиссеров, которые в 80—90-е гг. выпустили немало достойных картин. Новые фильмы были в том числе обо всех тех бедах, которые принесла простому народу культурная революция.

Постер к фильму «Цю Цзюй обращается в суд»

Одна из известных и наиболее удачных картин этого времени — картина «Цю Цзюй обращается в суд», которая вышла на экраны в 1992 г. Режиссер картины — популярный автор многих фильмов того времени Чжан Имоу. Эта драматическая комедия повествует о несправедливой жизни людей в китайской глубинке. В фильме показаны взаимоотношения между деревенскими жителями и чиновниками, представителями различных уровней власти, а также проиллюстрирована многоступенчатость бюрократической системы КНР [5, с. 156].

При сравнении советской кинокартины «Любовь и голуби» и китайской кинокартины «Цю Цзюй обращается в суд» следует выделить множество очевидно общих черт, которые и стали основой для выбора данных фильмов: картины были выпущены в одну и ту же эпоху, хотя и с небольшим разрывом (1984 и 1992 гг.), режиссированы известными мастерами, в обоих случаях на экране зритель видит личные истории из жизни простых людей, живущих в деревне или селе.

Нельзя не отметить тот факт, что при съемках «Цю Цзюй идет в суд» было задействовано всего 4 профессиональных актера, остальные роли были исполнены настоящими сельскими и городским жителями [6]. Более того, часть сцен была снята с помощью скрытой камеры, чтобы максимально точно и неподдельно передать настроение страны. Этот прием придал картине документальный характер. Несмотря на то что главная мысль данного фильма — это мысль о стремлении главной героини добиться справедливости, фильм может быть использован как полноценный исторический источник, детально описывающий ситуацию в стране и иллюстрирующий реальные кадры из жизни людей. Влиятельный русский востоковед, специалист по культуре и кино Китая С. А. Торопцев следующим образом высказался о творчестве Чжана Имоу: «Если внимательно прислушаться к звучанию произведений Чжан Имоу, то генеральным мотивом их мы услышим — свобода, свобода, свобода личности!»

Западный зритель был удивлен откровенностью китайского режиссера и впервые получил возможность проникнуться проблемами китайской деревни. Такой де-

тальный и точный показ всего происходящего в стране говорит об отсутствии каких-либо намерений у Чжана Имоу обмануть или обойти систему цензуры. Более того, используя в итоговом варианте картины сцены, снятые на скрытую камеру, Чжан Имоу также показывает отсутствие надобности в искусственном улучшении действительности.

Говоря о советском фильме «Любовь и голуби», нельзя не обратить внимание на то, как ответственно Владимир Меньшов подошел к подбору актеров. Была полностью исключена любая импровизация — режиссер приглашал на пробы звезд советского кино. Например, при выборе актрисы на роль Нади одной из главных претенденток была Любовь Полищук, которая подходила по возрасту. Однако режиссер отдал предпочтение Нине Дорошиной, которая исполняла роль этой же героини в театре «Современник». Режиссер сделал ставку на мастерство Дорошиной и в своих поздних интервью рассказывал, что почти не репетировал с ней на площадке, потому что она справлялась с поставленной задачей с первого дубля [4]. Фильм подвергся многосторонней критике на этапе прохождения цензуры, многие эпизоды вызвали вопросы у представителей властей.

Режиссер стремился не исказить русскую действительность и показать ее зрителю во всех деталях. В отличие от критиков из художественного совета, он не делал акцент на пьянстве как на глобальной проблеме общества, а, напротив, показывал это как привычку сельских жителей, которая влечет за собой ряд забавных неприятностей.

В период производства данных фильмов советско-китайские отношения стали уверенно налаживаться после долгого конфликта, хотя в это время уже сложно говорить о сильном влиянии культурных образцов СССР на образцы КНР. Таким образом, оба фильма строго соответствуют своему времени. Режиссеры придерживались общих целей, главной из которых была цель показать жизнь простых деревенских людей, которые и составляли преобладающую часть общества в обеих странах. Стоит заметить, что подобного рода фильмы были весьма типичны для советского кинематографа последней четверти XX в.: в СССР снимали много комедий, в которых всегда был поставлен акцент на характерах людей. Кроме того, советские фильмы часто показывали положительные стороны существующей системы, а также косвенно прославляли могущество страны, но никогда не были строго политическими. В КНР прослеживалась такая же тенденция: китайцы часто брали за основу фильмов классические сюжеты китайской литературы, что тоже можно считать косвенным прославлением своего государства через сохранение и популяризацию его многовекового наследия.

Список использованной литературы

1. Багдасарян А. О., Баркова Э. В., Виноградов С. В., Дай Ц., Карев Б. А., Лавринович Д. С., Ломов С. П., Нагорных О. С., Рау И., Симонян Г. А., Телепень С. В., Турицын И. В., Шан Ш. Дружба навеки : очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949—1960 гг.) / НИИ истории, экономики и права. М. : НИИ ИЭП, 2018. 250 с.

2. Гращенкова И. Н., Зиборова О. П., Косинова М. Р., Фомин В. И. История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат : [арх. 2 мая 2014]. М. : Всерос. гос. ин-т кинематографии имени С. А. Герасимова, 2012. 2759 с.

3. Храмов В. Б. Советское кино как феномен советской культуры // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 183—200.
4. Интервью Владимира Меньшова о фильме «Любовь и голуби», 2008. URL: <http://www.close-up.ru/articles/detail.php?AID=8433>
5. Katz M. *Dianying: An Account of Films and the Film Audience in China*. Honors thesis, Cambridge, Mass. : MIT Press, 1972. 515 p.
6. Maslin J. Review/Film Festival; Chinese woman in the Search of Justice // The New York Times, October 2. 1992. Section C. P. 12. URL: <https://www.nytimes.com/1992/10/02/movies/review-film-festival-chinese-woman-in-search-of-justice.html>

Тамара Игоревна Каличкина,

аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, г. Москва, toma.kalichkina@gmail.com

УДК 81-2

**«Поликодовая» ирония как признак
современного медиаполитического дискурса**

*Статья выполнена при поддержке РФФИ,
проекты № 18-012-00574, № 19-312-90069.*

Аннотация. В статье исследуются функции и роль иронии в политических интернет-мемах. В ходе исследования была выявлена высокая степень значимости и широкая распространенность «поликодовой» иронии в медиаполитическом дискурсе.

Ключевые слова: политический дискурс, ирония, медийно-политический дискурс, дискурсивные практики, интернет-мемы.

Tamara Kalichkina

Postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute,
Russia, Moscow, toma.kalichkina@gmail.com

"Polycode" irony as a signmodern media political discourse

Abstract. The article explores the functions and role of irony in political Internet memes. The study revealed a high degree of significance and widespread "polycode" irony in media political discourse.

Keywords: political discourse, irony, media and political discourse, discursive practices, Internet meme.

Как известно, при помощи такого когнитивно-экспрессивного средства, как ирония, ставятся под сомнения давно устоявшиеся принципы, правила и нормы, она рождается из шутки и переходит в парадокс. Ирония базируется на двойном кодировании, сопоставлении нескольких текстуальных стилей, цитировании, сравнении, применении прецедентных текстов, окказионализмов, пародий, что детерминирует возможность истолковывать иронию вариативно.

Функции иронии в контексте медиаполитического дискурса могут варьироваться в зависимости от ситуации, однако выделяются три из них, наиболее часто встречающихся. Первая — это скрытое нападение на оппонента, выражение агрессии.

Ирония придает политическому тексту образность, яркость, он становится более запоминаемым и эффективнее воздействует на аудиторию. Второй значимой функцией иронии можно считать языковое самовыражение политика — передачу его личностного отношения к ситуации. И третья функция, наиболее часто проявляемая в интернет-мемах, — придание политической новости юмористического эффекта.

Поскольку современный политический дискурс транслируется в СМИ и социальных сетях и, соответственно, данные средства передачи информации являются неотъемлемой частью политического дискурса, то создаваемый коммуникативный портрет напрямую адресуется народным массам: «...медиаресурсы становятся не только средой и средством ее существования, но и выступают как субъекты политической деятельности. Соответственно, политический дискурс XXI в. включает в состав участников новые группы носителей языка и приобретает новые формы, позволяющие актуализировать и транслировать даже такие виды политической деятельности, которые ранее не получали легитимных форм проявления» [1, с. 76—92]. Неудивительно, что ирония постепенно заполняет не только информационное пространство социальных сетей, но и, реализовываясь в мемах, становится частью развлекательного контента.

В настоящий момент мемы — один из самых популярных и распространенных интернет-феноменов. Нередко они становятся средствами политической пропаганды или, наоборот, дискредитации оппонента. Интернет-мемы могут быть выражены в различных форматах: коротких видео, картинках с подписью, текстах, лозунгах и т. д. Но наибольшую популярность приобрел мем-картинка, как правило, это черный квадрат с фотографией известной личности в центре и ироничного или гротескного текста. В. А. Глухих и С. М. Елисеев отмечают, что «использование интернет-мемов в избирательных кампаниях представляет собой новый тренд в современной политике» [3, с. 90—96]. Анализ крупнейших политических событий, в том числе и выборов (мэра Москвы в 2013 и 2018 гг., выборы президента РФ в 2018 г., выборы в Московскую городскую думу в 2019 г.) подтвердил тезис В. А. Глухих и С. М. Елисеевой о том, что мемы являются сильным инструментом политического воздействия и играют значительную роль в установлении политического контекста.

Для дальнейшего описания необходимо подчеркнуть, что политические мемы можно рассматривать в различных аспектах: как фольклорное явление, которое выражает отклик народа на различные политические события или высказывания; как PR-кампанию политиков и их команды. В первом случае — это стихийное, неуправляемое и бесконтрольное явление, а во втором случае создание каждого мема имеет определенную цель (управление общественным сознанием, наделение конкретного политика положительными или негативными качествами), входит в стратегию целой пиар-кампании.

В статье мы проанализируем «полицодовую» иронию, выраженную в мемах, и основные её функции.

Первая, наиболее важная функция «полицодовой» иронии — выражение мнения. Этому способствует простор социальных сетей: «...интернет-среды как пространства открытого общения, обсуждения и выражения мнения» [2, с. 91—98]. Мемы часто носят остроиронический характер, люди позволяют себе писать то, что они думают на самом деле, не прикрываясь этикой и не боясь осуждения. Такой феномен связан с анонимностью мемов. Это тот редкий случай, когда народ перестает быть пассивным реципиентом политической информации, он может сам формировать

иронически-политическое пространство, объединяясь в интернет-сообществах, комментируя статьи интернет-СМИ и распространяя мемы в социальных сетях.

В качестве примера приведем мем 2018 г., посвященный выборам Президента РФ (рис. 1). В меме использованы фотографии двух кандидатов (В. В. Жириновского и К. А. Собчак) с ироничной подписью «Неужели эти двое — лучшее, что мы можем предложить???»». Очевидно, что автор выражает ироническое отношение к кандидатам в президенты, одновременно используя в одной короткой фразе несколько стилистических фигур. Сразу после прочтения обращаем внимание на риторический вопрос и риторическое обращение. Также в меме использован мейозис, усиливающий умаление достоинств кандидатов, он проявлен как в нарочито неприглядных фотографиях, так и в сопроводительной подписи к ним. Помимо этого данный мем — яркий пример наиболее часто встречающейся стилистической фигуры, используемой в политических интернет-мемах для создания иронии, — ответственность, т. е. задаваемый вопрос как бы произносится от лица аудитории, в данном случае народа, и предполагает ответ от лица говорящего, здесь — Центральной избирательной комиссии РФ. Поликодовость иронии в данном примере осуществляется с помощью взаимосвязи изображения и нескольких стилистических фигур.

Рис. 1

Второй пример выражения мнения с помощью «поликодовой» иронии в медиа-политическом пространстве также связан с выборами Президента Российской Федерации (рис. 2). Иронический эффект создается благодаря семиотике. В данном примере «поликодовая» ирония выражена аллюзией, антитезой, т. е. оппозиционный кандидат в президенты (П. Н. Грудинин) противопоставляется нынешнему президенту (В. В. Путину); гипотипозой — в меме наглядно продемонстрирован предмет иронии; концессию — зрителю не представлена третья картинка, изображающая возмущение П. Н. Грудинина, значит, такое «преображение» его вполне устраивает; мейозисом — кандидат в президенты не отстаивает свои достоинства, возможные преимущества.

Рис. 2

Вторая функция — выражение протеста — набирает всё большую популярность. Связано это с осложнением оформления согласованных митингов, с организационными вопросами и т. д. Всё вышеперечисленное способствует поиску новых платформ для высказывания мнения — более простых, но не менее действенных. Интернет — отличный вариант для выражения недовольства, а самое доступное средство — иронические мемы. В Интернете каждый может себе позволить подвергнуть осмеянию даже самых влиятельных политиков современности. Например, на рис. 3 объектом иронии являются результаты голосования в Госдуме, представленные в прямом эфире телеканалом «Россия 24». В меме использован скриншот таблицы, на которой указано количество голосов за каждую партию в процентном соотношении. Читатель обращает особое внимание на мем, так как в нем использованы риторическое обращение и апострофа, адресованные к тому, кто в данный момент находится по ту сторону экрана, на что указывает личное местоимение «ты». Автор мема использует риторический вопрос для привлечения внимания пользователей Интернета — ведь часто люди «скролят» и могут не обратить внимание на цифры, тем более не начнут их считать. Одновременно с вышеперечисленными стилистическими фигурами в меме выступает сообщение, т. е. фигура, предполагающая вопрос, обращенный к аудитории, и ответ от лица аудитории; пусть для себя самого, но человек мысленно скажет, что он либо не голосовал, либо проголосовал один раз. Все это создает противоречие, являющееся основой иронии.

Рис. 3

На рис. 4 критическая ирония обрушилась на официальные «проправительственные» телепередачи. Д. К. Киселев в данном случае — собирательный образ всех телеведущих, транслирующих выгодную для правящей партии идеологию, представляющих все новости, события в позитивном ключе, не подвергая никакой критике. Иронический эффект создают несколько стилистических фигур. Аллюзия дает явную отсылку к прецедентным телепередачам. Гипотипоza использована для доведения ситуации до абсурда, что усиливает иронический эффект. Каламбур выражен во фразе Д. К. Киселева, одновременно с этим во второй части «полицодовой» иронии использованы остроумие, гротеск и пародия. Концессию — фигура уступки. Д. К. Киселев явно уступает президенту и пытается исправить ситуацию.

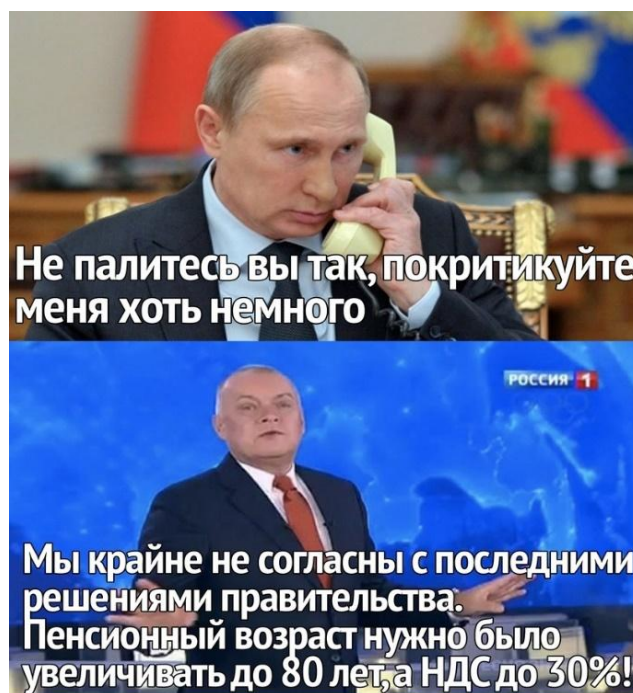

Рис. 4

Третья функция «полюкодовой» иронии — издевка, острота, осмеяние. Как писала М. Н. Пророкова, «смех во все эпохи был мощнейшим политическим оружием» [5]. В современном мире повсеместной цифровизации и «дисплейного текста» (термин В. Г. Костомарова) консолидация иронии и одного из самых распространенных интернет-проявлений комического вполне закономерна [4]. Такое слияние можно рассматривать как итог переосмысления политического информационного потока через призму юмора. Нередки случаи, когда объектом иронии становятся не только события, персоны, но и одиозные фразы политических деятелей, их поведение, внешний вид. Часто третья функция иронии достигается в мемах с помощью гротеска, гиперболы, сатиры, доведения ситуации до абсурда, использования прецедентных феноменов культуры. Для иллюстрации данной функции обратимся к рис. 5.3.

«Полюкодовая» ирония в данном случае проявлена с помощью креолизованного текста с элементом интертекстуальности, так как фраза заимствована из другого мема. Для погружения в контекст обратите внимание на рис. 5.2. Также ирония построена на отсылке к прецедентному событию: во время открытия Олимпийских игр — 2014, проходивших в Сочи. Тогда журналисты опубликовали фотографию, на которой создается впечатление, что Премьер-министр Правительства РФ Д. А. Медведев уснул (официальное подтверждение отсутствует) (рис. 5.1).

Рис. 5.1

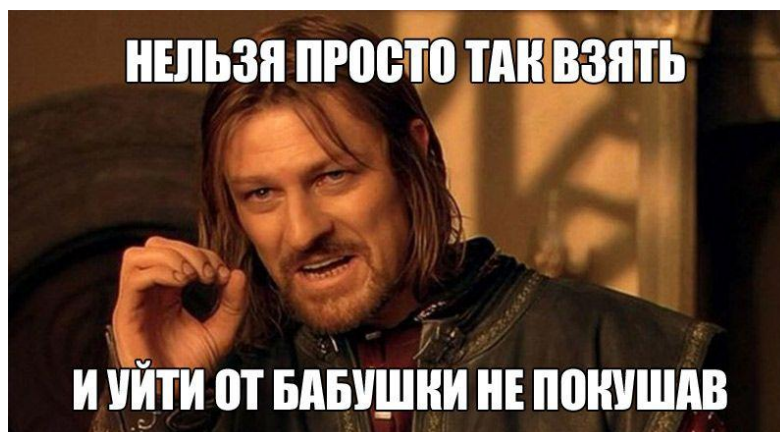

Рис. 5.2

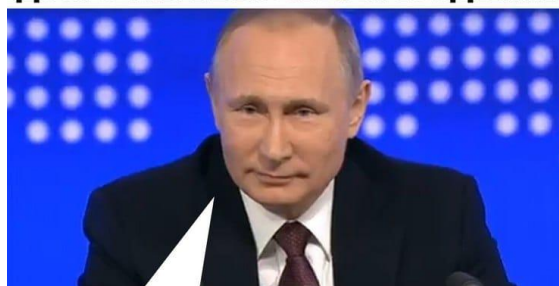
Рис. 5.3

В качестве еще одного примера, в котором функция высмеивания проявлена в «поликодовой» иронии наиболее ярко, приведем мем, посвященный истории 2016 г., произошедшей во время выборов президента США (рис. 6). Тогда американские СМИ обвинили Россию во вмешательстве в результаты выборов. Объектом иронии в этот раз является не политическая личность, а ситуация, произошедшая в медиаполитическом дискурсе. Способы выражения иронии — креолизованный текст, поликодовость и прецедентное событие. На языковом уровне ирония создается с помощью консолидации нескольких стилистических фигур. Остроумие выражено в ответной реакции В. В. Путина на вопрос журналиста через апосиопезис, так как в меме отсутствует логически завершающая диалог фраза. Умолчание и увиливание от ответа с помощью встречного вопроса.

АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛИСТ ЗАДАЁТ ВОПРОС

**ВОЗМОЖНО ЛИ, ЧТО В
СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ СОСТОЯТСЯ
ДОСРОЧНЫЕ ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА?**

КАКОЙ СТРАНЫ?

Рис. 6

Таким образом, можно сделать вывод, что ирония как часть политического дискурса выходит за рамки общения политических деятелей, и становится частью медиапространства, интернет-коммуникации. Объектами иронии становятся не только представители оппозиции, но и президенты, премьер-министры и другие представители правящей партии. «Поликодовая» ирония, экземплифицирующаяся в интернет-мемах этноспецифичными вербальными и невербальными средствами, является существенным инструментом политики, некой обратной реакцией со стороны народа на действия властей.

Список использованной литературы

1. Боженкова Н. А., Катышев П. А., Ионова С. В., Афанасьева Э. М., Саакян Л. Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 76—92.
2. Галинская Т. Н. Контент-аналитическое исследование медийного образа российского политика (на материале комментариев интернет-пользователей о Б. Немцове) // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 91—98.
3. Глухих В. А., Елисеев С. М. Интернет-мемы как инструменты публичной политики // Дискурс. 2017. № 4. С. 90—96.
4. Костомаров В. Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения // Russian Language Journal. Vol. 60, 2010. URL: http://rlj.americancouncils.org/issues/60/files/Kostomarov_2010.pdf
5. Пророкова М. Почему политики боятся мемов? // FURFUR, 2016. URL: www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/219457-pepe_strikes_again

Лиляна Димитрова Лесничкова,

доктор филологии, доцент,
Софийский университет имени святого Климента Охридского,
Болгария, г. София, l.lesnichkova@uni-sofia.bg

УДК 81.3; 811.163.2; 811.511.141

Динамические процессы в общественно-политической лексике современного венгерского и болгарского языков

Аннотация. В статье представлены в сопоставительном плане некоторые основные процессы в развитии современной венгерской и болгарской общественно-политической лексики, связанные с глубинными социальными трансформациями в обеих странах в контексте значительных преобразований на международном уровне. Цель исследования — проследить, как два генетически неродственных и типологически разнотипных языков реагируют на изменения государственного устройства, идеологических парадигм и т. д. и как обогащаются новыми словами, понятиями, фразеологическими оборотами в аналогичной внелингвистической ситуации. Подвергнутый анализу иллюстративный материал извлечен из новейших лексикографических источников и СМИ, которые регистрируют параллельные явления в сегодняшней венгерской и болгарской общественно-политической лексике и предлагают богатый ресурс для ее изучения.

Ключевые слова: динамика лексики, венгерский язык, болгарский язык, общественно-политическая лексика, языковые тенденции.

Lilyana Lesnichkova

Ph.D in Philology, Associate Professor at the Department of Classical and Hungarian Studies, Sofia University „St. Kliment Ohridski“, Bulgaria, Sofia,
l.lesnichkova@uni-sofia.bg

Dynamic processes in the contemporary Hungarian and Bulgarian socio-political vocabulary

Abstract. The article presents in comparative terms some of the main processes in the development of contemporary Hungarian and Bulgarian social-political vocabulary related to the deep social transformations in both countries in the context of significant changes at the international level. The purpose is to trace how two genetically unrelated and typologically different languages react to changes in the state system, ideological paradigms, etc., and how they are enriched with new words, concepts, phraseological turns in a similar extralinguistic situation. The analyzed illustrative material is drawn from the latest lexicographic sources and the media that register parallel phenomena in contemporary Hungarian and Bulgarian social-political lexicon and offer a rich resource for its study.

Keywords: dynamics of lexicon, Hungarian language, Bulgarian language, socio-political vocabulary, linguistic trends.

Общественно-политическая лексика определяется как лексическая микросистема, в которой объективируются социальные знания, идеи и взгляды на явления, события и факты, связанные с различными аспектами жизни общества: политикой, идеологией, социальным порядком и т. д. [1, с. 129] Поскольку в лингвистической литературе нет единого мнения относительно состава и границ этого своеобразного лексического слоя в словаре языка [2; 3, р. 187], в настоящей статье социально-политический лексикон рассматривается как специфическое поле с широким семантическим диапазоном и с неоднородной структурой: оно включает разноплановые лексические единицы (как общелитературные многозначные лексеммы, так и однозначные узкоспециальные термины), объединенные общими семантическими признаками. В центре семантического поля находятся политические термины, а на периферии — понятия, обозначающие факты и явления из других социальных сфер (правовой, административной, военной, экономической, философской, религиозной и т. д.), тесно связанные с политической жизнью государства, а также и общий словарный запас с политической окраской. Многие из периферических лексических элементов заряжены экспрессивными и эмоционально-оценочными функциями.

Ср.: *politikai seprű, politikai halott, politikai ernyő, kettős politikai mérce, klientelizmus-kliensrendszer, mentési terv, szegénységű küszöb, bizalmi válság, adósságcunami, árrobbanás* — политическа метла, политически труп, политическо инженерство, политически чадър, двоен политически стандарт, клиентелизъм, спасителен план, праг на бедност, криза на доверие, данъчно цунами, ценови взрив.

Во многих случаях трудно провести четкую грань между политической терминологией и общим словарным запасом. Переход языковых единиц от периферии семантического поля к центру и от центра к периферии является результатом постоянного обмена между словами общеупотребительного языка и терминами данной области. Он связан с процессами терминологизации и детерминологизации и показывает, что политика и политизирование являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, оказывают активное влияние на язык и существенно меняют его.

Политическая терминологическая система напрямую связана с социальными изменениями, поэтому она слишком нестабильна в лексико-семантическом смысле и постоянно обновляется. Исчезновение или обновление социальных явлений, радикальная смена идеологических парадигм и социальных установок находят свои проекции в языке, что приводит к трансформациям в составе политической лексико-фразеологической системы [4; 5]. В этой системе происходит много синергетически связанных и конкурирующих между собой лексических и словообразовательных процессов, появляются новые тенденции, чтобы она соответствовала меняющимся коммуникативным и номинативным требованиям социума.

В недавней венгерской и болгарской истории есть два сопоставимых периода коренных преобразований в социально-политической жизни, когда активизируются процессы развития в словаре в целом и в социально-политическом лексическом слое в частности. Первый период охватывает время после 1944—1945 гг., когда венгерское и болгарское общество приобретают новую геополитическую ориентацию — на орбите стран социалистического блока. Второй период обнимает время после 1989 г., когда начинается переход к демократизации общества, к внедрению многопартийности, политического плюрализма и рыночной экономики — процессы, которые, по мнению болгарских лингвистов, вызывают «неологический бум», «лексический взрыв», «инновационную эксплозию» [6, с. 277], а, по словам венгерских лингвистов, «в истории венгерского общества и языка никогда не было периода, когда словарный запас менялся почти за поколение» [7, р. 19]. Несколько лексикографических изданий дают представление об изменениях, произошедших в лексиконе обоих языков с начала 90-х гг. За последние два десятилетия в болгарский язык вошло более 3500 новых слов и 600—700 устойчивых фраз [8]. Лексические инновации в венгерском языке с начала перехода до 2015 г. оцениваются около 3000 [9; 10; 11; 12].

Поскольку процессы в обществе происходят значительно интенсивнее, чем в языке, во времена социальных потрясений и радикальных перемен возникает своего рода словесный дефицит. Это связано как с отсутствием слов для обозначения новых явлений, так и с желанием порвать с языком прошлого, а также с поиском все новых и новых языковых средств выражения и форм образности. Динамическая природа социальных процессов влияет на интенсификацию языковых изменений.

На рубеже XX—XXI вв. в общественно-политической лексике, как одном из самых динамично меняющихся пластов словарного состава языка, наблюдается несколько антиномических тенденций: деактуализация — реактуализация, интернационализация — национализация, интеллектуализация — демократизация, терминологизация — детерминизация. Под лингвистической тенденцией понимается «определенное, явно осязаемое направление, в котором происходит развитие языкового феномена или языковой системы в целом» [13, с. 16]. Тенденции отражают те процессы в языке, которые определяют его динамику в течение данного периода времени и протекают через утверждение инноваций или устранение устаревших языковых единиц, конструкций и норм.

Масштабный процесс деактуализации активной до 1989 г. лексики проявляется в отступлении идеологически маркированных лексем, которые вошли в годы социализма [14; 15, с. 486]. Это относится ко многим терминам и идеологемам марксистско-ленинской философии и партийного строительства, выполняющим активную роль в формировании массового лингвистического сознания: *népi demokratikus köztársaság* — народнодемократична република, *népi hatalom* — народна

власт, *osztály nélküli társadalom* — безклассово общество, *proletárdiktatúra* — диктатура на пролетариата, *fejlett/érett szocializmus* — развит/зрял социализъм, *emberarcú szocializmus* — социализъм с човешко лице, *kommunista blokk* — комунистически блок, *népbíróság* — народен съд, а *szocialista munka hőse* — герой на социалистическия труд и др.

Из-за связности с прошлыми идеологическими взглядами, политическими и социальными системами актуальные когда-то слова *elvtárs*, *elvtársnő*, *другар*, *другарка*, *милиция* были заменены словами *úr*, *hölgy*, *asszony*, *kisasszony*, *господин*, *госпожа*, *госпожица*, *полиция*.

Нейтральные слова трансформируются в идеологически маркированные (напр. *фараон*, *люспа*, *bárá*, *olajbárá*), идеологически нагруженные понятия деидеологизируются (*agresszió*, *diverzió*, *агресия*, *диверсия* и др.). При вторичной идеологизации термин переосмысливается в системе различных политических взглядов и идеологических доминант и приобретает другое звучание: *csendőrség*, *magántulajdon*, *korruptió*, *úttörő*, *жандармерия*, *частна собственост*, *корупция*, *пионер*, *община* и др. Реактуализация устаревших названий продиктована желанием выразить по-новому изменившиеся социальные концепции и идеи.

Некоторые из идеологически маркированных слов, таких как советизмы *kulák*, *apparatszik*, *sztahanovista*, *agitprop* (контаминированная форма из слов *agitátor* + *propagandista*), *személyi kultusz*, *кулак*, *апаратчик*, *агитпроп*, *стахановец*, *култ към личността*, эмоционально дискредитированы, вызывают негативную коннотацию, архаизируются или полностью выходят из употребления. Реалии, объекты и явления, характерные для предыдущих периодов, отступают или исчезают: *rúkosizmus*, *kádárizmus*, *kádárkolbász*, *diplomatabolt*, *kollektivizálás*, *kolhoz*, *keleti tömb*, *szocialista testvérorságok*, *fegyverkezési verseny*, *politikai enyhülés*, *élmunkás*, *кадаризъм*, *колхоз*, *коллективизация*, *кореком*, *източен блок*, *социалистически братски страни*, *надпревара във въоръжаването*, *разведряване*, *ударник* и др.

Процесс деактуализации влияет и на неологическую лексику. Быстро появляются новые слова, например, *dumakormány*, *ombudsman*, *konszenzus*, *kultusztárca*, *évlánc*, *etnobiznisz*, *vérbiznisz*, *izomagyú*, *fidesznyik*, *orbánista*, *panelproli*, *brexit*, *megxit*, *moszkvázik*, *fideszezik*, *омбудсман*, *консенсус*, *жива верига*, *гербаджия*, *брекзит*, *мегзит*, *мегзитвам*, самые последние неологизмы, появившиеся в связи с пандемией коронавируса: *megkoronázódik*, *társas távolságtartás/közösségi távoltage*, *koronabűnözés*, *elkaranténosodik*, *elgyőrfipalisodik*, *социална дистанция*, *карантинирам*, *самоизолация* и др. Однако некоторые из новых слов быстро забываются и исчезают, поэтому называют их «однодневками» (*tiszavirág-életűek*, *однодневки*). Такие лексические единицы, связанные с эмблематическими социально-политическими событиями и личностями, как *fodorista*, *tocsikozás*, *csurkista*, *gyurcsányista*, *Bokros-csomag*, *Nyírfa-dosszié*; *сикаджия*, *висаджия*, *желевист*, *костовист*, *отлюспване* и др., уже являются частью пассивного словаря вследствие изменений в политике, в межличностном общении, в образе жизни людей в целом.

Интенсивное количественное и качественное обновление общественно-политической лексики связано с необходимостью называть новые явления, относящиеся к современной социальной и политической реальности, или переименовывать уже существующие понятия: *poszttotalitárius* (*korszak*, *rendszer*, *fejlődés*, *állam*, *szervezet*) — *посттоталитарен* (*период*, *система*, *развитие*, *държава*), *többspártrendszer* — *многопартийна система*, *fantomkép* — *фоторобот*, *menekültkvóta* —

квота за бежанци, schengeni térség — шенгенско пространство, bevándorláspárti politikus.

Неологизмы характеризуются интенсивной динамикой. После появления в языке некоторые из них постепенно интегрируются в лексическую систему и после определенного периода употребления перестают восприниматься как нечто новое, в отличие от других, которые со временем теряют свою актуальность и забываются. Перспективы «выживания» неологизма зависят от ряда факторов, наиболее важными из которых являются коммуникативная значимость нового слова, его функциональная целесообразность, а также необходимость экспрессивной номинации [1, с. 120].

За последнее десятилетие административный и деловой язык Европейского союза завоевал как венгерские, так и болгарские средства массовой информации и создал благодатную почву для проникновения многих иноязычных слов и выражений в словарный запас двух языков. Стремительно растет число лексических, семантических и фразеологических новообразований. Вследствие повышенной неологизации сформировался т. н. *евролект/евротерминология/ евролексика*, соотв. *euronyelv/EU-terminológia* как часть политической терминологии [16]: *európarlamenti képviselő, euroatlanti integráció, europaizáció, tagállam, EU biztos, kétsebességes Európa, változó geometriájú Európa, közös Európa-ház, az euróövezet előszobája, европарламентарист, евроатлантическа интеграция, европеизация, общевропейски дом, страна членка, еврокомисар, Европа на променливата геометрия, Европа на две скорости, чакалня на еврозоната* и др.

Новые лексические единицы используют деривационные возможности данного языка, следуют тенденциям и нормам его словообразования. Основными способами создания новых терминов в современной венгерской и болгарской политической терминологии являются:

1. **Прямое заимствование терминов** — в основном из английского или международного словаря как проявление языковой глобализации: *koalíció, populista, pluralista, kohéziós (politika, alap), politikai elit, lobb, frakció, humanitárius katasztrófa, parlamentarizmus, frusztráció, optimalizálás, radikalizálódás, kampány, kampányol, nómenklátúra, tálib/talibán, paparazzo, maffiózó; коалиция, популист, плуралист, кохезионен (фонд, политика), брифинг, политически елит, лоби, фракция, хуманитарна катастрофа, парламентаризъм, електорат, депутат, компромат, рейтинг, фрустрация, радикализация, талибан, папарак, мафиот* и др.

Интернационализация представляет одну из главных черт современного венгерского и болгарского политического дискурсов, становится все более активной и разрушает стереотипное представление о венгерском языке как о капсулированном языке. Вследствие глобальной гегемонии английского языка как универсального посредника стремительно проникают как полностью английские формы (*mítig, monitoring, мониторинг, тимбилдинг*), так и адаптированные, «одомашненные», полученные путем добавления венгерских (болгарских) суффиксов к английской основе (*monitoroz, mítingel, menedzsel, мониторирам, мениджирам/менажирам*).

Процесс адаптации и интеграции заимствованных иностранных слов часто связан с колебаниями в произношении и правописании: *controlling-kontrolling, imázs-image-imidzs*. Вариативность является показателем того, что речь идет о лексической инновации.

В основе тенденции к интернационализации политической терминологии лежат интеграционные процессы, происходящие на Старом континенте в результате изменений в Центральной и Восточной Европе после 1989 г. Проявления

замечательного сходства между европейскими языками наблюдаются наиболее четко на лексическом и словообразовательном уровнях. Наряду с унификацией европейского общественно-политического словаря постепенно вводились однотипные словообразовательные модели, ранее не характерные для отдельных языковых систем.

Вероятно, из-за общеизвестной инкапсуляции венгерского языка неразборчивое заимствование иностранной лексики вызывает больше возмущения и негодования среди венгерской общественности, чем среди болгарской, особенно когда иноязычные слова не обогащают синонимичные и стилистические ресурсы лексической системы и их использование происходит не от номинационной потребности, а от языковой моды или от снобизма говорящего. Например, широкое использование таких слов, как *trend, verifikál, fiktív, тренд, верифицирам, оторизирам, дебатирам* и др. вместо *tendencia, eljárás, igazol, hamis/látszólagos, тенденция, утълноощавам, разисквам*.

Последние исследования, связанные с иноязыковыми влияниями на развитие венгерского языка, показывают, что с ростом уровня владения иностранными языками «языковая толерантность» венгров также увеличивается [17, р. 58]. Отсутствие сопротивления не требует обязательной адаптации иностранных лексических элементов к венгерской фонетической и грамматической системе и способствует их «быстрому включению» в словарный запас современного венгерского языка. Сегодняшние венгры, похоже, утратили ту чувствительность к своему языку, которая присуща их предкам, некоторые из которых даже пошли на крайние меры в своем стремлении защитить родное слово от вторжения этих «незваных гостей» — иностранные слова, которые, по их мнению, наносят серьезный удар по «исконно венгерской сущности языка» и ведут к его обнищанию и обезличиванию.

2. **Калькирование.** Некоторые кальки возникают в результате зеркального перевода английского слова, напр. *kampánycsend* (campaign silence), *humán erőforrások* (human resources), *önkormányzat* (self-government), *ármékkormány* — *правительство/кабинет в сянка* (shadow cabinet), *szociális munkás* — *социален работник* (social worker), *politikai korrektség* — *политическа коректност* (political correctness), *fenntartható fejlődés* — (sustainable development), *kritikus tömeg* — *критична маса* (critical mass), *politikacsináló* (policymaker), *máság* (otherness) — *другост*, *csapatépítés* (team building), *célcsoport* — *целева група* (target group), *fogyasztói társadalom* — *консуматорско общество* (consumer society), *társadalmi kirekesztés* — *социално изключване* (social exclusion), *százalékos korlát* — *процентна бариера* (percent barrier), *sorozatgyilkos* — *серийен убиец* (serial killer).

К этой группе относятся также некоторые фразеологизмы, неологически созданные в семантическом пространстве двух рассматриваемых языков путем семантического калькирования английских устойчивых словосочетаний: *a jéghegy csúcsa* — *връх на айсберга* (tip of the iceberg), *cseresznye a habostortán* — *черешката на тортата* (cherry on the cake), *béna kacsa* — *куца патица* (lame duck): «CNN предрича на Путин ролята на «куца патица» в четвъртия му президентски мандат».

3. **Терминообразование средствами собственного языка** по образцу существующих моделей: *közvélemény-kutatás* — *проучване на общественото мнение*, *hatalommegosztás* — *разделение на властите*, *rágalomhadjárat* — *клеветническа кампания*, *gyűlöletbeszéd* — *език на омразата*, *foglalkoztatáspolitiká* — *политика по заетостта*, *feketegazdaság/szürkegazdaság/ármékgazdaság* — *сива/сенчеста икономика*, *rénzmosás* — *пране на пари*.

В венгерском языке особенно продуктивными являются суффиксы *-ció, -ás/-és, -ing, -ista, -izmus, -ia*, а в болгарском: *-ник, -ик, -тел, -атор, -ант, -ист, -изъм, -ия, -*

ост, -ство. Срв.: *liberalizáció, innováció, koordináció, reorganizáció, integritás, multikulturalitás, monitoring, szexista, pluralizmus, populizmus, létszámcsökkentés, kompetencia, dominancia*, лобист, симпатизант, популизм, либерализация [18; 19, с. 42].

Из морфологических приемов номинации в венгерском языке, учитывая его синтетический характер, преобладают суффиксация и композиция, а в болгарском языке широко представлены терминологические словосочетания как отличительный признак аналитичности именной системы.

4. **Гибридные словообразования с этимологически неоднородным составом:** *sajtómágnás* — медиен магнат, *exelnök* — експрезидент, *exkormányfő* — експремьер, *vétójog* — право на вето, *politikai PR* — политически пиар, *humanitárius háború* — хуманитарна война, *frakcióvezető* — председател на парламентарна фракция, *lobbizzik* — лобирам, *bipoláris modell* — двуполюсен модел, *rotációs elnökség* — ротационно председателство, *választási kampánystáb* — предизборен щаб, *operatív törzs* — оперативен щаб; в уничижительном смысле употребляются слова *jobber* ‘политик правого толка’, *baller* ‘политик левого толка’, *nyugger* ‘пензионер’, образованные с помощью суффикса немецкого языка *-er*.

Характерной особенностью словообразовательной динамики в обоих языках является выявление новых суффиксоидов, как, например: *гейт/gate* со значением ‘скандал’; *петролгейт*, *суджукгейт*, *кумгейт*, *Виктор гейт*, респ. *olajgate, Szerver-gate, külkergate, kukagate, zsarugate, Fidesz-gate*.

Значительную продуктивность проявляют недавно возникшие словообразовательные компоненты *euró/евро-*, *öko-/еко-*, *bio-/био-*, *táv-/дистанционно*, *e-* (электронно) *neo-/нео-*: *euróövezet/eurózóna, euroszepticismus; EU-direktíva/EU-irányelv, biopiac, biotermék; ökoszféra, ökoszolgálat, e-számla, e-kormányzat, e-locsolás, távfelügyelet, neokolonializáció, дистанционно наблюдение, e-правительство, e-администрация, e-гласуване, евроскептицизм, евродиректива, екокатастрофа, екоинспекция, биотероризм, неокOLONИЗАЦИЯ*.

Инновационными словообразовательными процессами, связанными с лингвистической экономией, являются синкопирование слов и формантов, а также т. н. универбация, когда новые термины образуются на основе словосочетаний, которые в результате длительного использования в речи сводятся к одному слову: *масовки* *вм. масови изяви*; *вице* *вм. вицепрезидент*; *соц* *вм. социализм или социалистически* (напр. *соцдържава, соцпропаганда, по време на соц*); *инфо* *вм. информация* — *infó*, *népszavaz* < *népszavazás*, *végtörleszt* < *végtörlesztés*, *akadálymentesít* < *akadálymentesítés*, *kényszernyugdíjaz* < *kényszernyugdíjazás*, *multi* < *multinacionális cég/vállalat*, *munkamegbeszél* < *munkamegbeszélés*.

Использование слов-универбатов связано с более высокой степенью экспрессивности из-за контраста со стандартной фразой, а кроме того — вносит разговорный оттенок в политический дискурс. Срв.: «*Вицето Йотова хвали клана Живкови*»; «*Божков крие в каса две стари присъди от соц*»; «*A multik és a kormány veszik át a magyar tudomány irányítását.*», «*Akadálymentesítették a szavazóhelyeket Vas megyében is.*»¹

Современная венгерская и болгарская политическая лексика подвержена активному влиянию и противоположным тенденциям терминологизации и детерминизации.

¹ Все примеры из электронных СМИ: <https://bgr.news-front.info>; <https://news.bg/politics>; www.dnevnik.bg; www.mediapool.bg; <https://merce.hu>; <https://hirvilag.hu>; <https://hvg.hu>; <https://index.hu>.

В процессе терминологизации осуществляются «семантическая трансформация и пересмотр общеупотребительных слов для нужд научного знания, в результате чего они начинают функционировать как термины» [1, с. 208]. Преобразование чаще всего протекает путем изменения общепринятого значения на специализированное. Терминологическое значение в этих случаях является переносным и вторичным. Воздействию терминологизации часто подвергается стилистически нейтральная лексика, которая переосмысливается метафорически и меняет свое оценочное содержание: *poloska*, *brýmbar* 'подслушивающее устройство, жучок', *градоначалник* 'мэр', *козметичен* 'незначительный' (напр. ремонт, реформа, изменение), *публичен* 'государственный' (сектор, администрация), *fogyasztói kosár* — *потребителска кошница*; *bábkormány* — *марионетно правителство*; *csomag* — *пакет* (*intézkedéscsomag*, *nyugdíjreformcsomag*, *megszorítócsomag*, *kohéziós csomag*, *kormánycsomag*, *mentőcsomag*, соотв. пакет от мерки, пакет за пенсионната реформа, пакет от ограничителни мерки, кохезионен пакет, правителствен пакет, спасителен пакет); *oszlop* — *стълб* (*nyugdíj oszlop* — *пенсионен стълб*).

Метафорический перенос устанавливается и в следующих понятиях: *boszorkányvadászat*, *sokkterápia*, *tőkeinjekció*, *információs elsötétítés*, *átlátható politika*, *választási küszöb*, *лов на вещици*, *шокова терапия*, *финансова инжекция*, *информационно затъмнение*, *прозрачна политика*, *изборен праг*. Ср.: «*A politikai seprű takarít az országban*»; «*Lebénult kormány, politikai halott miniszterelnök*»; «*Etnikai tisztogatások Ukrajnában*»; «*A Fidesz arroganciája egy politikai zsákutca, mely egy fullasztó légköri állam irányába vezet.*»; «*Elkapta a koronavírust a forint*»; «*Тройната коалиция използва ваканцията на парламента за политическа метла*»; «*България е в политическа задънена улица*».

Поражает высокая степень единообразия в метафоризации, осуществляемой одними и теми же лексическими средствами и насыщенной той же экспрессивностью в обоих исследуемых языках. Терминологические метафоры раскрывают своеобразие общественно-политической лексики как отражение языковой картины мира в когнитивном, морально-этическом и оценочном аспекте.

В процессе детерминологизации узкоспециализированные слова и словосочетания «коммерциализируются», теряют свои терминологические характеристики, расширяют сферу своего функционирования и становятся частью общеупотребительной лексики: *opció*, *tévéguru*, *igazságszolgáltatási vácuum*, *опция*, *телевизионен гуру*, *правен вакуум*. Этот процесс особенно быстр в случаях, когда специализированная лексика обозначает новые реальности и уникальные современные явления, для которых нет аналогов в стандартном языке.

Подводя итоги, можно сказать, что сопоставление процессов, наблюдаемых в современной политической терминологии под давлением новых социальных явлений, выявляет динамику в лексическом составе венгерской и болгарской языковых систем и вытекающие из этого позитивные и негативные последствия. Изменения выражаются в активизации определенных словообразовательных моделей и формантов, в сдвиге слоев активного и пассивного словаря, в семантической трансформации лексем и расширении их синтагматических возможностей, в усиленной неологизации, приводящей к появлению множества новых слов, терминологических и устойчивых словосочетаний. Установленные параллели в лексической динамике рассматриваемых языков подтверждают социолингвистический тезис о ведущей роли социальных императивов. Анализ показывает, что важные социально-политические и

экономические изменения не только влияют на ход языковой эволюции, но и провоцируют определенные проявления в речевом общении.

Динамические процессы в венгерской и болгарской общественно-политической лексике отражают изменения в коммуникационной среде в глобальном масштабе, показывают наднациональные тенденции, связанные с интернационализацией словарного состава языков. Из-за неумолимого наступления глобализации, в том числе и в сфере коммуникации, лексико-семантические и функциональные парадигмы языков становятся более эффективным средством унификации. Интернациональные лексические элементы увеличиваются не только в количественном отношении, но и в содержательном наполнении, расширяются их функциональная нагрузка и коммуникативный потенциал. Либерализация общественной жизни и процессы интернационализации экономических, административных и интеллектуальных структур лежат в основе аналогичных инновационных явлений в политической терминологии венгерского и болгарского языков, определяют ее динамику и выявление общих отличительных черт. Расхождения обусловлены структурными особенностями языков и наблюдаются в отдельных языковых решениях.

Список использованной литературы

1. Магията на думите. Езиковедски изследвания в чест на проф. д.ф.н. Лилия Крумова-Цветкова / състав. и ред. Д. Благоева, С. Колковска. София : АИ «Проф. М. Дринов», 2012. 527 с.
2. Симеонова М. Към въпроса за общественно-политическата лексика // Езиковедски приноси в чест на чл.-кор. проф. М. Виденов. Велико Търново : УИ «Св. св. Кирил и Методий», 2005. 724 с.
3. Manik S. Blog on Socio-Political Vocabulary as a New Reference Tool // Electronic lexicography in the 21st century, 2011, 187—190. URL: <http://elex2011.trojina.si/Vsebine/proceedings/eLex2011-24.pdf> (дата доступа: 22.04.2020).
4. Mihalovics Á., Révay V. Hétnyelvű politikai és diplomáciai glosszárú. (Magyar — angol, finn, francia, német, olasz, orosz.) Budapest : Aula Kiadó, 2002. 515 p.
5. Попова М. и др. Терминологично-енциклопедичен речник по общественно-политически науки. София : Наука и изкуство, 2012. 526 с.
6. Благоева Д. Динамика в концептосферата «общество и политика» в края на ХХ и началото на ХХІ в. (Върху български и чешки езиков материал) // Проблеми на неологията в славянските езици. София : АИ «Проф. М. Дринов», 2013. 360 с.
7. Balázs G. (szerk.) Jelentés a magyar nyelvről (2010—2015). Budapest : IKU — Inter Kft., 2016. 247 p.
8. Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език (от края на ХХ и първото десетилетие на ХХІ в.). София : Наука и изкуство, 2010. 516 с.
9. Kiss G., Pusztai F. Új szavak, új jelentések 1997-ből. Budapest : Tinta Könyvkiadó, 1999. 182 p.
10. Minya K. Új szavak I. Nyelvünk 1250 új szava értelmezésekkel és példamondatokkal. Budapest : Tinta Könyvkiadó, 2007. 180 p.
11. Minya K. Új szavak II. Nyelvünk 800 új szava értelmezésekkel és példamondatokkal. Budapest : Tinta Könyvkiadó, 2014. 142 p.

12. Balázs Géza. Új szavak, kifejezések. A rendszerváltás kisszótára (1990—2015). Budapest : Inter Kft., 2016. 121 p.
13. Харалампиев 2009: Харалампиев, Иван. Развойни процеси в съвременния български език. В. Търново : Фабер. 107 с.
14. Крумова-Цветкова Л. Остаряващи думи, значения и форми в съвременния български книжовен език // Езиковедски изследвания в чест на чл.-кор. проф. д-р Т. Бояджиев, проф. д-р В. Попова и проф. П. Пашов. София : УИ «Св. Климент Охридски», 2009.
15. Симеонова К. О некоторых явлениях и тенденциях в современном болгарском и русском политическом дискурсе // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. Будапешт ; Киров : Selmeczi Bt. — Издательство „Радуга-ПРЕСС”, 2019. 523 с.
16. Révay V. A kialakuló magyar eurónyelv // szerk. Mihalovics Á. Tanulmányok a politikai szaknyelvről. Nyíregyháza : Bessenyei György Kiadó, 2000. 122 p.
17. Zimányi Á. Legújabb anglicizmusaink megítéléséről // szerk. Fata I., Veresné V. K. Szaknyelv és szakfordítás. Tanulmányok a szakfordítás és a fordítóképzés aktuális témáiról. Gödöllő : SZIE TTI, 2016. 97 p.
18. Kornatowski P. Szóképzési eszközök a legújabb magyar szókincsben // E-nyelvmagazin 2009/1. URL: <http://e-nyelvmagazin.hu/2009/09/29/szokepzesi-eszkozok-a-legujabb-magyar-szokincsben/>), (дата доступа: 22.04.2020).
19. Симеонова К. За някои продуктивни модели на терминообразуване в съвременната българска политическа терминология // Многообразие в единството. 2010. № 1. С. 40—49.

Ангелина Евгеньевна Мордвинкова,

аспирант, ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН;
преподаватель, МГИМО,
Россия, г. Москва, linaimemoran@yandex.ru

УДК 81-13

Идеологический дискурс в культурном диалоге русского и английского языков

Аннотация. В данной статье автор рассматривает влияние английского языка на русский в контексте идеологического дискурса, под которым понимается влияние религиозных и светских политических идеологий на культурную и политическую среды двух рассматриваемых стран. Основное внимание автор уделяет макрокультурному и психолингвистическому соответствию идеологических категорий и понятий английского языка их русским эквивалентам. Целью данной статьи является постановка данной проблемы, так как полноценное исследование в заданных рамках невозможно.

Ключевые слова. идеологический дискурс, психолингвистика, английский язык, русский язык, культурные различия.

Angelina Mordvinkova

Postgraduate student at IMEMO; lecturer,
MGIMO University (Russia, Moscow), linaimemoran@yandex.ru

Ideological discourse in the Russian-English languages cultural dialogue

Abstract. The author of this article analyzes the influence of English on Russian language in terms of ideological discourse, which is regarded as the impact of religious and secular political ideologies on the cultural and political spheres of the two countries. The priority is put on macrocultural and psycholinguistic consistency of ideological categories and notions of the English language with the Russian equivalents. The aim of this article is to state the issue, not to research it, since it is objectively impossible in such a framework.

Key words: Ideological discourse; psycholinguistics; the English language; the Russian language; cultural differences.

С начала 1960-х гг. в науках об обществе и человеке происходит резкое усиление внимания ко всему кругу проблем, связанных с активной ролью языка в общественных отношениях. Осознана его значимость в становлении человека как рода и в формировании и развитии психики как явления (антропология, историческая психология), связь с культурой и психологией личности и социума (психолингвистика). Язык понят как относительно самостоятельное явление, имеющее свои законы развития и функционирования (структурная лингвистика). Отличие дискурсивного подхода от других направлений, методологий и школ научного изучения языка в том, что он позволяет ставить и решать задачи «поиска смыслов и ценностей» в языковых взаимодействиях. В этом смысле, если науки в целом — включая и новейшие дисциплины, — основаны на анализе (т. е. декомпозиции) изучаемого, то дискурсивный подход является одним из первых, если не первым, методов научного междисциплинарного синтеза. Это его качество особенно ценно применительно к поставленной теме.

Диалог русской и английской культур продолжается уже более 600 лет. Условно начало языкового диалога можно отнести к установлению дипломатических отношений в 1553 г. между тогда Русским царством и Англией в результате того, что представитель короля Эдуарда VI, Ричард Ченслер, в попытках найти новый путь в Азию был вынужден сделать остановку в Москве, а затем был представлен царю Ивану Грозному IV [1]. С того момента диалог двух языков охватывает и включает в себя культурный диалог (литература, музыка, искусство, образование), а также политический (с XVIII в.). Во всех этих сферах происходит не только взаимное влияние двух языков, но и некий «спор» (диалог), который обусловлен историческими отношениями двух стран, а также противостоянием двух цивилизаций — в случае английского языка в историческом контексте протестантской культуры, в случае русского — православной.

После распада СССР и поворота постсоветской России в сторону либеральной идеологии языковой диалог получил новую ветвь своего развития. Связано это с тем, что в начале XXI в. резко усилилась политическая значимость идеологических процессов, кроме того, усилилась тенденция взаимозависимости (по меркам последних 50—70 лет) идеологических процессов и процессов политических и межгосударственных. В идеологическом поле в центре данных тенденций оказался либерализм как доминирующая идеология современности (во всех его вариантах: классический и нео, политический, экономический, социальный, культурный). После распада СССР либе-

рализм объективно остался ведущей светской идеологией глобального значения. Светскость его относительна: он не отрицает религиозных начал в духовной и материальной жизни и основывает свои идеи на представлениях и ценностях христианства, что естественно с учетом его происхождения от западного христианства — протестантского и в определенной мере католического. Тем самым либерализм как светская христианская идеология в целом оказывается трудно совместим с православной ветвью христианских учения, морали и церкви [2]. Либерализм с точки зрения когнитивного анализа так же уникален и «непереводим», как русские соборность или общинность. Здесь имеется в виду не сложность формального «правильного» перевода (подразумевающего поиск наиболее адекватных лексических и смысловых эквивалентов), а передача психоэмоционального восприятия данных понятий (коннотация, но в более широком смысле).

Как следствие, возникают два вопроса: не ускользают ли при формально правильном переводе какие-то историко-культурные и историко-психологические нюансы понятий, идей и концепций, значимые при их переносе в когнитивную сферу и практику другой страны? И напротив, не дополняются ли — вольно или невольно — переводимое и переносимое смыслами и еще более ассоциациями, присущими культуре-реципиенту? Понятно, что на практике неизбежно имеет место то и другое; но возможно ли объективно оценить их масштабы и значение?

Подход к обозначенной проблеме через призму идеологического дискурса обусловлен снятием цензуры и открытием информационных границ — в Россию пришло все многообразие мировых политических идей и воззрений. Кроме того, либерализм и марксизм, идейное и политическое соперничество между которыми далеко не завершено, имеют англоязычные корни. Россия заимствовала политико-идеологические идеи и концепции у Запада, включая марксизм; а там они по происхождению во многом англоязычны. При пересадке их в новую среду они попадают в иные условия бытия и, как следствие, на иную историко-культурную и историко-психологическую базу. Дефицит сопоставимой базы, когда он имеет место, или даже ее полное отсутствие восполняются домысливанием, вкладываемым в формально корректный прямой перевод.

Представление о потенциальном практическом содержании темы может дать такой пример. Как известно, «Отче наш» является в христианстве главной (господней) молитвой, одинаково признаваемой православием, католицизмом и протестантизмом. Ее канонические версии, однако, различаются; существуют переводы на различные языки и позднейшие богословские трактовки текстов. Сравним для иллюстрации лишь несколько строк из современных церковных (т. е. официальных, насколько тут применимо это слово) текстов молитвы на русском и английском языках. Первая строка молитвы: «Our Father who art in heaven» (используемый иногда в протестантских приходах вариант «Our Father whose art is heaven» — выделено нами. — *А. М.*); и соответственно, «Отче наш, Иже еси на небесах!» Обращение: слово «father» в английском языке — нормальное повседневное обращение к отцу или упоминание о нем; «отче» — старорусское, в сегодняшней повседневной русской речи практически не встречающееся. Каковы его заслуги и «статус»? В англоязычном тексте «who art in heaven» (или «whose art is heaven») — т. е. «тот, кто творит на небесах» (или «тот, кто сотворил небеса») — то есть Его заслуги и «статус» не только интуитивно понятны, но и убедительно доказаны. В русскоязычном — «Иже еси на небесах!»; но мало ли кто и что может там «еси»... Форма обращения: в англоязычном тексте — констатация, переходящая через запятую во вторую строку молитвы; в

русскоязычном — восклицание, отделенное этим знаком от остального текста. Построчный анализ легко продолжить; но и на примере одной строки видно, что если англоязычный текст обращен в равной мере к эмоциональному и логическому началам в психике человека, то в русском тексте эмоциональное начало возведено в абсолют. Как следствие, тон и смысл молитвы оказываются существенно разными и для отдельно взятого человека, и особенно в историко-культурном аспекте. Еще один пример — распространенное в метро Москвы обращение «Граждане пассажиры» при прямом переводе дает невозможное в английском «Citizen passengers...».

Еще более значимые в жизни, науке и политике историко-культурные и психолингвистические различия обнаруживаются при обращении к таким идеологически «нагруженным» понятиям, как «свобода», «частная собственность», «демократия», «суверенитет» и многим другим, образующим основы современных наук об обществе и человеке. Историко-культурная и психолингвистическая база англоязычных терминов в сфере светских идеологий (специфика понимания liberalism = I am at liberty, laborist как защита прав наемного работника — а им может быть профессор университета, госчиновник, т. е. не только рабочий; social-democratic — social здесь обозначает общественный, публичный, а вовсе не намек на социализм).

Данная проблема заслуживает, по мнению автора, глубокого и всестороннего самостоятельного исследования.

Список использованной литературы

1. Козин В. От Ивана IV и Эдуарда VI измеряются 450 лет дипотношений двух стран // Международная жизнь. 2003. № 1. С. 88—96.
2. Bell D. What is Liberalism? // Political Theory. 2014. Vol. 42(6). P. 682—715.
3. Бенхабиб Сейла. Притязания и культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху / пер. с англ. ; под ред. В. И. Иноземцева. М. : Логос, 2003.
4. Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Т. I—II / пер. с нем. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 752 с.
5. Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни. М. : Изд-во «Новое литературное обозрение», 2006. 640 с.
6. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
7. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. А. А. Дынкина. М. : «Магистр», 2011. 480 с.
8. Tracy A. L.C. D. de. Elements d'Ideologie. 2-nd ed. Brussels, 1826.

Марина Евгеньевна Новичихина,

доктор филологических наук, профессор,
Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж,
novichihiname@mail.ru

УДК 811.161.1'37

Функционирование коммерческого названия: политический аспект

Аннотация. В работе поднимается вопрос о влиянии политических и социальных процессов в обществе на функционирование коммерческого названия. Показывается, что

изменение границ того или иного государства вносит осложнения в судьбу товарных знаков. Как результат миграционных процессов в постсоветский период трактуется факт появления новых типов коммерческих названий на рынке центральных областей России. Политические события (в частности, политическое размежевание) указываются в качестве одной из причин терминологических расхождений в теории коммерческой номинации.

Ключевые слова: коммерческая номинация, товарный знак, словесный товарный знак, сходство до степени смешения, Гражданский кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Украины.

Marina Novichihina

Doctor of Sciences in Philology, Professor, Voronezh State University,
Russia, Voronezh, novichihiname@mail.ru

Functioning of commercial name: political aspect

Abstract. The paper raises the question of the influence of political and social processes in society on the functioning of a commercial name. It is shown that changing the borders of a state introduces complications to the fate of trademarks. As a result of migration processes in the post-Soviet period, the fact of emergence of new types of commercial names on the market of central regions of Russia is interpreted. Political events (in particular, political disengagement) are interpreted as one of the reasons for terminological discrepancies in commercial nomination theory.

Keywords: commercial nomination, trademark, verbal trademark, confusing similarity, Civil Code of the Russian Federation, Civil Code of Ukraine.

Коммерческая номинация — это языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение прибыли [1, с. 5], например: «Лира» (конфеты), «Вермишель» (кафе), «Локон» (парикмахерская), «Беркут» (фирма по обслуживанию бытовой техники) и т. п. Одним из видов коммерческого названия является словесный товарный знак — обозначение, зарегистрированное в установленном порядке (в РФ — Роспатентом).

Заметим, что сам феномен коммерческой номинации неоднократно становился объектом научного изучения и практического анализа (причем как с лингвистической точки зрения, так и с точки зрения теории PR), между тем публикации, акцентирующие внимание на политических аспектах функционирования коммерческого названия, на сегодняшний день практически отсутствуют.

С одной стороны, такое игнорирование понятно и вполне оправданно: понятие коммерческой номинации — понятие сугубо лингвистическое и, на первый взгляд, находящееся «вне политики». С другой стороны, изучение практики коммерческой номинации свидетельствует об обратном: коммерческая номинация не остается (и, скорее всего, не может оставаться) в стороне от политических и социальных процессов, протекающих в обществе, и накладывающих отпечаток на формирование и функционирование коммерческого названия.

Именно поэтому целью предпринятого исследования явился анализ влияния политических и социальных процессов в социуме на жизненный цикл коммерческих названий, в частности словесных товарных знаков.

Поясним, что в соответствии с действующим законодательством России товарный знак — это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [2] (при этом, как уже отмечалось выше, обозначение может считаться товарным знаком лишь тогда, когда оно в установленном порядке зарегистрировано). Процедуры подобной регистрации в различ-

ных, в том числе и европейских, странах хотя и имеют некоторые отличия, но в целом достаточно похожи. Прохождение такой процедуры дает правообладателю товарного знака право использовать его на территории своего государства.

Однако ни один документ (и это следует считать серьезным юридическим «изъяном») не отвечает на вопрос, каким образом действовать, если изменились территориальные границы государства.

Подобные проблемы, обусловленные политическими изменениями, возникают в мире систематически: в Индии при присоединении Сиккима, в Йемене при объединении Народной Демократической Республики Йемен и Йеменской Арабской Республики, при объединении Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики, наконец, при присоединении Крыма к Российской Федерации.

Так, например, политические события 2014 г. и вхождение Крыма в состав Российской Федерации внесли заметные осложнения в функционирование товарных знаков Крыма. Очевидно, что на 2014 г. их правовая защита в России не была обеспечена.

Для разрешения этой проблемы в июле 2014 г. был принят Закон «О внесении дополнения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3]. Среди прочего упомянутый закон устанавливал процедуру перевода крымских товарных знаков (являющихся на тот момент товарными знаками Украины) в российскую юрисдикцию. Суть описанной в законе процедуры сводилась к тому, что товарные знаки Крыма перерегистрировались по упрощенной схеме и тем самым становились «полноправными» российскими товарными знаками. Условие льготной перерегистрации было следующее: заявка на нее должна была быть подана до 1 января 2015 г., а суть льготы сводилась не только к отсутствию госпошлины, но и, что важно в данном случае, к отказу от процедуры экспертизы этих знаков на сходство до степени смешения.

Поясним сказанное. На сегодняшний день в соответствии с частью 4 Гражданского кодекса РФ не допускается регистрация в качестве товарных знаков обозначений, тождественных или сходных до степени смешения с уже зарегистрированными товарными знаками. Именно поэтому общепринятая в России процедура регистрации товарных знаков предполагает анализ поданных на регистрацию обозначений на предмет сходства/отличия. Объявленная льготная процедура, с одной стороны, облегчает этот процесс. Однако, с другой стороны, она приводит к тому, что на сегодняшний день начинают функционировать многочисленные товарные знаки с элементами сходства. Такая ситуация чревата рядом последствий.

Во-первых, как уже отмечалось, создается ситуация, при которой на территории страны будут совершенно законно действовать два похожих знака. Причем, как утверждает компания Patentus, количество таких знаков исчисляется тысячами [4]. Например, Анатолий Аронов, президент «Первой патентной компании», в качестве примера приводит «Южную строительную компанию» (компания с аналогичным названием существует и в России), а также крымскую компанию «Супер Скай», к которой может предъявить претензии российская компания «Скай Линк» (на том основании, что названные товарные знаки являются сходными до степени смешения).

Во-вторых, следствием этого становится нарушение прав на сходный российский знак и ущемление интересов российских правообладателей; обеспечить баланс интересов обеих сторон в данном случае весьма проблематично.

В-третьих, под удар попадает и рядовой потребитель, дезориентированный сходством обозначений.

Бесспорно, выходом из подобных ситуаций является так называемая международная регистрация товарного знака. Такая регистрация дает право беспрепятственно использовать товарный знак на территории других государств. Но как быть с теми товарными знаками, которые подобную регистрацию не прошли, с так называемыми национальными товарными знаками?

Как уже отмечалось выше, подобные проблемы возникают в мире систематически, хотя варианты их решения могут существенно отличаться.

Наиболее схожим с российским оказался опыт стран бывшей Югославии: товарный знак, полученный в СФРЮ, при помощи простой заявительной процедуры мог быть преобразован в товарный знак одного из шести независимых государств, а позже, в 2008 г., мог быть признан и в Косово.

Если обратиться к опыту Германии, то необходимо напомнить, что там все права на средства индивидуализации, которые были зарегистрированы ранее на территории ФРГ и ГДР, стали автоматически распространяться на всю территорию объединенного государства. Иными словами, произошло объединение реестров интеллектуальной собственности бывших Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии; основой для такого объединения стал принятый здесь в 1992 г. Закон о распространении действия объектов промышленной собственности. Если же возникали спорные вопросы, то действовало правило — право на товарный знак действовало в той части страны, где изначально оно возникло.

Почему же в России не был поддержан описанный опыт? Причин может быть несколько. Во-первых, документы, касающиеся интеллектуальной собственности, приняты в России относительно недавно, в то время как в Европе они «оттачивались» десятилетиями. Например, появление первого законодательного акта, относящегося к товарным знакам, принято относить к 1266 г. (Англия). В Германии законодательство о товарных знаках существует с 1902 г. Законы о товарных знаках здесь постоянно дорабатываются, ныне действующая редакция закона принята в 1994 г. [5] Во-вторых, игнорирование описанного этого опыта отчасти обусловлено более «мягким» подходом к трактовке в Германии понятия сходства товарных знаков до степени смешения, а также так называемым «двухэтапным» характером регистрации знаков.

Так, в отличие от России, экспертиза заявленного для регистрации товарного знака по инициативе патентного ведомства ограничивается в Германии только абсолютными препятствиями к охране, а не относительными. Такими абсолютными препятствиями согласно § 8 Закона о товарных знаках Германии являются, например, отсутствие какой-либо различительной способности, указание на вид, свойство, количество, назначение, географическое происхождение и некоторые другие. Что касается относительных препятствий, то они должны быть представлены в выражении против регистрации, поданном владельцем старшего знака. В соответствии с § 42 Закона такое опротестование в регистрации может быть подано владельцами схожих или тождественных товарных знаков в течение 3 месяцев со дня подачи заявки.

Такой механизм регистрации приводит к появлению целого ряда неожиданных немецких товарных знаков, как, например, «Герхард Шредер», что было бы совершенно невозможно в России.

Одним словом, путь, избранный в данном случае Российской Федерацией, вполне понятен и оправдан. Между тем достаточно вероятно негативное последствие

предпринятых шагов, оно связано с перспективой многочисленных судебных тяжб, связанных с нарушением прав на зарегистрированный товарный знак.

В целом же видим, что функционирование коммерческого названия не может остаться в стороне от такого политического события, как изменение границ того или иного государства. Между тем ни в России, ни в мире в целом до сих пор не решен вопрос о защите национальных товарных знаков в ситуации политических изменений, в частности изменений границ того или иного государства; практика же неперменной международной регистрации товарного знака не сформировалась.

Еще одним примером влияния политических событий на сферу коммерческой номинации можно считать факт появления новых типов коммерческих названий на рынке центральных областей России. К этому привели миграционные процессы и демографические сдвиги в обществе, вызванные, в свою очередь, политическими изменениями. Речь идет о появлении названий, характерных прежде для Северо-Кавказского и Среднеазиатского регионов бывшего СССР. Конечно, географическая тематика в коммерческой номинации прослеживалась всегда: названия типа «Кавказ», «Тифлис», «Азбука Азии», «Казбек», «Арарат», «Самарканд» появлялись и прежде, при этом они были хорошо понятны среднестатистическому представителю целевой аудитории этих названий. В последние же десятилетия появляется заметная доля названий, семантически распознаваемых лишь выходцами, например, с Кавказа или из Средней Азии.

Так, нами был проведен опрос 25 человек (студенческая группа) относительно коммерческого названия «Бахор» (кафе). Респондентам было адресовано 2 вопроса: 1) известно ли вам название «Бахор»?; 2) что означает слово «бахор»? Результаты опроса распределились следующим образом: 92% опрошенных известно название кафе «Бахор», но лишь 4% (1 человек!) знакомо со значением узбекского слова «бахор» (весна, весенний). Что же касается коммерческого названия «Вай мэ!» (закусочная), то только 16% опрошенных ответило утвердительно на первый вопрос (коммерческое название им знакомо), при этом значение грузинского восклицания *Вай мэ!* (аналогичного русским: «ничего себе!», «вот это да!», «ух ты!» и т. п.) никто объяснить не смог.

Точно так же зачастую воспринимаются коммерческие названия «Цахвили», «Оджахури», «Накатика», «Тайяки», «Такояки-мисэ», «Гюмри», «Гамарджоба», «Артико», «Шах-Даг», «Ван», «Заргарон», «Сусамыр», «Баракат», «Байхан» и другие грузинские, узбекские, азербайджанские, армянские, киргизские и т. п. названия. Как показывают исследования, эти и подобные названия, как правило, не удовлетворяют таким условиям коммуникативно эффективной коммерческой номинации (о понятии коммуникативно эффективности коммерческой номинации и ее составляющих [см. подробнее: 6, с. 85—88]) как ассоциативное соответствие, мотивированность, информативность, а нередко и условию фонетической привлекательности — в силу различия звукового строя и особенностей его восприятия носителями различных культур (некоторые названия оказываются элементарно труднопроизносимыми для носителя русского языка).

Нами, например, была предпринята попытка исследовать такую составляющую коммуникативной эффективности подобных названий, как ассоциативное соответствие (о методике исследования ассоциативного соответствия коммерческого названия см. подробнее в: [7, с. 436—437]).

Рассчитанный в соответствии с этой методикой индекс ассоциативного соответствия названия «Заргарон» (коммерческое название произошло от названия традици-

онного крытого базара в историческом центре Бухары в Узбекистане) составил 8%, что не позволяет отнести исследуемое название к категории ассоциативно соответствующих.

Исследование такой составляющей коммуникативной эффективности, как мотивированность, показало сходные результаты. Так, индекс мотивированности приведенных выше названий (о методике расчета индекса мотивированности см. подробнее в: [7, с. 437—439]) не превышает 10%. Например, индекс мотивированности коммерческого названия «Сусамыр» составил 2%, что не позволяет отнести исследуемое название к категории мотивированных.

Результаты фоносемантического анализа перечисленных названий, проведенного в соответствии с методикой А. П. Журавлева [8], ставят под сомнение еще одну составляющую коммуникативной эффективности коммерческого названия — фонетическую привлекательность. Этот вывод базируется на характере выявленных фоносемантических характеристик исследуемых названий (их отрицательной оценочности). Например, фоносемантическими характеристиками коммерческого названия «Цахвили» оказываются: *плохой, маленький, слабый, шероховатый, низменный, угловатый, тихий, короткий, трусливый, хилый*.

Между тем совершенно очевидно, что расширение практики формирования подобных названий — есть прямой результат миграционных процессов в постсоветский период. Именно миграционные процессы в обществе спровоцировали вытеснение так называемых коренных коммерческих названий инокультурными названиями. Такое вытеснение, в свою очередь, приводит к увеличению доли коммуникативно неэффективных коммерческих названий.

Нельзя не обратить также внимание на тот факт, что политические события становятся в ряде случаев одной из причин терминологических расхождений в теории коммерческой номинации. Так, например, политическое размежевание стран бывшего СССР привело к тому, что различные государства постсоветского пространства стали использовать различную терминологию (и все это при том, что в так называемый советский период терминология была единой).

Для пояснения сказанного обратим внимание на то, что российское законодательство применительно к зарегистрированным коммерческим названиям оперирует (и это логически вытекает из всего сказанного выше) понятием «товарный знак», хотя на бытовом уровне нередко наблюдается смешение понятия товарного знака с другим, близким по своей сути понятием — понятием торговой марки (которое в российском законодательстве юридически не закреплено). Законодательства некоторых других стран постсоветского пространства, напротив, используют понятие «торговая марка» (оставляя товарному знаку роль лишь бытового понятия, не закрепленного юридически).

Например, украинское законодательство, оперируя понятием «торговая марка» («торговельна марка»), трактует торговую марку как «любое обозначение или любую комбинацию обозначений, пригодных для выделения товаров (услуг), которые вырабатываются (предоставляются) одним лицом, от товаров (услуг), которые вырабатываются (предоставляются) другими лицами» [9]. Как видим, такая трактовка, предложенная в статье 492 главы 44 Гражданского кодекса Украины, демонстрирует семантическое сходство с трактовкой товарного знака, приведенной выше и предложенной в статье 1477 главы 4 Гражданского кодекса России.

Оставив в стороне проблему истоков смешения понятий «товарный знак» и «торговая марка» (а эти истоки лежат в широком диапазоне — вплоть до представ-

ления о различных типах перевода на русский язык иноязычного trademark: смысловом — в этом случае мы получаем *товарный знак*, и путем фонетической кальки — в результате получаем *торговую марку*), констатируем, что:

1) выявляемое юридическое расхождение лишь усиливает хаотичное семантическое использование обсуждаемых терминов;

2) терминологическая путаница не случайна: политическое размежевание стало причиной стремления к размежеванию во всех сферах, вплоть до обсуждаемой терминологической, в итоге параллельное существование идентичных терминов можно рассматривать как одно из последствий политического размежевания государств.

В целом же проведенное исследование позволяет утверждать, что политические и социальные процессы, касаясь всех сторон жизни общества, заметно сказываются и на таком языковом феномене, как коммерческое название.

Список использованной литературы

1. Новичихина М. Е. Проблемы изучения коммерческой номинации : учеб. пособие. Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2012. 108 с.

2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации : [фед. закон: от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»]. Ст. 1477. URL: <http://www.gk-rf.ru> (дата обращения: 16.03.2020).

3. Федеральный закон «О внесении дополнения в Федеральный закон “О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”». 14 июля 2014 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=165900&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9173309832297618#05804900274223586> (дата обращения: 16.03.2020).

4. Титов просит Путина защитить интеллектуальные права крымчан. URL: <http://www.advertology.ru/article122492.htm> (дата обращения: 18.02.2020).

5. Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen. URL: <http://www.drjv.org/index.php/dgesetze.html> (дата обращения: 16.03.2020).

6. Новичихина М. Е. Коммерческая номинация: теория и практика : учеб. пособие. Воронеж : Кварта, 2018. 246 с.

7. Новичихина М. Е. Об использовании количественных характеристик в процессе исследования коммуникативной эффективности слова-названия // VI Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. науч. статей. Севастополь, 2012. С. 433—442.

8. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1974. 160 с.

9. Украина. Законы. Гражданский кодекс Украины (Цивільний кодекс України). Ст. 492. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата обращения: 16.03.2020).

Инна Владимировна Соловьева,

кандидат филологических наук, доцент,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, г. Москва, isolovyova@hse.ru

УДК 82. 312. 6

**Игра в солдатики: мотив игры в изображении армейской службы
в творчестве постсоветских авторов
(Д. Горчев «Жизнь без Карло», М. Елизаров «Госпиталь»)**

Аннотация. Исследование выявляет и анализирует тему творческой игры в произведениях русских авторов, описывающих личный опыт службы в советской армии. Для анализа были взяты прозаические произведения современных писателей: роман Дмитрия Горчева «Жизнь без Карло» (2010) и повесть Михаила Елизарова «Госпиталь» (2005). Игра как способ самопознания героев, а также инструмент для постижения окружающего мира и взаимодействия с ним является ключом к пониманию данных произведений. Служба в армии изображена как игра по двум канонам: уставу и неписаным, но обязательным правилам поведения внутри жесткой иерархии. Творчество, представленное в виде игры, помогает героям адаптироваться в официальной и неформальной системе социальных отношений. Актуальность исследования связана с растущим интересом современных писателей к переосмыслению советского прошлого, благодаря которому возможно понять вектор развития современного российского общества.

Ключевые слова: армейская проза, автобиографическая проза, творческая игра, метафизика игры, Шиллер, постсоветская литература, современная русская проза.

Inna Soloveva

Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, the Higher School of Economics,
Russia, Moscow, isolovyova@hse.ru

**A Game of Soldiers: Game as a Tool Used by the Post-Soviet Authors
to Describe the Army Service
(*Life without Carlo* by Dmitry Gorchev, *Hospital* by Michail Elizarov)**

Abstract. This research addresses the motive of art as a game, a tool used by the Russian writers who described their personal military service experience in the Soviet Army. The research covers *Life without Carlo* (2010) by Dmitry Gorchev and *Hospital* (2005) by Mikhail Elizarov. Game is the key to understanding these two pieces of prose. It is a way for the characters to know themselves and to discover the world around them, a tool to deal with this world. In this context, the army service is a game governed by the two major sets of rules. These are the Army Regulations and an informal though must-follow code of conventional practice that integrates a person into the hardline hierarchy. Art in the form of a game governed by these two sets of rules helps the characters to integrate themselves into both the formal and the informal hierarchies. As the contemporary Russian authors tend to take a new look at the Soviet-time past, this research might help to comprehend the development trends of our modern Russian society.

Keywords: army prose, autobiographical prose, game as part of art, metaphysics of the game, Friedrich Schiller, post-Soviet literature, modern Russian prose.

Игра как объект научного исследования с античности представляет интерес для тех отраслей знания, которые занимаются осмыслением места человека в культуре и обществе: «Игра включается в различные теории, выступая либо как объект анализа, либо как структурное, оценочное, экзистенциальное, онтологическое понятие, либо

как субъективный модус мышления и поведения. Феномен игры растворяется в широком философском, культурологическом и художественном контекстах, сохраняя при этом свой инвариант, что позволяет при его реконструировании выделить философское направление и обозначить как метафизику игры» [1, с. 1].

Данное исследование опирается на шиллеровское понимание игры как следование правилам, существующим в сознании субъекта. Игра не определяется ни естественной необходимостью, ни законами нравственности и интеллекта, но тем и другим — на сопредельных началах. В результате возникает феномен, представляющий синтез естества и разума, насилия и свободы — «свобода в явлении», как формулирует сам Шиллер.

Теоретическая база трактата Шиллера «Письма об эстетическом воспитании», изданном в 1795 г. в его журнале «Die Horen» («Оры»), считается результатом переосмысления основ кантианской этики и эстетики, а также неоднозначного впечатления, которое на него произвела Великая французская революция. Представление о воспитательной роли искусства сближает Шиллера с современниками-просветителями. Аргументация «Писем» строится по принципу антитезы: природы и разума, необходимости естественной и нравственной, человека природного и морального, подводя к выводу о «необходимости синтеза антиномически разведенных аспектов человечности и общественного развития, а не предпочтения одной опции за счет отказа от другой» [2, с. 25]. Конечным результатом такого синтеза станет абсолютная свобода, которая достигается посредством искусства и реализуется исключительно в нем.

Задачу искусства Шиллер видит в том, чтобы облагородить характер современников и возвысить их до идеала: «Наука и искусство отрешены от всего положительного и зависимого от человеческой условности и пользуются безусловной неприкосновенностью со стороны человеческого произвола» [3, с. 81]. Обращаясь к творческому человеку, Шиллер пишет об игре как способе привлечь современников: «Серьезность твоих правил отпугнет их от тебя, но в игре они способны еще перенести их. Вкус их целомудреннее их сердца, и здесь-то именно и должен ты схватить боязливого беглеца; ты напрасно будешь нападать на их правила, напрасно осуждать их действия, но на их праздности ты можешь еще испытать свою творческую руку» [3, с. 86].

Игра понимается Шиллером как способ дать человеку свободу в физическом и моральном отношении, поскольку побуждение к игре синтезирует эти два начала, уничтожая любую случайность и зависимость. Побуждение к игре — неотъемлемое условие существования искусства. «Предмет побуждения к игре, представленный в общей схеме, может быть назван понятием, служащим для обозначения всех эстетических свойств явлений, — одним словом, всего того, что в обширнейшем смысле слова называется красотой» [3, с. 119]. Красота и есть побуждение к игре, то есть ко всему тому, что «не есть ни объективно, ни субъективно случайно, но в то же время не включает в себе ни внутреннего, ни внешнего принуждения» [3, с. 122]. Только игра раскрывает двойственную природу человека и позволяет ему полностью реализоваться.

Таким образом, опираясь на широкое толкование Шиллером игры как парадигмы человеческого существования, данное исследование будет понимать игру и как вид деятельности (искусство как игра), и как тип поведения и отношения к реальности (социальные роли как игра).

В переломные моменты истории обостряется внутренний антагонизм между чувством и интеллектом, природой и разумом, о которых писал Шиллер, потрясен-

ный Великой французской революцией. Распад СССР стал таким же кризисным периодом в истории народов республик, входивших в его состав. На это время пришелся личный опыт срочной службы для Дмитрия Горчева¹ и Михаила Елизарова. Оба автора родились и выросли в СССР, получили высшее филологическое образование, при этом выбрали писательскую карьеру не сразу. И Горчев, и Елизаров были призваны в армию в трудное время для страны — период распада Советского Союза, когда кризис отразился на всех уровнях жизни советского человека — бытовом, политическом, культурном.

Автобиографические произведения Горчева и Елизарова посвящены личному армейскому опыту. При всем различии в художественном методе, идеологии, личности авторов можно обнаружить ряд сходств в романе «Жизнь без Карло» и повести «Госпиталь» в изображении творчества как игры и способа взаимодействия с окружением.

1. Творчество как маркер гуманизма

Помимо официальной иерархии в армии существовало неформальное деление на четыре группы в зависимости от срока службы². После присяги солдат срочной службы назывался «духом» и был самой бесправной жертвой неуставных отношений. Через 100 дней службы рядовой назывался «слоном», а после 200 — «черпаком», когда появлялись небольшие послабления в наказаниях со стороны старослужащих. За 100 дней до окончания срока службы рядовой становился «дедушкой», «дедом» и пользовался существенными привилегиями. С момента приказа Министерства обороны «дед» становился «дембелем» и мог иметь собственного «духа» в качестве раба. Эта система существовала до 2008 г., когда срок срочной службы сократился до одного года. В основе ее лежит беспрекословное подчинение старослужащим, слепок с модели патриархального общества, в котором ценность личности определяется ее положением в иерархии.

В связи с расчеловечиванием, превращением личности в объект, возникает проблема сохранения гуманистических ценностей в условиях жесткой иерархии, центральная для данных произведений Горчева и Елизарова. Способность творческого человека воспитать вкус аудитории, а вместе с этим и смягчить нравы наглядно представлена в эпизоде романа «Жизнь без Карло», где на концерте самодеятельного ансамбля «Стремление» сослуживцы освистали артистов за нетривиальный репертуар. Все участники ансамбля покинули сцену, за исключением гитариста Сереги.

«И дети степей, песков, тундр, дубрав и холмов стали потихоньку стихать и стояли, разинув рты, и не понимали, что это такое происходит.

Когда в зале стало совершенно уже тихо, Серёга вдруг оборвал песню, снял гитару с шеи, зашвырнул её в угол, засунул руки в карманы и, не торопясь, ушёл в подсобку. Он победил» [4, с. 110].

---

¹ Дмитрий Горчев (1963–2010), писатель и художник. Родился в городе Целинограде (совр. Астана) Казахской Республики, получил два высших образования: техническое и гуманитарное. В 1999 г. переехал в Санкт-Петербург, с 2005 г. жил в деревне Гостилово (Невельский район, Псковская область). В честь него учреждена литературная премия, которая поддерживает реалистическую и метареалистическую короткую прозу, написанную на русском языке.

² Следует иметь в виду, что далее приводится обобщенная информация для названия ступеней в неформальной армейской иерархии, которая могла варьироваться в зависимости от региона и вида войск.

Отношение к творчеству предстает как маркер гуманизма, в подтверждение концепции Шиллера об общественной роли искусства. Персонажи, восприимчивые к прекрасному, пусть и не на высоком уровне эстетического развития, скорее склонны проявлять милосердие и человечность, чем те, кто отрицает роль творческой игры. У Елизарова главный антагонист, танкист Прищепин, не принимает ценность творчества, высмеивая и унижая госпитальных «артистов».

«Нужен был нейтральный вариант, почти народный. Я вдруг вспомнил про Высоцкого и затянул “Коней привередливых”».

Это не я ошибся с выбором. Прищепин одинаково осмелял бы всякую песню и любое исполнение. Танкисту для расправы нужно было сначала лишить меня певческой брони» [5, с. 350].

Невосприимчивый к искусству и жестокий, Прищепин описывается как существо демоническое, потустороннее и величественное одновременно:

«Над всем этим пиршеством грозно царил Прищепин, он возвышался как монумент, и у его подножия сновали восточные чужаки. С порога я перехватил его острый взгляд, воткнувшийся в меня. Нечеловеческое опьянение висело на нем, как цепи, от этой чугунной тяжести он не двигался, а ворочался, медленный и громоздкий, обросший сырой земляной теменью» [5, с. 378].

Итак, через отношение к творческой игре раскрываются персонажи Горчева и Елизарова. Характерно, что «артисты» проявляют взаимовыручку, поскольку не только игра-творчество является способом уцелеть в агрессивной среде, но и «цеховая» солидарность:

«Иногда меня подменяли в развлекательной программе Яковлев с Прасковьиным. Очень выручили, когда у меня пальцы от струн гноились. Два вечера подряд они выступали, и как раз за это время мои раны чуть затянулись и выросла новая кожа.

Я потихоньку тогда им сказал: “Спасибо, мужики”.

Хохотун на людях, Яковлев устало и печально ответил: “Всегда пожалуйста”, — а хмурый Прасковьин подмигнул: мол, чего там, свои люди, артисты, — сочтемся» [5, с. 341].

2. Творческая игра как «оберег»

Человек искусства в армии находится под охраной своего таланта как в формальной, так и неформальной иерархии. Для офицера он представляет ценность, поскольку может внести вклад в воспитательную работу: выступить в самодеятельном ансамбле или нарисовать плакаты. В глазах сослуживцев его ценность заключается в способности развлечь и скрасить досуг. Помимо утилитарных функций, творческий человек в армии играет роль морального камертона и имеет особый статус, поскольку, по Шиллеру, пробуждает в окружении лучшее, приближая к идеалу. Вероятно, поэтому в рассматриваемых произведениях о способности к творческой игре говорится как о защите, «обереге», «броне».

В повести Елизарова творческая игра становится способом смягчить нравы и «задобрить» старослужащих. Если «дух» забавен и может развлечь, то его не истязают, поэтому каждый старается в меру возможностей: от неприятной пародии до продуманной клоунады.

«Олешев кричит Игаеву:

— Фитиль, я тебя сектым и в форточка ляхтырдым!

Игаев пучит глаза, вскакивает с койки и докладывает, прессуя гласные звуки:

— СлжСвтскмСзз!

Это смешно, и его никто не трогает, тем более что Игаева чморят его земляки из другой палаты. <....>

Яковлев и Прасковьян работают в сложном разговорном жанре. Они в своем роде Тарапунька и Штепсель, такие же настоящие мастера клоунады.

Их выдуманная самоагрессия полностью гасит агрессию внешнюю, дескать, им и так от самих себя досталось» [5, с. 314].

Мотив магической силы искусства прослеживается у обоих авторов. Елизаров пишет о «чудотворной силе смеха», «колдовских особенностях» самодеятельных артистов «заговаривать чужую злобу», то есть, по Шиллеру, «испытывать на их праздности свою творческую руку» и приближать к идеалу. Окружение догадывается об особой функции творческого человека и наделяет его статусом «божьего человека», или юродивого, то есть «сумасшедшего, в чьих безумствах народ видит глубокий смысл и даже провидение» [6].

У Горчева можно найти пример изображения искусства как берега в главе, которая даже называется «Двадцать грамм. Божий человек», где описан случай встречи в неуставном виде рассказчика с проверяющими:

«А это ещё кто?!» — грозно спросил ленинградский генерал.

«Да не обращайтесь внимания, — кротко ответил наш комбат по фамилии Юбидзе. — Это художник, Божий человек. Дурачок наш» [4, с. 240].

3. Игра как освобождение

Понимая игру, вслед за Шиллером, как способ обретения абсолютной свободы благодаря синтезу гуманистических ценностей и общественных интересов, который достигается в искусстве, мы видим реализацию этой концепции в анализируемых произведениях.

Творческая игра предполагает аудиторию, поэтому художник балансирует между стремлением к творческой реализации и общественными интересами как в официальной, так и неформальной иерархии. Выполняя работу на заказ, поступивший от руководства или сослуживцев, он получает послабление и возможность творить, при этом служа «смягчению нравов» и эстетическому воспитанию своего окружения.

Интересно, что работа по заказу руководства не ощущается как компромисс. Художник любит и гордится своими произведениями, хотя и описывает их с большой долей иронии, как Горчев, рассказывая о плакатах для строевой подготовки:

«Вдохновенный мой гений придал лицам этих идеальных людей выражение такого безмятежного счастья и отсутствия всяких претензий к окружающему миру, что если бы мне довелось встретить таких людей на тёмной улице, так я непременно спрятался бы от них в кусты. Их вовсе ничуть не тревожило то, что вытянутые вперёд ноги у них в полтора раза длиннее опорных, что суставы их вывихнуты, что количество пальцев на руках редко у кого доходило даже до четырёх, — им достаточно было того, что они умеют поворачивать на ходу налево или направо» [4, с. 210].

Герой повести Елизарова тоже вынужден работать «на заказ», в его случае неофициальный, от своих товарищей по палате. Он не только исполняет для них песни под гитару, но и учит играть на ней:

«А однажды и безнадежный, казалось, “дед” Гречихин, а вслед за ним “дед” Чекалин внятно исполнили песню про “группу крови на рукаве”. Эти очевидные успехи заставили и других “дедов” задуматься, и многие тоже обращались ко мне за уроками» [5, с. 384].

Проявляя расчетливость в занятиях творчеством, человек искусства осознает блага, которые оно ему приносит. Тем не менее эта позиция не противоречит шиллеровскому представлению о роли творца, который, не ища одобрения и благ общества, служит ему, показывая идеал. Дело в том, что те небольшие послабления, которые получает певец или художник в армии, позволяют ему фокусироваться на творческом процессе. Таким образом, в патриархальной, иерархически выстроенной структуре, где, казалось бы, неизбежен конфликт личного и общественного, происходит синтез, служащий освобождению личности. Адаптация к иерархическим отношениям не ломает того, кто выбирает службу обществу через творчество вне зависимости от уровня эстетического развития окружения.

Творческая игра автобиографических персонажей в анализируемых романах является парадоксом — игрой в игре. Если понимать игру по Шиллеру как неотъемлемое условие существования искусства, творческий акт, то героини-рассказчицы (у Горчева — художник, у Елизарова — музыкант) способствуют развитию эстетического вкуса сослуживцев. Вторая ипостась творческой игры — способ взаимодействия с обществом — также реализована в произведениях Горчева и Елизарова. При этом важно заметить, что игра не равна притворству, обслуживая эстетические потребности окружения, люди искусства не притворяются, а лишь играют по предложенным им правилам, оставаясь верными себе и своему призванию.

Трудно представить обстоятельства менее благоприятные для творческой реализации и освобождения личности, чем армия. Наслоение формальной и неофициальной иерархий предполагает полное подчинение, дегуманизацию и уничтожение свободного творческого начала. Тем ценнее в зарегламентированной среде возможность освобождения через творчество и приближение к идеалу благодаря синтезу материального и идеального. Даже там для творческой личности появляется возможность самовыражения, пусть и в рамках решения утилитарных задач. Через служение другим, в том числе и в форме обслуживания их досуга, человек искусства приближает окружение к идеалу, освобождая при этом себя. Особый статус творческого человека, «человека божьего», «юродивого», становится его защитой в тех ситуациях, где другие подвергаются унижениям со стороны сослуживцев. Таким образом, шиллеровская концепция творческой игры как способа освобождения и достижения гуманистического идеала получает подтверждение в автобиографической армейской прозе постсоветских писателей.

Список использованной литературы

1. Нестерова Н. В., Баннов К. Ю. Игра как объект культурологического анализа // Вестник культуры и искусств. 2006 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igra-kak-obekt-kulturologicheskogo-analiza/viewer>
2. Разумовская О. В. Предисловие // Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М. : РИПОЛ классик, 2018. С. 5—30.
3. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М. : РИПОЛ классик, 2018. 242 с.
4. Горчев Д. Жизнь без Карло. М. : АСТ, 2019. 284 с.
5. Елизаров М. Госпиталь // Елизаров М. Ногти. М. : Ад Маргинем, 2011. С. 302—393.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://www.slovardalja.net/>

Юлия Анатольевна Матафонова,

кандидат политических наук, доцент, Забайкальский государственный университет,
Россия, г. Чита, mega-yulya@mail.ru

Диана Викторовна Шульц,

аспирант, кафедра дизайна, Забайкальский государственный университет,
Россия, г. Чита, dianadm@mail.ru

УДК 323.174; 793.3

**Поиск идентичности:
региональное политическое пространство и современный танец**

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические аспекты региональной идентичности как многогранного социального феномена. Акцентируется внимание на трактовке региона (субъекта федерации), который выступает в качестве территориальной единицы, своеобразной мезосистемы, локализованного пространства, обладающего политическими, культурными, социальными, историческими и прочими характеристиками. Представлена попытка рассмотреть современный танец в качестве элемента региональной (локальной) идентичности и проследить взаимосвязь между характеристиками регионального пространства и воплощенными в современном танце смыслами.

Ключевые слова: региональная идентичность, региональное политическое пространство, устойчивость субъекта федерации, современный танец.

Yulya Matafonova

Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor,
Transbaikal State University, Russia, Chita, mega-yulya@mail.ru

Diana Shults

Postgraduate student of the Department, Transbaikal State University,
Russia, Chita, dianadm@mail.ru

Search for identity: regional political space and contemporary dance

Abstract. The article considers the theoretical aspects of regional identity as a multi-faceted social phenomenon. Attention is focused on the interpretation of the region (the constituent entity of the Federation), which acts as a territorial unit, a kind of mesosystem, a localized space that has political, cultural, social, historical and other characteristics. An attempt is made to consider contemporary dance as an element of regional (local) identity and to trace the relationship between the characteristics of regional space and the meanings embodied in contemporary dance.

Keywords: regional identity, regional political space, sustainability of the constituent entity of the Federation, contemporary dance.

Региональная идентичность как социальный феномен является предметом научного интереса представителей разных научных направлений.

Идентичность характеризуют как коллективное явление, как базис социальной и политической активности, как осознание себя и ощущение принадлежности к территории (пространству), как продукт социальной (политической) активности, процес-

суальное развитие того вида коллективного самопонимания, которое делает возможным коллективное действие [1]. Регион выступает в качестве территориальной единицы, своеобразной мезосистемы, локализованного пространства, обладающего политическими, культурными, социальными, историческими и прочими характеристиками. Соответственно, региональная идентичность является одним из конституирующих признаков региона не только как политического, но и культурного пространства.

Любой субъект федеративного государства — это не только структурная единица, подсистема конкретного государства, имеющего федеративную политико-территориальную организацию, но и относительно самостоятельная его часть, обладающая собственными политическими, экономическими, социальными, культурными и другими характеристиками. На основе ролевой методики Г. Алмонда, в структуре субъекта федеративного государства как мезосистемы возможно выделение пяти основных составляющих: институциональной, нормативной, коммуникативной, идеологической, культурной [2]. Все они в совокупности образуют региональное политическое пространство. Если нормативная и институциональная подсистемы представляют собой каркас федеративного устройства и в большей степени зависят от тенденций развития федерации в целом, то в организации регионального коммуникативного пространства, идеологического и культурного всегда можно вычленить специфические черты. Идеологическая и культурная подсистемы субъекта федерации с точки зрения теории политических систем представляют собой базисные элементы, связанные с системой ценностей, стереотипов регионального сообщества и региональной идентичностью [3, с. 226]. В таком ракурсе регион выступает и в качестве отграниченного от внешней среды социокультурного пространства. Не случайно Г. М. Казакова, определяя регион, отмечает его локальность и субкультурность по отношению к государству в целом. Именно особая неповторимая конфигурация характеристик и черт региона способствует формированию специфического регионального самосознания [4]. Если федеративная организация территориального пространства определяет политические границы региона, то наличие регионального самосознания и региональной идентичности позволяет исследователям определять субкультурные и смысловые границы. Регион (субъект федерации) как материальная физическая субстанция даёт основу для смыслообразования и формирования идентичности. В этом ракурсе каждый субъект федерации может быть представлен в качестве специфического смыслового пространства.

В современном научном дискурсе региональная идентичность исследуется с точки зрения разнообразной проблематики. В рамках философии культуры Е. В. Головнёва отмечает двойственность региональной идентичности, которая, с одной стороны, является самоопределением регионального сообщества в современной культуре и выражает отношение к конкретной территории (внутренняя сторона), а с другой — представляет собой коллективный дискурс, коррелирует с понятием «имидж региона» (внешняя сторона) [5, с. 188].

Французские социологи Чартон-Ваше и Ломбарт связывают формирование идентичности с процессами социализации человека, находящегося в конкретном территориальном пространстве и конкретном сообществе. При этом они отмечают, что для обычного человека формирование региональной идентичности как принадлежности к региону происходит не с точки зрения политико-территориального пространства, а с позиции «жизненного пространства» [6, с. 55—57]. Часть исследователей трактует идентичность в контексте федеративных отношений, отмечая, что территория

как локализованное пространство формирует собственную систему ценностей и целеполагания, собственные социальные практики и коммуникации в рамках общности [7, с. 42].

Многие исследователи представляют идентичность как матричную, многоуровневую или многослойную структуру, которая включает личностные, социальные, этнические, территориальные, общегосударственные представления. Анализируя идентичность с точки зрения политологии и политического порядка, Е. В. Морозова, Э. А. Жаде обосновывают амбивалентность и сложносоставность идентичности.

Исследуя региональную идентичность в рамках социально-философской конструкции, Э. Р. Гатиатулина указывает на социальную природу региональной идентичности, которая возникает в результате наслоения социальных, политических, экономических процессов [8], а само существование региональной идентичности ассоциируется с «голосом» регионального сообщества [9, с. 212].

Многообразие подходов к региональной идентичности позволяет рассматривать её как многоуровневый междисциплинарный феномен, который возникает на определенном политико-территориальном пространстве среди регионального сообщества, которое, аккумулируя протекающие на уровне региона процессы, формирует локализованные в пространстве и времени смысловые представления об окружающем жизненном пространстве. Соответственно, формирование региональной идентичности предполагает не только отождествление себя с местом — территорией — регионом, но и оценку возможностей регионального пространства для реализации жизненных потребностей. В данном ракурсе региональная идентичность рассматривается и как фактор, оказывающий положительное влияние на развитие и устойчивость региональной политической системы [10], и как индикатор измерения социальных процессов, и как процесс осмысления происходящих изменений во всех сферах жизнедеятельности регионального сообщества.

Согласимся с мнением И. М. Бусыгиной, включающей в структуру региональной идентичности три основных компонента: когнитивный (знание о регионе), аффирмативный (эмоциональный) и инструментальный (деятельностный) [11, с. 162]. Однако если И. М. Бусыгина рассматривает региональную идентичность как выражение региональной политической культуры, то мы акцентируем внимание на региональной идентичности как поиске смысла бытия на конкретной территории. Как справедливо отмечает М. П. Крылов, «региональная идентичность — это “воля к жизни и развитию на данной территории”, но никак не “стратегия Обломова”... идентичность — это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности» [12, с. 14].

М. П. Крылов трактует региональную идентичность как «системную совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина» [13, с. 13], как культурно-исторический феномен, укоренившийся в сознании, мировосприятии и мировоззрении жителей региона.

Несмотря на историческую обусловленность, региональная идентичность как часть регионального самосознания не является статичной — она формируется на основе происходящих процессов и событий и является результатом осмысления окружающих реалий, связанных с местом проживания.

Как смысловая категория, региональная идентичность может выражаться в оценках, суждениях о возможности (невозможности) жить в регионе, комфортности (некомфортности) сформированных условий и т. д.

Как реакция населения региона на происходящие события и процессы, региональная идентичность рефлексивна и может иметь как позитивную, так и критическую, негативную окраску. Если регион обладает совпадающими с жизненными потребностями населения характеристиками (условиями, инфраструктурой), то у населения возникает желание (подкрепленное возможностями) участвовать в региональных взаимодействиях, и значительная часть регионального сообщества будет связывать свое будущее с регионом. Такие явления, как постоянно растущий миграционный отток и пауперизация населения, свидетельствуют не только о неблагоприятном состоянии региона (субъекта федерации), но и о преимущественно негативном общественном мнении, которое коррелирует с отрицательно направленной региональной идентичностью («кризисом региональной идентичности»). Хотя ряд исследователей не подтверждают прямой связи между благополучным социально-экономическим состоянием территории и региональной идентичностью, между тем указывая, что «самоощущение материального благополучия индивида усиливает идентичность по ряду параметров» [14, с. 274].

Снижение идентичности или формирование негативного отношения к месту проживания обусловлены комплексом причин и факторов.

Практика социализации жителей определенных локальных пространств, коллективное сознание позволяют рассуждать о региональной идентичности именно как о социальном и политическом феномене [15, с. 245—246].

Региональная идентичность многоаспектна, так как оценке местного сообщества подвергается всё многообразие протекающих на уровне региона процессов — политических, культурных, социальных, экономических.

Региональная идентичность выступает как резюмирующее представление проживающего на территории региона населения, основанное как на непосредственном (личном), так и на опосредованном опыте коммуникации и реализации жизненных потребностей и интересов.

Поиск региональной идентичности наиболее ярко отражается в общественном мнении, в культурном и научном пространстве региона.

Как представители творческого регионального сообщества, деятели искусства и культуры наиболее остро реагируют на явления, характеризующие региональное пространство.

Забайкальский край является самобытным регионом, характеризующимся переплетением культур, сохранением самобытных промыслов и национальных традиций. Традиционно исследователи характеризуют культурное пространство Забайкальского края как наполненное разнообразными типами и формами культурных практик, сочетающее в себе полиэтничность, многоконфессиональность и одновременное сохранение уникальных черт народно-певческой, танцевальной, драматической и инструментальной культуры, имеющей многовековые традиции [16]. Именно сохранение культурного наследия и развитие традиционных (народных форм культуры и искусства входит в состав приоритетных задач органов региональной власти. Этим объясняется медленное проникновение в культурную среду новых хореографических направлений, в том числе современного танца (Contemporary Dance). Однако именно современный танец признается «танцем думающего тела», своеобразной философией, сформированной на стыке разных видов искусства, сочетающей мысли, чувства и позволяющей наиболее точно выразить отношение к окружающему жизненному пространству.

Развитие Contemporary Dance в Забайкальском крае началось в 2000 г. после посещения коллективами международного фестиваля современного танца «Айседора» в Красноярске. В настоящее время в регионе не так много хореографических коллективов, работающих в этом направлении: студия танца «Стиль», ансамбль современного и классического танца «Радость», театр танца «Данс-миссия». Данные коллективы представляют зрителю танцевальные спектакли, отражающие восприятие и осмысление как глобальных, так и локальных процессов и явлений.

В рамках деятельности театра танца «Данс-миссия» происходит не только обучение танцоров основам Contemporary Dance — привычными для жителей Читы стали творческие лаборатории, спектакли и перформансы, отражающие актуальную проблематику забайкальской действительности.

В 2012 г. театром танца был показан спектакль «Рывок из...», в котором с помощью танцевальных движений, структурной композиции, жестов и мимики танцоров до зрителя донесен основной замысел — стремление уехать из региона, сделать рывок из пространства, которое не представляется перспективным для молодого поколения. В 2016 г. представлен спектакль «Из жизни людей и голубей», продолжающий характеризовать региональное сообщество и социальное взаимодействие. В аллегорической форме в спектакле проводится аналогия между людьми и голубями, поднимаются вопросы выбора между свободой и привязанностью, возможностью улететь (уехать) или остаться в пусть некомфортной, но привычной среде. Завершение спектакля парадоксально, но типично для российского сознания: все действующие лица идут за ключом зерно деревянной игрушкой — птица, имеющая возможность улететь, остается у кормушки; свобода представляется пугающей, призрачной и недостижимой. В 2019 г. театр танца «Данс-миссия» показал спектакль «Среда обитания», посвященный экологии человеческих отношений и характеризующий пространство города и региона через наиболее яркие и узнаваемые читинцами и забайкальцами негативные образы — стаи лающих собак, груды картонных коробок, пластика, пакетов и т. д. Для усиления восприятия основного замысла спектакля хореографом использован диссонанс между действиями танцоров на сцене и музыкальным рядом, воспевающим красоту Читы, как основное противоречие между официальной информацией и окружающей реальностью. Спектакль передает чувство боли, обиды и горечи за малую родину. У зрителя складывается ощущение безысходности и отчаяния.

Отраженные в спектаклях мысли напрямую соотносятся с теми тенденциями, которые характеризуют региональное политическое пространство Забайкальского края. Отдаленность региона от Центра, нестабильное состояние социально-экономической системы, отсутствие градообразующих предприятий, вывоз сырья, неразвитость инфраструктуры порождают миграционную убыль и формируют у части населения критическое отношение к происходящим на территории края социально-политическим процессам. Современный танец как феномен культурного пространства, развиваясь в российских регионах, способен и с точки зрения эмоций, чувств и переживаний, и с точки зрения смысловой нагрузки отразить объективную действительность (безусловность реального жизненного содержания). Поэтому он может быть рассмотрен в качестве элемента региональной идентичности и общественного мнения.

С одной стороны, в любом произведении искусства (спектакле, перформансе) всегда присутствует субъективное начало, с другой — как отмечает Е. В. Васенина, пластический культурный код складывается из бытовых повседневных телесных паттернов, новостной, социальной, политической повестки [17, с. 188]. В этом ракурсе

взаимосвязь конкретной танцевальной постановки с местом (территорией) очевидна. О. Сорокина прямо указывает на взаимосвязь и обусловленность современного танца окружающей действительностью — социальной, политической, национальной, культурной, исторической средой. Она отмечает, что (сознательно или нет) в современном танце есть особенности языка, на котором говорит население страны, его менталитета, логики, его способа мышления, даже ландшафта [18].

Парадигма современного танца как танца «думающего тела» позволяет хореографам создавать работы, не только затрагивающие актуальные вопросы современности в глобальном смысле, но и отражающие региональную проблематику и соответственно региональную идентичность. В таких инструментах современного танца, спектаклях, перформансах, лабораториях заложены потенциальные возможности осмысления и наглядного конструирования образа территории — представления региона как смыслового пространства с его особенностями, стереотипами, узнаваемыми символами, достоинствами и недостатками. Современный танец способен выступать концентрированным выражением переживаемых и осознаваемых смыслов регионального пространства.

Список использованной литературы

1. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // *AbImperio*. 2002. № 3. С. 61—115.
2. Almond G., Powell G. *Comparative politics today: a world view*. 4th ed. Glenview ; Boston ; London : Scott, Foresman and company, 1988. 600 p.
3. Matafonova Y. A. Systematic Interpretation of the Factors of Federal Sustainability and Socio-Political Security of a Constituent State of a Federation // *American Journal of Applied Sciences*. 2016. № 13(2). P. 222—229. DOI: 10.3844/ajassp.2016.222.229.
4. Казакова Г. М. Регион как пространство-время идентичности. Топохрон и хронотоп региональной идентичности // *Культура культуры*. 2018. № 1. URL:<http://www.cult-cult.ru/region-kak-prostranstvo-vremya-identichnosti-topohron-i-hronotop-regionalinoj-id/>
5. Головнёва Е. В. Региональная идентичность и идентичность региона // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки*. 2017. Т. 12, № 3(167). С. 182—189.
6. Charton Vachet F., Lombart C. New conceptual and operational approach to the link between individual and region: regional belonging // *Recherchet Applications en Marketing*. 2015. Vol. 30(1). P. 50—75.
7. Ширманов Е. В. *Общероссийская и региональная идентичности в современной России: политический анализ (на примере Республики Мордовия) : дис. ... канд. полит. наук*. Саранск, 2016. 179 с.
8. Гатиатулина Э. Р. Исследования региональной идентичности // *SCI-ARTICLE.RU*. 2015. № 27. URL:<http://sci-article.ru/stat.php?i=1446754233>
9. Рик Ш. Феномен идентичности // *Образование и социальное развитие региона*. 1996. № 3—4. С. 209—215.
10. Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // *Власть*. 2010. № 3. С. 70—73.
11. Бусыгина И. М. *Политическая регионалистика*. М. : РОССПЭН, 2006. 280 с.

12. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3(251). С. 13—23.
13. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М. : Новый хронограф, 2010. 240 с.
14. Крылов М. П. Региональная идентичность населения европейской России // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79, № 3. С. 266—277.
15. Zimmerbauer K. From Image to Identity: Building Regions by Place Promotion // European Planning Studies. 2011. Vol. 19, № 2. P. 243—260.
16. Зими́на Н. С. Структура, факторы формирования и развития регионально-го социокультурного пространства Забайкальского края // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 12. С. 98—105.
17. Васени́на Е. В. Современный танец на московской сцене 1990—2000-х: поиск идентичности, желание перформативности // Эстетика современного искусства. 2019. № 2. С. 176—193.
18. Сорокина О. Континуум непонимания. Хореография в контексте языка и культуры. URL: <http://bodyword.spb.ru/text4.htm>

Анна Юрьевна Боровая,

старший преподаватель, Пензенский государственный университет,
Россия, г. Пенза, anna-borovaja@rambler.ru

УДК [82.09+791+004.946]: 794.08

Символы и коды конспирологического квест-нарратива

Аннотация. В статье рассматривается игра как неотъемлемая часть современного мира, определяется место игры в социуме XXI в. Объясняется взаимосвязь квеста как вида игры с конспирологическими теориями, анализируются элементы актантной модели конспирологических квест-нарративов, исследуются особенности семиотического поля и знаковых систем конспирологических квест-нарративов. В заключение представлены выводы, обобщающие результаты исследования.

Ключевые слова: конспирологический квест-нарратив, образно-символическая знаковая система, вербальная знаковая система, семиотическое поле, сложный шифр.

Anna Borovaya

The head Lecturer, Penza State University,
Russia, Penza, anna-borovaja@rambler.ru

The symbols and codes of a conspiracy narrative ques

Abstract. The article considers the game as an integral part of the modern world, determines the place of a game in the 21st century society. The relationship of a quest as a type of the game with conspiracy theories is explained, the elements of actant model of conspiracy narrative quests are analyzed, the features of the field of semiotics and symbolic systems of conspiracy narrative quests are investigated. In conclusion, the findings summarizing the results of the study are presented.

Keywords: a conspiracy narrative quest, a figurative and symbolic sign system, a verbal sign system, the field of semiotics, a complex cipher.

С древности до наших дней игра является неотъемлемой частью человеческой жизни. Известный культуролог Й. Хейзинга в своей работе «Человек играющий» [1] определил два основополагающих компонента игровой природы: свобода действий и подчиненность правилам. Два компонента, казалось бы противоречащие друг другу, составляют единство и сущность любой игры. В пространстве игрового поля игроки делают свой ход в соответствии с заданными правилами той или иной игры.

Игра в XXI в. занимает огромное пространство от различных общественных, социальных площадок до внутреннего пространства отдельной личности. Современный социум обеспечен очень разнообразным набором технических средств для реализации любых игровых форм как созидательных, так и разрушительных. Существуют игры развивающие и обучающие, ролевые, городские, экстремальные, компьютерные и др. Классифицировать можно бесконечно долго, используя различные критерии для классификации. Отношение социума к игре неоднозначно. В одном случае это поглощение киберпространством человека, влекущее за собой изменение сознания, психики, иногда реальности. В другой ситуации это манипуляции сознанием большого количества людей со стороны отдельно взятой группы в своих интересах и для достижения своих целей.

Одной из самых занимательных игр остается разгадывание ребусов, загадок, криптограмм, что составляет основу любого квеста. В современном мире квесты стали привычным явлением. Существуют городские игры-квесты, квест-комнаты, обучающие программы-квесты. Интерес к разгадкам тайн у современного человека по-прежнему высок, поэтому общество играет, разгадывает и расшифровывает. Загадки, тайны, шифры неразрывно связаны в современном игровом пространстве с конспирологией. Популярность конспирологических теорий сегодня, по мнению исследователей, обусловлена утратой доверия к разного рода экспертным мнениям, свободным доступом и конструированием информационного пространства и процессами глобализации, происходящими в мире. [2] Все конспирологические теории можно классифицировать, опираясь на тематику как на критерий классификации. Например, в связи с современной ситуацией в мире особое значение и популярность приобрела теория о создании и распространении медико-биологического оружия. По-прежнему представляет большой интерес идея организации государственных переворотов в разных странах и возможные пути их осуществления. Бесспорной популярностью продолжает пользоваться теория о деятельности тайных обществ, управляющих миром. Важной частью любой конспирологической теории является ее семиотическое поле, в котором действуют различные знаковые системы. Элементы знаковых систем конспирологических квест-нарративов, имеющих сюжет о деятельности тайных обществ, стали предметом рассмотрения в данной работе.

Необходимо обозначить, что конспирологический квест-нарратив представляет собой произведение, в котором фабула строится по модели конспирологического действия: обязательно наличие тайной организации и существование какого-либо зашифрованного послания, часто пришедшего из прошлого. Для любого квест-нарратива необходим набор структурных элементов. Все структурные элементы взаимосвязаны друг с другом и своим взаимодействием наполняют акциональное поле, являющееся художественным пространством нарратива. Изучение и анализ таких взаимосвязей и взаимодействий позволили представить универсальную актантную модель для художественных квест-нарративов [3, с. 31—36].

Огромную роль в семиотическом поле конспирологического квест-нарратива играют знаки, непосредственно связанные с одним из главных сюжетобразующих

актантов — объектом поиска. Известно, что существует несколько типов знаков и знаковых систем. В исследуемых нарративах выделяются многоуровневые символы, а также системы конвенциональных знаков, в частности церемониальные знаковые системы, связанные с религиозно-культурной обрядностью. Особое место в семиотике конспирологического квест-нарратива наряду с вербальными знаковыми системами занимают образно-символические знаковые системы. Интересно отметить, что в исследуемых нарративах вербальные и образно-символические знаковые системы часто составляют единый шифр.

Так происходит в романе Д. Сурдо и А. Гутьерреса «Последний секрет плащаницы» [4]. Объект поиска — медальон, который нашел лавочник Жан Гару, имеет зашифрованную информацию в виде изображений на верхней части. Эти рисунки условно можно назвать пиктографией, с расшифровкой которой справляется даже лавочник. Следующий уровень шифра — вербальная система. В медальоне спрятано послание, заставляющее героя-квестора, профессора Жюль Боссюэ, ехать на поиски монастыря Поблет. Посещение монастыря, знакомство с библиотекой и поиск старинного фолианта, в котором квестор находит план самого монастыря, дают возможность разгадать еще одну загадку. На протяжении пошаговой расшифровки объекты поиска становятся своеобразными головоломками с усложняющимся механизмом-шифром. В данной схеме объект поиска — медальон — формирует у героя-квестора ложное представление близкой разгадки тайны, за счет, казалось бы, простого шифра, который квестор достаточно быстро разгадал. В то время как процесс разгадывания напоминает известную матрешку, которая открывается постепенно, и каждая разгадка — это шаг к новой загадке. По такому же принципу происходит дешифрование и в романе Грэга Лумиса «Тайна “Аркадских пастухов”» [5]. Получая копию картины Пуссена, Лэнг Рейли, герой-квестор, начинает разгадывать зашифрованную информацию, которая заключена в самом изображении. Она подводит героя к текстовому объекту, — манускрипту Найджела Вульфа, одного из казненных тамплиеров.

Картина и ее копия, медальон с изображением герба дома Шарни и плащаницы Христа относятся к образно-символической знаковой системе, но это также и часть общего шифра, в котором следующая половина — это рукопись, послание, манускрипт, т. е. вербальная знаковая система. Еще одной составляющей общего целого является графический рисунок, например план, карта, символические знаки. Такой же сложный шифр и в кинотрилогии режиссера-постановщика Терри Каннингема о Джеке Хантере. Одна часть шифра — доска с угаритскими письменами, вторая часть совмещена с первой и является посланием на древнем языке, требующем расшифровки, третья часть — обелиск с нанесенными на него знаками, представляющими вариант карты. В известном романе Дэна Брауна «Код да Винчи» весь квест профессора Лэнгдона и Софи Неве проходит в соответствии с расшифровкой определенного кода или криптограммы, а также текстовых посланий и символов, изображенных в разных местах и на разных предметах.

Предметы, используемые для шифра, следует проанализировать более детально. Как правило, они являются объектами поиска и условно могут быть подразделены на несколько групп. В первую входят личные предметы, украшения (кольца, медальоны, перчатки и т. п.); вторую группу составляют книги, рукописи, свитки, документы; третья включает в себя общеизвестные мировые шедевры — картины, скульптуры, статуэтки, фигурки и т. п., еще одну группу представляют иконы, кре-

сты, четки и другие предметы религиозного культа. Предметы последней группы могут принадлежать какому-либо герою и относиться к его личным вещам.

Как правило, объекты поиска, они же предметы-носители шифра, появляются в начале художественного произведения и становятся элементом сюжетной завязки. Все объекты поиска связаны с хронотопом и являются неким отправным пунктом в прошлое для героя-квестора. Хронотоп в конспирологических квест-нарративах определяется как сложная структура, имеющая несколько разветвлений в разных временных пластах [6, с. 14—20]. Объекты поиска — это предметы прошлого, оказавшиеся в другом времени и скрывающие в себе зашифрованные тайны и загадки прошлого. Объекты поиска с зашифрованной информацией из прошлого перемещаются по оси времени, усиливая игровое начало и выполняя некоторые другие функции, например функцию «помощник».

Так происходит в романе Х. Молиста «Кольцо. Наследие последнего тамплиера» [7]. Главная героиня получает в подарок старинное кольцо с рубином, которое не только является своеобразным символом власти, но и оказывается проводником в прошлое. Кольцо, картина, изображающая мадонну с таким же кольцом на пальце, — это первая, образно-символическая часть шифра. Название города на листке, куда необходимо поехать главной героине, завещание, различные письменные подсказки — это вербальная часть шифра, а карты и план представляют графическую часть. В данном романе объект поиска — кольцо — дополнительно создает некоторую двойственность в художественном пространстве. В прошлом это могущественный символ власти одного из самых загадочных рыцарских орденов, а в настоящем кольцо — зашифрованное послание из прошлого. В то же время именно кольцо помогает распутать клубок тайн и загадок, т. е. выполняет еще и функцию помощника.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

В конспирологическом квест-нарративе работает сложная система шифра, состоящая из образно-символической, вербальной и графической частей. Образно-символическую часть представляют картины и их копии, архитектурные строения, предметы интерьера и т. п. Вербальная часть включает различные письменные артефакты, манускрипты, рукописи, а также зашифрованные пометки, надписи. К графической части шифра относятся схемы, планы, графики и т. п. Все части связаны между собой и представляют единую головоломку, разгадать которую можно, пошагово преодолевая каждый уровень сложного шифра.

Рассматривая функционирование символов и знаковых систем в конспирологическом квест-нарративе, было определено, что носителями сложного шифра являются предметы, хранящие определенную тайну прошлого. Как правило, данные предметы перемещаются во времени и могут стать проводниками в прошлое. Все предметы можно подразделить на несколько групп: личные вещи, украшения, письменные источники, мировые шедевры, предметы религиозного культа.

В акциональном поле актантной модели конспирологического квест-нарратива предметы-носители сложного шифра являются объектами поиска, а также могут выполнять дополнительную функцию помощника.

Список использованной литературы

1. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

2. Амирян Т. Н. Они написали заговор. Конспирологический детектив от Дэна Брауна до Юлии Кристевой. М. : Фаланстер, 2013. 352 с.
3. Боровая А. Ю., Богомолова С. С. Особенности моделирования квест-нарративов // European Journal of Literature and Linguistics. Vienna. 2019. № 4. P. 31—36.
4. Сурдо Д., Гутьеррес А. Последний секрет плащаницы / пер. с исп. Н. А. Огиенко. М. : АСТ : АСТ Москва: Хранитель, 2007. 318 с.
5. Лумис Г. Тайна «Аркадских пастухов» / пер. с англ. Н. В. Гасанова. М. : ООО ТД «Издательство Мир книги», 2007. 304 с.
6. Боровая А. Ю. Функционирование нарративного квеста в трансмедиальном пространстве // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. Симферополь, 2015. № 2(10). С. 14—20.
7. Молист Х. Наследие последнего тамплиера. Кольцо / пер. с исп. И. П. Бабкина. М. : АСТ, 2006. 350 с.
8. Павлова Д. О. Конспирологическая формула повествования // Самара : Вестник СамГУ. 2013. № 2(103). С. 144—150.

Осипова Нина Осиповна,

доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет,
Россия, г. Киров, nina.osipova@list.ru

Голенок Марина Петровна,

кандидат культурологии, доцент, Вятский государственный университет,
Россия, г. Киров, mpgol@yandex.ru

УДК 004.94

Политический симулятор как современный тренд цифровой культуры

Аннотация. В статье рассматривается специфика политических симуляторов как жанра компьютерных игр, которые объединяют развлекательную и образовательную функции. На примере наиболее популярных игр показаны их возможности в конструировании экономической, политической и социокультурной моделей исторического процесса, определены перспективы их использования в образовательном процессе.

Ключевые слова: компьютерная игра, политический симулятор, образовательный процесс.

Nina Osipova

Doctor of Sciences in Philology, Professor, Vyatka State University,
Russia, Kirov, nina.osipova@list.ru

Marina Golenok

Candidate of Sciences in Cultural Studies, Associate Professor, Vyatka State University,
Russia, Kirov, mrgol@yandex.ru

Political simulator as a modern digital culture trend

Abstract. The article discusses the specifics of political simulators as a genre of computer games that combine entertainment and educational functions. Using the most popular games as an example, their capabilities in constructing the economic, political, and sociocultural models of the historical process are shown, and the prospects for their use in the educational process are determined.

Keywords: computer games, political simulator, higher education.

С недавних пор такое словосочетание, как «компьютерные игры и симуляторы», прочно вошло не только в наше досуговое пространство, но и во вполне серьезные сферы жизни — экономическую, политическую, психологическую и иные. Будучи одновременно достижением научно-технического прогресса и элементом массовой культуры, компьютерные игры-симуляторы предоставляют возможность конструирования экономических, политических и культурных ситуаций, максимально приближенных к жизненным реалиям. Симуляторы создают практически «театральную» (этидную) ситуацию — «герой в предлагаемых обстоятельствах», давая возможность участнику проявить определенные качества — ученого, воина, экономиста, политика. И в этом случае игровой симулятор превращается в средство обретения опыта и проверки внутренних возможностей личности...

Психологический фактор связан с потребностью каждого из нас не только играть вообще, но при этом еще чем-то руководить, пробовать себя в роли министра, императора, президента — собственно, в роли того, кто решает глобальные вопросы, от которых зависит судьба людей. В настоящее время симуляторы компьютеризированы, включают многоступенчатые алгоритмы, которые оценивают эффективность действий на основании принятых решений. При этом большинство симуляторов основано на реальных процессах в экономике, промышленности, и, следовательно, использование объективных данных ведет к более точным и аргументированным действиям, приближенным к реальной сфере.

Существует мнение, что игровой процесс действительно «прокачивает» наши личностные качества (стратегию, скорость реакции, терпение и пр.) и развивает логику (особенно там, где игры смоделированы по реальным историческим событиям). И если симуляторы в настоящее время заняли прочное место в профессиональных тренингах, то в научно-педагогическом сообществе не прекращается дискуссия о возможности их использования в учебном процессе, хотя против их применения в образовательной среде никто принципиально не возражает. Об этом свидетельствуют и специальные работы, посвященные изучению роли игр в обучении, и качество самих игр, ориентированных на новые образовательные требования [1—4].

В терминологию компьютерных технологий введено даже специальное понятие — «серьезные игры» (М. Зид, К. Сойер), которым обозначаются «компьютерные игры, включающие игры с образовательно-развлекательными целями, и

симуляции, которые направлены на осваивание заранее определенных знаний и умений» [5].

И в целом ряде зарубежных образовательных программ в течение последних десятилетий активно используется методика работы с развивающими платформами, обучение на основе цифровых прикладных разработок, всевозможных интерактивных упражнений, заданий-симуляций. Кроме того, в настоящее время не существует формальных политических рамок или руководств, рекомендованных правительствами или образовательными учреждениями для принятия игр и симуляций в образовании. Это касается многих стран Европы, США и Австралии, где учебные заведения сами несут ответственность за включение игр в учебную программу. Например, студенты используют эти формы работы для рассмотрения и построения определенных политических моделей. Эффективно привлекаются такие симуляторы в качестве платформы для выполнения самостоятельной работы. Студент не чувствует себя загнанным в задание, он играет в игру, а игра априори не может быть не интересна. Применение компьютерных симуляций и моделирования общественных процессов ведет к повышению активности обучающихся, к расширению границ их кругозора и лучшей узнаваемости материала.

Особая роль принадлежит здесь играм-стратегиям и в том числе т. н. политическим симуляторам, в которых виртуальный мир представляет собой страну (в том числе реально существующую), управление которой предлагается взять на себя игроку. В различных играх подобного вида может присутствовать необходимость ведения внутренней и внешней политики государства, что в свою очередь способствует отработке управленческих навыков студента. Симуляторы становятся уже не просто играми, а учебными программами для ПК, где важно не просто пройти уровень, а получить полезные для профессиональной жизни знания и умения.

Примечательно, что самые первые политические игры-симуляторы были предназначены для образования, а не для развлечения. Один из примеров — разработанная в 1987 г. обучающая игра «По следам кампании», входившая в учебную программу «Управление политическими кампаниями» в Кентском государственном университете США. Основу игры составили выборы в Сенат США в 1970—1986 гг., при этом студенты решали задачи самостоятельного принятия решений в сопровождении предвыборного процесса.

Максимальное приближение к реальности осуществляется в симуляторах посредством ряда факторов. Первый — ограниченное количество времени на выбор того или иного решения. Оно должно быть принято в заданные сроки и влечёт за собой череду последствий. И это уже вторая особенность симуляторов — каждое решение отражается в виртуальной вселенной. Однако совершить ошибку в рамках игры не страшно и даже полезно — мир игры подлежит восстановлению. Последовательно принимая решения, игрок должен замечать их влияние и оценивать правильность своих действий. Для адекватной оценки необходим третий фактор — реакция игры на принятое решение должна быть максимально приближена к жизненной.

Политические симуляторы нового поколения предлагают огромный рынок обновленных программных разработок, которые если и не используются пока в качестве рабочего материала в практиках обучения студентов, то обладают вполне выраженным интеллектуальным ресурсом [6].

Остановимся на некоторых политических симуляторах. Один из самых известных и распространенных — **Power & Revolution**, который предлагает игроку стать не только руководителем государства, но и возглавить оппозицию. Выбрав вариант гла-

вы государства, он получает в ведение всю государственную систему, за показателями которой должен следить — за экономикой, обороной, культурой, общественными настроениями, образованием и многими другими. Можно начать военные действия, можно внести какой-либо законопроект и посмотреть на его результат. Например, провести непопулярную реформу, инициировать какое-либо событие или разработку доктрины — от ядерного оружия до организации Олимпиады.

Роль оппозиционера тоже достаточно сложна. Главная его задача — захват власти в стране. Как конкретно игрок собирается этого добиться (дипломатически или с помощью стимулирования протестных движений), — это его собственное решение. Лидер оппозиции может привлечь на свою сторону СМИ, финансировать акции протеста и пикеты и даже привлекать на свою сторону армию.

В *Power & Revolution* предусмотрены и такие тактические ходы, как контроль за действиями сепаратистов. В игру включено более 20 различных сценариев, включая такие, как «Война в Ираке и Сирии», «Беспорядки на Украине» и «Выборы в США — 2016».

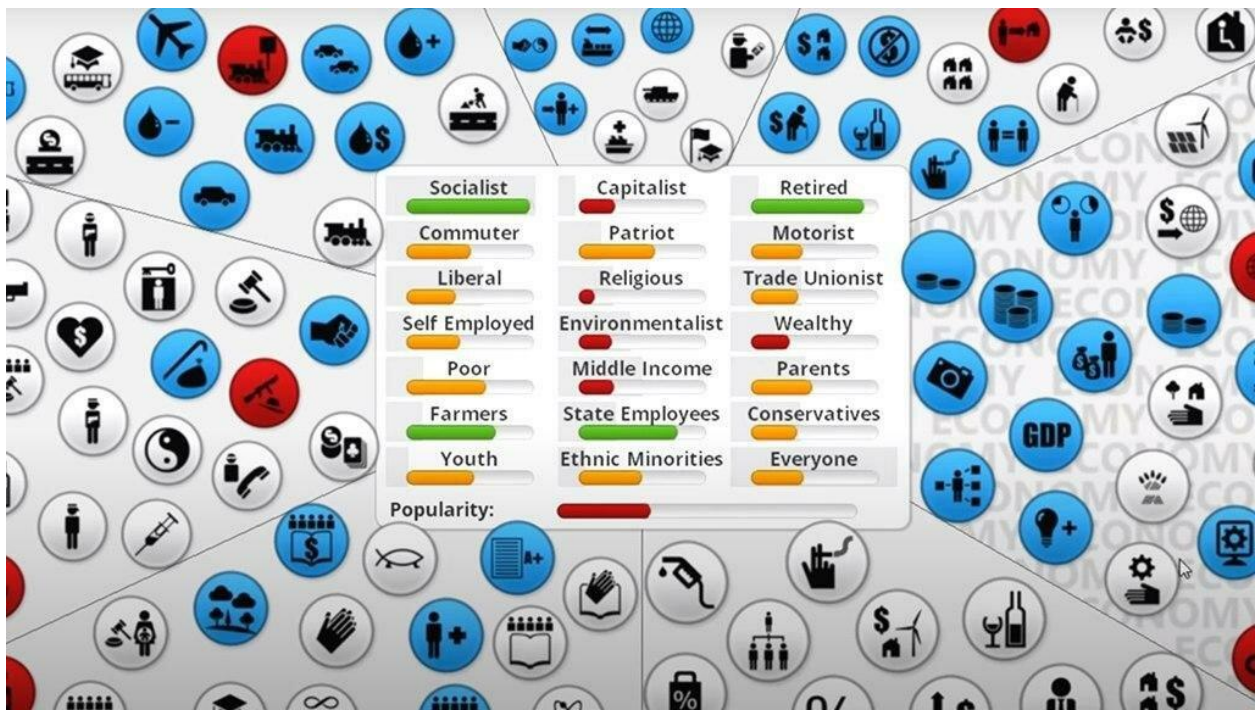
В связи с этим следует упомянуть и игру-симулятор «*The Political Machine — 2016*» («Как стать президентом США»), где разворачивается борьба за пост Президента США. После выбора кандидата необходимо включить его в гонку: посещать различные штаты, выступать с речами перед электоратом, даже заказывать «черный пиар» для конкурента.

Одним из интеллектуально нагруженных политических симуляторов последнего поколения является *Democracy 3*, который используется сегодня в ряде американских университетов.

Примечательно, что по своему визуальному контенту он выходит за рамки игры как увлекательного досуга и воспринимается как вполне учебная разработка. Логика, положенная в основу симулятора, построена по принципу «карточного домика». Здесь отсутствует эффектный визуальный ряд — всё достаточно схематично и строго (см. рисунок). Государство как система изображено в виде сети, которую составляют разноцветные кружки. Каждый кружок представляет законы, финансы, медицину, статистику, общественные проблемы, социальные и возрастные группы, а нити, которые их соединяют, меняя свой цвет, демонстрируют результаты политики игрока. Например, если участник не справляется с каким-то показателем, за ним могут по цепочке разрушиться все остальные. Например, рост безработицы провоцирует рост уровня «бездомных», а следом и уровень «Преступность».

Примечательно, что в процессе задействованы также и различные группы населения (некоторые из них пересекаются). Угодить каждой из них практически невозможно. непопулярные меры по-разному воспринимаются разными группами, что может привести к протестным акциям и в конце концов к революции или развалу государства.

Интерфейс симулятора «Democracy 3»

Большой популярностью пользуется симулятор Victoria II из серии игр «Глобальная стратегия», разработанный шведской компанией Paradox Interactive в 2013 г. как продолжение игры 2003 г. (этот жанр ещё называют Wargame) и предлагающий игрокам возглавить одну из более чем двухсот доступных стран. В течение целого столетия (с 1835 по 1935 г.) участнику предстоит провести государство сквозь индустриализацию, политические реформы, военное вмешательство, колонизацию и преодолеть на этом пути множество проблем, которые не так легко решаются. Приведу в качестве примера чаты участников русскоязычного форума, посвященного игре:

– *«Столкнулся с одной проблемой... Хочу привести к власти в США коммунистов. Выставил нацприоритет на поддержку коммунистов в самых густонаселенных штатах, но все равно процент коммунистов растет медленно. Можно ли его ускорить? Как сделать, чтобы крестьяне переходили в другие классы? Как правильно гонять людишек из класса в класс? А то безработных ремесленников уже сотни тысяч, зреет бунт...*

– *Почему Германия в Первой мировой почти всегда побеждает? Подскажите...*

– *У меня в России к власти пришли коммунисты (сам этого захотел), смотрю всевозможные реформы. А среди них — «можно разрешить рабство». Это недоработка механики? Неужели такое возможно?*

– *Кто-нибудь пытался победить за имама Шамиля? Ведь там же есть решение на формирование объединенного кавказского Имамата? И наверняка разработчики предполагали, что шанс победить есть, к тому ж у Имамата просто шикарный генерал, но как бы я ни старался — Россию одолеть не получается. Может, у кого получилось? Каким образом? Перепробовал все варианты...*

Ответ: *В теории можно попробовать вообще не воевать. Попросить проход у Персии, отвести туда войска, просто отдав свои земли под оккупацию. Дождаться какой-нибудь Крымской войны, чтобы Российская Империя отвела туда все войска и*

тогда спокойно забрать обратно. Правда, это если армия выдержит нехватку снабжения [7].

Как почти в любом политическом симуляторе, население здесь играет немаловажную роль. Принятые политические решения не останутся незамеченными, и в зависимости от политической активности людей и социальных ожиданий того или иного класса игрока ждет либо всенародная любовь, либо восстание масс.

По мере того как компьютеры становились все более «продвинутыми», игры в этом жанре перешли более сложным симуляциям. Одной из самых ранних разработок в этом жанре был «Баланс сил» (**Balance of Power**), разработанный Крисом Кроуфордом в 1985 г. и постоянно обновляющийся от версии к версии. В этой игре конфликт разворачивается на пике холодной войны, а игрок использует политические и решения для достижения мирного урегулирования. При этом если любой вооруженный конфликт между игроком и сверхдержавой противника приводит к ядерной войне, то это считается вариантом проигрыша.

Другие игры эпохи холодной войны включали «Конфликт: политический симулятор Ближнего Востока», «Кремлевский кризис», «Скрытая повестка дня». Конфликт «Ближний Восток», например, имитировал предполагаемую ситуацию в 1997 г., когда игрок, входя в роль израильского премьер-министра, должен манипулировать различными дипломатическими и скрытыми «инструментами» для победы над соперничающими государствами, но при этом не потерять власть.

«Кремлевский кризис» (**Kremlin Crisis**) — это стратегическая видеоигра 1991 г. с управленческими аспектами, в которой игрок выступает в роли Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза с 1985 по 2017 г. Участник может выступить в роли Михаила Горбачева, Бориса Ельцина, Егора Лигачева. Игра была разработана и выпущена в то время, когда Советский Союз уже был близок к развалу. Но надо отметить, что новая версия этой игры была выпущена в 2017 г. и сохраняет свою актуальность [8]. Начиная с 1985 г. игрок выполняет различные руководящие задачи — от политических (внутренняя и внешняя политика) до государственных. Ряд элементов связан со знаковыми событиями (землетрясение в Армении 1988 г., чернобыльская катастрофа). Реакция игрока на эти события может быть вариативной (ему обычно дается от трех до пяти вариантов выбора). Он должен лавировать между радикалами, реформистами и сторонниками жесткой линии, чтобы избежать кризиса власти. В стратегию заложены такие события, как распад Варшавского договора, выход бывших союзных республик из состава СССР. Игрок может сокращать или увеличивать расходы — на строительство, охрану окружающей среды, вооружение, пенсии и т. д., может потратить часть расходов на поддержку различных групп (таких как либералы, консерваторы и др.), чтобы получить их поддержку. Но при этом может появиться опасность продовольственного кризиса с непредсказуемыми последствиями, если средств на сельское хозяйство или транспорт было выделено недостаточно.

Кандидат-реформист является умеренной стартовой позицией и заменяет Михаила Горбачева. Выбор этой позиции даст игроку нейтральное положение. Националистический кандидат является радикальной стартовой позицией и выступает за Бориса Ельцина, который возглавил оппозицию Коммунистической партии Советского Союза в 1980-х гг. и станет первым президентом России. Выбор этой позиции предоставляет игроку высокую популярность в обществе и прочные отношения с радикалами, но плохие отношения со сторонниками жесткой линии, вооруженными силами и КГБ. Кроме того, выбор националистического варианта часто приводит к

более быстрому роспуску восточного альянса и к распаду страны. По желанию игрока националисты могут сменить советского генерального секретаря на президента России в середине игры.

Разработка **The Political Process** — яркий проект в жанре симулятора, где игроку предлагается войти в мир политики и осуществить серию важных миссий. Участники создают своих персонажей, наделяют их внешними данными и внутренними характеристиками, определяют их должности, а затем выстраивают свою политическую карьеру. В программу заложено около 40 политических позиций, каждая из которых представляет тип определенной социальной идеологии. Главная особенность игры — полная свобода действий и решений, которые могут привести в том числе и к нежелательным последствиям.

Аналогичную направленность имеет проект **Europa Universalis IV** — крупная видеоигра в жанре глобальной стратегии из серии Europa Universalis, разработанная Paradox Development Studio.

Игра представляет собой интерактивную карту мира, разделённую на провинции, которые контролируются какой-либо нацией. Каждая провинция вносит свой вклад в государство — как положительный, так и отрицательный, поскольку провинции могут одновременно как предоставлять ресурсы (деньги, торговое влияние и т. п.), так и служить источником волнений и восстаний. В этой игре игроку предоставлена большая независимость, он вправе сам решать, что ему делать, на какую страну нападать и через какие земли идти к той или иной территории. Игровой процесс требует от участника-руководителя государства соблюдения баланса между армией, дипломатией и экономикой. В игре достаточно сильно развита экономическая составляющая. Ведь основная суть игры — это развитие государства, в том числе и посредством военных действий, а для их ведения необходимы экономические ресурсы. С помощью множества функций интерфейса участник может управлять экономической жизнью государства на глобальной карте и вести его к победе над остальными членами всемирного конфликта. В этой игре также не ограничивается время на принятие того или иного решения, но ответственность за каждый шаг достаточно ошутима.

Здесь приведен лишь небольшой спектр политических симуляторов, индустрия которых продолжает интенсивно развиваться в сторону соответствия новым задачам, которые ставит общество перед образованием, — способность к критическому и самостоятельному мышлению, анализу, интеллектуальной импровизации. Виртуализация политических процессов через культуру симуляторов — объективный процесс. И если принимать во внимание интенсивность развития компьютерных технологий и объем средств, которые вкладываются в цифровизацию современного образования, недалеко время, когда усовершенствованные компьютерные игры-симуляторы станут неотъемлемым компонентом образовательных программ XXI в.

Список использованной литературы

1. Athanasios Drigas, Alexandra Economou, Georgia Kokkalia. Role of Games in Special Preschool Education Articlein // International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET) ·2016. Vol. 11. Issue 12. P. 30—35.
2. De Freitas S.: Using games and simulations for supporting learning // Learning, Media and Technology. Vol. 31, 2006 - Issue 4: Digital Games and Learning . P. 343—358.

3. Whitton Nicola. Learning and Teaching with Computer Games in Higher Education // Games-Based Learning Advancements for Multi-Sensory Human Computer Interfaces: Techniques and Effective Practices, edited by Thomas Connolly, et al., IGI Global, 2009. P. 18—33.
4. Computer Games in Education Project: Findings Report. URL: <http://partners.becta.org.uk/index.php?section=rh&rid=13595>
5. URL: <https://hr-portal.ru/story/ispolzovanie-sereznyh-igr-v-obuchenii>
6. Каталог политических симуляторов. URL: <https://store.steampowered.com/tags/en/Politics/>
7. URL: <https://m.vk.com/victoria2>:
8. URL: <http://en.kremlingames.com/>

Научное издание

**Политика и культура:
пространство игры**

Корректор Т. Н. Котельникова
Компьютерная верстка А. А. Харунжевой
Оформление обложки — А. А. Харунжева

Подписано в печать 03.08.2020 г.
Формат 60x84 / 16.

Бумага офсетная
Усл. печ. л. 18,6
Тираж 500 экз.
Заказ № 36.

Изд-во «Selmeczi Bt.» (SBT), Венгрия
1093, Budapest, Közraktár ut., 28.

ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»,
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48, т. (8332) 262-390
www.raduga-press.ru
E-mail: raduga-press@list.ru

Отпечатано в полиграфическом цехе
ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»
610002, г. Киров, ул. Ленина, 83
т. (8332) 262-390